

ISSN: 2664-7362

Донецкие чтения 2022:

образование, наука,
инновации, культура
и вызовы современности

МАТЕРИАЛЫ VII Международной
научной конференции,
посвящённой 85-летию
Донецкого национального университета

Том 9

Философские
и психологические науки

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

Проводимая сегодня традиционная VII Международная научно-практическая конференция «Донецкие чтения-2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» отличается от всех предыдущих. Это первая конференция, которая проводится Донецким национальным университетом в новых исторических условиях, когда Донецкая народная Республика стала частью Российской Федерации, воссоединившись со своей исторической Родиной.

Это свершившееся историческое событие, к которому были обращены все наши помыслы и мечты, вошло в нашу жизнь стремительно и основательно. Стало поворотным историческим итогом нашей общей борьбы за восстановление исторической справедливости и консолидации русских людей.

Произошедшие события оказали свое решающее влияние на укрепление сотрудничества ДонНУ с вузами Русского мира и нашими отечественными университетами из Российской Федерации, принявшей Республику после долгой разлуки в свой состав, придали взаимодействию новый импульс, наполнили его новым содержанием, что позитивно сказалось на научном, образовательном, информационном и методическом уровне конференции. Возрос интерес к традиционно проводимым Донецким чтениям, увеличилось число участников конференции, расширилась тематика научных исследований, более углубленным стал подход исследователей к изучению актуальных проблем в различных отраслях науки. Одновременно усилилось внимание к вопросам применения теоретических знаний в практическую деятельность. Сборник трудов конференции издан в 10 томах, включающим 15 книг. Свои доклады и научные статьи на конференцию, выполненные на основании фундаментальных и прикладных исследований в области наиболее важных проблем естественно-математических, технических и социально-гуманитарных наук, были направлены ДонНУ многими известными специалистами и молодыми учеными Российской Федерации, дальнего и ближнего зарубежья.

Все эти научные исследования представляют значительный научный интерес. Они проанализированы и систематизированы, вошли в публикуемый научный сборник конференции.

Отмечу, что проведение традиционной научной конференции одновременно первой в составе России будет способствовать решению новых задач, которые стоят перед фундаментальной и прикладной наукой Российской Федерации и академическим сообществом Донецкой Народной Республики.

**С наилучшими пожеланиями, ректор Донецкого национального университета, доктор физико-математических наук, профессор
Светлана Владимировна Беспалова**

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
Русский Центр

**VII Международная
научная конференция,
посвящённая 85-летию
Донецкого национального университета**

Материалы
конференции

Том 9

**ФИЛОСОФСКИЕ И
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**Донецкие чтения
2022:
образование, наука,
инновации, культура
и вызовы
современности**

г. Донецк
27–28 октября 2022 г.

Донецк
Издательство ДонНУ
2022

ББК Ю.я431+Ю9я431
УДК 1(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (гл. ред.), В.И. Сторожев (зам. гл. ред.),
М.В. Фоменко (отв. секр.), В.А. Дубровина, В.В. Волошин,
А.В. Камарали (отв. секр. секции), Н.И. Сухоруких, Н.А. Ярошенко,
А.В. Гордеева, Э.А. Ангелина (отв. секр. секции), А.С. Бурляй

Д672 Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – Том 9: *Философские и психологические науки* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. – 407 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

В девятый том материалов VII Международной научной конференции «Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам философских и психологических наук. Рассматриваются вопросы философского осмысления социальной реальности, философии на линии фронта, развития и становления личности в жизненных ситуациях, человека в системе социальных отношений, кризисной психологии, психики и информационного поля общества, психологии в образовании.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам и докторантам, проводящим исследования в области философских и психологических наук.

ББК Ю.я431+Ю9я431
УДК 1(043.2)

© Коллектив авторов, 2022

© Донецкий национальный университет, 2022

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого национального университета (г. Донецк).

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва).

Члены программного комитета:

Аваков С.Ю., д-р экон. наук, профессор, ректор Таганрогского института управления и экономики (г. Таганрог).

Андреев Д.А., д-р ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк).

Болнокин В.Е., д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» (г. Москва).

Вартанова Е.Л., д-р филол. наук, академик РАО, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России (г. Рязань).

Евстигнеев М.П., д-р физ.-мат. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, ректор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры (г. Макеевка).

Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, профессор, академик РАО, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Кирпичников М.П., д-р биол. наук, профессор, академик РАН, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Кишкань Р.В., председатель Государственного комитета по экологической политике и природным ресурсам при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Кожухов И.Б., д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва).

Лингарт А.А., д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Лубков А.В., д-р ист. наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета (г. Москва).

Некипелов А.Д., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Нечаев В.Д., д-р полит. наук, доцент, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Осмоловский А.А., канд. биол. наук, доцент, заместитель декана по академической политике и развитию интернационализации биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Полищук В.С., д-р техн. наук, директор ГУ «Научно-исследовательский институт «Реактивэлектрон» (г. Донецк).

Половян А.В., д-р экон. наук, доцент, Министр экономического развития Донецкой Народной Республики, и.о. зав. кафедрой менеджмента Донецкого национального университета (г. Донецк).

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк).

Разумова Т.О., д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой экономики труда и персонала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Решидова И.Ю., канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Савоськин М.В., канд. хим. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк).

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта).

Сторожев В.И., д-р техн. наук, профессор, проректор Донецкого национального университета (г. Донецк).

Судаков С.Н., д-р физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., и.о. директора ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк).

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал).

Третьяков В.Т., профессор, декан Высшей школы телевидения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Туралина Н.А., д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры (г. Белгород).

Шемякина Н.В., канд. экон. наук, доцент, директор ГБУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Философское осмысление социальной реальности

УДК 101.8

КОНЦЕПЦИЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЖИВОЙ МАТЕРИИ (ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Александровская В.Н., д-р филос. наук, д-р психол. наук, проф.,

Бабенко А.И., Куликова Н.В.,

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет

им. М. Горького», г. Донецк, РФ

a_nessy@mail.ru

Введение. Одной из актуальных проблем современной науки является проблема противоречия, локализованного во всех сферах живой материи – в физическом мире, химическом, биологическом, общественном. Научно зафиксировано, что история человечества – это история противоречивой его эволюции. Несмотря на качество сменявших друг друга исторических эпох (эпоха Возрождения, эпоха Просвещения, современная информационная эпоха), неизменным их свойством остается одно – усиление их противоречивости. Противоречивость современного мира квалифицируется уже как глобальное явление. В этом своем виде противоречие предстает как глобальный кризис, охвативший все сферы человеческого существования (межэтнические и расовые, культурные и образовательные и др.), политические и международные отношения. В современную эпоху ее военно-технологический потенциал обостряет противоречие настолько, что человечество оказывается на грани ядерного самоуничтожения.

Более того, современные научные исследования живой материи подтвердили философские концепции противоречия (античная философия, И. Кант, Гегель) в физическом, химическом, биологическом, социальном мирах как их имманентное свойство. В связи с этим цель нашего исследования – представить противоречие как универсальное (от слова «универсум»), всеобщее свойство и внутренний механизм движения живой материи (в примерах и образцах). Задача работы – указать гносеологические корни и онтологическую сущность феномена противоречия в основе живой материи.

Историко-философский аспект. В истории философии считается, что впервые идея диалектического принципа единства и борьбы противоположностей была выдвинута в сочинении Гераклита «О природе». Ее основной смысл в том, что природа – это целое, но единое в своем

разнообразии. К разнообразию относились природные «силы», «стихии», осуществляющие свое «суверенное действие». В представлении античных философов единое есть то, что состоит из двух противоположностей как исходное гносеологическое начало феномена противоречия. В античной философии принцип двух противоположностей в едином целом был всеобщим для всех мыслителей с разными мировоззренческими позициями – Гераклита, Парменида, Платона, Аристотеля, Филона Александрийского, Филолая, пифагорейцев и др. Методологическая трудность в античные времена заключалась в поиске «бинарных отношений», рядоположенных «диад-раздвоений». На эту «двойственность» античные философы смотрели как на «стационарное состояние универсума» и даже вывели его формулу (модель): $U=A+B$. В этой модели U – это «универсум, единое, целое», где $A+B$ – противоположные стороны, раздвоение «единого», это «бинарные формы – оппозиции», это «структурная гармонизация системы» [3, с. 137]. Обобщая историю этого вопроса, русский философ А.Ф. Лосев отмечал, что «единое существует, однако само по себе, без разделенности, недоступно ни пониманию, ни познанию» [1, с. 53]. Впоследствии, по мере развития философских и научных знаний, эти античные идеи были развиты и закреплены Гегелем в фундаментальных законах диалектики. В современном диалектико-материалистическом мировоззрении принцип противоречия – принцип раздвоения «единого» – В.И. Ленин назвал «сутью диалектики» [1, с. 53]. Иными словами, этот принцип утверждает диалектическую противоречивость объективного мира в единстве двух противоположностей.

В современных науках (естественных и социальных) противоречивость сущности вещей – краеугольный камень научного поиска, его квинтэссенция – закон, центральный продукт познания, связь между двумя явлениями [3, с. 135]. По К. Марксу этот закон выражает в объекте (предмете, явлении живой материи) нечто наиболее общее, сохраняющееся, устойчивое (т.е. инвариантное), «внутреннюю и необходимую связь между двумя явлениями, которые по своей внешней видимости противоречат одно другому» [1, с. 53].

Принцип раздвоения «единого» и познания и в результате этого получившееся противоречие – это доминирующий принцип в современной методологии науки. К. Маркс называл это обязательное раздвоение экзистенциальным явлением, определим его понятием «различие существования» [3, с. 135].

Диалектически противоречивая сущность «единого» (универсума) не ограничилась только философией. Мыслители поняли, как «в мире господствует принцип раздвоения «единого», а это означает, что мир заполнен продуктами его действия» [3, с. 138]. Все это раздвоение «единого» навело мыслителей всех времен и видов знания на мысль о сложности мира, его внутренней противоречивости, обнаруженной во всех формах его строения. Затем было обнаружено, что эти две подсистемы «единого» дают его устойчивость, прочность связей, которая гибче

реагирует на окружающую среду, показывает лучшую живучесть в экстремальных ситуациях [3, с. 138].

Основная часть. Представим формы противоречивого функционирования всех видов живой материи.

1. В физике: «частица – античастица»; «материя – сознание»; «электрон – протон»; «материя – антиматерия»; «гравитация – антигравитация» и др.;

2. В химии: «оксиданты – антиоксиданты»; «пробиотики – антибиотики»; «катализатор – ингибитор»; «синтез – распад»; «катаболизм – анаболизм»; «щелочь – кислота» и др.;

3. В общей биологии: «биосфера – абиосфера»; «эукариоты – прокариоты»; «экзогенный – эндогенный» и др.;

4. В физиологии: «возбуждение – торможение»; «гипоксия – гипероксия»; «распад – синтез»; «гипертония – гипотония»; «болезнь – ремиссия» и др.;

5. В общественной сфере: «изгой – лидер»; «интеграция – дезинтеграция»; «производительные силы – производственные отношения»; «разрушение – созидание» и др.;

6. В идеальной сфере: «авторитарный – безвольный»; «адаптация – дезадаптация»; «инфантилизм – зрелость» и др.;

7. В медицине:

– Противоречивое регулирование гомеостаза: «свертывающая – противосвертывающая» система крови;

– Противоречивая регуляция гормонов: диуретический (продуцирующий) – антидиуретический;

– Противоречивая регуляция в иммунных реакциях: Т – хелперы (помогающие) – Т – супрессоры (подавляющие) [1, с.56].

Заключение. Изучение данного вопроса и знакомство со специальной литературой позволяет нам сделать ряд выводов. Во-первых, противоречие – фундаментальное свойство живой материи, составляющее сущность и содержание всех форм ее движения. Во-вторых, противоречие – это механизм возникновения, развития и эволюции всех сфер живой материи. В-третьих, актуальность данной проблематики не вызывает сомнения и требует своего дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Александровская В.Н., Куликова Н.В. Противоречие как диалектическая модель междисциплинарного исследования. Интериал: Научный журнал. – № 1 (14). – Луганск, 2022. – С. 52–57.
2. Оруджев З.М. Формально-логическое и диалектическое противоречия. Различие структур. В кн.: Диалектическое противоречие. – М.: Политиздат, 1979. – С. 78–95.
3. Сороко Э.М. Инварианты в структуре знания и узловая линия мер. В кн.: Философско-методологические проблемы взаимодействия наук / Редкол.: Е.М. Бабосов и др. / Э.М. Сороко. – Мн.: Наука и техника, 1985. – С. 134 – 162.

ФИЛОСОФСКИЙ ПАРОХОД: ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Алов А.А., канд. филос. наук,

Привалова И.Ю., канд. филос. наук

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет

«Московский институт электронной техники», г. Москва, РФ

privalova912@rambler.ru

Впервые словосочетание «Философский пароход» появилось немногим более 30 лет назад на страницах «Литературной газеты». За краткий временной период этот феномен стал объектом исследования почти всех общественных наук – философии, истории, культурологии, юридических дисциплин и т.д. При этом содержание этого термина интерпретируется неоднозначно. Вначале многие исследователи понимали под ним высылку из Петрограда осенью 1922 года двумя пароходами десяти оппозиционно настроенных по отношению к Советской власти философов. Позднее стало ясно, что таких пароходов было не два, а по крайней мере пять, а ряд мыслителей выехали из Советской России поездами. Кроме философов, депортации были подвергнуты вузовские преподаватели, врачи, инженеры, учёные, студенты и т.д. Позднее «философский пароход» стали нередко интерпретировать как преследование и депортацию оппозиционных интеллектуалов за весь период существования Советской власти, включая высылку Солженицына, Сахарова, Бродского и др. Мы полагаем, что было бы неверным описывать подобную политику Советов по отношению к инакомыслящим как уникальное, свойственное только советской 70-летней истории явление. Мировая история показывает, что практически всегда, независимо от способа производства или типа общества, государственная власть, как правило, подозрительно или враждебно относилась к тем, кто высказывает взгляды, противоречащие официальной идеологии или господствующему общественному мнению (достаточно вспомнить вердикты, вынесенные судом присяжных софистам и Сократу в Афинах, преследование Галилея, Т. Мора, Ф. Бэкона, Т. Кампанеллы в средневековой Европе).

Противоречия между государством и критично мыслящими философами, как правило, обостряется в переломные кризисные годы развития общества, когда прежние ценности и идеалы перестают выполнять роль духовных скреп, а будущее видится тёмным и неопределённым. Именно в такие периоды философы-просветители (вслед за М. Монтенем просвещение мы понимаем, как способность и мужество жить своим умом) пытаются с высоты птичьего полёта (по выражению Гегеля, «сова Минервы

вылетает в сумерки») разглядеть неясные большинству обывателей контуры грядущего. Но в таком случае они вступают в противоречие с консервативно мыслящим большинством общества и государственной властью, выражающей и защищающей интересы и взгляды этой массы в соответствии со своей охранительной функцией.

Исходя из такой широкой интерпретации, можно сказать, что первым в XX веке философским пароходом был так называемый «русский ковчег» в США: зимой 1919 года американское правительство пароходом «Будфорд» насильственно депортировало из страны 249 человек, придерживавшихся левых взглядов и подозреваемых в симпатиях к большевизму и Октябрьской революции. При этом их вывезли не в каютах первого класса за государственный счёт, как россиян, а в антисанитарных условиях доставили в Финляндию (дипломатических отношений между странами ещё не было), откуда они, рискуя жизнью, в лютый мороз самостоятельно по замёрзшей реке переправились в Россию.

подавляющее число историков полагают, что среди высланных из Петрограда двумя пароходами пассажиров было 10 крупных имён: С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, И.А. Ильин, Ф.А. Степун, И.И. Лапшин. Кроме того, к этой великолепной восьмёрке блистательных имён причисляют Питирима Сорокина и кн. С.Е. Трубецкого, что, по нашему мнению, неправильно. Во-первых, П. Сорокин был не столько философом, сколько экономистом и выдающимся социологом, а также политиком, пытавшимся реанимировать разогнанное большевиками Учредительное собрание в 1918 году. Во-вторых, внимательное изучение жизненного и творческого пути кн. С.Е. Трубецкого, не окончившего курс обучения на историко-филологическом факультете университета, позволяет характеризовать его как политика, общественного и земского активиста, пытавшегося воплотить в жизнь идеалы ближайших родственников. Отца кн. Евгения Николаевича Трубецкого, виднейшего специалиста по философии и энциклопедии права и этике, «мирнообновленца», издателя и постоянного автора «Московского еженедельника», а также его брата (дяди Сергея) – Сергея Николаевича, крупного знатока истории античной философии, первого в XX веке выборного ректора Московского университета. Однако принадлежность семье выдающихся мыслителей ещё не даёт права причислять С.Е. Трубецкого к вышеупомянутой «великолепной восьмёрке» пассажиров философского парохода.

Среди опальных пассажиров двух философских пароходов были представители самых разных политических направлений: славянофилы и западники, евразийцы и почвенники, консерваторы и либералы, народники и эсеры, мирнообновленцы и радикалы, – все они по-своему мечтали о процветающей, великой и богатой России, хоть и выбирали разные пути достижения этой цели.

Формально провозглашая себя сторонниками диалектики, в действительности, выслав лучших представителей прежней интеллигенции, советские чиновники тем самым нарушили один из основных её законов – закон отрицания отрицания, согласно которому невозможно создать качественно новую более прогрессивную систему, отбрасывая всё лучшее, накопленное на предыдущих «витках» развития. В противном случае движение из спиралевидного поступательного превращается в перманентное циклическое, в котором всё приходится начинать с нуля. С изгнанием и политическим преследованием всех немарксистских мыслителей духовная жизнь страны упростилась и обескровилась, т.к. правом на существование стал обладать только тот ортодоксальный марксизм, который сложился ещё в середине XIX века. Превратившись в официальную идеологию и перестав, поэтому быть теорией, официальная философия утратила как этиологическую (объяснительную) функцию, но также и функцию прогностическую. В упадок пришла социологическая наука, которая отождествлялась с истматом. В результате Советские на десятилетия отстали от стран Запада в разработке и использовании методики и техники конкретных социологических исследований. В итоге, как это с горечью признавал Ю.А. Андропов незадолго до развала Советского Союза, мы плохо знали то общество, в котором живём. Напротив, высланный в 1922 г. П.Сорокин стал в США одним из «отцов» современной социологии. Удар был нанесён ряду фундаментальных дисциплин, заклеимённых как «буржуазные и чуждые»: генетике, кибернетике, ряду разделов современной физики. Юристы занимались в основном решением проблем конституционного и уголовного права, практически не касаясь вопросов регуляции экономики. Более того, т.н. теория прямых и косвенных доказательств вины, по сути, оправдывала многочисленные незаконные репрессии против советских граждан.

В конечном итоге «философский пароход» положил начало «утечки мозгов» из страны.

Список литературы

1. Главацкий М.Е. "Философский пароход": год 1922-й: Историографические этюды / М.Е. Главацкий. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 224 с.
2. Макаров В.Г. Историко-философский анализ внутриполитической борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России. – Москва: Русский путь, 2010. – 368 с.
3. Дмитриева Н.А. "Летучий голландец" российской интеллигенции: Очерки истории "философского парохода" // Скепсис. Научно-просветительский журнал. – Москва, 2005. – № 3-4. – С. 79-102.

ПРАВСТВЕННЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Армен А.С., канд. филос. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, РФ
armenanastasiya@gmail.com

Современная капиталистическая цивилизация характеризуется обилием противоречивых явлений в экономической, политической культурной сферах, проявившихся в результате кризиса, к которому пришли сами производительные силы. Это кризисное состояние современной цивилизации находит своеобразное отражение в социально-гуманитарном дискурсе, пространство которого оказывается, заполнено, преимущественно, релятивистскими, по своему характеру, этическими, эстетическими, политологическими и философскими концепциями.

Неудивительно, что в релятивистском пространстве такого социально-гуманитарного дискурса практически полностью утрачивается само понятие истины как фундаментальной категории, отражающей объективное положение вещей в мире. Истина становится целиком зависимой от тех исторических условий, в которых протекает процесс познания, и, соответственно, вполне правомерной только внутри этих социальных рамок и исторических границ. Иными словами, она может носить только локально-исторический характер: в зависимости от типа культуры, социального среза и временного промежутка. Последнее, в свою очередь, способствует распространению релятивизма как направления философской мысли и способа восприятия и осознания социальной реальности [1]. Субъективизм возводится в ранг ключевых принципов философствования. Яркий пример утраты всех основ и взаимосвязей – постмодернистские манифесты «смерти субъекта» и «смерти автора» – прямое следствие ницшеанской «смерти Бога». «Смерть автора» – полная и безоговорочная утрата единства [2, с. 385].

Современная интеллектуальная повестка дня отрицает примат догмы как таковой (политической, религиозной, ценностной, мировоззренческой). Так, философский концепт постмодернизма недвусмысленно призывает человечество оторгнуть ценности классической эпохи, говоря об иллюзорности реальности, конструктивности окружающего мира и отсутствии догмы (религиозной, политической, мировоззренческой). Отсюда принципиальное отвержение всяких правил, которые складывались веками: отрицание высшего авторитета, вертикали власти, идеологический вакуум, по выражению З. Баумана, – «плавление твердынь» [3, с. 115].

В течение своей многовековой истории человеческое общество усложнялось, совершенствуя свою структуру, вырабатывая принципы и нормы для обеспечения порядка и воспроизводства. Почему же сегодня мы становимся свидетелями развенчания всех табу и крушения культурных догм, которые тысячелетиями вырабатывало человечество?

Мировоззренческий и этический релятивизм, отрицающий абсолютный характер морали не является порождением новейшей истории, уходя корнями еще в Античность, к взглядам древнегреческих софистов, особенно Протагора, который провозглашал, что «человек есть мера всех вещей», то есть, то, что не существует объективной истины, а есть разнообразные личные истины [4, с. 83]. Мыслитель утверждал, что существующие социально-нравственные законы могут трактоваться философами субъективно и по-разному. Современный этический релятивизм, порожденный постмодернистским отрицанием классики и сформированных им традиций, в том числе, моральных установок вкупе с возведенной в абсолют идеей индивидуализма и субъективизма оправдывает сиюминутность моральных приоритетов или же полную аморализацию, в том числе, сферы *гендерных взаимоотношений*.

Для современного этического релятивизма характерен такой градус размывания нравственных ориентиров, когда различие между добром и злом, допустимым и недопустимым становятся более чем относительными, а понятия долга и долженствования вообще покидают этическую социальную платформу. Таким образом, господство релятивистской морали привело к размыванию нравственных ориентиров, отрицанию понятий добра, зла, нормы и патологии. Мораль стала носить субъективный характер, она сводится к личному выбору, зависящему от ситуации и времени. Западная идеологизация прав человека актуализирует эту категорию настолько, что там, где в противоречие входят нравственность и права человека, последние одерживают верх, оттесняя нравственность. Безусловно, понятие «нравственность» весьма многолико и каждая культура вкладывает в него некий определённый смысл, но вместе с тем, для всех, без исключения культур характерен свод универсалий, которые являются общими для культур и даже выступают объединяющим фактором для различных культурных систем.

Тотальная реализация принципа плюрализма, и, как следствие, возведение в абсолют неограниченного выбора спровоцировали истинный кризис человеческой экзистенции. Идеологи широко распространённого в странах «коллективного Запада» *гендерного мейнстриминга* оправдывают любую распущенность, сексуальные перверсии, ссылаясь на категорию «права личности» и приоритет личностного комфорта. По сути, идёт целенаправленное разрушение половой идентичности человека под лозунгом соблюдения прав человека. О чём бы ни шла речь, но если человеку комфортно, то почему бы и нет? Однако права имеют вторичный

характер в силу того, что любое право изначально призвано быть производным нравственных ценностей. Продукт же нравственности – это, прежде всего чувство ответственности. Требование права неразрывно связано с желанием свободы. Но ничем не ограниченная свобода, как и любая иная крайность, вредна и опасна, потому что неизбежно притупляет, сводит на нет чувство ответственности, стирает границы между приемлемым и недопустимым. Почти не сохранилось тормозов, сдерживающих эти желания.

Как уже было сказано, любое отклонение от нормы может принять характер нормы, подменить её, занять освобожденное место, вслед за чем происходит укоренение псевдоценностей. Словенский философ и культуролог С. Жижек в своей работе «О насилии» так описывает сложившуюся тенденцию конструирования идентичностей: «Главное различие, «трансцендентальное» различие, которое лежит в основе самой человеческой идентичности, таким образом, превращается в нечто открытое для манипуляций: вместо этого утверждается фундаментальная пластичность человека» [5, с. 13].

Таким образом, насильственное навязывание болезненных фантазий людям с явными отклонениями психики и неопределенной сексуальной ориентацией в качестве неких «прогрессивных» идей, ценностей, свободы стало не просто тенденцией на Западе, а повсеместной реальностью. Можно предположить, что планомерное разрушение идентичности мужчины и женщины проводится в целях совершения антропологической революции. Это приводит к серьезным онтологическим и социальным последствиям. Изменению базовых основ бытия и динамики развития общечеловеческой культуры, к утрате института морали как такового, к развалу вековых институтов, обуславливающих социальную статику и интеграцию общества, к разжиганию конфликтов на основе гендерных трансформаций и возникших в связи с ними противоречий, деградации человечества как рода, вплоть до физиологической деградации.

Список литературы

1. Релятивизм как болезнь современной философии / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Канон+, 2015. – 392 с.
2. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт / Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Бауман, З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева / З. Бауман. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
4. Антисери, Д., Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье (1-2) / Д. Антисери, Дж. Реале; в пер. и под ред. С.А. Мальцевой. – СПб.: Пневма, 2003. – 688 с.
5. Жижек, С. О насилии / С. Жижек. – М.: Европа, 2010. – 184 с.

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Виндилович Е. А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
philos.conf@donnu.ru

Введение. Вопросу уровня правопонимания человека, вступающего в брак, как активного социального субъекта, часто уделяется пристальное внимание со стороны общества, науки и государства. Как сказал К. Маркс: «Никто не принуждается к заключению брака, но всякий должен быть принужден подчиняться закону брака, раз он вступил в брак». Стоит отметить, что во все времена, начиная с появления института брака и до настоящего времени, юридическая грамотность населения и, соответственно, правовое сознание совершенно разное.

Сегодня общество, находясь в динамически изменчивой социальной реальности, заинтересовано в стабильной, благополучной и крепкой семье, которая дает обществу полноценное потомство, способное восполнять демографический кризис.

Для нормального формирования и развития собственной семьи человек должен быть ответственным, психологически зрелым и юридически грамотным, чтобы серьезно относиться к семье. Ведь семья является качественным показателем общества в целом, показывая его интересы, потребности и указывая на критические моменты, необходимые для урегулирования и регламентации.

Основная часть. На понимание сущности правовых последствий при заключении брака влияют:

- семья и ее структура (полная/не полная);
- материальная обеспеченность (уровень достатка);
- окружение (друзья, компании по общим интересам);
- воспитательный потенциал (благополучная/ не благополучная);
- ориентированная направленность (деятельность /общение/ самоудовлетворение);
- взаимоотношения внутри семьи (гармоничная/ компромиссная/ конфликтная);
- социально-правовая устойчивость (социально-устойчивая/ асоциальная/ криминогенная);
- уровень образования ее членов;
- политическая ситуация в стране;
- приоритеты и политика, которые устанавливаются государством на конкретном этапе развития общества;

– осознание социальной сущности семьи, т.е. того, что, будучи по сути своей общественным явлением, она сполна подчиняется законам общественной жизни и государства [1].

При заключении брака большинство людей не знает и не задумывается о своих правах и свободах, не знает, как себя вести в той или иной ситуации, в каких законах прописаны их права и обязанности, какие последствия несет их статус при заключении и подписании различных документов и договоров. Ведь роль семьи как социального института среди других институтов общества – это уникальность, профиль и сопровождающие действия [2].

Юридическая грамотность в нашей стране находится на невысоком уровне. Невозможным является применение своих прав потому, что человек понятия не имеет об их существовании. Именно поэтому вопросы о повышении юридической грамотности среди школьников, студентов и населения республики актуальны как никогда.

Основной акцент повышения правовой грамотности населения стоит сделать уже с времен школьной скамьи. Ведь в процессе общения, при воспоминаниях о школе многие говорят о том, что множество предметов во взрослой жизни им так и негодились. К примеру, ребенок, который заканчивает 11 классов и имеет гуманитарную направленность, изучает тригонометрические функции в алгебре, большинство физических и химических процессов, заканчивая школу, понятия не имеет об алгоритме действий в случае, если его квартиру затопили соседи, о своих правах и обязанностях при общении с сотрудниками правоохранительных органов, о последствиях, правах и обязанностях вступления в брак – именно то, с чем человек обязательно сталкивается в процессе своей жизнедеятельности.

Если говорить об образовательном процессе в Республике, то необходимо, начиная с начальных классов, в игровой форме вводить предметы или беседы, которые будут направлены на повышение юридической грамотности гражданина. Начиная от покупки, правил возврата некачественного товара и заканчивая правами и обязанностями из всех отраслей права.

Большинство могут сказать о том, что много информации сейчас можно черпать из Интернет-ресурсов – чатов, форумов. Но не всегда то, что написано в интернете, является подлинным и достоверным, не потерпевшим изменения по прошествии времени. Не говоря о том, что воспринимать информацию самостоятельно и читать законы могут не все, так же ее легче усваивать в форме общения и, возможно, дискуссий на эту тему.

Правосознание и правопонимание должно закладываться с раннего возраста, а не во взрослой жизни [3].

Отдельной темой в данном контексте является заключение брака с гражданами других стран. Ведь особенность правового регулирования

международных семейных отношений имеет ряд особенностей, где к примеру, основным источником коллизийного регулирования является международный договор. Сегодня интернациональных браков становится все больше, но от последствий расторжения таких браков никто не застрахован и тем более юридически не подкован [4].

Стоит отметить, что в советское время вокруг одного из положений марксизма — «Бытие определяет сознание» — шли постоянные дискуссии. Сегодня оно становится актуальным как никогда. Ведь правосознание — это отношение людей к праву, действующему законодательству и юридической практике [5].

Методами ликвидации юридической безграмотности могут быть:

1. Введение специального предмета по правовому просвещению с младших классов.
2. Проведение внеурочных занятий.
3. Проведение лекций, бесед со специалистами по определенной тематике.
4. Рекомендации специальной литературы и источников.

Заключение. На сегодня феномен современной семьи является очень актуальным, так как становится проблемой глобального масштаба. В современном обществе доминирующей формой санкционирования брака остается право. Более многомерной является семья как один из самых важных элементов социальной структуры общества и как объект исследования, который больше отвечает специфике социально-философского анализа и обращает на себя внимание исследователей разных социальных и гуманитарных наук, таких как социальная философия, экономика, юриспруденция, политология, демография, статистика, психология, социология.

Несмотря на то, что характер связи между семьей и обществом может меняться в ходе истории, правосознание должно закладываться со школьной скамьи.

Список литературы

1. Антонов А.И. Социология семьи: учеб. для вузов/ А.И. Антонов, В.М. Медков. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – 233 с.
2. Гурко Т.А. Актуальные проблемы семей России / Т.А. Гурко // Институт социологии РАН. – Москва, 2006. – Т. 1. – С. 13-22.
3. Ткачева В.А. Семья как социально-духовный институт общества // Материалы Шмеждународ. научно-практ. конференции «Умение и нововведение-2007», София, 16-31 октября, 2007 г. – София, 2007. – Т. 6. – С. 60-63.
4. Дорно И.В. Современный брак: проблемы и гармония / И.В. Дорно // Педагогика. – Москва, 2011. – С. 27-31.
5. Мотриенко Ю.И. Трансформация понятия семьи в ходе общественной эволюции/ Ю.И. Мотриенко // Политика и общество. – Москва, 2011. – С. 22-26.

ОБЪЕКТНОСТЬ, ОБЪЕКТИВНОЕ ЗНАНИЕ, ПРИНЦИП ОБЪЕКТИВНОСТИ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ УТОЧНЕНИЯ

Волошин В.В., д-р филос. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

v.voloshin@donnu.ru

Понятие «объект» и производные от него – ключевые концепты эпистемологии, важные смысловые элементы научной картины мира. Эти понятия отличаются полисемией и требуют содержательных уточнений. Принцип объективности – методологический регулятив, претендующий на роль гносеологического эталона-нормы. Данный принцип характеризуется следующими требованиями:

- 1) элиминация (полная или частичная) субъективных аспектов познавательного процесса;
- 2) следование исследовательским конвенциональным стандартам;
- 3) возможность независимой проверки со стороны научного сообщества;
- 4) эпистемологическая общезначимость;
- 5) объекты должны отражаться в теории такими, какими они есть, независимо от социальных контекстов и оценок со стороны представителей научного сообщества.

Объективными считаются те утверждения, содержание которых не зависит от специфики познавательной ситуации и предпочтений ученого. В естествознании элиминировать такие предпочтения не сложно: явления природы – ценностно нейтральны, в отношении законов мироздания или физических констант наличие предпочтений является нонсенсом. Другое дело – социально-гуманитарные науки. Объективный анализ культурной жизни и социальных феноменов – недостижимый идеал.

Фиксируем два формата объективности – как адекватности «внешнему» и отстраненности от «внутреннего». Назовем их онтологической и эпистемологической объективностями. Естествознание максимально приблизилось к их плодотворному синтезу. В социально-гуманитарных науках объективность – это скорее уважение к истине на фоне плюрализма различных культурно-исторических традиций и познавательных парадигм, носители которых всегда в чем-то заблуждаются. Объективность не может быть «чистой», она субъективно обусловлена. Степень этой зависимости варьируется в зависимости от системы гносеологических координат.

Объективное знание – это знание предельно отвлеченное от его носителя, знание почти анонимное. В идеале такое знание можно обсуждать,

понимать и применять независимо от того, в каком пространственно-временном и/или контекстуальном сегменте оно находится (находилось).

Объективность, хотя и является исторически изменчивой суммой убеждений, обновляемых практикой, имеет устойчивое этическое содержание. Есть все основания считать объективность эпистемологической добродетелью, регулирующей жизнь научного сообщества.

Сложность отношений объектности и объективности научного знания исчерпывающе объясняет Э. Агацци [1]. У него объективность шире по содержанию одноименного методологического принципа и есть фундаментальная научная *объектность-объективность*.

В основе концепции Агацци лежит положение о синтезе эмпирического (операционального) и теоретического уровней познания. Синтез предполагает эпистемологическую гармонию лингвистических и внеязыковых сущностей. Объективное есть то, что относится к объекту (классу объектов) как таковому. Область объективности меньше, чем область реальности. Любой сегмент реальности доступен для объективации, т. е. способен стать научным объектом, формируемым учеными. Наука – строгое, относительно полное знание, представленное в форме организованной совокупности высказываний (пропозиций). Но научную теорию нельзя свести только к набору пропозиций. Теория создает концептуальное пространство понимания, ее задача – дать адекватное и разумное объяснение некоторого фрагмента мира.

Цель науки – приблизиться с помощью надежных средств и процедур к истине, т. е. к объективному знанию. Наука не просто устанавливает истину. Апеллируя к реальности, она рационально обосновывает и адаптирует ее. Истина есть отношение между реальностью и познающим субъектом; истинность – свойство правильных высказываний о положении дел в мире, удостоверяемых опытным путем.

Агацци критикует феноменологический подход (следуя ему, мы познаем только явления) и репрезентационализм (эпистемологический дуализм), согласно которому знание о реальности не может быть достигнуто непосредственно, но только пройдя сквозь мембрану субъективных представлений и идей. Итальянский философ признает релятивность знания в плане отнесенности такового к объектам, но не к социально обусловленным познавательным установкам. Реальность не конструируется, а познается с помощью специального инструментария. Способность объяснять реальность Агацци именуется «герменевтическим измерением» науки. Он сторонник автономии науки, которая является социально ангажированной, но не социально детерминированной.

Основной тезис, отстаиваемый Агацци, состоит в том, что каждая наука рассматривает реальность с некоторой специфической точки зрения, в формате заданного универсума рассуждений. Адекватность универсума обусловлена операциональными критериями референциальности,

позволяющими обеспечить эмпирическую проверку того, о чем в теории говорится о мире. Операции осуществляются субъектом, который находится в определенном смысловом ареале, имеющем исторически обусловленную форму (гештальт). Основа гештальтов преимущественно метафизическая. Референты (реальные положения дел) имеют место независимо от человека. Наука постигает не всю реальность, а только ее порции, образуемые некой совокупностью референтов.

Объект науки не является обычной «вещью». Он есть то, что мыслится с некоторых позиций. Научные объекты «вырезаются» из «вещей» операциональными предикатами, определяемыми на основе операциональных процедур. Объект содержит те аспекты «вещи», которые можно охарактеризовать базовыми атрибутами (предикатами) определенной науки. Например, базовыми предикатами механики являются масса (измеряется весами), длина (измеряется линейкой), длительность (измеряется хронометром) и т. д. Все предикаты объекта связаны математическими и/или логическими отношениями, которые являются результатом интеллектуальной деятельности. Если операции определяют онтологический статус объекта, то логические и математические конструкции определяют его гносеологическую структуру. Научные объекты являются, по сути, абстрактными, поскольку они определяются как множества отобранных атрибутов, организованных в интеллектуально спланированную систему. Но абстракции – производные конкретных референтов, достижимых с помощью операций. Научные объекты, с одной стороны, есть теоретические конструкции (ноэмы), кодирующие некоторое количество атрибутов. С другой – референты, экземплифицирующие созданный абстрактный объект. Референты принадлежат внеязыковой, внementsальной реальности. Нечто становится объектом, когда оно выступает референтом некоторой науки. Гипотезы, модели, теории – сложные абстрактные объекты, шифрующие определенные свойства и ориентированные на соотнесение с конкретным миром.

Итак, научный объект есть то, что должно существовать и может быть познано. Он есть структурированное множество абстракций, кодирующих свойства и отношения некоторой подобласти реальности, существующей независимо от нас. Объективными являются только те черты реальности, которые общезначимы и инвариантны для разных субъектов. Эти черты определяются через требования воспроизводимости и проверяемости. Объективное знание – результат познавательной деятельности. Обращение к принципу объективности предшествует такой деятельности, организуя и направляя ее. Другими словами, методологический принцип и результат его работы не эквивалентны. Как не тождественны объектность и объективность знания. Если объект теории (например, в квантовой физике) не имеет очевидного референта, это не означает, что теория не способна быть объективной и давать достоверное знание.

Список литературы

1. Агацци Э. Научная объективность и ее контексты / Эвандро Агацци; пер. с англ. Лахути Д. Г.; под редакцией и с предисловием Лекторского В. А. – М. : Прогресс-Традиция, 2017. – 688 с. – ISBN 978-5-89826-481-9.

УДК 304.9

МИРАЖ «ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ»

Гальченко Г.И., канд. филос. наук

ОНО «Центр социально-философских исследований», г. Харьков, Украина
galchenko144@gmail.com

События, происходящие в мире, заставляют пересматривать ценности и смысложизненные ориентиры, которые предлагала на протяжении нескольких сотен лет европейская цивилизация. Не потому, что эти ценности и смыслы плохи, а потому, что они стали бессодержательными и фальшивыми, служат средством манипуляции и обмана, порабощения и угнетения целых народов, принявших эти ценности и смыслы за истинные, не усмотрев подмену и соблазнившись пустой красивой формой с выхолощенным содержанием. Западная цивилизация, которая так долго являлась образцом и вершиной достижений человеческого разума, подошла к тупику. Ярчайшие проявления интеллектуальных возможностей, огромные технические и технологические прорывы создали мир изобилия вещей и при этом породили убогий идеал человека – существо потребляющее. Мерой свободы и счастья такого человека стала возможность потреблять [1].

Все проблемы, которые обнажились за последние десятилетия, – это следствие торжества идеала, поставившего человека в своем нравственном развитии в печальное положение – положение существа, находящего «духовное» удовлетворение в приобретении материальных вещей и виртуальных ощущений.

Потребительская идеология – это плод философского и культурного упадка западной цивилизации. Мы, в свое время, проиграли этой примитивной колбасно-джинсовой идеологии. Мы согласились, что при нашем уровне материальной жизни, при отсутствии свободы «делать, что хочешь и ни на кого не оглядываться», наверное, с идеалами нашими и ценностями что-то не так.

В конце 80-х мы решительно отвергли наши представления о коммунистическом обществе как об идеале развития и устремились со всей своей искренней верой к новому идеалу – идеалу демократического

гражданского общества, к тем «великим» ценностям, которые оно провозглашало: свобода, демократия, равенство, верховенство права, уважение прав человека, плюрализм, стремление к взаимопониманию и внутренняя свобода. Под этими ценностями мог подписаться каждый.

Но проблема девальвации всех этих замечательных понятий заключается в том, что они стали работать не на освобождение человека от произвола государственных институтов, ограничивающих его права, а именно на узаконивание прав и свобод того «идеала», который предложила миру рассудочно-потребительская цивилизация. Но поскольку эти ценности действительно нужны людям, то слова, говорящие об этих ценностях, стали той приманкой, той ядовитой конфеткой в красивом фантике, устремление к которой якобы символизирует прогрессивное мышление освободившихся от предрассудков народных масс.

Уже более ста лет на западе нет тех европейских ценностей, корни которых уходят к Платону и Аристотелю. Картина мира с её незыблемой верой в прогресс и всемогущество разума, нарисованная великими представителями Нового времени от Леонардо да Винчи до Гегеля, к началу двадцатого века существенно потускнела. Категория разума утратила свое всеобъемлющее значение и уступила место интерпретативному мышлению, отрицающему иерархию ценностей, призванных вести человека через совершенствование к истинному благу. «Истинное благо», как и «совершенствование человека», исчезли из философского дискурса как лишённые содержания: «истинного блага нет и не может быть, так как наличность его обусловлена человеческим совершенством, а последнее есть логическая нелепость».

Логическую обоснованность в интерпретативном мышлении нашли новые ценности – свобода без осознания необходимости самоограничения, игра со смыслами без стремления к познанию, отрицание всех норм и традиций, отказ от любых авторитетов, относительность добра и зла, обесценивание жизни и отсутствие возможности её философского осмысления.

Принятие этих ценностей в качестве достойных способствовало становлению «демократического гражданского общества» в «самостийной и незалежной Украине», которое открыло в начале 2000-х огромные возможности для опытных евро-атлантических демократов укрепить все еще шатающуюся Украину в «правильном выборе».

В 2014 году «торжество демократических ценностей», к которому заокеанские «друзья» так долго подталкивали прогрессивно-майданную часть украинского общества, совершилось.

Слово «свобода» стало с тех пор главным мемом – «в демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить тому, кто свободен по своей природе». Но по всем законам «философского жанра» именно эта подмена

свободы как внутреннего достоинства человека, обретаемого в борьбе с низшими проявлениями собственной природы, на пустую словесную форму, определяемую разного рода бунтами, восстаниями и майданами, предопределила все дальнейшие беды украинского народа и украинского государства. Самым страшным (в плане последствий) пороком такого демократического общества является возможность обретения государственной власти «дурными виночерпиями, мужеложниками, самоопьяняемыми, корыстолюбцами, лжецами и лицедеями, словом, людьми, порочными по натуре» [2], которым ничего не стоит при их таланте лицедейском вводить в заблуждение толпу и склонять к нужному для лицедея выбору.

Алтарь, воздвигнутый западной цивилизацией богу вседозволенности и самоугождения, прикрытый ветошью из «демократических ценностей», обнажился и вскрыл проблему дегенерации личностей, олицетворяющих государственную власть. Печальная эта очевидность заставляет философию отбросить навязанные ей постмодернистские подходы к пониманию человека и вновь, с учетом обретенного опыта, вернуться к оживлению и обновлению классических идей о нравственной мере человека, о возможностях эволюции и опасностях деградации человеческого сознания.

Список литературы

1. Ласло, Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен) / Э. Ласло. – [Предисл. Артура Ч. Кларка]. – Москва: Тайдекс Ко, 2004. – 208с. – ISBN 5-94702-006-8.
2. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.3. / Платон. – Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф.Лосева.– Москва: Мысль, 1994. – 654 с. –ISBN 5-244-00385-2. –ISBN 5-244-00577-4.

УДК 172.2

НЕОФАШИЗМ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Глушко Е.С., канд. экон. наук

Автомобильно-дорожный институт ГОУ ВПО «Донецкий национальный
технический университет», г. Горловка (ДНР), РФ
ketkop@mail.ru

Введение. Конец 70-х годов XX века характеризовался активизацией деятельности крайне правых партий и организаций в странах Западной Европы, что хронологически совпадало со структурными кризисами, охватившими капиталистическое хозяйство, стремительным и безудержным ростом безработицы, галопирующей инфляцией.

Многогранный кризис обостряет социальную напряженность, ведет к накалу классовых отношений. В подобной обстановке монополии прибегают к помощи наиболее консервативных сил, в том числе экстремистских групп и группировок. Фашизм наших дней заявляет о себе почти в 60 странах [1], в его стратегии и тактике проявляются новые элементы, выражающиеся в попытках усилить позиции консервативных партий за счет электората крайне правых, использовать их политическую трибуну для внедрения неофашистской идеологии в массовое сознание и, в конечном, счете сдвинуть политическую ось.

Проблемами распространения неофашизма занимаются многие ученые, но особенно хотелось бы отметить следующих: А. Лавастин, В. Бармин, Л. Гринфельд. Они ярко подчеркивают влияние неофашистских взглядов на общественные массы, отмечают резкое обострение настроений среди радикально настроенных групп. Однако, мало уделяют внимания методам и способам внедрения неофашизма в сознание человека.

Целью работы является анализ критического рассмотрения неофашистских методов манипулирования массовым сознанием, идеологического инструмента, с помощью которого неофашизм воздействует на психологию и политическое поведение различных слоев общества.

Основная часть. Выявляя преемственность и отличия идеологии и методов «старого» и нового фашизма, необходимо обратить внимание прежде всего на социальную базу современного фашизма. Результаты социологических исследований, а также данные, опубликованные в официальных документах неофашистских организаций, подтверждают, что большую часть активных сторонников крайне правых составляют представители среднего класса общества. В то же время большой удельный вес в их социальной базе занимает молодежь. Особенно тревожным является тот факт, что наблюдается рост различных молодежных неофашистских организаций и группировок [2]. Достаточно вспомнить события 2014 года, происходящие на Украине. Именно экстремистски настроенная молодёжь ринулась вершить государственный переворот.

Влияние неофашистской пропаганды тем более опасно, что она распространяется в масштабе, превосходящем непосредственную поддержку населением неофашистских организаций. Идеологическая машина современного фашизма в постоянно нарастающем темпе стремится, пользуясь покровительством и благосклонностью властей, внедрить свои пропагандистские клише и стереотипы в сознание отдельного человека, представить фашизм в виде социально-правомерного исторического явления. Объективная предпосылка существования неофашистских движений заключается в том, что их деятельность даже в условиях демократического строя политически выгодна правящим кругам, причем отнюдь не фашистского толка [3].

Современные фашисты и те политические силы, которые стоят за их спиной, осуществляют тактику, рассчитанную на длительное время. Суть ее – в концентрации основных усилий на сознание идейной и психологической атмосферы, благоприятствующей укреплению крайне правых сил, в том числе искаженной трактовки истории и практики «канонического» фашизма.

Начиная с 2004 года неофашизм нашел свое поле деятельности на Украине. Именно в начале XXI века на Украине начинаются структурные кризисы, повлиявшие на все сферы общественно-экономической и политической жизни общества. Это приводит к появлению людей, выбитых из привычной жизненной колеи, потерявших прежний социальный статус. Они слабо интегрированы в современные условия производства, в свое новое бытие либо наемного рабочего, занятого в сфере обслуживания, либо наемного чиновника. Для них внутренний конфликт, потеря прежних ориентиров и кризис системы ценностей усугубляются нарастающим ускорением темпа жизни, необходимостью приспособливаться к быстроменяющейся среде, нарушением привычного, размеренного уклада жизни, распадом традиционных социальных связей. Человек оказывается в состоянии постоянного стрессового напряжения.

Умело обыгрывая действительно имеющие место распространение явлений коррупции, взяточничества, бюрократизма, кризис демократии, неофашисты преподносят обывателю в качестве альтернативы идею такого государства, которое якобы может восстановить «справедливость» и «порядок», избавит от кризисов и инфляции, приведет к «социальному миру», поднявшись выше классовых интересов во имя интересов народа, нации, будучи ни капиталистическим, ни социалистическим, а националистическим. И лозунги, и догмы неофашистской идеологии воспринимаются как новые именно потому, что изменяющаяся жизнь, которая все более характеризуется неуверенностью в будущем, побуждает людей искать в них программу действий, новую систему ценностей.

Анализируя события, происходящие на Украине уже в 2014 году можно отметить, что неофашистски настроенным было население, проживавшее в западной части страны. А все потому, что эта территория занята в сельскохозяйственном производстве и по мнению неофашистов им легче всего навязать свою пропаганду, пробираться к ним в сознание. Однако, если сельские жители будут выступать как единое целое с рабочими, то неофашизм в массы внедрить будет невозможно. Именно поэтому жителей западной Украины несколько лет настраивали против восточной Украины. Сельскохозяйственным работникам внушали, что они являются пищевым базисом государства, что они выступают основой стабильности нации, которая определяется жизненным уровнем населения. При этом всячески унижали достоинство Донбасса, называя этот регион сырьевым придатком, дотационным балластом Украины. В итоге конфликт приобрёл острую фазу. От слов неофашизм, выросший на западной Украине под

зорким взглядом Европы и США, перешел к насильственному уничтожению людей, не являющихся сторонниками их идеалов.

Неофашисты используют простые и конкретные примеры, в значительной мере упрощённые выражения, короткие и бьющие на эффект лозунги, модели и клише. Они исходят из того, что массы якобы воспринимают лишь «сильные слова», дополненные пафосом и театральностью. Вот почему неофашистская демагогия дает возможность манипулировать сознанием людей. Все эти усилия не проходят бесследно. Война Украины с Донецкой и Луганской Народными Республиками длится уже 8 лет.

Заключение. Итак, анализ фашистской идеологии и методов пропаганды показывает, что внедрению идеологии неофашизма в массовое сознание содействуют определенные факторы: ухудшение условий жизни так называемого среднего класса, обесценивание моральных ценностей, усиление отчуждения личности, ощущение ею разобщенности и одиночества, утрата привычных социальных связей, индивидуалистические устремления, аполитичность, чувство страха, дезориентации, незащитности в обстановке надвигающихся социальных катаклизмов, враждебное отношение маргинальных слоев общества к рабочему классу.

Список литературы

1. Лавастин, А. Забытый фашизм / А. Лавастин. – Москва: Прогресс-Традиция, 2007. – 528 с.
2. Бармин, В. А. Фашизм в Западной Европе: Англия, Франция, Норвегия, Бельгия (1918–1945 гг.) / В. А. Бармин. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2020. – 106 с.
3. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности / Л. Гринфельд; перевод Т. И. Грингольц, М. Р. Вирозуб. – Москва, Саратов: ПЕР СЭ, Ай Пи Эр Медиа, 2019. – 528 с.

УДК 001.2:81-21+930.85

КОСМОЦЕНТРИЧНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА КАК ВЕДУЩАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЕГО СОХРАНЕНИЯ

Горюнова Т.Н.

ГОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
ms.simle@mail.ru

Язык есть орудие разума, средство познания мира и средство хранения информации о мире. Орудие, которым наш разум сам строит себя, сам себя развивает. Язык является неотъемлемой частью

человеческого существования, именно поэтому вопрос о его происхождении, развитии и роли в жизни человека и общества, истории и культуры, никогда не утратит своей актуальности. Рассматривая проблему происхождения естественного человеческого языка, следует обратиться к широко известному процессу, наступившему в скоро времени после его возникновения – смешению.

В своей работе «Наследие Чингисхана» Н.С. Трубецкой отзывается об этом процессе следующим образом: «Многообразие национальных культур и языков есть следствие закона дробления. Действие этого закона яснее всего выступает в области языка. Каждый язык распадается на наречия, наречия – на говоры, говоры – на подговоры и т. д. ... Таким образом, язык есть непрерывная цепь говоров, постепенно и незаметно переходящих один в другой» [2, с. 186].

Исходя из вышеизложенного, мы можем утверждать, что смешение языков произошло в результате смены мировоззренческой парадигмы, при этом реального сдвига концептуальной системы не произошло, что привело к непосредственному семантическому развитию и даже изменению, а также к существенной морфемной разнице.

Праязык вынужден был разделиться под воздействием субъективного влияния на его интерпретацию. Как только человек стал неотъемлемой частью концептуальной системы и стал оказывать непосредственное влияние на содержательную часть концептосферы, начался процесс фрагментации и дифференциации единого человеческого языка. Примером может послужить семантическое наполнение концепта «ненавидеть» в русском языке, видоизменяющееся из одноимённого старославянского концепта, в последствии полностью изменившее свою смысловую нагрузку. Изначально под понятием «ненавидеть» подразумевалось «любить меньше» (меньше, чем кого-то). К примеру, Евангелие от Луки – «если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестёр, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк 14:26) – повествует нам о том, что Господь хотел, чтоб мы Его любили больше, чем даже земных отца и мать, а не то, чтоб мы не любили их вовсе. Современная интерпретация концепта «ненавидеть» наполняет его совершенно иной смысловой нагрузкой, делая тем самым глагол «ненавидеть» противоположным по смыслу глаголу «любить».

В философии человека неоднократно называют микрокосмом, сравнивая его внутреннее устройство с устройством всеобъемлющего Космоса и Вселенной. Основываясь на этом сравнении, можно предложить и следующее сравнение, логически вытекающее из предыдущего. Развитие естественного человеческого языка с жизненным циклом звезды как небесного тела.

Известно, что звезда в процессе своего формирования и развития проходит несколько так называемых «жизненных этапов»:

- появление молекулярного облака (звёздная колыбель);
- формирование протозвезды и протопланетного диска;
- планетарная туманность;
- красный гигант / красный сверхгигант;
- сброс внешних слоёв / взрыв сверхновой;
- белый карлик / образование чёрной дыры [1, с. 34].

Трудно представить, но с языком происходит то же самое. Единый протоязык, существовавший в колыбели человечества, разделился под воздействием его субъективного влияния, а именно – разницы в интерпретации. Этот процесс хорошо описан в Библии. История о создании Вавилонской башни есть ни что иное, как подробное изложение процесса смешения человеческого языка и его последующего разделения. Когда в процессе разности в интерпретации и определении концептов люди стали по-разному изъясняться, они не смогли однозначно вербализовать речь друг друга, и, как следствие, перестали друг друга понимать.

Далее мы переходим к следующей фазе – протопланетный диск. Тут всё просто. Процесс дифференциации языка был запущен. И мы имеем дело с тем, что человечество назовёт на последующих страницах своей истории «глоттогоническим процессом». Языки делились на другие языки, формируя языковые семьи и союзы, речь начала делиться на говоры и диалекты и т.п.

Но этот процесс тоже не вечен. И в конце концов переходит в нечто иное. А именно, в появление международных языков. Эти более авторитетные объекты стали формироваться под воздействием распространения своего влияния на более пространственные территории, формируя в чужих культурах задатки своей собственной картины мира. Так появляются языковые заимствования. Так предаются забвению менее популярные и распространённые языки. Так появляется глобализация.

Глобализация – это наш красный гигант или сверхгигант (зависит от того, какие масштабы она приобретёт). Поскольку мы сейчас находимся в самом начале данного процесса, трудно наверняка прогнозировать результаты. Как и её космический «собрат», она обещает не самые благоприятные последствия.

Из школьного курса физики и астрономии мы помним, что красный гигант образуется в результате поглощения близлежащих к звезде планет.

Абсорбируя в себя несколько традиционных языков, приобретая международные масштабы, замещая другие, менее распространённые языки, «языковой гигант» становится международным языком, отправляя традиционные языки народов в неизвестность. Забывая свой родной традиционный язык, нация лишает себя самоидентичности, истории и

традиций, не говоря уже о многовековом опыте своего народа, который зачастую передавался в литературно-исторических памятниках, написанных на языке меньшинства, который новым поколениям данной нации уже не удастся прочесть и интерпретировать с правильной смысловой нагрузкой, а значит сохранить его в первоизданном виде и продолжить трансфер в другие поколения.

Уже сегодня мы имеем дело с огромным количеством мёртвых или находящихся под угрозой исчезновения языков. Для того, чтобы убедиться в правоте данного суждения, достаточно открыть «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», ранее именуемый Красной книгой исчезающих языков.

Что ждёт язык после стадии «красного гиганта» языковой глобализации? То же, что и космическую звезду – стадия исчезновения или стадия полного забвения, зависимости от так называемых «плодов технологического прогресса»?

Человек, будучи существом разумным, старается облегчить процессы своей жизни и деятельности различными технологическими изобретениями для того, чтобы идти дальше в процессе своего развития. Однако в погоне за технологическим прогрессом он создал вакуум иллюзорной реальности, не замечая, что продолжает развивать лишь технику. Человек перестал развивать свои собственные возможности. Сегодняшняя наука говорит так много о развитии робототехники, нанотехнологий и пр., и так мало о развитии процессов мыслительной деятельности, так мало о развитии человека.

Проблема происхождения естественного человеческого языка, находящаяся на стыке целого ряда наук, сегодня является не просто актуальной, но необходимой. Решение данного вопроса станет первым шагом к сохранению гармоничной системы традиционных языков, что являет собой единственно верное решение в процессе сохранения естественного языка как исторического опыта человечества.

Список литературы

1. Железняк Г.В. Самое интересное о космосе: Иллюстрированное энциклопедическое издание. – Харьков: Торнадо, 2007. – 97 с.
2. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана: взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока: [сборник] / Н. С. Трубецкой. – М. ЭКСМО, 2012. – 333 с.

ПРОБЛЕМА ГУМАНИЗМА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Девятова С.В., д-р. филос. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова», г. Москва, РФ
welt1936@yandex.ru

Социальная реальность – феномен чрезвычайно многомерный и в то же время взаимосвязанный и целостный. Составляющие его параметры в ходе исторического процесса могут менять и зачастую меняют свое значение. Современное развитое общество часто называют информационным обществом и обществом потребления. Очевидно, это неслучайно. Более того, на формирование личности существенное воздействие оказывают как присущая информационному обществу система информации и коммуникаций, так и ориентиры, ценности, вырабатываемые обществом потребления. При этом крайне важно, что информационная система находится под воздействием доминирующих в социуме жизненных ориентиров, ценностных приоритетов, которые, в свою очередь, оказывают на нее существенное воздействие.

Кажется бесспорным, что человек сам определяет круг своего общения, свои профессиональные интересы, свои жизненные ценности и цели. Тем более, что, благодаря достижениям науки, техники, технологии, люди сегодня обладают беспрецедентной свободой в получении информации, в общении, в передвижении и т.д.

Однако является ли каждая личность столь же свободной в формировании культуры социума, частью которого она является?

Очевидно, что на мышление и поступки человека воздействуют его осознанные или неосознанные ментальные установки. Столь же очевидно, что на эти установки существенное влияние оказывают ценности и ориентиры, доминирующие в данной культуре. Так было всегда. Однако, следует иметь в виду, что ставшие сегодня общедоступными информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) позволили в невиданных прежде масштабах пропагандировать жизненные стандарты и ориентиры массовой культуры, формируемой обществом потребления.

Являются ли органичными для такого общества те духовные ценности, которые традиционно связаны с понятием «гуманизм»? Будет ли человечество культивировать в себе стремление к сочувствию и состраданию, готовность пренебречь собственными интересами ради блага общества и окружающего мира, способность понимать прекрасное во всех сферах бытия?

Сегодня мы видим, что все более прочно в сознании людей современного общества утверждается приоритет комфорта, а основным оценочным критерием деятельности (интеллектуальной, творческой и т.д.) становится выгода.

Конечно, проблема «иметь или быть» возникла не сегодня и, в той или иной форме, обсуждается уже много столетий. Но именно в наши дни она обретает глобальное значение, ибо от расстановки приоритетов зависит то, что в будущем будет вкладываться в понятие «человек». То есть перспективы бытия человека как существа не просто мыслящего, но подлинно разумного и гуманного находятся в прямой зависимости от выбираемых им сегодня ценностных ориентиров.

Как известно, базисом общества всегда являлась экономика. Но именно за последнее столетие бизнес получил и активно реализовывает беспрецедентные возможности влияния буквально на все сферы жизни общества – политику, науку, спорт, искусство, моду. При этом целью бизнеса является «делать деньги», т.е. получение прибыли, что не предполагает проявлений гуманизма – ни дружбы, ни сострадания. Бизнес способствует и лоббированию того уровня культуры, который приносит доход. И огромную помощь этом ему оказывают информационно-коммуникационные технологии, развитие которых опять-таки связано с бизнесом.

Живущий в современном развитом социуме, человек практически не может не быть вовлеченным с сферу ИКТ. Более того, его статус во многом определяется уровнем овладения этими технологиями. Сегодня уже обозначены основные опасности, которые сопряжены с тотальным погружением в эту сферу и для личности, и для общества [1]. Это и проблемы, связанные со смешением действительной и виртуальной реальностей, и торможение развития ряда интеллектуальных способностей, и падение статуса традиционной семьи и многое другое. Активно пропагандируется и реализуется стремление к публичной самодемонстрации, практически не регламентируемое моральными нормами.

Человек впадает в зависимость от социальных сетей – он стремится стать там популярным, боится стать там объектом травли [2]. Попавший в сетевой майнстрим, такой человек легко становится объектом внушения и манипуляции, и с готовностью принимает ценности потребительского общества, пропагандируемые посредством ИКТ. При этом он сохраняет иллюзию своей самостоятельности. Конечно, развитие общества и культуры предполагает естественную эволюцию моральных норм и ценностей. Но в данном случае мы сталкиваемся с агрессивным, почти насильственным вытеснением традиционных ценностей новыми, грозящими не совершенствованием, а деградацией личности и общества.

Вполне оправданным является предложение называть члена современного развитого социума «e-homo», ибо из Личности он

превращается в «пользователя», а его миром в значительной степени становятся социальные сети [3]. Более того, человек начинает терять право на звание «homo», т.к. качества, сопряженные с производным от него понятием «гуманный» («человечный») становятся все менее популярными, уступая место ориентации на утилитаризм и гедонизм [4]. В сфере нравственных ценностей большое распространение получают эмотивистские установки, практически отрицающие универсальность этических нормативов.

Понятно, что настоящее и будущее как личности, так и социума зависит от того, какими законами и нормами будут руководствоваться люди. В целом направление развития, по сути, всех форм культуры определяется социальным заказом, государством, обществом. И пока обозначившийся в последнее столетие дисбаланс в темпах и глубине развития науки, техники и технологии, с одной стороны, и гуманистических интенций личности и общества лишь усугубляется. Вместе с тем, понимание значимости обсуждаемой проблематики несомненно растет, что выражается, в частности, в специальных психологических и социальных исследованиях, в появлении таких направлений, как компьютерная и информационная этика, биоэтика. Сегодня уже очевидно, что общество нуждается в выработке новой культурной парадигмы, которая не только прокламировала бы гуманистические ценности и ориентиры, но и способствовала бы развитию у людей стремления к их реализации.

Список литературы

1. Стукаленко, Е.А. Риски цифровизации жизни населения и пути их снижения / Е.А.Стукаленко // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, №4, ч. 1. – С. 180-203. – DOI: 10.17212/2075-0862-13.4.1-180-203.
2. Бытие, познание и человек в цифровую эпоху: моногр. / С.В. Косилова, В.В. Миронов, З.А. Сокулер,[и др.]. – Москва: Издатель Воробьев А. В., 2019. – 184 с. – ISBN 978-5-93583-386-9.
3. Нариньяни А. С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего / А.С.Нариньяни // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 3-17. ISSN: 0042-8744.
4. Парцвания В. Р., Хупения Н. Р. Трансформация ценностей на пути к постиндустриальному обществу / В.Р.Парцвания, Н.Р.Хупения // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 4. – С. 273-283. – DOI: 10.15643/libartrus-2018.4.3.

«ВСЕЕДИНСТВО» В ФИЛОСОФИИ С.Л. ФРАНКА И В.С. СОЛОВЬЕВА

Дикой А.Ю.

ГОУ ВО «Луганский государственный аграрный университет», г. Луганск, РФ
aju88w@gmail.com

Введение. Семён Людвигович Франк (1889–1950) в русской философской традиции выступает как прямой продолжатель идей «всеединства» Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900). С.Л. Франк в течение полувека развивал идею всеединства в своей философии, оставаясь верным ей даже в наиболее поздних трудах. Философа, в первую очередь, интересует природа самого знания и отношение между познающим субъектом и познаваемым объектом. Для описания этого отношения философ использует категорию – «интуиция всеединства», которая является одной из ключевых в теории знания С.Л. Франка.

С.Л. Франк создал под влиянием идей Владимира Соловьева свой вариант философии всеединства. При этом, подходы двух великих русских философов отличаются и требуют анализа с выделением специфических особенностей и категорий их философских систем.

Основная часть. Идея всеединства является исходной и центральной во всей философии В.С. Соловьева. Всеединство – единство и целостность всего сущего. Принцип всеединства – «все существует во всем». Необходимость этого принципа можно объяснить тем, что все отдельные предметы и явления не существуют изолировано друг от друга, каждый из них есть совокупность определенных сторон и связей, в конечном счете укорененная во «всеединстве». С точки зрения В.С. Соловьева, мир не застыл в своем движении, он динамичен, постоянно развивается, так как несет в себе активное внутреннее начало – мировую душу (София). Эта душа представляет собой творящую энергию, которая несет в себе идею единства всего сущего, – всеединства.

Всеединство, в свою очередь, познается лишь «цельным знанием». Цельное знание или «свободная теософия» представляет собой гносеологический идеал концепции всеединства В.С. Соловьева. По своей структуре цельное знание можно представить в виде синтеза теологии, философии и опытной науки. Оно образуется как синтез необходимых условий или элементов. Центром каждого элемента цельного знания является Абсолют (Сущее всеединство).

Исследователь русской философии Серебряного века П.П. Гайденко отмечает: «Соловьев не устраняет границы между Абсолютом как Сущим и миром множественности как бытием; Франк же стремится эту границу

уничтожить, утверждая единственную – и в самом деле немало посястороннюю – реальность нашего мира» [1, с. 132-133].

Франк, по сути, перерабатывает соловьевскую концепцию всеединства, чтобы устранить из нее скрытые противоречия. Франк делает объектом мистического опыта не запредельную для разума реальность, но реальность нашего мира, реальность самого бытия. Онтологизация познания является ключевой особенностью философии Франка.

Весомым отличием учения о всеединстве В.С. Соловьева от концепции интуиции всеединства С.Л. Франка является то, что В.С. Соловьев не до конца преодолел противопоставление земного бытия и божественного бытия. Хотя бытие существует в Сущем, благодаря Сущему и в единстве с Ним, акт единения с Сущим осуществляется, по мнению В.С. Соловьева, независимо от акта восприятия бытия. Философ принципиально различает эти два акта и полагает, что первый из них был источником и основой второго [3, с. 836].

У С.Л. Франка реальность познается посредством интуиции всеединства или «живого знания», в котором сознание соединяется с бытием. У Франка, единство субъекта и объекта познания является досознательным, онтологически бытийным, и само это досознательное единство является первичным, непосредственным «живым» знанием субъекта про объект, точнее – знанием бытия о самом себе, живым переживанием. Живое знание является универсальной формой интуиции и знания.

Франк различает две формы интуиции – «созерцательную интуицию» и «интуицию-жизнь». Эти две формы интуиции близки в своей основе. Философ говорит, что в своей основе, это «одна и та же интуиция». Но это «одна и та же интуиция» лишь в своей основе, а не в полноте своего содержания, потому что в первом случае эта полнота остается неисчерпанной, поскольку содержание интуиции как источника отвлеченного знания – вневременное, или идеальное – «чистое знание»; во втором же случае речь идет об обладании бытием во всей его временной и сверхвременной конкретности, т.е. о «единстве знания и жизни».

По Франку, знание интуитивное, или «живое знание». Оно же, являясь интуицией в высшей форме, одновременно является вершиной наших знаний о мире.

Николай Бердяев считал непреодолимой проблемой метафизики всеединства наличие зла в мире. Зло в его понимании есть трещина во всеединстве. Но Франк вводит методологический принцип антиномистического монодуализма, который примиряет извечные противоположности и противоречия. Противостоящие друг другу начала взаимообусловлены, одно – невозможно без другого; и только в их трансрациональном единстве открывается их истинное существо. Независимо от того, о каких логических противоположностях или

противоречиях идет речь: единство и множество, вечность и время, добро и зло, – они находят свое примирение в антиномистическом монодуализме всего сущего [4, с. 315]. Франк признает зло и несовершенство проблемой, но при этом частью этого мира. Чтобы преодолеть их, необходимо изменить онтологические основания этого мира, а это уже задача сверхчеловеческая.

Мироощущение Соловьева можно назвать мистическим символизмом, приемлющем мир относительно, в меру его принадлежности к «высшей» мистической реальности. При этом мистический реализм Франка приемлет мир и бытие во всей их полноте, но не ограничивается данным, а пытается рассмотреть в каждом элементе бытия связь с Абсолютом, посредством живого знания.

Заключение. Таким образом, в своей философской системе С.Л. Франк, опираясь на идеи своего предшественника В.С. Соловьева, строит свою концепцию интуиции Всеединства, которая самобытна и оригинальна. Данную концепцию можно назвать мистическим реализмом, но таким, который приемлет весь мир и все в мире, бытие во всей целостности, и не ограничивается только лишь принятием данного, а требует углубления в предмет в поисках Абсолюта в трансцендентно-имманентном акте живого знания. Как отмечал впоследствии В.В. Зеньковский, Франк «довел до предельной четкости учение о человеке в пределах системы Всеединства, и в этом его громадная заслуга» [2, с. 437].

Плодотворные идеи всеединства В.С. Соловьева и С.Л. Франка отличаются оригинальностью, фундаментальностью и глубиной, имеют взаимодополняющее и взаимообогащающее значение, дают целостное философское представление о природе бытия, обогащают русскую философскую мысль, и могут служить благоприятной почвой для решения метафизических, онтологических, и социально-философских проблем осмысления социальной реальности.

Список литературы

1. Гайденок, П.П. Метафизика конкретного всеединства, или Абсолютный реализм С.Л. Франка // Вопросы философии. 1999. № 5. С.114–150.
2. Зеньковский, В.В. Учение С.Л. Франка о человеке // Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. – 479 с.
3. Соловьёв, В. С. Критика отвлечённых начал // Философское начало цельного знания. Мн.: Харвест, 1999. – 912 с.
4. Франк, С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – С.183-559.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ГЛАЗАМИ АБИТУРИЕНТА: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Емельянова М.Н., канд. пед. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»,
г. Екатеринбург, РФ
mremelyanova@yandex.ru

На сегодняшний день престиж высшего образования возрос: увеличивается количество вузов и расширяется спектр специальностей, некоторые родители готовы обучать ребенка на коммерческой основе, лишь бы он имел высшее образование. Выбор будущей профессии и соответствующей специальности для кого-то не представляет никаких трудностей, но для большей части подростков этот процесс переполнен сомнениями, волнениями, взвешиванием позитивных и негативных сторон будущей профессии, оценкой своих желаний и способностей, а также возможностей родителей.

Большинство выпускников школы мечтают получить высшее образование. Фантазии о предстоящей учебе в университете достигают своего пика в период сдачи документов и экзаменов в тот или иной вуз. И когда в день зачисления абитуриент видит свою фамилию в списках, прошедших на бюджетное место, то эмоции счастья переполняют теперь уже студентов настолько, что им кажется, жить стоило уже только ради того, чтобы испытать момент такого успеха.

Нас заинтересовало, насколько ожидания студентов сходятся с реальностью обучения в вузе. Исследование было проведено среди студентов третьего курса Института педагогики и психологии детства. Студентам предложили вспомнить, с какими представлениями о студенческой жизни и вообще об учебе в УрГПУ они пришли на первый курс Института педагогики и психологии детства.

Анализируя ожидания по поводу предстоящей студенческой жизни, мы выделили пять категорий студентов, отличающихся по сути представлений. Приведем самые распространенные и интересные высказывания.

«Делу – время, потехе – час» (38%):

– надеялась, что с первого курса мы будем изучать предметы, касающиеся непосредственно дошкольной педагогики и психологии, что будет больше практики в детских садах;

– ожидала, что все педагоги будут очень интересные и будет увлекательно учиться и узнавать то, что я раньше не знала;

– ожидала, что наконец-то буду изучать только те предметы, которые необходимы мне для будущей профессиональной деятельности, а не «все обо всем», как в школе;

– надеялась, что не ошиблась в выборе будущей профессии и учиться будет легко и интересно.

«Студент – это звучит гордо» (18%):

– мечтала пожить студенческой жизнью, приобрести статус студента университета: посидеть среди множества студентов на лекциях в больших аудиториях, сдать первую сессию, получить стипендию, хорошо учиться и в конечном итоге получить образование;

– большинство моих одноклассников собирались поступать в ВУЗы и я просто не могла оказаться «за бортом», чем я хуже их;

– я приехала из провинции и очень хотелось стать студенткой, чтобы я и мои родители гордо могли говорить всем, что я учусь в университете.

«От сессии до сессии живут студенты весело» (18%):

– ожидала, что помимо интересного процесса обучения, мы будем еще и весело проводить время: ходить на дискотеки, посещать различные внутривузовские и межвузовские мероприятия, КВН, конкурсы, спектакли; думала, что будет большой красивый актовый зал, где все это будет проходить;

– думала, что будет сплоченный коллектив студентов;

– думала, что мы поедем в колхоз собирать урожай и познакомимся со студентами других факультетов.

«Страшно, непонятно, но очень хочется» (16%):

– все казалось непривычным, необычным по сравнению со школой, даже было немного страшно менять привычный школьный образ жизни и учебный коллектив;

– думала, что педагоги будут менее внимательны к студентам;

– не совсем представляла себе учебу в университете, казалось, что будет очень сложно, что не смогу сдать сессию, но, с другой стороны, очень хотелось.

«В жизни часто так случается...» (10%):

– поступила случайно, поэтому особых фантазий по поводу предстоящего обучения не было;

– поступала «за компанию» с одноклассницами и, к своему удивлению, поступила;

– поступала в три вуза, а прошла по конкурсу только в УрГПУ, пришлось остаться;

– мы привыкли, что ребенок сначала идет в садик, потом в школу и следующей непременно ступенькой должен стать университет;

– больше фантазировала о своей будущей профессии, чем об учебе в УрГПУ.

Далее мы попросили студентов высказаться по поводу того, чем они были удивлены или с чем они столкнулись, обучаясь в УрГПУ, и чего они никак не могли предвидеть заранее. Высказывания студентов мы

разделили на позитивные и негативные, характеризующие реальную студенческую жизнь.

Негативные моменты реальной студенческой жизни:

– не ожидала, что книги в библиотеке получают по особой системе, но я не понимаю, почему нельзя сдать или получить книгу «не в свой день», если в данный момент времени нет очереди;

– не ожидала, что булочки будут продавать в коридорах вуза, а в столовой будут гнутые ложки, огромные очереди и такой маленький перерыв;

– никак не могла предположить, что студенческие общежития совсем не такие, как в фильмах: вечная проблема с горячей водой, душем, отоплением, а тишина только глубокой ночью, какая тут может быть серьезная учеба;

– не у всех преподавателей интересно учиться, а приходится сидеть ради предстоящего экзамена;

– не думала, что будет журнал, в котором староста будет отмечать пропуски: все, как в школе, а говорили, что в вузе полная свобода;

– очень трудно было сидеть одну пару 1,5 часа и только слушать и писать, т.к. в школе совсем по-другому;

– абсолютно была не готова к расставанию со школьными друзьями, очень скучаю по ним, мы почти не встречаемся, а новые подруги мне не так близки, все прекрасно понимают, что это временная дружба, после окончания университета все разъедутся кто куда;

– никак не ожидала, что расписание на следующий день может поменяться во второй половине дня, ты с трудом приедешь к первой паре, а ее «сняли».

Позитивные моменты реальной студенческой жизни:

– не ожидала, что студенческая жизнь будет настолько интересной: «День первокурсника» (даже на межвузовском уровне), КВН, «Недели науки», Мисс УрГПУ, студенческие конференции, спортивные мероприятия, а за последнее время и само здание УрГПУ преобразилось, стало красивее, уютнее;

– не думала, что в УрГПУ есть собственный музей, несколько огромных библиотек, большой читальный зал,

– не знала, что в УрГПУ есть такой замечательный профилакторий, я бы осталась там жить до окончания учебы;

– думала, что если не сдал экзамен, то сразу отчисляют, поэтому очень боялась первой сессии, а, оказывается, есть «хвостовка», которую можно взять в деканате и договориться с преподавателем о передаче экзамена, теперь мне уже не так страшно;

– думала, что мы будем предоставлены сами себе, но это не так: педагоги оказались отнюдь не равнодушными людьми, с ними можно все обсудить, обратиться за советом, а с куратором нам просто повезло;

– не думала, что педагоги вуза настолько отличаются от школьных учителей, многие преподаватели для меня являются просто гениальными людьми, для меня загадка, как у них устроены мозги, на любой вопрос всегда найдется исчерпывающий ответ; некоторых так интересно слушать, что не хочется заканчивать пару, я завидую тем людям, которые общаются с такими людьми каждый день;

– думала, что стройотряды занимаются ерундой, но когда мы с подругой услышали, как и что поют эти студенты, то наше мнение поменялось и сейчас я вообще не представляю, как бы шло мое личностное развитие без моих друзей, которых я нашла не в группе, а именно в стройотряде;

– много студентов приехали учиться из маленьких городов, и я никак не могла предположить, что за три года учебы мы обойдем все театры, музеи, выставки г.Екатеринбурга. Спасибо нашим кураторам, если бы они нас не организовали, мы бы еще долго собирались!

Подведем итоги. Если сравнить ожидания абитуриентов и реальность студенческой жизни, то получается, что молодым людям важен сам статус студента и внешняя привлекательность студенческой жизни; они сосредоточены только на положительных моментах и не думают о бытовых трудностях; ждут не только получения знаний, касающихся будущей профессиональной деятельности, но и новых друзей и веселого времяпрепровождения с ними. Представления о вузе поверхностны, так как перечислено множество положительных моментов студенческой жизни, которые к третьему курсу кажутся привычными, однако, придя в вуз и будучи первокурсниками, молодые люди о них либо не догадывались вообще, либо имели искаженное представление. Представления о сущности будущей профессии зачастую идеализированы, поэтому после педагогической практики резко понижается стремление пойти работать в систему образования и, как следствие, снижается мотивация учебной деятельности.

Таким образом, обращаясь к проблеме преемственности обучения в школе и в вузе, считаем целесообразным уже в школе посредством специальных предметов, экскурсий в вузы и различные производственные учреждения, встреч с преподавателями вузов и людьми различных профессий расширять представления старших школьников о системе высшего образования. Это будет способствовать более быстрой и менее психологически затратной адаптации первокурсников к условиям вузовского обучения, а также вовремя рассеются юношеские идиллии относительно различных профессий и выбор специальности будет более осознанным.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЗЛА НА МИРОВОЙ ОКРУЖНОСТИ

Емельянова Н.Н., д-р филос. наук, проф.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

n.iemelianova@donnu.ru

Задача преодоления зла на окружности мира была поставлена в XIX веке великим русским мыслителем В.С. Соловьевым. Разумеется, нельзя утверждать, что он был первооткрывателем в таком глобальном философском деле, как борьба с мировым злом. Этическая проблематика, стержнем которой является противостояние добра злу, красной нитью проходит через историю восточной, западноевропейской и отечественной философии. Если в древние времена нравственное самосознание концентрировалось на поиске «истинного» человека, а в Средние века – на познании сокровенного божественного учения, то в Новое время проблема добра и зла обрела иное звучание. Это было связано с мощным развитием научного знания, определившим цивилизационные перспективы человечества.

Так, Т. Гоббс, считавший зло естественным результатом «войны всех против всех», связывал его с эгоцентризмом субъекта, живущего во враждебном мире. Б. Спиноза, для которого главным правилом жизни было рационалистическое *понимание*, предпочитал видеть в добре и зле некие модусы мышления, возникающие при сравнении различных вещей и означающие ту или иную степень полезности для индивида. Б. Паскаль, избравший путь бесконечного искания истины о самом себе, обращал внимание на трудности обращения к добру и на многоликость зла, дающегося людям без труда. Г. Лейбниц понимал зло как следствие работы человеческого разума, склонного к ошибочным рассуждениям; отсюда – несовершенство нашего существования с присущими ему формами зла: метафизическим, физическим и моральным.

Указанные формы зла были скрупулезно проанализированы И. Кантом. Философ обращался к понятию метафизического зла как обусловленного несовершенством вещей, физического зла – как несчастливых событий, происходящих с разумными существами, морального зла – как порочных поступков людей. Уникальная этика И. Канта, построенная на постулатах категорического императива, апеллировала к нравственному сознанию субъекта, обладающего разумом. По мнению философа, закон разума определяет волю человека: то, что считается добрым или злым, означает отношение к этой воле. Любопытно, что В. Виндельбанд охарактеризовал немецкого мыслителя как сторонника этического пессимизма, сказавшегося в учении о коренном зле [1, с. 143].

Как видим, И. Кант ужесточил императивный статус выбора и ответственности индивидуума.

Именно эти понятия – выбор, ответственность, свободная воля – становятся основополагающими в экзистенциализме и философии жизни. В частности, для С. Кьеркегора выбор между абсолютной противоположностью добра и зла является результатом волевого акта, в котором «единичный» создает самого себя. У Ф. Ницше процесс самосозидания связан с переоценкой самих нравственных понятий. Философ объявляет войну худосочным идеалам с целью положить конец их тирании в мире, представляющем собой отнюдь не зло и не грязь. По убеждению Ф. Ницше, философы должны стоять по ту сторону добра и зла: как добро может стать симптомом регресса, так соединение всего того, что традиционно считается злом, может породить истину. «Маленькие» люди, невежественные, завистливые и мстительные, исповедующие низкие и пошлые принципы, включают в категорию зла такие понятия, как могущество, опасность, сила. Но то, что представляется злом натуре мелкой и подавленной, может стать добром для сильной души, способной на бесконечное самопревосхождение: «И ни от кого не требую я так красоты, как от тебя, сильный, твоя доброта да будет твоим последним преодолением самого себя. На всякое зло считаю я тебя способным: поэтому я и требую от тебя добра» [2, с. 104]. С того, кто велик силой власти, и спрашивается по самой высокой мерке.

В отличие от экзистенциальной философии, позитивизм, отбросивший метафизическую проблематику, сосредоточился на поисках «точного» знания. Из этических категорий рассмотрению подлежали понятия доподлинно известного или полезного, что способствовало утверждению утилитаристского мироотношения. В итоге проблема преодоления зла, как и моральная составляющая в целом, была выведена за пределы научной достоверности.

Далее в постмодернизме, причудливо смешавшем рациональное с иррациональным, онтологические и этические понятия были объявлены исчезающими сигналами из развалин прошлого. Категория зла перестала быть экзистенциалом, характеризующим анонимное существование индивида в обезличенном мире. Субъектность добра и зла исключали востребованность той тоски по мировой гармонии, что была свойственна русским мыслителям и особенно остро проявилась в философии всеединства.

Раздумывая о предопределенности жертвенной борьбы с мировым злом, В. Соловьев указывал на трудности преодоления зла в собирательном целом человечества, обреченного на собственное испытание. Философ с горечью констатировал онтологическую бездомность человека, который, будучи бесконечно малой точкой на мировой окружности, тем не менее, утверждает себя центром бытия.

В. Соловьева тревожило утверждение эгоизма, ослабление религиозного чувства в душе современника, не осознающего условности и проблематичности своего существования: «Останавливаться на умственном и нравственном разладе и безначалии, господствующих в настоящее время не только в обществе, но в голове и сердце каждого отдельного человека, было бы излишне, – это дело слишком известное для каждого, кто когда-нибудь всматривался в себя и вокруг себя» [3, с. 8]. Западная цивилизация, стремясь найти замену отвергнутым богам, опирается на исключительную волю субъекта; но, чтобы осуществить правду, необходимо пожертвовать самоутверждением и подчинить себя безусловному нравственному началу.

Продолжая мысль В. Соловьева о сопричастности русской культуры задаче возрождения вечных ценностей, отечественные философы не отрывали историческое развитие России от мировой цивилизации. Так, С. Франк воспринимал духовный кризис российского общества как один из поворотных пунктов пути, по которому идет все человечество, а Н. Бердяев видел смысл истории в освобождении от зла: «Зло коренится не в бытии, а в небытии, оно возникло в сфере небытия и, заняв призрачное, фиктивное место в бытии, должно быть окончательно оттеснено в сферу небытия...» [4, с. 134]. Иерархическое противостояние единичного целому и личности человечеству означало для Н. Бердяева и его единомышленников не отрицание Абсолюта, а единение с ним на основе свободы, открывающей в бытии неисчерпаемость возможностей. Борясь за возрождение традиций просвещенного человечества, русские философы Серебряного века видели в человеке центральную точку пересечения всех онтологических проблем. Их экзистенциальное мировидение, не замыкавшееся в узконациональных границах, становилось важнейшей частью мировой культуры.

В наше время проблема преодоления зла в общечеловеческом масштабе актуализируется необходимостью перехода от однополярного мира к такому порядку баланса сил, который сможет организовать действенное сопротивление любым попыткам подменить добро и нравственность разрушительными антиценностями западной цивилизации.

Список литературы

1. Виндельбанд В. От Канта до Ницше / Пер. с нем. под ред. А.И. Введенского. – М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 496 с.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. – Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 302 с.
3. Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве / В. Соловьев; [вступит. ст. А.А. Тесли]. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – 382 с. – (Вехи). – ISBN 978-5-386-10677-5
4. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. / АН СССР. Ин-т Философии. Филос. об-во СССР; Сост. Л.В. Поляков. – М.: Правда, 1989. – 608 с.

ФИЛОСОФСКИЙ «ПРЕДЕЛ» ПОЛИТИЧЕСКОГО: СОБЫТИЕ И ТЕКСТ ХАЙДЕГГЕРА

Еникеев А.А., канд. филос. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
им. И. Т. Трубилина», г. Краснодар, РФ
Rizoma69@yandex.ru

Введение. Предметом настоящей работы является известное «событие» ректорской речи М. Хайдеггера, которую он произнес 22 мая 1933 года, и которая стала предметом ожесточенных дискуссий по обвинению немецкого философа в симпатиях национал-социализму. Сам текст данной речи был неоднократно подвержен текстологическому, философскому и идеологическому анализу, но до сих пор остается «темным местом» в биографии Хайдеггера. Мы предлагаем анализ одного «прочтения» данного текста, совершенный французским мыслителем Ф. Лаку-Лабартом, который проливает свет на данное «событие» и ставит вопрос о роли политической философии в современном мире.

Основная часть. Очарование текстов Хайдеггера в их поэтической герметичности. Каждое новое прочтение извлекает текст из его «собственного» и возвращает читателю уверенность в понимании. Но эта уверенность не менее иллюзорна, чем изначальность хайдеггеровского «посыла» к читателю. Вопрос даже не в том, к кому обращается автор «Самоутверждения немецкого университета», гораздо важнее понять «захваченность» читателя текстом Хайдеггера. Не претендуя на раскрытие «истинных смыслов» данного текста, можно, вслед за Филиппом Лаку-Лабартом, задаться одним непростым вопросом, кончается ли трансценденция в политике и действительно ли исток политики следует искать в поэтике философского текста?

Часто за текстом стоят какие-либо события, но еще чаще за каким-либо событием следуют «тексты». Насколько данные тексты первичны или вторичны по отношению к данному событию, не имеет принципиального значения, равно как и значимость самого события, о которой мы узнаем из его текстуальных описаний. Гораздо важнее оказывается «след», оставленный тем или иным событием на поверхности читаемого нами текста. Именно этот след становится истинным событием чтения, его обнаружение и обнародование – задача любого исследования. Только то исследование имеет смысл, которое преследует самого исследователя, возвращая его к истоку, тому первоначальному «событию», благодаря которому становится возможным текст данного исследования. В данном случае текст Ф. Лаку-Лабарта, посвященный речи Хайдеггера в качестве

ректора университета во Фрайбурге-ин-Брейсгау 22 мая 1933 года становится для нас, как исследователей, тем самым «событием». Событием, которое требует своего описания, событием, которое стремится стать текстом, воплотиться в пространстве языка, на поверхности знаков и символов философского дискурса.

Исследование феномена политики – это всегда поиск и изучение следов, которые остались после того или иного политического события. Событийность политического дискурса непосредственно связана с текстуальным характером его репрезентации. «Следами» политики в данном случае оказываются тексты, но не политические, а философские тексты, ставящие вопрос о «сущности политики» [1]. Характерен в данном вопросе «след», оставленный Хайдеггером, когда его непосредственно ангажировал (или, в интерпретации Лаку-Лабарта «захватил», engagement) политический дискурс. Поскольку событийность политики связана с текстуальным характером ее репрезентации, думается, именно это обстоятельство позволило Ж. Бодрийяру говорить о «симуляции» войны в Персидском заливе [2, с. 60]. По той же самой причине текст Хайдеггера «Самоутверждение немецкого университета» является, с одной стороны, философским описанием политических событий 1933 года в Германии, а с другой – символом политической ангажированности философа. Важно подчеркнуть – не какого-либо конкретного философа (например, Хайдеггера), а философа вообще, философа как такового. Жест, который совершил Хайдеггер – философский жест, и потому он выдает «слабость» философии – ее влечение к фундаментальности. Онтологический фундаментализм хайдеггеровского проекта не позволил ему быть «слишком человеческим», и потому он остался «слишком трансцендентным». Но трансценденция, как известно, кончается в политике, и потому политика становится тем «пределом», философское преодоление которого не всегда возможно.

Вопросы, которыми задается Ф. Лаку-Лабарт о «ситуации Хайдеггера» звучат довольно актуально и сегодня. «Как возможна политика, принимающая в расчет мысль Хайдеггера? Существует ли политическое предопределение философского? До какой степени политическое сильнее философского? В чем был смысл политической захваченности (engagement) Хайдеггера в 1933 году?» [3, с. 171-172]. И трудно не согласиться с Лаку-Лабартом, что «...это вопрос философский и никакая другая лексика здесь не допускается» [3, с. 172]. Актуальность поставленных вопросов заключается в том, что здесь проблематизируется «собственно» политическое, причем во всей сложности его отношений с философским. Именно философский «предел» политики оказывается той демаркационной линией, по которой проходят современные политические дискуссии. Трансценденция и рефлексия философского дискурса вскрывает текстуальную событийность дискурса политического.

Поскольку характер задаваемых вопросов остается общим для них обоих, и в этом смысле любой философ (после Хайдеггера) с неизбежностью оказывается ангажированным (захваченным) той системой социальных и политических отношений, онтологический фундаментализм и тоталитаризм которой предвидел, но не смог избежать Хайдеггер.

После выхода в России «Черных тетрадей» Хайдеггера дискуссии относительно его «ангажированности» политикой национал-социализма разгорелись с новой силой [4], но нам импонирует более взвешенное мнение Ф. Феды, который считает, что поэтическое начало философии Хайдеггера превалировало над началом политическим, которое было изначально «поэтически ничтожным» [5, с. 142] и потому не оказало существенного влияния на последующие философские работы немецкого мыслителя. Нам также представляется, что современным философским дискуссиям о роли политики в жизни общества не хватает «принципов толерантного сознания» [6, с. 30], которые способствуют уменьшению конфликтов и более продуктивному диалогу в обществе.

Заключение. Выводы, к которым мы пришли, можно сформулировать следующим образом. Хайдеггер совершил политический поступок, который его исследователи рассматривают как философское «событие». Последующие тексты мыслителя являются «знаками» данного события. После «ситуации Хайдеггера» любой философ, хочет он того или нет оказывается ангажированным («захваченным») политическим дискурсом. Политика в этом смысле является трансцендентным «пределом» философского дискурса. Событийность политического дискурса связана с текстуальным характером его репрезентации. Поэтому политика с точки зрения философии скорее «прочитываема», чем «переживаема», она текстуальна, а не событийна.

Список литературы

1. Пятигорский, А. Что такое политическая философия: размышления и соображения. Цикл лекций / Александр Пятигорский. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 152 с.
2. Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Жан Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.
3. Лаку-Лабарт, Ф. Трансценденция кончается в политике / Филипп Лаку-Лабарт // S/L'97. Альманах Российско-французского центра исследований; Института социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. – С. 171-214.
4. Хайдеггер, «Черные тетради» и Россия / под ред. М. Ларюэль и Э. Файя; пер. под науч. ред. М. Маяцкого. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 368 с.
5. Феды, Ф. Хайдеггер: Анатомия скандала / Франсуа Феды; пер. с фр. В. Ю. Быстрова. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 451 с.
6. Еникеев, А. А. Философия толерантного сознания / А. А. Еникеев // Толерантность: междисциплинарные исследования: Коллективная монография. – Нижний Тагил: НТГСПИ (филиал) РГППУ, 2017. – С. 18-33.

ДИСКУРС ТЕЛЕСНОСТИ В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Казакова О.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
o.kazakova@donnu.ru

Становление инфомира и его новых смыслов обусловили радикальное изменение коммуникативных связей. Отказ от «линейной» логики и принятие «номадического» движения как основного «ризоматического» принципа означает возможность восприятия флюктуаций как основы новых информационных образований. Ведущим становится принцип «множественности», который уравнивает семантические, аксиологические и другие имеющиеся в социокультурном бытии компоненты, проецируясь на политику, науку, искусство, экономику.

Утверждение информационной реальности становится условием открытия дискурса «телесности» в постклассической философии, которая обращается к знаково-символическому анализу социокультурной жизни. Причиной поворота к «человеку соматическому» является способность современных технологий вторгаться в сакральную область биоприродного конструирования. В результате генетических манипуляций «телесность» замещает «социальность».

В дискурсе «симулятивной реальности» природа «телесности» рассматривается как знаково-символическая, поскольку способна все стремления, страсти, желания, императивы современного «массового человека» инвестировать в «знаки» и «вещи», в предметы обмена и потребления [1]. В социальности настоящего маркеры «идентичности» и «знака» могут функционировать в режиме всеобщего эквивалента и обмениваться как владеющие «меновый стоимостью».

Утверждение в контексте «массовой культуры» и информационно-коммуникативной реальности особого отношения к «телесности» образует новые способы адаптации человека к разным условиям его существования в социуме, формируя иллюзию возможности естественного решения всех проблем ценностно-экзистенциального характера. Знаково-символический анализ в данной ситуации выступает как популярный психоанализ, своеобразная духовная практика, утверждая особую сферу социальности, непосредственно связанной с «нуждами» и «потреблением».

Семиотизация социального бытия и стремление знаковой сферы (семиосферы) к получению статуса единой реальности выступает как принципиальное несоответствие «означающего» с «реальностью», как

«имитация», «симуляция» действительности. В контексте постмодернистской парадигмы современная эра «тотальной симуляции» рассматривается в ее способности порождать целый спектр социальных феноменов – симулятивных по характеру и несоразмерных с любыми эквивалентами.

В «знаковом коде» как обобщенной рациональной модели принципы «эквивалентности» элиминируются, в отличие от доминирующего принципа «символического соответствия». Последний получает возможность через маркировку социальных отношений, владение вещами определенного класса осуществлять организацию власти и порядка. При этом свобода как культурная универсалия приобретает значение возможности проекции желания (соблазна) на произведенные предметы (товары), инвестирования собственных смыслов и значений в систему «дискурса объектов».

Анализ архаической экономики в ее символических проявлениях, с принятием в ней в качестве «дара» или «жертвы» быстротечной, трагической жизни и смерти показывает другую стратегию отношения со временем и реальностью. Она отлична от рыночно-экономического порядка, который утверждает рациональность, экономность, расчет. На их основе устанавливается социально-экономический порядок, при котором человек еще при жизни превращается в симулякр.

Современная информационно-глобальная реальность возникает на рыночной основе, в рыночной системе координат. Ее определяющим признаком являются деньги, которые в своей электронной форме образовали новую сеть отношений, имеющую невиданную в предыдущей истории силу. В социальной реальности деньги выполняют информационно-коммуникативную роль, поскольку выступают «знаками» и символами», которые в преобразованной форме репрезентуют значение вещей для человека. В этом качестве деньги обозначают не экономическую, а социальную и культурную значимость вещей. Особенностью денег является склонность к «виртуализации», перевод «реальности» в «виртуальность». Отныне деньги олицетворяют себя в качестве «социального символа», представляя социальные значения предметов, товаров, процессов [2].

Деньги отождествляются с богатством, это которого всегда актуален для человека, поскольку сопрячен сакральному измерению бытия. Реализация «знаково-символических» кодов информационного мира в кодах «денежного порядка» конструирует новое цивилизационное измерение – финансово-виртуальное. При условии развитой рыночной экономики функционирование денег предусматривает процесс обмена, в котором отношения по поводу собственности на материальные ценности опосредствованы универсальным символом социальности – денежным эквивалентом, который образует семиосферу современной жизни.

Список литературы

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; пер. с франц. С.Н. Зенкина. – М.: «Добросвет», 2000. – 387 стр.
2. Юхвид А.В. Виртуология: культурно-философские аспекты // Вестник МГОУ. ФН. – № 3. – 2010. – С. 110-116

УДК 162.12

СОЗНАНИЕ В ЭКЗИСТЕНЦИЯХ ДУХОВНОГО БЫТИЯ

Камарали А.В., канд. филос. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

anna_kamarali@mail.ru

Известно, что весь процесс развития сознания человека является созиданием себя, как индивидуального существа в процессе своей преобразовательной деятельности, но всегда в мире культуры. Экзистенциальное сознание понимает мир через порождающие смыслы категории: Правда, Добро, Абсолют, Вечность. На этом уровне природа общества понимается не как сосуществование ради удовлетворения собственных потребностей и не как взаимодействие людей на основе социально необходимых норм и правил общежития. Общество здесь представляется как духовное, соборное единство, существующее и действующее лишь в согласованности и сплоченности многих индивидуальных сознаний.

По своей внутренней организации общественное бытие, само по себе, альтернативное. И судьба выбранных альтернатив, результаты их реализации всегда зависят как от самих возможностей человека, так и активности противодействующих внешних сил. А именно: экономических, правовых, политических, духовных, с одной стороны, и от сознательных ориентаций того или иного субъекта, на тот или иной характер и порядок жизненных ценностей, которые в свою очередь составляют «этический» порядок самого бытия. При этом, само духовное бытие человека включает в себя формирование отношения между «Я» и «миром». В такой ситуации и возникает предпосылка возможностей человека сделать свой выбор в пользу одной из них. При этом, личность всегда противостоит чему-то безответственному и тираническому, что мы и наблюдаем в наше время. Через отношения между «Я» и «миром» формируется предметно-практическая деятельность человека, его культура и свобода.

Культура является предпосылкой формирования нации и национального сознания. Культурно-политические реалии, рефлектируют духовное бытие общества и отдельных личностей. Мышление является

действием, которое приобретает особую остроту в эпоху дефицита духовности. Оно всегда фиксирует стороны действительности, но не все, что попадают в поле зрения, а только те, которые связаны с интересами, желаниями и идеями человеческого бытия. И потому, разочарования, которые мы созерцаем сегодня, рефлектируют уровень культуры, как всего общества, так и отдельных его граждан. В конечном счете, разочарования приведут общество к потере ценностных измерений культуры, если не остановить такие интересы, как: эгоизм политиков, желание власти любой ценой. В результате деятельности такой политики, смысл жизни граждан сводится к выживанию, а само функционирование ценностей культуры становится второстепенным.

Человек должен иметь возможность мыслить обо всем, что пожелает. Его свобода подразумевает непосредственную предметно-практическую возможность мыслить. Анализ проблемы духовности настоящего показывает жизненную, действенную необходимость трансформации общества. Исконный духовный поиск правильного бытия подразумевает постоянный выход за пределы имеющегося бытия. Человек способен жить лучше, и он достоин этого, потому что хочет человеческого бытия. Личность определяет для себя параметры духовно - ценностных стремлений и желаний. Императивом мировоззренческих культурных смыслов всегда выступает свобода.

Как высшая ценность, свобода – это неотъемлемая от индивидуальной субъективности внутреннего ядра сознания, и потому, свобода является важнейшим условием, обеспечивающим не только динамику культуры человека, но и свободно избранные ее цели и стремления. По словам М. Хайдеггера: «Экзистенциальное существо человека является основой того, что человек умеет представить сущее как таковое» [1, с. 32].

Анализ проблемы духовности показывает, что сам человек, это исконная философская проблематика всех философских школ, течений и направлений. Идеал должен возносить человека к более совершенному его существованию, возвышать над обыденной действительностью, помогать формировать ему самого себя. А потому, сама «ценностно-смысловая деятельность раскрывает то единство экологии, онтологии и праксиологии, которое обеспечивает прочное существования цивилизационных систем» [2, с. 27]. Их осознанное понимание предполагает приобщение объектов, находящихся в поле интенций сознания личности, к смыслам самой человеческой деятельности. Тогда такой идеал, это самый высокий образец поведения человека, как личности. И потому так важно не что, а как ценностно-смысловая сфера бытия предстает для самого человека, как он осуществляет нравственные наставления. Это все требует изменения наших представлений о сознании и переходе от материально-производственного бытия к «жизненному миру», в котором появляются

действительные смыслы и ориентации экзистенции, ценности которой, это объективная идеальная сфера, требующая от человека предстать личностью для своего блага [3, с. 240].

«Наше сознание, – утверждает К. Ясперс, – направлено на бессознательное, то есть на все то, что мы находим в мире, что не сообщает нам, однако сообщает своей внутренней сущности. Наше сознание опирается на бессознательное, оно постоянно вырастает из бессознательного и возвращается к нему. Но узнать что-либо о бессознательном мы можем только благодаря сознанию. В каждом сознательном действии нашей жизни, особенно в каждом творческом акте нашего духа, нам помогает бессознательное, которое присутствует в нас» [4, с. 278].

«Сознание является самым существенным определением человека, – отмечает И. В. Ватин, – поэтому рассмотрение бытия будет неполным без определения места сознания в бытии» [5, с. 30].

«Сознание есть бытие, существование которого возлагает сущность, и наоборот, оно есть сознание бытия, сущность которого предполагает существование. Бытие повсюду... Сознание есть бытие, для которого в его бытии стоит вопрос о его бытии, поскольку это бытие возлагает иное, чем оно, бытие» [6, с. 35]. Таким образом, Ж. - П. Сартр показывает, что сознание человека является условием его специфически - уникального существования. Человек «выделен в мире в силу специфического способа бытия, которым является осуществляемая им деятельность. Она выделена и является особой, выбранной «точкой» в мире – субъектом деятельности. Ее онтологический статус состоит в том, что лишь в ней возможно осуществление сознательного бытия и всех актов осознания» [7, с. 40].

Предметный мир отражает специфическую модальность человеческого бытия и одновременно особую данность сознания человека. Эта ситуация обусловлена фактом, что выделение субъекта в мировом целом проявляется в том, что все сущее поставлено в отношении к субъекту, вследствие чего «сам субъект выглядит запредельным, трансцендентным реальной действительности» [7, с. 40]. Его мир, это мир человека, что хочет самопознания для своего блага.

Сознание соотносимо со способом бытия субъекта и включено в него. Поэтому субъект - всегда осознающий и самоосознающий. «Любое сознание, – подчеркивает Н. Хайдеггер, – заранее предполагает экзистенциально понятую экзистенцию, в качестве чего человек существует, пока он человек». Характеризуя роль и значение сознания как фактора и главного условия деятельно – предметной сущности социума, необходимо акцентировать внимание на первичности и определяющей роли субъективного в сознании. Само социальное поле бытия только тогда приобретает смысл для индивида, когда оно выступает в качестве «жизненного мира». Ведь по отношению к разнообразной деятельности

субъект не только раскрывает определенным образом ее содержание и осуществляет влияние на нее, но и удостоверяет собственное существование – как действующее и осознающее. «Сознание является «всепроникающим эфиром» в мире, огромным телом, которое находится в пульсирующем равновесии и способно порождать новые формы» [8, с. 81]. Благодаря сознанию, человек обладает способностью пропускать через себя «поток» жизни.

Известно, что сознание как вечная проблема является сознанием о чем-то. Человек противостоит миру, как собственной судьбе. Сознание всегда находится в мире экзистенции. Человек осознает, что он противостоит миру, ибо он рефлектирует.

Непрерывность человеческого опыта создает внутренний мир для личности с его целостностью и постоянством. «Я» выступает при этом как особая духовная форма самопознания и саморазвития. Сам феномен самопознания является формой утверждения целостности личности как индивидуальной жизни, требующей постоянно теоретического и практического обоснования значения человеческой жизни. Приобретенный человеком социальный опыт настоящего выражает энергию нынешнего состояния сознания.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М., Республика, 1993. – 448 с.
2. Крымский С.Б. Вопросы философских раздумий/ С.Б. Крымский. – К.: Парапан, 2013. – 239 с.
3. Козловский П. Общество и государство: неизбежный дуализм / П. Козловский. – М.: Республика, 1998. – 368 с.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., Политиздат, 1991. – 527 с.
5. Ватин И. В. Человеческая субъективность / И.В. Ватин. – Ростов-на Дону, 1984. – 196 с.
6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Сартр Ж.-П. – М., Республика, 2000. – 639 с.
7. Пролеев С.В. Духовность и бытие человека / С.В. Пролеев. – К.: Научное мнение, 1992. – 112 с.
8. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1997. – 368 с.

ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Киреев М.Н., д-р филос. наук, доц.,
Сапунова С.Г., Ксенофонтова Л.С.

«Белгородский государственный институт искусств и культуры», г. Белгород, РФ
kireymn@mail.ru

Рефлексивное мышление, по мнению Дьюи, [1] – это идея о том, что мы должны тренировать ум, думать рефлексивно, и что культивирование привычки думать должно быть целью образования.

Как и Дьюи, Фрэнк Смит [2] также считал, что мышление является естественной функцией мозга. Он считал, что все люди от природы предрасположены к творческому и критическому мышлению, и что все, что нужно людям, – это возможность максимизировать присущую им способность. При отсутствии навыков критического мышления люди могут быть уязвимы или просто делать меньше, чем в их силах. Улучшение навыков критического мышления обучающихся можно считать универсальной целью всех воспитательных усилий.

Главное преимущество критического мышления заключается в том, что оно поощряет активное обучение, обучая студентов тому, как думать, а не тому, что думать. Это средство от некритичности, безответственности мышления, и это то, чего ожидают от обучающихся во многих образовательных учреждениях.

Чтобы оправдать эти ожидания, студенты должны быть обучены этим навыкам, чтобы увеличить свои шансы на образовательный успех. В связи с тем, что носители языка требуют специального обучения критическому мышлению, логически следует, что иностранные обучающиеся тоже нуждаются в этом. Браун [3] утверждает, что в идеальной программе обучения иностранному языку «цели не ограничиваются только лингвистическими факторами, но также включают развитие искусства критического мышления».

Чтение также считается одним из наиболее важных навыков обучающегося. Следовательно, интеграция критического мышления и чтения была бы наиболее эффективной для обучающихся. Развитие способности обучающихся к критическому чтению является основной целью обучения чтению, и преподаватели должны «предоставлять субъектам образования возможности для анализа, синтеза и оценки идей посредством совместного решения проблем» [4, с. 664].

Обзор критического мышления. Исторические корни критического мышления можно проследить до Сократа и на основе сократического

метода. Сократический метод – это философия, которая побуждает людей исправлять непоследовательные и иррациональные мыслительные процессы, включая запутанные значения, неадекватные доказательства, противоречивые убеждения и пустую риторику. Метод Сократа установил важность поиска доказательств, тщательного изучения рассуждений и допущений, анализа основных концепций и отслеживания последствий.

За практикой Сократа последовало критическое мышление Платона, который записал мысли Сократа. За Платоном последовали Аристотель и греческие скептики, которые подчеркивали, что вещи часто сильно отличаются от того, чем они кажутся, и что только тренированный ум готов видеть сквозь то, как вещи кажутся нам на поверхности, то, какими они на самом деле являются в действительности.

На сегодняшний день литература подтверждает, что критическое мышление трудно поддается определению. В течение последних нескольких десятилетий критическое мышление обсуждалось и рассматривалось в образовательных кругах. Было предложено множество определений критического мышления. Наиболее часто используемые определения, как правило, являются широкими, предполагая, что критическое мышление – это разумный, рефлексивный процесс, включающий как навыки, так и склонности [5].

Он выделил ряд характеристик, которые являются общими для критических мыслителей. Эти характеристики включают в себя: быть непредубежденным и внимательным к альтернативам; попытка быть хорошо информированным; способность хорошо оценивать достоверность источников; способность идентифицировать, выводы, причины и предположения; способность хорошо оценивать качество аргументации, включая ее причины, предположения и доказательства.

Он также предположил, что критически мыслящие люди, скорее всего, смогут: выработать и отстоять разумную позицию; задавать уточняющие вопросы; формулировать правдоподобные гипотезы; хорошо планировать эксперименты; определять термины соответствующим контексту образом и делать выводы, когда это оправдано.

В поддержку более широкого определения, Facione и Facione определяют критическое мышление как «рефлексивное принятие решений и вдумчивое решение проблем о том, во что верить и что делать» [6, с. 44].

По словам многих исследователей, «критическое мышление лучше всего понимать, как способность мыслителей брать на себя ответственность за свое собственное мышление. Это требует, чтобы они разработали надежные критерии и стандарты для анализа и оценки своего собственного мышления и регулярно использовали эти критерии и стандарты для повышения его качества».

Согласно Чаффи, критическое мышление – это «наши активные, целеустремленные и организованные усилия по осмыслению нашего мира

путем тщательного изучения нашего мышления и мышления других людей, чтобы прояснить и улучшить наше понимание» [8, с. 29].

По Д. Халперн, критическое мышление – это мышление, которое является целенаправленным, аргументированным и направленным на достижение цели. Это тот тип мышления, который задействован при решении проблем, формулировании выводов, расчете вероятностей и принятии решений [7, с. 5].

Критическое мышление можно отделить от решения проблем в том, что решение проблем является линейным процессом оценки, в то время как критическое мышление – это всеобъемлющий набор способностей, позволяющий исследователю должным образом облегчить каждый этап линейного процесса решения проблем.

Таким образом, основываясь на нескольких приведенных выше определениях, исследователь считает, что критическое мышление – это сложный процесс, и, как правило, это мышление более высокого порядка или когнитивная обработка. Критический мыслитель способен решать проблемы, принимать решения, оценивать информацию и формулировать выводы. Это означает, что критическое мышление предполагает способность использовать наш разум для достижения наших целей.

В целом, критическое мышление должно соответствовать нескольким критериям.

Первый критерий заключается в том, что оно должно быть разумным, а не произвольным или неразумным. Критическое мышление должно опираться на использование достоверных подтверждающих доказательств и соответствующих выводов, из которых, как правило, делаются наилучшие выводы.

Во-вторых, критически мыслящие люди должны быть рефлексивными. Они должны сознательно оценивать свое собственное мышление и мышление других людей в попытке улучшить его.

В-третьих, критическое мышление – это целенаправленное мышление. Это мышление с определенной целью. Эта цель состоит в том, чтобы принять наилучшее решение о том, во что верить или что делать. Так, основными критериями критического мышления являются разумный, рефлексивный и целенаправленный. Весь процесс происходит в контексте решения проблем, что фокусирует мышление. Решение основывается на некоторой базовой поддержке, которая используется для обоснованного вывода некоторого заключения.

Ссылка на вывод очень важна для продолжения критического мышления; человеку нужны как навыки компонента “оценка причин”, так и диспозиции компонента “критический дух”. Отражение действует как проверка качества на протяжении всего процесса. До сих пор мы обсуждали в очень общих чертах, некоторые конкретные детали не должны быть полезными.

Навыки критического мышления необходимы для мышления более высокого порядка, позволяющего решать проблемы. Списки навыков критического мышления, характеристик и аспектов, определенных экспертами, указывают на их тип мышления и подход к жизни.

Согласно Аль-Газали, навыки критического мышления могут быть связаны со способностью использовать разум для оценки и суждения о рациональности идеи, зрелости мышления, способности отличать хорошие идеи от плохих и принимать рациональные и правильные решения на основе имеющихся доказательств. Исследование Фационе показало, что в основе критического мышления лежат интерпретация, анализ, оценка, умозаключение, объяснение, вывод и саморегуляция.

Вывод – это понимание и выражение смысла широкого спектра переживаний, убеждений, процедур, правил и т.д. Было обнаружено, что анализ заключается в выявлении взаимосвязи между утверждениями, вопросами, концепциями или описаниями для выражения убеждений, суждений или причин. Многие эксперты полагают, что оценка заключается в оценке достоверности заявлений и представлений других лиц, а также в оценке логических утверждений, описаний или вопросов. Было установлено, что умозаключение – это способность делать разумные выводы и/или гипотезы, основанные на фактах, суждениях, убеждениях, принципах, концепциях или других формах представления.

В 1933 г. Дьюи утверждал, что для формирования рефлексивного действия (критического мышления) необходимы три установки: непредубежденность, ответственность и искренность. Человек был не предубежден, если он выслушивал более одной стороны какого-либо вопроса. Ответственность подразумевала тщательную оценку последствий потенциального действия, а искренность требовала, чтобы критические мыслители были целенаправленными в своих поисках истины.

По Эннису, критическое мышление является результатом взаимодействия набора склонностей к критическому мышлению с набором способностей к критическому мышлению. Склонности к критическому мышлению, предложенные Эннисом, включают: стремление к четкой постановке вопроса, поиск причины, стремление быть хорошо информированным и релевантным главному моменту.

Список литературы

1. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления / Пер. с англ. Н.М. Никольской. – М.: Совершенство, 1997. – 208 с.
2. Smith, Frank (1990). *To Think*. Teachers College Press.
3. Brown, H. Douglas (2004). *Language assessment: Principles and classroom practices*. White Plains, NY: Pearson Education. 324 pp.
4. Flynn, L. L. (1989). Developing critical reading skill through cooperative problem solving. *The Reading Teacher*, 42(9), pp. 664-668. Retrieved from <http://www.jstor.org/stable/20200271>

5. Ennis, R.H. (1996). Critical Thinking. New Jersey: Prentice Hall
6. Facione N.C., Facione P. A., Sanchez C. A. (1994) Critical Thinking Disposition as a Measure of Competent Clinical Judgment: The Development of the California Critical Thinking Disposition Inventory. Journal of Nursing Education. Vol. 33. No. 8. P. 345—350. <https://doi.org/10.3928/0148-4834-19941001-05>.
7. Дайана Халперн. Психология критического мышления
8. Chaffee, J. Critical Thinking, Thoughtful Writing. New York, NY: Houghton Mifflin Company. https://archive.org/details/thinkingcritical00chaf_1
9. Аль-Джанаби, М. М. Жизнь и творчество Аль-Газали: опыт философского осмысления Часть 1. Аль-Газали в оценках современников и «газалиана» XIX–XX вв. / М.М. Аль-Джанаби // Пространство и Время. – 2017. – № 2-3-4(28-29-30). – С. 192–207.

УДК 101.1

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ЖИЗНЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

Китайка А.В.

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»,
г. Тирасполь, ПМР
a-k-junior@yandex.ru

В направлениях философии, ориентированных на изучение человека, оформились разновекторные понимания категорий «пространство» и «жизнь». С одной стороны, категория «жизнь» выдвигается как базис осмысления пространственно-временных элементов. И в данном случае мир ценностей индивида является центром структурирования жизненного пространства.

С другой стороны, в основе философского понимания «жизненного пространства» как категории закреплены феноменологические понятия «жизненного мира» Э. Гуссерля, выступающего центром первоначальных истин для в целом разъединенного пространства человеческого бытия [1].

В работах К. Левина «жизненное пространство» зафиксировано с целью отражения истинной сферы обитания индивида, основу которой составляют элементы социальной среды и окружающей реальности, отраженные в человеческом сознании и положенные в основу поведения. В данном случае, согласно Левину, «жизненное пространство» выстраивается не материальными благами, которыми располагает человек, а возможностями оказать влияние на окружающую действительность и знаниями о ней.

Каждый отдельный профиль «жизненного пространства», исследованный в определенный временной отрезок, именуется «полем». Обстоятельства и ситуации в жизни человека подразумевают наличие

взаимодействия с конкретными людьми и объектами. Так, в «поле» прошлое как временной промежуток выступает для человека набором знаний, установок и чувств, пережитых им в зависимости от факторов, которые влияют в данное время, и под элементами внутреннего мира человека, сформировавшимися до этого момента. В то же время, будущее в «поле» выступает для индивида набором целей, ожиданий и планов, которые соотносятся с происходящим в настоящее время.

Жизненное пространство индивида находится в прямой зависимости от возраста: от детства к зрелости оно расширяется, а от зрелости к старости сужается. Основная часть этого пространства приходится на этап наиболее активной жизни человека, на момент его наибольшей сформированности по широкому спектру вопросов, на время наиболее обширных социальных взаимосвязей, целостности и структурированности внутреннего мира. Временной лимит жизни индивида определяет поэтапное вычленение из жизненного пространства отдельных его сфер: профессиональной, творческой, родственной и т.д. Сферы, которые вычленились из жизни, представляются в дальнейшем как воспоминания и не несут в себе никакого потенциала для развития [2].

«Идеальная» модель жизненного пространства индивида – это наличие в равных долях трех временных элементов (прошлое, настоящее и будущее) и их доступность для осмысления и анализа.

Такая пропорциональность временных элементов называется «линией времени». В работах П.И. Яничева можно найти следующие свойства линии личного времени индивида: объективность – субъективность, непрерывность – прерывность, необратимость – обратимость, универсальность – локальность и равномерность – неравномерность [3].

Анализируя категорию жизненного пространства, К. Уилбер предположил, что возникновение проблем у определенного индивида напрямую связано с тем, где он разграничивает себя и действительность. Человек признает содержание действительности своим в случае, когда он широко самоотождествляется.

По мнению К. Уилбера, любую конфликтность в пределах жизненного пространства необходимо направить на расширение пространства «Я».

Локус, в котором индивид находит себя в контактах с другими, как место, воспринимающееся человеком как нечто объективное, можно назвать пространством повседневности. Эту категорию можно считать пространством освоения обычаев повседневности, в которых живет индивид.

Пространство повседневности проявляется как система синкретических аспектов социальной сферы. Его характеризуют четкие границы межличностных контактов, пределы дома, города, государства.

Выступая частью жизненного пространства, пространство повседневности включает в себе некоторую область мира – микромир. Он осваивается индивидом с рождения, в кругу семьи, в образовательных учреждениях, в контактах с окружающими. Усвоенные через данные взаимодействия знания, практики поведения и навыки выступают основой вхождения в социальное пространство и построения личного жизненного пространства. Большую часть приобретенного в начале жизни человек сохраняет лишь пополняя этот запас, что приводит к обогащению жизненного опыта.

Пространство повседневности – это сфера понятных и доступных всем людям навыков и знаний, источниками которых выступают:

- малые группы (семья, близкие и друзья);
- образовательные учреждения (детский сад, школа, ВУЗ и т.д.);
- СМИ [4].

Такое качество, как освоение сущности взаимосвязей в окружающем мире, выступает основой построения собственного жизненного пространства. Можно сказать, что жизненное пространство – это в определенной мере поле актуальных возможностей человека. Это сфера жизни, которую индивид может изменить, построение которой основывается на принятых индивидом ориентирах и установках.

Взаимодействие индивида с пространством повседневности осуществляется постоянно. Индикаторами этого взаимодействия являются деятельность человека и жизненные ситуации. На своем жизненном пути индивид пытается найти ответы на задачи, которые ставит перед ним окружающий мир. Этот контакт постоянен, так как необходим для человеческого развития и является сутью человеческой жизни.

Пространство повседневности также находится в зависимости от того, как оно воспринимается (адекватным или неадекватным), интерпретируется индивидом на основе жизненного опыта, сформированного в течение всей жизни.

Подытоживая вышесказанное, можно сказать, что, выстраивая и систематизируя жизненное пространство, индивид осваивает окружающий мир, который является сферой потенциально возможного. Перенос содержания жизненного мира в область актуального, человек конструирует собственное жизненное пространство.

Процесс изменения возможного содержания жизненного мира в актуальное содержание жизненного пространства дает индивиду потенциал для саморазвития, направляя ресурсы на его сохранение или изменение.

Таким образом, для построения собственного актуального жизненного пространства индивиду необходимо иметь объективное представление об окружающем мире, то есть представление о пространстве возможного.

Список литературы

1. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 101–116.
2. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин [пер. Е. Сурпина]. – Санкт-Петербург : Речь, 2000. – 364 с. – ISBN 5-9268-0004-9.
3. Яничев, П.И. Развитие структуры переживаемого-отражаемого времени / П.И. Яничев // Ежегодник РПО в 8 томах. – 2003. – Т. 8. – С. 667-673.
4. Козлова, Н.Н. Жизненный мир в контексте социальной антропологии: новое в исследовательском поле / Н.Н. Козлова // Социальная антропология на пороге XXI века: Тезисы и материалы конференции (Москва, 20–21 ноября 1997 г.). – М., 1998. С. 196.

УДК 101.1

ФИЛОСОФИЯ ПОПУЛИЗМА КАК ВАРИАНТ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Клименко А.Б., канд. филос. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

a.klimenko@donnu.ru

В философской мысли XX века еще нет обобщенного вывода о том, что такое философия популизма. В современной научной литературе о популизме вспоминают как о явлении политической жизни общества, которое питается наиболее известными идеями из различных философских течений по поводу тех или иных общественных ситуаций. Это утверждение может быть правомерным, поскольку популизм уже давно изложил свои философские основы практикой обращения к повседневному и обыденному и использования его для прикрытия одних и реализации других интересов.

Начало популизма как особой политической практики мы находим еще в самые отдаленные времена человеческой истории, в частности, в античных полисах, когда обращение к народу приобретает негативный смысл (демагогия). В настоящее время под популизмом мы понимаем апелляцию к широким массам и обещание им скорого и лёгкого решения всех проблем.

Истоки современного популизма лежат в философии прагматизма, которая впервые в систематизированном виде была изложена в 1878 году американским мыслителем Ч. Пирсом. Содержание ее сводилось к тому, что наши личные убеждения – это фактически правила действия. После Ч. Пирса почти 20 лет прагматизм оставался малоизвестным, пока его не

подхватил его последователь У. Джеймс. За 10 лет его практики прагматизм превратился во влиятельное философское движение.

Истоки прагматизма мы находим в шотландской философской школе «здравого смысла» Т. Рида, где под «здравым смыслом» понимается антискептицизм, а сам термин позаимствован у Цицерона. Т. Рид по-новому переосмыслил проблему морали: то, что не является добровольно принятым или исполнено по неизбежной необходимости, не может быть морально осуждаемым. Таким образом, в философии «здравого смысла», впервые был сформулирован главный принцип, которым пользуется сегодня популизм по отношению к объектам своего влияния, надеясь на их расположение к себе. Он провозглашает: опирайся на здравый смысл и принимай то, что есть, как оно есть, и это оправдывает всякую мораль. Именно переосмысление им идеи здравого смысла, приближение ее к потребностям практической жизни заложили тот фундамент, на котором и поднялась современная философия прагматизма, а затем популизма.

У. Джеймс поставил знак равенства между здравым смыслом и выгодой. Согласно прагматизму, истинными надо признать любые идеи, имеющие для нас практическое значение. Истинным является то, что ведет к субъективному удовлетворению. Проверить соответствие наших идей действительности, по мнению прагматизма, можно лишь через выявление собственными действиями их практического значения для нас. Действительность – это те объекты, которые выделяются здравым смыслом. Но, поскольку по прагматизму сфера здравого смысла – это сфера практичности, которая может расширяться с практическим освоением мира, то и мир является тем, что нам выгодно, и он может расширяться, впитывая все то, что укладывается в пределы практичности.

Это создавало новую ситуацию отношения человека к миру. Действительность признавалась не завершенной, а такой, что находится в постоянном процессе своего образования и ждет завершения. Мир есть материя, не имеющая формы, и наши действия могут придать ему ее. В связи с вопросом о лепке мира человеком прагматизм поднимает проблему выбора. Поскольку действительность понималась прагматизмом как мир здравого смысла, то любой наш выбор по отношению к ней должен попасть в сферу здравого смысла и стать выбором в пользу практического. Чтобы обосновать активность человека к выбору в отношении лепки действительности, прагматизм стал на путь эмпирического плюрализма, множества истин. А их ровно столько, сколько насчитывается успешных эмпирических фактов, ставших следствием наших практических действий и опытов.

В соответствии с таким видением мира и места человека в нем, прагматизм сформулировал и основы своей этической концепции. Прагматизм принимает необходимость гуманизма и справедливости как моральных ориентиров. Однако гуманизм прагматизма ограничен его теорией познания, которое ориентируется на полезное.

Наиболее полно сущность прагматичного гуманизма раскрывается в толковании того, что является справедливостью, и в его отношении ко злу. Идея практичности распространяется и сюда. Если в образе нашего мышления истинным признавалось только все удобное для него в познании, то в области морали – удобным в нашем поведении. Как же нужно отнестись ко злу, которое существует в мире? Прагматизм утверждает, что следует переступить через зло и искренне принять горький мир.

Популизм, как и прагматизм, апеллирует к конкретному, доступному. Своим обращением к ним он пытается засвидетельствовать реализм и здравый смысл. Как и прагматизм, он делает это без объяснения глубинных причин, стоящих за конкретными проблемами жизни, без объяснения объективной связи этих причин с интересами определенных социальных сил общества, без всякого желания поднять сознание тех, на кого он направлен, к пониманию своих сущностных интересов. Напротив, обращаясь к конкретному, доступному популизм стремится посредством поверхностного переключить внимание объекта своего влияния с главного на второстепенное, с далекого на близкое, с непонятного на понятное.

Все эти уловки популизма с его переживаниями за судьбу решения ежедневных вопросов действительности работают на раздувание его привлекательности, чтобы обеспечить его всеобщее одобрение и восприятие, а, убедив в необходимости перемен, спровоцировать объект популизма к активным, но неосмысленным и спонтанным действиям в свою поддержку.

Список литературы

1. Джемс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления: Популярная лекция по философии / Пер. с англ. – Изд. 3-е. – М.: ЛКИ, 2011. – 240 с.
2. Рид Т. Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла. – СПб: Алетейя, 2000. – 352 с.
3. Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – 412 с.
4. Пирс, Ч. С. Принципы философии. – СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2001. – 541 с.

НОВЫЕ ЗАДАЧИ И ПРИОРИТЕТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФИИ НАКИ И ТЕХНИКИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Колин К.К. д-р техн. наук, проф.

Институт проблем информатики ФИЦ «Информатика и управление» РАН,
г. Москва, РФ
kolinkk@mail.ru

Введение. Стремительное развитие техники и технологий является одной из доминирующих глобальных тенденций развития цивилизации в XXI веке [1]. Этот процесс принял характер новой научно-технологической революции, которая развивается одновременно с глобальной информатизацией общества. Оба эти процесса активно взаимодействуют и усиливают друг друга, в результате чего происходят такие глубокие перемены практически во всех сферах жизнедеятельности, которых еще не знала история развития человечества. В результате этих перемен существенным образом изменяется современная среда обитания человека, социально-экономическая структура общества, отношения между людьми. Происходят качественные изменения в системе современных базовых ценностей, а также в физической, психологической и социальной природе самого человека. Поэтому философское осмысление причин, тенденций и возможных последствий радикальной трансформации человека и общества, а также места и роли в этом процессе техники и технологий сегодня объективно выдвигается на первый план и становится одной из наиболее актуальных и стратегически важных задач развития философского знания.

Прорывные направления развития техники и технологий. Аналитические исследования показывают, что уже в ближайшие 20-30 лет можно ожидать новых результатов прорывного характера в следующих социально значимых направлениях развития техники и технологий:

1. *Создаются системы и средства энергетики, позволяющие получать энергию из новых источников непосредственно в местах ее потребления. Это радикальным образом изменит всю структуру общественного производства и будет стимулировать переход к «горизонтальной» структуре экономики, в которой будут доминировать не крупные промышленные корпорации, а средний и малый бизнес, а также корпоративные структуры и индивидуальное предпринимательство.*

2. *Разрабатываются новые виды наземного, воздушного и водного транспорта, включая беспилотные системы, а также внедорожный транспорт нового поколения. Для России, с ее огромной территорией, это*

необходимое условие повышения качества жизни населения и конкурентоспособности отечественной экономики.

3. *Суперкомпьютерные системы и технологии*, которые позволят на качественно более высоком уровне решать многие задачи высокой размерности в области стратегического планирования и управления, прогнозирования сложных процессов, проектирования и испытаний новой техники, проведение генетических исследований и создание новых лекарственных препаратов и искусственных материалов с заранее заданными свойствами.

4. *Системы и средства искусственного интеллекта*, массовое внедрение которых в социальную практику обещает поистине фантастические результаты во многих сферах жизнедеятельности общества [2].

5. *Системы и средства высокотехнологичной и персонифицированной медицины*, которые смогут обеспечить высокое качество медицинской помощи, которое является необходимым условием повышения качества жизни людей.

6. *Новая техника и технологии* для строительной индустрии, необходимые для развития жилищной, промышленной и дорожной инфраструктуры нашей страны, в том числе, в районах с неблагоприятным климатом, а также в Сибири и на Крайнем Севере.

7. *Системы и средства для аграрного комплекса, лесного хозяйства* и решения экологических проблем в различных странах и регионах мира.

8. *Новые системы и средства информатики и кибернетики*, обеспечивающие существенное повышение эффективности деятельности человека в сфере науки, образования, культуры, а также развитие его интеллектуальных и творческих способностей.

Перечисленные выше инновации имеют характер прорывных технологий, поэтому их широкое распространение и практическое использование существенным образом изменит весь образ жизни и деятельности людей многих стран мира. По существу, произойдет переход мировой цивилизации на качественно новый уровень развития – к *информационной цивилизации*. В настоящее время общество к этому еще не готово, ни в культурном, ни в психологическом плане, так как будущее наступает слишком быстро. И это – одна из актуальных гуманитарных проблем современности.

В передовых странах осуществляется переход к *шестому технологическому укладу* общества, отличительной чертой которого является интеграция технологий различных видов. Катализатором здесь служит развитие информационных технологий и методов искусственного интеллекта. При этом существенное внимание уделяется этическим и гуманитарным аспектам развития, созданию ограничений негативного воздействия новой техники и технологий на человека и общество.

Заключение. Россия обладает существенным научным потенциалом в области исследования философских и гуманитарных проблем развития современной цивилизации, которая переживает системный кризис. Наиболее важные результаты получены в области *философии информации, философских и социальных проблем информатики*, комплексного изучения проблемы *информационной безопасности* [3], а также в области *информационной культурологии и антропологии*. Эти результаты должны стать научной базой для формирования современной философии техники и технологий в новых условиях развития общества в XXI веке. Поэтому исследования по этим направлениям необходимо продолжать, а их результаты активно внедрять в систему образования, содержание которого должно приобрести *опережающий характер*, чтобы соответствовать новым реалиям и тенденциями развития глобального информационного общества.

В настоящее время системные исследования по этой проблематике проводятся в России в Институте проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, а также в Центре стратегических гуманитарных исследований, который создан в 2019 г. в составе Московского гуманитарного университета. Полученные результаты свидетельствуют о том, что они необходимы как для создания научно-методологической базы уже формирующейся информационной цивилизации, так и для решения актуальных прикладных задач обеспечения *информационной, национальной и глобальной безопасности*.

С этой целью представляется необходимым разработать и внедрить в России целостную *систему информационного образования*, которая должна обеспечить не только подготовку необходимого количества специалистов информационного профиля, но также и формирование у интеллектуальной элиты общества информационного научного мировоззрения [4]. Концепция создания такой системы уже подготовлена и опубликована [5].

Список литературы

1. Колин, К.К. Стратегические приоритеты науки и технологий в веке // Стратегические приоритеты. – 2016. – № 3. – С. 17-40. – ISBN 2311- 925X
2. Колин, К.К. Новый этап развития искусственного интеллекта: национальные стратегии, тенденции и прогнозы // Стратегические приоритеты. — 2019. – № 2. – С. 4-12. – ISBN 2311- 925X
3. Колин, К.К. Информационная безопасность: новое содержание комплексной проблемы. // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 4. – С. 51-63. – ISBN 2311- 925X
4. Колин, К.К. Научный потенциал информатики в формировании нового научного мировоззрения // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 3. – С. 113-121. – ISBN 2311- 925X.
5. Колин, К.К. О проблеме формирования системы информационного образования в России в условиях цифровой трансформации общества // Знание. Понимание. Умение. – 2022. – № 2. – С. 29-48.

**РЕЛИГИОЗНЫЕ СИМВОЛЫ В СКАЗКЕ
А.Н. ТОЛСТОГО «ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК,
ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО»**

Комисова Е.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
e.komisova@donnu.ru

Сказки передают своим читателям сакральные знания о мире в зашифрованной форме. Они заключают в себе две основных стороны. Сторона внешняя – это сюжет, где есть увлекающие детей неожиданные повороты, яркие персонажи, запоминающиеся образы. Читатели юного возраста приходят в настоящий восторг, путешествуя со своими любимыми героями по интересным сказкам, переживая с ними их приключения, представляя их своими друзьями. Но для взрослых более важна внутренняя сторона сказки, скрытая от неподготовленного взгляда среднестатистического читателя. Это внутренний, сакральный, символический уровень. На этом уровне образы, герои и сюжетные повороты – особые символы, ключи, которые помогают подобраться ближе к разгадке глубокого смысла сказочного произведения.

В 1881 году великий русский писатель Лев Толстой написал «своё» Евангелие (речь идет об исследовательском труде классика «Соединение и перевод четырех Евангелий»). В 1901 году, через 20 лет, вышло «Определение и послание Святейшего синода о графе Льве Толстом». В документе постановлялось, что, по сути, писатель и религиозный философ отлучается от православной церкви – предается анафеме. Это было ожидаемо, ведь «толстовцы» резко критиковали православие за церковные догматы, обещание адских мук грешникам, поддержку войн и смертной казни.

Кажется, что дальний потомок гениального литератора Алексей Толстой также стремился создать произведение, которое было бы проникнуто особым религиозным смыслом, несло своеобразное послание всем приверженцам нестандартного понимания христианской философии. Этим произведением стала повесть-сказка «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Не даром автор «Аэлиты» и «Гиперболоида инженера Гарина» вернулся к работе над «Буратино» после перенесенного двойного инфаркта, почти перед лицом смерти, отложив работу над трилогией «Хождение по мукам». Можно сказать, что «Золотой Ключик, или Приключения Буратино» – это собственное Евангелие Алексея Толстого.

На просторах всемирной сети несколько лет назад встречалось немало карикатур и шуток на тему того, что вера в Христа подобна вере в

Буратино. Ведь Буратино – сын плотника, который был рожден без зачатия. Он собирает вокруг себя соратников, борется со злом и открывает новый мир при помощи ключа. Не случайно – Золотого ключа. Это ключ от Царства Небесного, один из двух ключей, которые Иисус вручил апостолу Петру. В тексте Писания ключи упоминаются несколько раз, в частности, в Откровении Иисус говорит Иоанну: «И имею ключи от ада и смерти» (1:18). Гербом Толстых является также Золотой ключ. Интересный нюанс, что Буратино по воде ходить не может, но и не тонет в ней.

Отметим, что в начале 2000-х годов собиратель русскоязычного растаманского фольклора Дмитрий Гайдук написал «Джатаку о деревянном бодхисатве», связав в своей притче образ Буратино не с образом Христа, а с образом Будды.

Изначально Алексей Толстой, будучи в начале 20-х годов прошлого века в эмиграции, задумал написать собственную литературную интерпретацию сказки итальянского писателя Карло Коллоди «Приключения Пиноккио. История деревянной куклы» [1]. Но процесс обычной литературной обработки показался ему скучным, повесть была отложена на десять лет. В итоге сказка получилась совсем другой, хоть и с очень похожим сюжетом. История Пиноккио – о сотворении человека Богом, о том, что нельзя отступать от воли Создателя. Она полна прямых отсылок к Библии (например, миф об Ионе, притча о блудном сыне) и нравоучений. Интересно, что куклу сделал столяр Джузеппе, или Джеппетто, – это уменьшительная форма имени «Иосиф» [2]. История же Буратино – это история мессии, который нашел ключ к раю, золотой ключик, и указал всем путь к счастью, несмотря на препятствия и происки врагов. Пиноккио – это символ человека, который совершенствуется, постигает мир, участь на собственных ошибках. Он эволюционирует. А Буратино – символ революции. Он достигает счастья, отрицая догматические устои своего времени, проявляя остроумие, смелость и веру в лучшее. Именно поэтому архетип Буратино закрепился в мировом искусстве отдельно от архетипа Пиноккио, хотя в произведениях это один и тот же герой.

Помимо Золотого ключа, в «Буратино» масса отсылок к Библии. Пьеса, которую играют куклы в театре Карабаса-Барабаса, называется «Девочка с голубыми волосами или 33 подзатыльника». Девочка с голубыми волосами – это девочка, которой не бывает (сравнение с образом Богородицы, которая родила без зачатия), а 33 подзатыльника – указание на возраст Христа. Плетка-семихвостка у Карабаса – отсылка к меноре, золотому семирожковому светильнику, как и сам образ доктора кукольных наук напоминает ветхозаветного Яхве. Тот факт, что Карабаса в сказке лишают бороды, – отсылка к раввинам, у которых пострижение бороды приравнивается к снятию звания. Черепаха Тортилла,

хранительница золотого ключика, – это символ мышления людей, не знавших богов, та самая черепаха, которая держит на своей спине весь мир.

Девочка с голубыми волосами, Мальвина, образ противоречивый и мистический. Она живет как бы посередине двух миров – не в Стране Дураков и не в безымянном родном городе Буратино. У Коллоди образ Мальвины явственно устрашающий. Когда Пиноккио пытается спастись от преследующих его разбойников (переодетых Кота и Лисы), он добегают до домика Мальвины и стучится к ней с просьбой о помощи. И «у окна показалась девушка с синими волосами и белым, как мел, лицом. Глаза ее были закрыты, а руки сложены крестом на груди. Не двигая губами, она произнесла странным тихим голосом: – В этом доме никого нет. Все умерли. – Впусти хоть ты меня! – закричал Пиноккио умоляющим голосом. – Я тоже умерла. – Умерла? Что же ты стоишь у окна? – Я жду, когда принесут мне гроб, – сказав это, девушка исчезла, и окно затворилось» [3]. В дальнейшем оказывается, что эта девушка – фея, живущая более тысячи лет.

Таким образом, пространство сказки – это пространство сакральных символов, знаков, другая реальность. Этим сказки напоминают мифы. Вооруженные знанием, мы можем под новым углом посмотреть на знакомую с детства книжку. Посредством символов в сказках, мифах (и даже снах) нашему взору открывается трансцендентальная реальность, свободная и ничем не обусловленная. Об этом говорил еще Карл Густав Юнг в своей теории архетипов. Функции сказки совершенно не ограничиваются воспитанием детей, она – настоящий мост к сакральному миру.

Список литературы

1. Акимова, А.С. Приключения Пиноккио в России: к истории мирового сюжета / А. С. Акимова // Культурологический журнал. – 2014. – № 4.
2. Коллоди К. Приключения Пиноккио / пер. Э. Казакевича. – М.: АСТ, 2013. – 224 с.
3. Эфендиева, Н.Р. Сравнительная характеристика сказки К. Коллоди «Приключения Пиноккио» и её перевода Э. Г. Казакевичем / Н. Р. Эфендиева // Сборник материалов VI (XX) Международной конференции молодых ученых г. Томск. – Выпуск 20. – 2019 г. – С. 329-331.

**ВОЙНА ЗАПАДА С РОССИЕЙ. РОЛЬ ДОНБАССА
В ФОРМИРУЮЩЕМСЯ НОВОМ МИРОПОРЯДКЕ.
ФРОНТ «УКРАИНА»**

Коновалов А.Г.¹, Коновалова И.В.²

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

МБОУ «Школа № 69 г. Донецка», г. Донецк, РФ

Konov.1957@mail.ru

«Русский народ должен
быть единым»

В.В. Путин

Свершилось то, о чем мечтал Донбасс: он вернулся в свое цивилизационное пространство Русского мира. Историческая несправедливость политических раскладов Ульянова (Ленина) исправлена. Русский Донбасс, в котором проживают люди разных национальностей (126) и вероисповеданий, вернулся, как и Крым, в «родную гавань» (В. Путин), вместе с херсонцами и запорожцами, которые на Референдуме сделали свой выбор, – это Россия. Это стало возможным благодаря стечению обстоятельств как объективного, так и субъективного характера. Их много, выделим, на наш взгляд, самые важные:

1. В 2012 г. Президент России В. Путин, впервые сказал о «тектонических сдвигах» в мироустройстве. Существующая модель глобального развития, финансово-либеральная по своей сути, исчерпала свои возможности развития, что вызвало структурный кризис по всему миру, включая США, где государственный долг превысил 31 трл. долларов. Модель непрерывного включения чужих ресурсов, обеспечивающих высокий уровень жизни в странах Запада, стала давать сбои, англосаксонское правило «бери, что тебе нравится» (М. Твен) столкнулось с нежеланием незападных стран отдавать «за просто так» свои ресурсы. Некогда технологически-отсталые страны «третьего мира», получившие политическую независимость, в результате деколонизации, при помощи СССР, заявили и о своем желании деколонизировать свою экономику, свои ресурсы, свою историю. Просто брать, как раньше, Запад уже не может, а вне грабежей и эксплуатации чужих ресурсов и территорий стран «третьего мира» развиваться и поддерживать высокий уровень жизни Запад не способен.

Прогноз Н. Бердяева о формировании новой мировой силы, в лице Китая, Индии, Ирана, арабских стран, воплотился в реальность, стал фактором современной мировой политики. То время, когда Западу противостояла только Россия, на протяжении тысячи лет, видимо,

закончилось. Благодаря усилиям В.В. Путина, России, создается коалиция НЕзападных стран против Запада. Этот объективный процесс на наших глазах обретает некие институциональные формы в форматах БРИКС, ШОС, евразийского союза и даже «ОПЕК+» и других.

2. Другим, объективно-значимым фактором мирового значения, стал фактор военной мощи России. Благодаря усилиям Президента В. Путина появились такие новейшие системы ведения войны как «Буревестник», «Кинжал», «Посейдон», «Авангард», «Сармат» и ряд других систем, аналогов которым в мире нет. Впервые за тысячелетнюю историю Россия в военном плане стала сильнее Запада, что исключает прямое военное столкновение, если у коллективного Запада есть хоть чуть-чуть здравого смысла. Все войны Запада против России, независимо от формы ее общественного устройства, начинались при полном военном превосходстве Запада. Коллективный западный поход Наполеона, коллективный западный поход Гитлера, втягивание России в 1 Мировую войну, обещая возвращение в лоно Православия территории бывшей Византии, что являлось одной из важнейших задач Российской империи.

3. Однополярный мир гегемонии США, после распада СССР, привел к ликвидации субъектности остальных западных стран, включая Францию и Германию. Действия США, направленные против России, Китая, Ирана, Афганистана, Сирии, Ливии, Ирака и т.д., создали для ЕС и Европы в целом колоссальные проблемы, начиная с десятков миллионов беженцев до нехватки необходимых ресурсов для развития своих экономик. Пакеты санкций против России, которые ввела Европа против РФ под давлением Лондона и Вашингтона, поставило Европу в положение выживания, особенно в энергетической сфере, обеспечения сырья для промышленности и сельского хозяйства, создала продовольственные проблемы. Резко обострились внутривнутриполитические проблемы как отдельных стран, так и между странами ЕС, США и ЕС. Растущие проблемы внутри западного мира и, прежде всего, в США, побуждают глобально-либеральную элиту Запада использовать ресурсы европейской части запада в своих интересах и формирования новых площадок (AUKUS) для своего выживания и существования. Гобсовское «война всех против всех» обретает новое звучание и смысл. Устоявшееся (и правящее) старое борется с появляющимся новым, особенность только в том, что угроза «ядерного армагедона» обретает, к сожалению, реальные основания. Внутри элитных групп на Западе, используют все, что на словах осуждают, но активно применяют против своих «оппонентов» - изъятие собственности, что было невозможно вчера, ложь, шантаж, убийства, подконтрольные международные институты и суды, структуры ООН, МВФ, наконец, теракты (подрыв веток газопроводов из РФ в Германию, требования репараций от Германии, территориальные споры, серьезные ценностные разногласия между Венгрией, Италией и остальными странами ЕС и США, шельмование экс-президента Трампа и его сторонников и т.д.).

4. Госпереворот в Киеве в 2014 году. События в Крыму, Донбассе, Харькове, Одессе, Запорожье, на территориях, которые, с легкой руки В. Путина, вновь обрели свое историческое обозначение – Новороссия! Госпереворот, свержение легитимного Президента Украины Януковича, стало возможным только благодаря поддержке Запада, «печенюшки Нуланд» стали расхожим определением того, в чьих интересах был совершен переворот. Пришедшие к власти националисты начали уничтожать все русское в украинском обществе – язык, культуру, историю, веру. Предатели и преступники объявлялись героями: Мазепа, Петлюра, Бандера, Шухевич. Советский период, где Украина, благодаря Ленину, впервые появилась как государственное образование, объявили периодом оккупации со стороны России. Принятый Верховной Радой «Закон о декоммунизации», по сути, «обнулil» Украину как государство, созданное Лениным. Госпереворот «обнулil» и Конституцию Украины. Любая конституция есть договор между Центром и территориями, где определяются формы взаимоотношений между властью и населением. Первыми требованиями Донбасса после переворота были: федерализация и русский язык как второй государственный. Направленные новой властью против жителей танки и другая военная техника не оставили Донбассу выбора. Начало формироваться ополчение Донбасса, появились первые командиры, включая будущего первого Главу Республики А.В. Захарченко. События в Одессе 2 мая 2014 года, когда заживо укронацисты сожгли людей, сделали выбор Донбасса необратимым. 11 мая 2014 года, на Референдуме люди высказались за выход из Украины и создание ДНР и ЛНР. 8 лет борьбы с укронацистами не пропали даром. Россия, окрепнув и оценив угрозу нам и себе от коллективного Запада, который, напичкав оружием, советниками, деньгами Украину, взял курс на военное столкновение с Россией на территории бывшей Украины. Все попытки России по мирному договориться с Западом ими просто игнорировались. 24 февраля 2022 года против нацистского режима Украины была начата специальная военная операция (СВО). С основными целями – денацификацией и демилитаризацией Украины, лишением Запада возможности использовать территорию бывшей Украины против России, ДНР И ЛНР. На освобожденных от нацистского режима Украины землях население 4-х бывших ее территорий, под непрерывными обстрелами киевского режима, на Референдумах высказались за вхождение в Российскую федерацию: ДНР – «ЗА» присоединение к России – 99,23 %, ЛНР – 98,42 %, Запорожская область – 93,11 %, Херсонская область – 87,03 %. 30 сентября 2022 года Президент РФ В.В. Путин подписал Указ о присоединении ДНР, ЛНР, Херсонской области и Запорожской области к России. Процесс возвращения исторических территорий России в Российскую федерацию, начатый Крымом в 2014 году, получил свое институциональное продолжение в 2022 году, который, безусловно, продолжится и закончится исчезновением западного проекта «Украина как Анти-Россия».

5. О том, что Россия спасла от уничтожения граждан ЛДНР, введя СВО, сказано и писано много. И это так! За 8 лет Запад обучил, вооружил, информационно подготовил украиноцистский режим до такой степени, что он был готов не только атаковать Республики, но и территории России – Крым и, видимо, не только. Были отчеканены тысячи медалей «За возвращение Крыма», подтянуты к линии военного разграничения, согласно Минскому договору 2014–2015 гг., тысячи орудий, РСЗО, танков, пусковых ракетных установок «Точка-У», не менее 200 тыс подразделений ВСУ и националистических батальонов, наемников из стран Европы. Своевременное решение Путина спутало их планы. Сегодня линия военного противостояния России и Запада проходит через территорию Украины. «Украинский фронт» с человеческими потерями и разрушениями очень важный, но не основной. Основной фронт внутри России, за Россию. «СВО» и 8 пакетов санкций Запада против России, за время СВО обнажили многие внутренние проблемы в РФ, в ее «элите», управлении, в экономике, финансах, воспитании и образовании, в информационном пространстве. Россия победить должна внутри России. Победить «вора, предателя, бздуну и паникера» (Свящ. А. Ткачев), победить «элиту», которая, по циничному замечанию З. Бжезинского, - «не ваша, а наша», перестроить экономику и финансы, образование и науку, воспитание и отношение к своей стране, ее истории, культуре, ценностям, героям. Побеждая внутри, Россия всегда побеждает вовне. Всегда! Нам представляется, что историческая заслуга народных республик не только в том, что наши ополченцы (корпуса) 8 лет стояли на страже России, держа фронт на 400 км из 1200, защищая территорию России от разного рода враждебных действий Украины, но, прежде всего, в том, что мы только фактом своего существования, непреклонной стойкостью, были центром притяжения и консолидации всех патриотических сил в России. Тот, кто поддерживал Донбасс, поддерживал и Россию Вл. Путина. Объявленная В. Путиным частичная мобилизация – это не только и не столько мобилизация военного резерва, это мобилизация ресурсов, кадров, формирование поколения новых людей, нацеленных на победу с врагом, как их деды и прадеды, это мобилизация поколения, формирующего Новую Россию, где связь с исторической Новороссией, нашим символом и знаменем в 2014 году, несомненна. Донбасс был точкой бифуркации формирования Новой России (Ал. Проханов), такой Россия и должна стать, несмотря и вопреки тому, что делают наши враги как внутри страны, так и вовне. В мире, стоящем на изломе, победит тот, кто сумеет сформировать коалицию из стран, имеющих некоторые общие установки и ценности, обеспечивая тем самым сохранение цивилизационной основы для дальнейшего развития через выработку внутрикультурных целостностей, необходимых инструментов, новых функций, новых установок, обеспечивая тем самым собственное существование и преемственность в историческом пространстве и времени.

ЛИДЕРСТВО И РУКОВОДСТВО В СОЦИАЛЬНОМ БЫТИИ

Корнюхов Д.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

kornuhovd@gmail.com

Феномен лидерства представляет одно из наиболее актуальных направлений исследований в современном социально-гуманитарном знании. Лидерство – это мировоззрение, а также поведение, действия и система отношений, направленные на реализацию социального влияния личности или группы с целью социальной интеграции и достижения общественно значимых целей. Понятие лидерства тесно связано с понятием руководства. В данном контексте возникает вопрос о соотношении понятий «лидерство» и «руководство». Еще Т. Рузвельт разграничивал эти понятия и говорил, что лидер действует открыто, а руководитель – за закрытыми дверями; лидер ведет за собой, а босс – управляет. В современной науке так и не сформировалось единой позиции по вопросу того, являются ли лидерство и руководство совершенно разными явлениями, или, по сути, речь идет об одном и том же феномене и отдельных особенностях его проявления.

Руководство – это явление, неразрывно связанное с определенным официальным статусом, должностью, полученной в результате назначения или избрания. Другими словами, руководитель – это должностная позиция, которая предполагает наличие определенных полномочий и ответственность за определенные результаты работы. В феномене руководства, как и в феномене лидерства, присутствует влияние на последователей с целью их мотивации к выполнению тех или иных действий. Лидерство может возникнуть вне зависимости от официальной позиции и назначения, а вследствие наличия лидерских качеств и признания группой последователей. В случае, когда назначенный (избранный) руководитель одновременно выступает лидером, вдохновляющим последователей на достижение поставленных задач, практически невозможно разграничить понятия лидерства и руководства.

Определенную ясность в понимании сущности лидерства и руководства можно получить, обратившись к их функциональному аспекту.

К основным функциям лидера как субъекта и носителя феномена лидерства относятся: 1) определение групповых целей; 2) выстраивание межличностных отношений в группе таким образом, чтобы они способствовали достижению поставленных целей; 3) нахождение ресурсов для реализации групповых целей; 4) мотивация последователей к определенному типу поведения и действий; 5) формирование

мировоззренческих оснований, единых для всех членов группы, которые способствуют ее консолидации и выработки норм группового взаимодействия.

Возможны и другие формулировки функций лидера, которые, по сути, являются содержательно сходными между собой. Так, О.В. Евтихов [1] называет следующие функции лидера: 1) направление и расстановка приоритетов; 2) планирование методов и средств достижения целей; 3) контроль и координация; 4) администрирование через систему поощрений и санкций (формальных и неформальных); 5) экспертиза; 6) представление интересов группы во внешних инстанциях; 7) эмоциональная регуляция межличностных отношений и формирование морально-психологического климата в группе; 8) нормообразование (при этом лидер сам часто выступает эталоном и основателем групповых норм); 9) формирование группового мировоззрения; 10) выработка группой системы символов (при этом образ самого лидера часто выступает важнейшим символом).

Многие авторы (в частности, Е.В. Кудряшова, Т.Н. Самсонова, Е.С. Шпуга и другие) акцентируют внимание на том, что роли политического лидера присущи специфические функции, которые отличают этот тип лидерства от других. В этом контексте речь идет о выработке политического курса (ориентационная функция), побуждении к политическим действиям (мобилизационная функция), поддержании связей между массами и властью (коммуникативная функция), функции гарантий справедливости и верховенства права (легитимирующая функция) [2, с. 214], а также функции редукции общественных усилий и межличностного взаимодействия к однозначной выработке властной позиции (компенсаторная функция) [3, с. 156].

В целом, спектр функций лидера является более широким, чем спектр классических функций руководителя. Тем не менее, функции руководителя во многом сходны с функциями лидера и заключаются в следующем: 1) организация и планирование собственной деятельности и деятельности группы; 2) распределение задач и инструкции по их выполнению; 3) контроль и оценка результатов деятельности; 4) выдвижение и внедрение инноваций, усиливающих эффективность деятельности группы; 5) экспертиза; 6) представительство интересов группы; 7) проведение переговоров и организация эффективной системы коммуникации внутри группы. Говоря о функциональном наполнении роли руководителя, авторы зачастую делают акцент на функциях, связанных с должностной позицией руководителя, таких как организация стажировок, прием посетителей и проведение переговоров, ведение отчетности, внедрение инноваций и т.п.

А. Залезник указывает на то, что роли лидера и руководителя (менеджера) различаются по следующим параметрам: 1) отношение к

задачам (лидеры ставят новые задачи, в то время как менеджеры сохраняют статус-кво); 2) отношение к деятельности (лидеры склоняются к риску, менеджеры – к отлаженным рутинным схемам работы); 3) взаимодействие с последователями (лидеры апеллируют к эмоциям членов группы, менеджеры опираются на формальные отношения и должностные обязанности); 4) самоощущение личности (лидеры воспринимают себя достаточно независимо от позиции в социальной иерархии, для менеджеров иерархия занимает ведущее место, поскольку сами они предстают ее «хранителями») [4, с. 67–68].

В целом, анализируя различия ролей лидера и руководителя, можно представить их в виде следующих аспектов: 1) новаторство – администрирование; 2) вдохновение и доверие – контроль; 3) следование собственным целям, сформированным внутри группы – следование целям, поставленным вышестоящими структурами; 4) гибкое планирование – жесткое планирование; 5) опора на группу последователей – опора на социальную систему; 6) сочетание формальных и эмоциональных аргументов – формальные аргументы; 7) инициирование динамики – поддержание динамики; 8) акцент на творческий энтузиазм – акцент на профессионализм; 9) персональный авторитет – формальный авторитет; 10) регуляция неформальных отношений – регуляция формальных отношений.

В целом, в функциональном аспекте лидер как носитель феномена лидерства отличается более широким, чем руководитель, спектром функций. Хотя лидерство и руководство – это разные феномены, которые нельзя отождествлять, любое разделение функций лидера и руководителя будет носить весьма условный характер, поскольку в различных ситуациях эти явления могут совпадать, сближаться или отдаляться друг от друга. Оба феномена в своей основе имеют много общих функциональных аспектов, в числе которых: 1) координация и организация социальных отношений; 2) реализация социального влияния в группе; 3) формирование групповой иерархии (субординация членов группы).

Список литературы

1. Евтихов О.В. Управление персоналом организации / О.В. Евтихов. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 297 с.
2. Кудряшова Е.В. Лидерство как предмет социально-философского анализа: диссертация... доктора философских наук: 09.00.11. – Москва, 1996. – 359 с.
3. Самсонова Т.М., Шпуга Е.С. Политическое лидерство перед вызовами современности / Т.М. Самсонова, Е.С. Шпуга // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2016. – №4. – С. 142–163.
4. Rejai M., Phillips K. Leaders and Leadership. An Appraisal of Theory and Research / M. Rejai, K. Phillips. – Westport: Praeger Publishing, 1997. – 158 p.

МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Костина А.В., д-р филос. наук, д-р культурологии, проф.
АНО ВО «Московский гуманитарный университет», г. Москва, РФ
akostina@mosgu.ru

Введение. Долгое время – фактически с распада Советского Союза – основной формой геополитического, экономического, социокультурного взаимодействия был глобализм. Для этого были все основания: экономическая централизация в виде транснациональных корпоративных связей; развитие инструментов глобального политического регулирования в виде международных организаций – ООН, ВОЗ, МАГАТЭ и т.п.; информационные связи – прежде всего, Интернет и все его инструменты; единые валютные системы, регулируемые МВФ. К глобальному миру достаточно быстро все привыкли. Тем более, что этот мир, действительно, в значительной степени существовал как некая ценностная гомогенность – если иметь в виду общность потребления, обеспечивающую символическое присутствие в западном сообществе всех причастных к этому потреблению как причастных к «культурному гражданству», по слову Н. Стивенсона [1]. Таким образом, мир, а особенно, те страны, которые исторически были связаны с Европой – среди них, безусловно, Россия, оказывался объединенным множеством связей, представлявших на том этапе развития прочными и нерасторжимыми.

Основная часть. Однако была единственная сфера, которая активно сопротивлялась натиску глобализации. Такой сферой оставалась культура. Ни китайский мир, ни индийский, ни арабский не приняли универсализирующего влияния глобализации. С положением о невозможности глобализации в сфере культуры многие ученые, политики, философы (Э. Смит, Э. Озбудун, Е. Кейман [2]) спорили. И все же многие страны показали способность к сопротивлению этому процессу. Если размышлять на эту тему на уровне философской абстрактизации, культура – а это ценностные миры – не могут быть подвергнуты универсализации ввиду отсутствия единого основания для их объединения. В отличие, к примеру, от экономик или финансовых систем, которые вполне способны к созданию подобных единых пространств.

В настоящей геополитической ситуации концепция глобального однополярного мира опровергается самим общественным развитием, а идея многополярного мира становится актуальной теорией, напрямую связанной с реальными социально-политическими процессами. Сегодня становится очевидным, что теория глобализации, несмотря на ее объективные основания, в значительной степени выступала в качестве

политико-экономического проекта. Этот проект был направлен на легитимацию того доминирующего положения, которое заняла Америка после развала Советского Союза. Длительная и планомерная работа коллективного Запада в ходе «холодной войны» по ослаблению влияния СССР не только на союзнические страны Варшавского договора, но и на страны НАТО, привела к той ситуации, которую в 2005 г. в послании Федеральному собранию Президент России В.В. Путин назвал «крупнейшей геополитической катастрофой» XX века. Суть этой катастрофы состоит в расколе Русского мира, когда 25 миллионов русских людей превратились из сограждан в представителей разных государств. При этом речь идет не только об этнических русских, но также о тех, кто всегда считал русскую (тогда – советскую) культуру своей, кто говорил на русском языке, кто обоснованно рассматривал все достижения русской культуры – науки и технологий, литературы и искусства – своими, вне зависимости от собственной этнической принадлежности. Все это составляло суть отечественной национальной культуры, которая вбирала в себя культуры всех народов и народностей, населявших страну.

Те же смыслы и ценности – несмотря на их планомерное разрушение в 1990-е гг. через систему СМИ, образования, рыночные установки – присущи и современной России. И в этом смысле вполне возможно говорить о том, что Россию можно рассматривать не только как национальное государство, но как цивилизацию, обладающую исторической, культурной, ценностно-символической идентичностью, осознаваемой и ощущаемой всеми народами, входящими в ее состав. При этом – либо в контексте дискурса «столкновения цивилизаций», либо как взаимодействия равноправных субъектов – актеров. Однако реальность сегодняшнего дня показывает вполне очевидно, что проект однополярного глобального мира оказался не самым оптимальным – прежде всего, с точки зрения глобальной безопасности. Признание Америкой за собой права формировать «контуры нового мирового экономического порядка, который будет и впредь отражать наши интересы и ценности» [3] означает – как это следует из стратегий национальной безопасности США 2015 и 2017 гг. – необходимость внедрения этих интересов и ценностей. Это «внедрение» стало основой событий и «арабской весны», и «оранжевых революций», и той гибридной войны, которая активно ведется коллективным Западом против России и ее союзников [4]. То, что именно ценности являются важнейшим элементом любого крупного геополитического объединения, стало уже своеобразной аксиомой. И мы видим сегодня, что именно цивилизационное единство привело и к признанию Россией суверенитета Донецкой и Луганской народных республик, и к подписанию с руководством ДНР и ЛНР договоров о дружбе и взаимной помощи, и объявлению Президентом России В.В. Путиным о специальной военной операции, направленной на защиту

людей в ДНР и ЛНР от геноцида со стороны киевского режима. Однако для установления мира и взаимопонимания между разными странами необходимо взаимодействие, культурный обмен, туристические связи, студенческая и профессорская мобильность. Важность этих процессов постулируется в принятой совсем недавно Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом [5], принятой Указом Президента России 5 сентября 2022 г. № 611.

Заключение. Все сказанное свидетельствует о том, что мир из однополярного активно преобразуется в многополярный, соответственно, и концепция глобализации уступает место и свое значение концепции полицентричности и многополярности, которая уже доказала свою жизнеспособность на примере такого межгосударственного объединения, как БРИКС, активно функционирующее с июня 2006 г. и обсуждавшее направления дальнейшего сотрудничества 24 июня 2022 г. на 14 саммите в Китае. И только из основных постулатов концепции многополярного мира можно сегодня исходить в мировой политике, охватывающей все мировое геополитическое пространство.

Список литературы

1. Стивенсон, Н. Глобализация, национальные культуры и культурное гражданство // Глобализация: контуры XXI века: Реф. сб. / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, Горбачёв-фонд; [Редкол.: Ю. Н. Игрицкий (отв. ред.) и др.]. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – Ч. 3. – 196 с. ISBN 5-248-00108-9. – С. 7.
2. Озбудун, Э., Кейман, Е. Фуат. Культурная глобализация в Турции. Акторы, дискурсы, стратегии // Многоликая глобализация: культурное разнообразие в соврем. мире / под ред. Питера Л. Бергера и Сэмюэля П. Хантингтона; пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 378 с. – С. 336. ISBN 5-7567-0320-9
3. Стратегия национальной безопасности США 2015 г., раздел 3. Благополучие. URL: Полный текст стратегии национальной безопасности США » ОКО ПЛАНЕТЫ информационно-аналитический портал (oko-planet.su) (дата обращения: 03.09.2022).
4. Белый дом представил промежуточную стратегию США по национальной безопасности // ТАСС. URL: Белый дом представил промежуточную стратегию США по национальной безопасности - Международная панорама. – ТАСС (tass.ru). (дата обращения: 03.09.2022).
5. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Принята Указом Президента России 5 сентября 2022 г. № 611. URL: Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611 · Официальное опубликование правовых актов · Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) (дата обращения: 03.09.2022).

ВЛИЯНИЕ СКАЗКОТЕРАПИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Красова И.Е.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
krasova.irisha@mail.ru

Введение. К числу современных методов практической арт-психологии по праву относят сказкотерапию, как способ психокорректирующего и воспитательного воздействия на глубинные психологические процессы и формирование ценностных установок личности не только ребенка, но взрослого. Исследование научной литературы [2, 3, 4, 5] свидетельствует о том, что сказкотерапия обладает огромным социально-психологическим потенциалом и способна решать сложные личностные проблемы, преодолевать страхи и тревоги личности, транслировать ценности на уровне закодированных сигналов, передающихся из глубин житейского опыта поколений. Потенциал сказки раскрывается через ее смысловое наполнение и возможность с использованием метафор определять линии взаимоотношения человека с окружающим миром [2, с. 32].

Основная часть. С позиции философской герменевтики сказка представляется набором закодированных символов, формирующих ценностные установки и придающих смысл происходящим событиям и совершаемым поступкам через вымышленную историю. Сказка содержит открытые для истолкования символы и метафоры, которые требуют глубокого осмысления и сопоставления с внутренним опытом личности [1, с. 170]. Несмотря на простоту и иносказательность многих сказок, в сказке можно отыскать множество самых разных и глубоких смыслов, что очень важно для воспитания современного поколения детей, выросших в условиях информационной размытости и неопределенности.

Благодаря сказке формируется отношение ребенка к происходящему через осмысление мотивов поведения сказочного героя. Именно поэтому основное направление в сказкотерапии делается на умение интерпретировать поведение героя сказки и связывать иносказательные образы с реальностью. Психологи в своей деятельности прибегают к самым различным способам воздействия на личность ребенка или взрослого с использованием сказкотерапии. Среди таких направлений исследователи выделяют: инсценирование сказок; чтение или обсуждение самой сказки; знакомство с образными выражениями; подведение к умению выразительно интонировать реплики героев; ритмизация движений [5, с. 1210].

Различные методы сказкотерапии направлены на развитие таких психических процессов, как образное мышление, воображение, память, внимание, более того, они позволяют развиваться ребенку и эстетически, учат воспринимать прекрасное и сопереживать, отличать правду от лжи, искренность от двуличия. Более того, как отмечает И.А. Кохановская [4, с. 267], сказка позволяет справиться с внутренними страхами, формирует способы преодоления негативных эмоций. Представляется, что в условиях эмоциональной отчужденности и порой чуждости взрослых очень важно продемонстрировать посредством чтения сказок безразличие взрослого к интересам и потребностям ребенка, который только учится воспринимать все сложные взаимоотношения в мире. В этом аспекте сказка является символически-нравственной моделью нравственного поведения, которая представлена опытом поколений и закодирована на различных смысловых уровнях. Педагогу и, более того, психологу важно показать все эти смысловые уровни, донести до сознания ребенка, показать все смысловое многообразие сказок.

Сказкотерапия направлена на то, чтобы помочь ребенку сконцентрировать свое внимание на некоей житейской проблеме и показать возможные пути ее решения, при этом, без каких-либо жестких рекомендаций. Сказка проигрывает определенные ситуации морального выбора, а поскольку сказочные персонажи несут в себе характеристики реально существующих людей, то в условиях некоего конфликта, который заложен в сказке, ребенок учится определять желательную линию своего поведения, выбирает способ решения конфликтной ситуации, если такой возникнет в реальной жизни. В этом плане сказка позволяет воспитать в ребенке личность, способную решать свои проблемы в соответствии с уже сформированными моральными ценностями, которые передаются с помощью сказки.

Заключение. Итак, посредством языка и сюжетной линии сказок ребенок способен постигать мир посредством соотношения мотивов поведения сказочных героев с миром реальных человеческих отношений, переносить опыт поколений, заложенный в сказке, на опыт собственного поведения в ситуации сложного морального выбора. Сказка дает простую и ясную рекомендацию, как поступать нужно, а от каких действий желательно воздержаться. Тем самым формируется поведенческая сторона личности ребенка, ориентированная не на простое копирование поведения взрослых, а на осмысление мотивов такого поведения с учетом поведения сказочных персонажей.

Список литературы

1. Богатырева, Ж. В. Метафора «превращения» в волшебной сказке: философский анализ / Ж.В. Богатырева, О.А. Арутюнова // КАНТ. – 2019. – №3(32). – С. 169-172.
2. Вачков, И. В. Сказкотерапия: Развитие самосознания через психологическую сказку / И.В. Качкова. – 3-е изд., переработка и доп. – М.; Ось-89, 2007. – 144 с.

3. Гордон, Т. С. Сказкотерапия как способ борьбы с фобиями / Т.С. Гордон // Вестник университета. – 2020. – №10. – С. 169-173.
4. Кохановская, И. А. Сказкотерапия как метод работы с детьми с повышенной тревожностью / И.А. Кохановская // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – №1(53). – С. 266-269.
5. Нигматова, М. М. Арт-терапия как средство адаптации детей раннего возраста к ДОО / М.М. Нигматова, Д.Ш. Мирзаева // Orientalrenaissance: Innovative, educational, naturalandsocialsciences. – 2022. – №2. – С. 1209-1211.

УДК 141.12+141.13

ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ МАРКСИЗМА В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ: СЛУЧАЙ С. Н. БУЛГАКОВА

*Кухтин М.М.¹, канд. полит. наук, доц.,
Терсимонов А.С.*

¹ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ,

²МБОУ «Гимназия информационных технологий № 61 города Донецка», г. Донецк, РФ
mikhail-kukhtin@yandex.ru

Введение. Историки философии нередко трактовали советский марксизм как полную противоположность русскому дореволюционному идеализму. Такое понимание глубоко недialeктично, потому что новые формы общественного сознания никогда не опираются на голое отрицание какой-либо части культурного наследия. А. П. Платонов и К. Э. Циолковский продолжали развивать в советский период идеи Н. Ф. Федорова (всеохватная регуляция природы – и человеческой, и внеземной). Творчество А. Ф. Лосева связало дореволюционную и современную русскую философию, причем его марксистские произведения не были простой мимикрией [1, с. 91-92].

Основная часть. В данном контексте весьма интересен путь С. Н. Булгакова «от марксизма к идеализму». Было бы ошибкой трактовать его как простой разворот на 180 градусов. «Мое теперешнее идеалистическое мировоззрение складывалось в атмосфере социальных идей, марксизма и уже поэтому оно не есть, не может и не должно быть сплошным его отрицанием, напротив, оно стремится к углублению и обоснованию именно того общественного идеала, который начертан на знамени марксизма и составляет его душу» [2, с. VI]. Иными словами, здесь можно говорить о стремлении «снять» марксистское учение в гегелевском смысле слова, включить его рациональное зерно как подчиненный элемент в идеалистическое мировоззрение, что необходимо предполагает достаточно радикальное переосмысление «Капитала», но не его развенчание или фальсификацию. Сходным образом, идеи Ньютона не

были опровергнуты открытиями Эйнштейна, но получили благодаря им новое освещение, что помогло выявить границы их применимости и точнее определить их место в истории познания. Интересно, что марксисты с самого начала заявили симметричный философский проект – «снятие» идеализма, инкорпорацию его лучших достижений в систему материалистической диалектики («Три источника и три составных части марксизма» В. И. Ленина). То есть для многих мыслителей речь здесь идет не о полном отсутствии точек соприкосновения, а о том, что (выражаясь метафорически) является в данном случае арифметикой, а что – алгеброй или высшей математикой. Позже С. Н. Булгаков вернулся к обсуждаемой проблеме. «Зависимость человека от хозяйства есть плен смерти, сама эта смерть. Хозяйство есть рабство смерти, и потому оно подневольно, корыстно, и к нему относится правда марксизма, который есть немотствующий философский пересказ II главы *Бытия* (о суде Божиим над человеком). Однако и в падении человек сохраняет свою софийную природу, и его хозяйственная жизнь отмечена не одной корыстью, но и творчески-художественным призванием человека, служением идеалу и, как все человеческое, стремлением *себя перерастить*» [3, с. 142]. Иными словами, homo economicus живет в «царстве необходимости», на смену которому должно прийти «царство свободы». Капитал – это мертвый труд, поглощающий все больше живого труда, постепенно усугубляющий зависимое, угнетенное положение наемного работника, несовместимое с раскрытием его человеческого потенциала. Термин «смерть» может здесь трактоваться не только в религиозном контексте грехопадения, но и как метафора отчуждения, противоположного нормальной, полноценной жизни. Это не исключает и прямого значения слова, поскольку при капитализме большинство людей вынуждены жить и трудиться в условиях, которые преждевременно истощают их физические и психические ресурсы (выражение «возраст дожития» в данном отношении весьма характерно). Кроме того, разнообразные социальные конфликты (включая войны) очень дорого обошлись человечеству, и положить им конец удастся нескоро. Наконец, в приведенной цитате есть и имплицитное объяснение эксплуатации: если из-за грехопадения человечество и порочно, и обречено на тяжкий труд, одни люди неизбежно будут решать свои проблемы за счет других. Однако есть и хорошая новость: нарастающие противоречия отчужденного мира побудят человечество найти творческий ответ на перечисленные вызовы и наконец достичь мировой гармонии (имманентной или трансцендентной – это другой вопрос).

Марксист может заметить, что все это давно известно, что незачем впадать в оппортунизм, пересказывая научную критику капиталистических устоев на языке «христианского социализма» и тем самым искажая и выхолащивая ее. Однако не все так просто. Разумеется, проблема отчуждения уже получила строго научную разработку в «Экономическо-

философских рукописях 1844 г.», а постсоветские критические марксисты (например, А. В. Бузгалин) творчески развили данные идеи. Однако в официальной советской философии упомянутая работа К. Маркса относилась к его «ранним» (незрелым?) произведениям и была деликатно вынесена в 42-й (дополнительный) том второго издания сочинений классиков. Это позволяло избегать ее подробного обсуждения, которое многими считалось нежелательным, поскольку эксплуатация и угнетение – это только отдельные аспекты отчуждения (хотя и первостепенно важные), не исчерпывающие всего многообразия его видов и форм. Приходится признать, что отчуждение сохраняется и при социализме. Оно воплощено в государственных аппаратах, имеющих собственные интересы, которые никогда полностью не совпадают с общенародными, хотя могут быть очень близки к этому. Далее, и при социализме сохраняются разновидности необходимого труда, которые не могут ни заинтересовать человека, ни помочь раскрытию его потенциала (например, конвейерное производство, пока не подлежащее полной автоматизации). Наконец, не следует забывать и о «родимых пятнах» капитализма в общественной практике и в общественном сознании. Полное преодоление отчуждения – дело коммунистического будущего. Когда позднесоветским руководителям окончательно стало ясно, что движение вперед застопорилось, изучение отчуждения как такового было, по сути, подменено исследованием отдельных его аспектов. Творческие марксисты (Лукач, Лившиц, Ильенков), не принимавшие такую постановку вопроса, нередко сталкивались с противодействием философского официоза. Сталинская работа «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой разотчуждение рассматривается как серьезная практическая задача, ожидаемо не занимала значимого места в брежневском диамате. Советский Союз со временем перестал воспринимать себя как авангард нового мира. По сути, он перешел к политическому реализму в международных отношениях (что было чутко зафиксировано и отмежевавшимися от него зарубежными компартиями, и командой Никсона-Киссинджера) и к нетворческой работе на удержание во внутренней политике. После этого вероятность краха советского строя выросла на порядки.

Заключение. Если марксисты не дадут достойного ответа на те или иные исторические вызовы, пустующую нишу займут талантливые идеалисты. Далее, когда марксизм становится государственной идеологией, связанной в массовом восприятии с социальной адаптацией (принятыми «правилами игры») и карьерными перспективами, увеличивается риск его выхолащивания. Булгаков же был своеобразным «вечным диссидентом». При монархии он часто бывал не в ладах с цензурой, после революции был вынужден покинуть страну, а в эмиграции подвергался резкой критике за свою софиологию. Соответственно, ему на протяжении всей жизни удавалось избегать творческого оскудения, хотя нередко и дорогой ценой.

Для брежневского диамата, напротив, был скорее характерен конформизм, который в итоге сослужил ему (и обществу в целом) дурную службу.

Список литературы

1. Даренский, В. Ю. Марксизм позднего А. Ф. Лосева как мировоззренческий феномен / В. Ю. Даренский // Марксизм и современность: альтернативы XXI века. Международная научная конференция. – Донецк: ДонНТУ, 2018. – С. 89–97.
2. Булгаков, С. Н. От марксизма к идеализму / С. Н. Булгаков. – Санкт-Петербург, 1903. – 347 с.
3. Булгаков, С. Н. Душа социализма / С. Н. Булгаков // Русский космизм. – Москва: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 141–145.

УДК 101.9+37.026.3

ПОНИМАНИЕ СТУДЕНТОМ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ

Лустин Ю.М., канд. филос. наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
им. Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
lustin56@mail.ru

Понятие «понимание» является определяющим в компетентностном развитии мышления личности студента, что объясняет его методологическую значимость в процессе достижения эффективных результатов в учебно-образовательной деятельности. Понимание служит связующим звеном между психикой, сознанием, мышлением, рефлексией, самопознанием, интеллектом, интуицией, практикой обучающегося. Посредством понимания субъект образовательной среды саморегулирует жизнедеятельность на основе личностных ценностей, цивилизационных перспектив и общепризнанного позиционирования себя в качестве самодостаточной и преуспевающей личности (П.С. Гуревич и др.).

Понимающее мышление студента наиболее продуктивно совершенствуется в философской парадигме образовательной креативности, которая редуцирована системой научных дисциплин, преподаваемых в высшей школе (В.Н. Грищенко, И.С. Огоновская и др.).

По мнению многих исследователей, понимание является фундаментальным средством социального познания, движущей силой интеллекта (Т.В. Борзова, С.А. Гильманов, И.М. Ильинский, Т.Я. Квасюк, А.В. Никишкин). Понимание расширяет концептуальное пространство мыслительных компетенций личности, углубляет рефлексивное построение новых когнитивных парадигм. По мнению Т.М. Артемьева, понимание является связью мыслительного и чувственного процессов [1].

Понимание – это «познавательная операция мыслительной деятельности, интеллектуально направленная на всестороннее постижение реальной действительности в сравнительных формах мышления человека, смысловая характерность которых конкретизирует осознанный способ практики субъекта социальности» [2, с. 72].

Если под социальной реальностью понимать действительность социального мира, то есть существующие в фактах конкретности социальные явления и события, то философию понимания социальной реальности сознательным членом общества можно определить в качестве креативного процесса целеопределенного постижения логики движения мысли от психического образа воспринятой реальности к практическому действию субъекта общественной практики.

Несомненно, позитивное формирование креативного отношения к процессам, имеющим место в социальном пространстве общества, происходит в период становления личности и особенно во время ее обучения в образовательном учреждении (Е.Г. Белякова, Т.В. Борзова, Е.В. Жидкова, В.В. Знаков, А.М. Новиков, А.И. Ракитов [3], Е.Н. Соколов).

Философская парадигма образовательных технологий высшей школы направлена на качественное формирование у обучающихся высокого уровня методологической культуры мышления, выработку практико-ориентированного стиля философской рефлексии, сопряженного с мировоззренческим концептом истинно верного социального действия.

Креативная содержательность понимания социальной реальности студентом наиболее полно раскрывает свою концептуальную сущность в многофункциональной системесамореализации его мыслительного потенциала: «субъективный образ – понятие – рефлексия – мыслеформы мышления – смысл – интеллект – практическая деятельность».

Креативные технологии познавательно-ориентированного образования в высшей школе являются системообразующим модусом применения правильно выбранной последовательности организационных и смыслоформирующих действий учебной и эпистемологической характеристики, оптимизация которых строится с учетом антропо-социальных показателей, психологических ресурсов, интеллектуального потенциала студента. В этой связи особое значение приобретает философия использования различных модульных технологий, специальных логических средств познания, которые углубляют акты осмысленного отношения к реальности. Рациональность такого подхода позволяет рассмотреть основные логические средства понимающего мышления личности обучающегося:

– *абстрагирование* (мыслительная операция, основанная на отвлечении от несущественных признаков объекта и выделение в нем главного, основного, коренного);

– *анализ* (мыслительная операция расчленения сложного объекта на его составляющие части, структурные элементы);

– *синтез* (мыслительная операция по соединению различных частей, элементов, сторон предмета в единое целое, в общую систему);

– *индукция* (мыслительная операция, направленная на движение знания, субъективных рассуждений от отдельного к всеобщему, от особенного к закономерному);

– *дедукция* (мыслительная операция, направленная на выведение частного, особенного, единичного из общего);

– *обобщение* (мыслительная операция, заключающаяся в объединении объектов, предметов, явлений по какому-нибудь признаку);

– *классификация* (мыслительная операция, направленная на деление и упорядочивание понятий, предметов, явлений по какому-либо систематизирующему основанию);

– *конкретизация* (мыслительная операция по воспроизведению, восстановлению, обнаружению объективной целостности чего-либо в контексте связи единичных вещей смыслополагающей определенности).

Философской особенностью понимания социальной реальности является реализация возможности определять осознанный способ общественно признанного действия будущего специалиста на основе единства уровней мышления (наглядно-действенное, конкретно-образное, абстрактно-логическое, словесно-логическое), а также имеющихся у него практико-ориентированных знаний и социального опыта профессии.

Таким образом, понимание является фундаментальным понятием социального познания, которое фокусирует интегральность человеческого разума. Смыслопонимающий характер мышления имеет конструктивный характер, что повышает эффективность деятельности студента в должностующих приоритетах общественного бытия.

Образовательные технологии высшей школы направлены на формирование понимающего мышления обучающихся, которое раскрывает подлинный смысл их профессионального становления. Диалектика воссоздающей способности сознания и мышления студента понимать социальную реальность детерминирована разрешением противоречий объективной и субъективной данности, которые отражают его стремление к истинно верному постижению научной содержательности образования, приоритетов профессионального роста.

Креативность и инновационность понимающего мышления способствует развитию у обучающихся философского стиля мыслительной деятельности, содействует концептуальному владению категориальным аппаратом теоретического познания и когнитивно-рефлексивной методологией профессионально-ориентированных практических действий.

Список литературы

1. Артемьев Т.М. Понимание как синтез интуиции и рефлексии / Т.М. Артемьев // Современные проблемы науки и образования, 2014. – № 2 (Электронный журнал). URL: www.science-education.ru/116-12370 (дата обращения: 01.08.2022).

2. Лустин Ю.М. Понимание как типологическое средство мышления субъекта социальности / Ю.М. Лустин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – 2019. – № 3. – С. 67–74. ID: 41431414
3. Ракитов А.И., Анисимова А.Э. Образование, наука, социальная реальность // Социология науки и технологий. – 2015. – Том 6. – № 4. – С. 89-95. ID: 25000634.

УДК 316.4

КОНЦЕПЦИИ ЗАПАДНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ДЛЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ ПО-АМЕРИКАНСКИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К УКРАИНЕ

Макаревич Э. Ф., д-р социол. наук

АНО ВО «Московский гуманитарный университет», г. Москва, РФ,
edward.makarevich@mail.ru

Введение. Вооруженные силы России и ополченцы ДНР и ЛНР успешно ведут специальную военную операцию на Украине. Они добиваются прекращения геноцида русского населения и устранения прямых угроз безопасности России со стороны США и их сателлитов, которые в течение долгих лет создавались ими на территории Украины. Если смотреть на сегодняшние события на Украине через призму истории, то они предстают во многом как реализация некоторых научных концепций, созданных американскими и европейскими учеными за последние пять десятилетий. Госдепартамент США, ЦРУ, различные американские институты и фонды, среди которых прежде всего институты Демократической и Республиканской партий США, опирались и опираются на эти концепции и разработки, выстраивая и осуществляя проекты американского глобального лидерства и противостояния с Россией, угрожая ее целостности и безопасности. В ряду этих интеллектуалов с учеными званиями следует выделить Л. Штрауса, Э. Геллнера, З. Бжезинского, Р. Конквеста, Ж. Делеза.

Основная часть. Философ, профессор Чикагского университета Лео Штраус, исходя из морального принципа борьбы добра со злом, предложил такие понятия, как «хороший гражданин» и «достойный человек». Их различие в том, что «хороший гражданин» связан с режимом, а «достойный человек» такой связи не имеет. Но только в случае наилучшего режима понятия «достойный человек» и «хороший гражданин» тождественны. И это, конечно, режим, сложившийся в США. На языке классической метафизики, – отмечал Штраус, – родина или нация есть материя, тогда как строй – форма, которая по своему достоинству выше материи. Отсюда он делает вывод, что «наилучший строй важнее, чем родина»¹. Этот вывод, ставший известным в начале «холодной» войны,

до сих пор является предметом сражений в коммуникационных мировоззренческих войнах. Штраус проводил параллели между коммунизмом и нацизмом, представляя их как зло абсолютное. Поэтому борьба с этим злом должна быть радикальной. А если представить США в качестве субъекта абсолютного добра, борющегося с мировым злом (а его можно найти всегда), то это становится философией развития страны. Так американская научная элита пришла к созданию политической теории глобализации, вытекающей из философии Штрауса. В основе этой теории – идея глобальной демократии, которая должна мотивировать миссионерскую деятельность США, организацию разного рода «революций» для смены существующей власти в разных странах мира.

Еще более сильную концепцию для практики подобных «революций» предложил британский макросоциолог Э. Геллнер. Его книга «Нации и национализм» стала руководством к действию для организаторов политических проектов и стратегов массовых коммуникаций на годы вперед. Э. Геллнер рассматривал нацию не как общность людей на основе общих языка и культуры, территории и экономической деятельности, а как сконструированный политический проект, согласно которому «нации делает человек; нации – это продукт человеческих убеждений, пристрастий и склонностей»². Как считал Э. Геллнер, культуры, которые национализм требует защищать и возрождать, часто являются его собственным вымыслом или изменены до неузнаваемости.

В начале 2000-х годов США, в соответствии со своими геополитическими соображениями, выбрали Украину, чтобы превратить ее в игрока первой линии в своей борьбе за глобальное лидерство на восточном направлении, где сходятся интересы Европы и России. В этой геополитической игре Украина, по замыслу американцев, должна была создать свою новую нацию. И тем самым выйти из культуры российской цивилизации, которая объединяла людей различных этносов – русских, украинцев, белорусов, казахов и других, проживавших на территории СССР и именуемых в свое время советским народом, ядро которого составляли русские благодаря многочисленности и притягательной силе своей культуры. Согласно Э. Геллнеру, не нации порождают национализм, а национализм порождает нации. Когда эта идея овладела умами геополитических стратегов, тогда в одном из американских научных центров политический проект национализма для Украины обрел ведущую идею – «украинство». Под эту идею на американские гранты украинские обществоведы обосновывали ведущую роль украинского этноса в рождении древнерусского государства, а потом и самостоятельную историю украинцев. Идея украинства закладывалась в новые учебники истории для школ и университетов. Вожди политических партий, учителя, организаторы массовых коммуникаций, национальной культуры, публичных ритуалов, организаторы поиска и канонизации национальных героев, коими оказались радикалы-бандеровцы, – все работали на идею

украинского национализма, тоталитарность которого формировала новую, украинскую нацию. Вся эта открытая и скрытая деятельность поддерживалась различными американскими институтами и фондами, среди которых ведущая роль принадлежала институтам республиканской и демократической партий США.

Особенность влияния США на продвижение демократии в мире в последнее десятилетие заключалась в использовании могущества американской правящей элиты. Вот как объяснил это теоретик глобального лидерства США З. Бжезинский: «Воодушевленные концентрацией знания, интересов, власти и ответственности, имперские бюрократы стали смотреть на себя как на людей, обладающих всем необходимым для того, чтобы определять поведение Америки в этом сложном и опасном мире»³. Эта политическая доктрина определяла перспективы развития человечества в условиях глобализации и распространения демократии под управлением американской элиты. Но в последние годы определилась весьма существенная стратегия изменения образа России. Согласно ей, Российская Федерация должна быть в конфликте со всеми бывшими республиками Советского Союза. И конфликты эти должны брать начало в историческом прошлом, порождать недоверие и неприязнь среди братских народов. Все начинается с обращения к определенным ценностям – к свободе, к памяти о событиях в истории народа, до сих пор причиняющих боль, которую можно превратить в ненависть к источнику этой боли – к власти, к другим народам. Для Украины была выбрана боль, связанная с массовой смертью людей от голода в некоторых ее областях в 1932-1933 гг., что получила название «голодомор». В теме «голодомора» особенно преуспел Р. Конквест в Гарвардском Институте украинских исследований. Плодом его усилий стала книга «Скорбная жатва».

За «ненасильственной» практикой свержения существующей власти в той или иной стране стоит философия французского постструктурализма. Ее суть, как ее видел один из столпов этого течения Ж. Делез, состоит не в отражении некой данности, а в создании определенного понятия, которое приведет к новой, будущей данности. Эта философия обосновывает расчленение образов целостного объекта, и конструирование новых образов, которые должны породить новый объект. Именно постструктуралисты предложили концепцию восприятия мира, именуемую ныне постмодерном, и имеющую прямое отношение к «революционным» технологиям.

Список литературы

1. Штраус, Л. Что такое политическая философия? Глава из книги: Лео Штраус. Введение в политическую философию. Пер. с англ. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С. 9-50.
2. Геллнер, Э. Нации и национализм: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – С. 35, 127.
3. Бжезинский, З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – М., 2004. – С. 254.

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОГНОСТИКИ В ТРАКТАТАХ ЦИЦЕРОНА

Михайлов А.Е., канд. филос. наук, доц.,

Михайлова М.В., канд. филос. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Кировский государственный медицинский университет», г. Киров, РФ

aemikhailov@yandex.ru

Введение. Способность человека предвидеть будущее стала предметом исследования некоторых античных философов. Уже Платон стремился мистическому искусству прорицателей противопоставить рациональный подход в этой специфической области познания. В одном из платоновских диалогов Сократ предлагал согласиться с тем, что «и прорицание – наука о будущем, и рассудительность, руководя им, отпугнет всех шарлатанов, истинных же пророков назначит нам прорицателями того, что должно свершиться» [1, с. 367].

Основная часть. В трактатах Марка Туллия Цицерона (106-43 гг. до н. э.) «О природе богов», «О дивинации», «О судьбе» рассмотрены основные положения подходов, сложившихся к тому времени в прогностической проблематике. Позиция автора по интересующим его вопросам прикрыта описанием аргументации собеседников, которые их обсуждают. Прделанный Цицероном анализ понятий «судьба», «случайность», «необходимость», «возможность», «свобода», «причинность», «предсказуемость», «истинность» и других, способствовал формированию категориального аппарата прогнозирования как вида научного поиска.

В трактате «О природе богов» уязвимость позиции стоиков представлена как следствие их религиозности и фатализма, согласно которому все происходящее «проистекало от извечной истинности и вызвано неразрывной последовательностью причин». Философия стоиков сравнивается с необразованной старухой, объясняющей всё происходящее ссылками на судьбу. В критическом обращении к стоикам говорится: «Отсюда же и ваша *μαυτική* (искусство прорицания), что по-латыни называется дивинация (*divination*), и от которой, если бы мы захотели к вам прислушиваться, то заразились бы таким суеверием, что должны бы были почитать [за святых] и гаруспиков, и авгуров, и прорицателей, и толкователей снов» [2, с. 77-78].

Распространенность среди разных народов мнения о существовании у людей способности предчувствовать и узнавать будущее не признается аргументом её реальности. Цицерон констатировал отсутствие единства у философов по этому вопросу. Некоторые философы (Ксенофан из Колофона, Эпикур) – отрицали дивинацию, другие (Пифагор, Сократ,

Зенон, Демокрит, представители Старой Академии и перипатетики) – так или иначе её признавали. Существование дивинации возможно только при условии существования богов. Но поскольку их существование не доказано, то будущее может себя обнаруживать и без божественного участия через естественные предзнаменования. И даже из предположения о существовании богов ещё не следует, что они наделили человеческий род дивинацией.

Традиционно у всех народов различают два вида дивинации: естественную (*alterumnaturae*) и искусственную (*alterumartise*). Естественными считаются те предсказания, которые получены во сне или в экстазе (умоисступлении). Искусственные предсказания основаны на искусстве изучения древних наблюдений. Люди, которые занимаются длительное время тем или иным видом деятельности, способны многое предвидеть. Всё происходящее объясняется через «порядок и связь причин», действующих в природе, и судьба предстает не в трактовке суеверия, а в понимании физики как «извечная причина всего, что произошло в прошлом, происходит в настоящем, произойдет в будущем» [3, с. 238-239]. Отсюда делается вывод о правдоподобии дивинации, основанной на искусстве подмечать какое событие, если не всегда, то очень часто, следует за той или иной причиной. Таковы были предсказания Фалеса Милетского о превосходном урожае оливок и солнечном затмении, Анаксимандра и Ферекида о землетрясениях.

В трактате «О дивинации» дана близкая к лапласовской формулировка детерминизма: «Если бы мог найтись такой смертный, который мог бы духом своим обозреть всю цепь причин, то он не мог бы ни в чём ошибаться. Ибо тот, кто знает причины будущих событий, тот, несомненно, знает всё, что произойдет в будущем» [3, с. 239]. Такой подход, признающий действие извечных причин, исключал появление принципиально нового, чего бы никогда не было в прошлом. При этом Цицерон заявлял, что «в философии не должно быть места сказочным вымыслам», и дивинации он противопоставлял предвидение, раскрывающее естественное взаимодействие (*cognitionaturalis*) вещей, связь естественной причины (*visnaturae*) с результатом.

В трактате «О судьбе» Цицерон решал логическую задачу «объяснить значение и смысл тех высказываний, в которых говорится что-нибудь о будущем и о том, что может состояться или не состояться» [4, с. 299]. Разбирая логические «ловушки» Хрисиппа, он считал необходимым в понятии «взаимодействие вещей» различать «условия» и «причины», поскольку природные условия влияют на какие-то вещи, а на какие-то – нет.

Хрисипп утверждал, что вариативность реализации в будущем тех или иных возможностей является иллюзорной, поскольку всё происходит через извечный ряд причин, исключая свободу воли человека и превращая

его в раба судьбы. Цицерон наряду с извечной цепью причин допускал существование свободных действующих причин. Признавая деление высказываний на либо истинные, либо ложные, он делал вывод о том, что кое-что из вечно истинного может быть несвязанным с извечными причинами и свободным от необходимости судьбы. Цицерон считал важным «различие, что о некоторых событиях можно справедливо сказать, что предшествующие [им] причины таковы, что не в нашей власти, чтобы не произошло то, чему были эти причины, а о некоторых событиях, тоже вызванных предшествующими причинами, можно сказать, что в нашей власти, чтобы это произошло по-иному» [4, с. 315]. Такая трактовка отношения свободы и причинности позволяла ему избежать признания судьбы, а также дивинации, поскольку на будущее можно повлиять и кое-что изменить в нём.

Заключение. Таким образом, Цицерон в своих последних работах, в которых рассматривалась проблематика возможности предвидения будущего, способствовал формированию прогностики как одного из направлений философских исследований. Следуя фундаментальности принципа причинности и, признавая наряду с вечными и необходимыми причинами (*causae aeternae*) также и случайные (*causae fortuitae*), он стремился преодолеть фатализм и мистику в вариативно-вероятностном подходе прогностической онтологии. В рамках вневременной двузначной логики он признавал возможность предвидения на основе знания действующих в природе необходимых и вечных причин, но то, что в предстоящем будущем зависит от случайных причин и свободной воли людей нельзя ни предвидеть, ни предсказать.

Список литературы

1. Платон. Хармид / Платон. Соч.: в 4-х т. Т. 1. – М. Мысль, 1990. С. 341-372 .
2. Цицерон. О природе богов // Цицерон. Философские трактаты. – М.: Наука, 1985.– С. 60-190.
3. Цицерон. О дивинации // Цицерон. Философские трактаты. – М.: Наука, 1985. – С. 191-298.
4. Цицерон. О судьбе // Цицерон. Философские трактаты. – М.: Наука, 1985. – С. 299-316.

САМОРАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЙ ПРОЦЕСС

Романова А.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
anna.romanova1810@gmail.com

Саморазвитие личности – это процесс становления, развития и совершенствования качеств, свойств и функций личности, относящихся к физическому, социальному и духовному аспектам ее бытия. Исходя из этого определения, можно выделить такие базовые направления личностного развития и саморазвития как физическое, социальное и культурное направления. Как справедливо пишет в своей работе Н.А. Симанова: «...саморазвитие возможно там, где есть целостность, и невозможно там, где нет целостности системы личности, от ее материальных уровней до ее идеальных, высших уровней» [3, с. 9]. Именно в единстве физического, социального и культурного направлений достигается целостность саморазвития личности как сложного и многоуровневого явления.

Поскольку современное научное знание насчитывает более трехсот определений культуры, необходимо сделать акцент на том, что в контексте нашего исследования, опирающегося, в том числе, на методологию синергетики, оптимальным представляется использование дефиниции культуры, данной В.С. Степиным: «Культура – это система исторически связанных, развивающихся над биологических программ, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [4, с. 223].

Соприкасаясь с культурной средой, личность не просто развивается, а вырабатывает адаптивные механизмы, познает собственные информационные и смысловые границы и открывает широкую вариативность путей для саморазвития.

С.Я. Подопригора обосновывает в своем исследовании [2], что саморазвитие личности – это, прежде всего, ее самосозидание через выбор индивидуальных стратегий деятельности как способ культурной идентификации. Индивидуальная стратегия при этом понимается как использование уникального ресурса личностной системы человека в целях достижения им определенной культурной идентичности. Культурная обусловленность личностного мировоззрения и стратегий личностного саморазвития определяет творческий потенциал общества. Саморазвитие личности как индивидуальная стратегия самосозидания предполагает формирование таких аспектов структуры личности как целеполагание,

ценностные ориентации, убеждения, интеллект, креативность и социокультурный опыт [2, с. 321].

В связи с тем, что социальное и культурное направления саморазвития личности – это два различных направления, следует также различать механизмы их действия на личность – социализацию и инкультурацию. В отличие от социализации, которая включает человека в нормативно-ролевую структуру социума, инкультурация формирует человеческую индивидуальность, актуализирует ее творческий потенциал, исходя из особенностей самой культуры и возможностей выбора тех ценностей, которые индивид идентифицирует в своем жизненном пространстве [2, с. 321]. С одной стороны, культура как среда личностного саморазвития, раскрывает и обосновывает личностную уникальность. С другой стороны, культура формируется и воспроизводится личностью-творцом. Культура не существует вне общества, но при этом обладает определенной автономией по отношению к нему. Пространство культуры одновременно ориентируется на традиции и образцы, и при этом сохраняет внутреннюю динамику развития благодаря инновациям, возникающим в процессе поисков личностью новых путей саморазвития, новых стратегий инкультурации.

Культура является надличностным пространством, но при этом она не внеличностна. Культура для личности одновременно выступает абсолютным и субъективным феноменом, поскольку ее смыслы преломляются в личностном сознании и преобразуются в стратегии саморазвития. В абсолютном смысле культура предстает перед личностью в форме универсалий. Е.В. Андриенко в своем исследовании делает акцент на мировоззренческих универсалиях – предельных мировоззренческих идеях, структурирующих концептуальные схемы человеческого бытия и мышления [1, с. 32]. В процессе культурной практики универсалии выступают формами рубрикации личностного опыта и включают как рациональную, так и внерациональную составляющую. Мировоззренческие универсалии присутствуют уже в раннем детстве. Они возникли задолго до появления философии и философской рефлексии. Сложившаяся в культуре система универсалий сохраняется до тех пор, пока она обеспечивает воспроизводство и развитие необходимых обществу видов деятельности, поведения и общения. Саморазвитие личности в пространстве культуры – это процесс вложения личностного смысла в существующие мировоззренческие универсалии. Этот личностный смысл трансформирует культуру, может ею приниматься, а может отторгаться.

Мировоззренческие универсалии в контексте личностного саморазвития являются основой для жизнотворчества личности. Жизнотворчество предполагает устремленность личности к самосозиданию, к формированию собственной индивидуальности. Каждый человек приходит в мир реализовать проект под названием «Я». И каждый

человек в той или иной мере реализует его, становясь не просто объектом влияния факторов внешней среды – общества и культуры, но и выступая субъектом собственного бытия. Еще С.Л. Рубинштейн писал о включенном (неосознанном, не выходящем за пределы текущей ситуации) и рефлексивном (осознанном, выходящем за пределы непосредственной жизненной ситуации) способах жизни. Только занимая рефлексивную позицию, личность может одновременно в своем сознании находится вне жизненного событийного потока, при этом направляя его в нужное русло. Но выбор в пользу осознанного бытия сам по себе еще не означает успешное личностное саморазвитие. Становясь над жизненной ситуацией, человек может прийти к нигилистическому восприятию бытия, к цинизму и аморальности, а может найти в себе силы к созиданию себя и окружающего мира. М.К. Мамардашвили рассуждал о том, что «средний» человек, представитель массы пребывает как бы в состоянии сна, не присутствует в собственном бытии. Э. Фромм писал о том, что человек должен полностью родиться к моменту смерти, но большинство людей умирают, так и не успев родиться. Саморазвитие предполагает осознанный выбор человека быть истинно живым.

Базовым критерием того, что личность находится на позиции саморазвития и созидает свое «Я», является подчиненность жизненных событий управлению самой личности. Событие в таком контексте не просто случается, а создается и осмысливается личностью как часть ее бытия в культуре и социуме.

Таким образом, саморазвитие личности как сложный многоуровневый процесс, реализуется на основе единства трех направлений – физического, социального и культурного. В культурном направлении саморазвития личности наиболее важными аспектами выступают инкультурация и житнетворчество. Житнетворчество личности в пространстве культуры обусловлено тем, насколько полученный ею социокультурный опыт позволяет осознать собственное бытие и перейти к управлению собственными жизненными событиями, то есть стать субъектом бытия.

Список литературы

1. Андрієнко О.В. Світоглядні виміри демократичного соціуму / О.В. Андрієнко. – Донецьк: ДонНУ, 2013. – 346 с.
2. Подопригора С.Я. Индивидуальная стратегия самосозидания как способ культурной идентификации: диссертация... доктора философских наук: 24.00.11; 09.00.11. – Ростов-на-Дону, 2003. – 355 с.
3. Симанова Н.А. Саморазвитие личности в пространстве ограниченной возможности бытия: диссертация... кандидата философских наук: 09.00.13. – СПб., 2011. – 221 с.
4. Степин В.С. Цивилизация и культура / В.С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с. – (Классика гуманитарной мысли; Вып. 3).

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ БАЛАНС – РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ МИРА

Севастьянов А.Н., канд. филол. наук

АНО ВО «Московский гуманитарный университет» г. Москва, РФ
mail@sevastianov.com

Введение. Демографический фактор есть решающий фактор человеческой истории, определяющий ход событий в мире. Конфликты и войны, революции, перемещения гигантских человеческих масс, исход конкурентной борьбы цивилизаций – все это и многое другое зависит в своих результатах, как и в своих истоках, от рождаемости.

Что происходит в любой биологической популяции от саранчи и леммингов до человека, когда ее плотность перешагивает через некий «предел допустимой концентрации»? Природа всегда включает следующие три механизма регуляции: 1) война, 2) миграция и 3) эпидемия/пандемия (в мире животных эпизоотия). Это простой, но безусловный закон биологии.

Основная часть. Разберем несколько ярких, броских ситуаций.

I. На карте мира есть несколько зон, отличающихся политической турбулентностью и нестабильностью. Это Ближний Восток и Передняя Азия, Афганистан, некоторые регионы Центральной Африки. Стоит только взглянуть на некоторые статистические данные, чтобы обнаружить: в этих зонах налицо очень высокое демографическое давление.

В Египте за годы правления Мубарака численность египтян возросла почти вдвое. В Ливии население выросло с 1961 года в четыре раза. В Йемене ежегодный прирост – 3,8 %, один из самых высоких в мире! В Сирии на 1 женщину приходится 2,85 детей, что существенно выше общемирового среднего показателя (2,42). В Марокко на одну женщину приходится 2,55 ребенка, в Тунисе – 2,45, примерно столько же в Мавритании, в Иране – 3,5, в Кувейте и ОАЭ рождаемость еще выше. В Афганистане 43 года идет война, но от первой переписи населения 1979 года до наших дней рост более, чем в два раза. Подобным процессом охвачена и Турция: прирост около миллиона в год держится с 1975-1980 гг.

Аналогичная ситуация сложилась в Африке среди государств, отмеченных кровавыми эксцессами, гражданскими войнами и т.п. Например, в ЦАР за 30 лет население выросло вдвое; в Руанде за 40 лет – втрое; в Сомали за 20 лет примерно в 1,5 раза; в Эфиопии ежегодный прирост 3,2 %. Аналогичные эксцессы раньше или позже развернутся в Нигере (6,91 детей на 1 женщину), Конго (5,7), Уганде (5,45), Бенине (5,47), Мали (5,63), Мозамбике (4,89), Гвинее-Бисау (4,72), Нигерии (4,67), Судане (4,66), Замбии (4,63), Танзании (4,45), Эфиопии (4,07) и др.

Весь секрет ближневосточного социально-политического взрыва, новой арабской и турецкой пассионарности, кровопролитных войн на Ближнем Востоке, в Афганистане, Африке – кроется в этих цифрах. Перед нами – типичный диалектический скачок, переход количества в качество.

Сегодня и пандемия, и взрывная неконтролируемая миграция цветных масс, и непрерывные войны, которыми охвачены названные регионы – все это налицо. На примере заливающихся кровью стран Азии, Ближнего Востока и Африки мы вновь видим действие вышеназванного закона.

2. Еще недавно, в XVIII-XX вв., этнодемографический баланс в мире был принципиально иным: стремительно размножались не цветные расы, а белая. Выразительные цифры приводит Массимо ЛивиБаччи: «Разделив тысячелетие на три основных периода демографического развития,.. можно увидеть, что темпы развития в эти периоды весьма несхожи: в первый (с 1000 по 1400 г.) и второй (с 1400 по 1700 г.) периоды население выросло менее чем вдвое, а в третий (с 1700 по 2000 г.) его численность увеличилась почти в шесть раз» [1].

Чем обернулось для всей антропосферы стремительное увеличение населения Европы? Во-первых, началась быстрая колонизация европеоидами огромных географических пространств.

Во-вторых, в самой Европе разразились революции и мировые войны, повлекшие за собой многомиллионные человеческие жертвы. Когда мы говорим о «континентальном кровопускании» в Европе, положившем начало вымиранию и вырождению расы белых европеоидов, необходимо отметить особую роль Германии и немецкой нации, по инициативе которых разразились обе грандиозные мировые войны. Дело в том, что в начале XX века немцы были на втором месте по рождаемости в Европе. На первом стояли русские; единственной европейской страной, сопоставимой по человеческим ресурсам с Германией, была в 1913 году Российская империя, а в 1939 г. – Советский Союз. Уже одно это делало совершенно неизбежным, предопределенным особо ожесточенное и кровопролитное столкновение названных двух держав в обеих мировых войнах.

В результате мировых войн и некоторых иных факторов демографическое давление в Европе резко и необратимо упало, и вся демографическая ситуация изменилась. На месте былой области высокого демографического давления белой расы образовался демографический вакуум. Роль мировых войн в этом процессе представляется очевидной и значительной. Но эти войны были лишь ответом на тот вызов, который бросил Природе весь Европейский континент, население которого столь быстро и радикально расплодилось в XIX – первой трети XX вв.

3. История – кладезь примеров тому, как этнодемографический фактор определял судьбы целых континентов, а то и двух-трех. Или, по

крайней мере, значительных регионов. Вот только два близких нам примера.

Косово – «сердце» Сербии и сербского народа, где албанцы за какие-то сто лет превратились из меньшинства – в большинство со всеми вытекающими последствиями. У албанцев всегда была очень высокая рождаемость, существенно выше, чем у сербов. Этнодемографический баланс все время продолжал меняться в пользу албанцев и не в пользу сербов. Дальнейшее хорошо известно – албанско-сербская война, вмешательство США и НАТО привели к отделению Косова, где возникло независимое этнократическое албанское государство. Косово потеряно сербами до тех пор, пока этнодемографический баланс не изменится в пользу сербов с такой очевидностью и таким существенным перевесом, как сейчас в пользу албанцев.

Аналогичный по сути пример представляет Чечня. В 1939 году численность чеченцев составляла 408,5 тыс. человек, а к 1989 году уже 958.309 человек. Хрущев дал чеченцам возможность вернуться в горы и наделил Чечню землями, никогда ей не принадлежавшими. Для русских людей, оказавшихся в Чечено-Ингушской АССР, после хрущевского указа начался ад. Две чеченские войны завершили процесс. В 2020 г. в Республике проживает уже почти 1,5 млн. граждан. При этом доля чеченцев выросла с 93,47 % в 2002 году до 95,1 % в 2010 году, а доля русских упала с 3,68 до 1,92 %. Русские потеряли Чечню навсегда, как сербы – Косово.

Заключение. Примеры на эту тему можно умножить, рассказывая о кровавых походах, растянувшихся на века – например, древних персов или эллинов, тюрков или монголов, ацтеков или крестonosцев. Или о массовых переселениях многомиллионных контингентов, например, англичан – в Америку, Австралию, Новую Зеландию, Канаду. Или о грандиозных взаимоистребительных войнах, вроде Тридцатилетней или Столетней, поглотивших целые поколения или народы. Все они имеют одну причину: быстрый и неудержимый рост той или иной этнической популяции.

С мощью этнодемографического фактора нельзя не считаться – причем именно в первую очередь, в обход всех прочих факторов экономики, политики и т.п. Для России это особенно актуально, ведь русские оказались в ситуации депопуляции, что, в сочетании с мировым демографическим бумом, создает опасное положение вещей, роковой дисбаланс, чреватый такой же гибелью, какую пережили некогда Древний Рим или Византия. Мне хотелось бы, чтобы те, от кого зависит безопасность моей страны России и моего русского народа, безотлагательно задумались об этих угрозах и приняли решительные меры для их устранения.

Список литературы

1. Баччи М.Л. Демографическая история Европы. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=313976&p=3&ysclid=1708pq7vlp760973026> (дата обращения: 21.08.2022).

УДК 314.154.2

НЕОМАЛЬТУЗИАНСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Севостьянов Д.А., д-р филос. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный медицинский университет»,
г. Новосибирск, РФ
dimasev@ngs.ru

Введение. Демографические процессы в современном мире приобретают значение, далеко выходящее за рамки профессионального интереса одних только специалистов по демографии. Они интересуют и экономистов, и политологов, и даже философов, поскольку приверженность той или иной демографической модели имеет ныне концептуальный характер и связана с восприятием и продвижением определенной идеологии. Это, по-видимому, наиболее осязаемый пример того, как идея становится материальной силой, когда она овладевает массами. И одной из таких идей ныне стало неомальтузианство.

Основная часть. Неомальтузианство, как известно, представляет собой переиздание давно, казалось бы, похороненных идей английского священника, экономиста и демографа Томаса Роберта Мальтуса (1766–1834). Согласно мыслям этого деятеля, неконтролируемый рост населения неминуемо порождает голод, поскольку население Земли растет в геометрической прогрессии, а производство продуктов питания – только в арифметической; следовательно, рост населения требуется затормозить. Прямые и косвенные последователи Мальтуса предлагали для этого меры, одна другой примечательнее, вплоть до истребления «лишнего» населения в войнах.

В настоящее время, хотя проблема обеспечения всего населения планеты продуктами питания все еще не решена, современные сторонники ограничений в отношении рождаемости делают упор на другие причины, по которым, как они считают, население Земли следует сократить. В первую очередь, это растущий выброс в атмосферу углекислого газа, который создает парниковый эффект (способствует повышению температуры на земной поверхности). Считается, что каждый родившийся младенец оставляет за собой так называемый «углеродный след» – определенное количество связанного углерода, которое производится не только в процессе дыхания, но и при сжигании ископаемого топлива, а

также при разведении сельскохозяйственных животных (и то, и другое необходимо для обеспечения потребностей каждого нового жителя Земли). Действительно, в настоящее время концентрация окиси углерода в атмосферном воздухе постоянно растет (хотя углекислый газ остается лишь незначительной примесью в азотно-кислородной атмосфере Земли); однако известно также, что в прошедшие геологические эпохи эта концентрация была еще многократно выше, а развитию жизни на Земле это обстоятельство никак не препятствовало. С другой стороны, остановить этот рост уровня углекислого газа возможно отнюдь не только сокращением населения – например, развитием лесопосадок, а также переходом к ядерной (в перспективе и к термоядерной) энергетике.

Как известно, рождаемость в современном обществе неизбежно снижается естественным путем, в результате так называемого второго демографического перехода [1]. В традиционных обществах наблюдается высокая рождаемость, которая, однако, компенсируется высокой же младенческой и материнской смертностью; рост населения если и происходит, то лишь очень медленно. Затем, по мере того как в обществе приобретаются хотя бы элементарные гигиенические навыки, получает некоторое развитие медицина вообще и родовспоможение в частности, материнская и младенческая смертность снижается. Рождаемость же некоторое время остается весьма высокой – это и есть первый демографический переход, после которого численность населения начинает бурно расти. Однако затем происходит второй демографический переход – рождаемость значительно снижается. Причин этому несколько. Происходит эмансипация женщин, они включаются в разнообразную профессиональную деятельность, что в определенной мере препятствует деторождению и материнству. Население ныне получает длительное образование, что также не способствует раннему появлению потомства; кроме того, обучение и воспитание каждого индивида становится все более трудоемким делом, а индивидуальные потребности растут. Наблюдается урбанизация, а в городской среде, в отличие от сельской общины, большая семья перестает быть экономически оправданной. В то же время детская смертность, которая прежде была вполне привычным, бытовым явлением, становится чрезвычайной редкостью, а население стремительно стареет.

Однако к этим, как уже сказано, вполне естественным (в рамках человеческого общества) процессам присоединяется еще и идеологический прессинг, в содержательном отношении состоящий из неомальтузианских идей. На практике это проявляется в следующих тенденциях.

– Абсолютизация сексуальности, которая изначально носила лишь служебный, обеспечивающий характер, поскольку создает мотивацию к размножению.

– Пропаганда гомосексуальных отношений и ожесточенное противостояние трактовке гетеросексуальных отношений как общепризнанной нормы [2].

– Пропаганда осознанной бездетности («child-free»), которая представляет собой не что иное, как продвижение доведенного до абсолюта и идеологически оправдываемого эгоизма, базирующегося на потребительстве.

– Пропаганда гендерного подхода, антинаучность которого доказана в ряде современных исследований [3, 4]; представление о том, что мужчина от женщины отличается лишь половыми органами, а все прочие половые различия являют собой только вредные «гендерные стереотипы», с которыми предлагается бороться.

– Пропаганда трансгендерности; распространение представлений, что человеку возможно поменять пол хирургическим или терапевтическим путем, и что такая «смена пола» желательна.

– Антисемейная пропаганда; семья рассматривается как устаревший социальный институт; нередки утверждения, что в семье-де творится семейное насилие, и поэтому семья должна быть упразднена.

– Радикальный феминизм, который представляет собой, по существу, новое издание нацизма на половой почве.

– Борьба с так называемой «токсичной маскулинностью», а следовательно, с маскулинностью вообще.

Все эти идеологемы сводятся к одному: чтобы женщины не рожали бы детей (а поскольку раздобыть ребенка иным способом невозможно, идея заключается в том, чтобы не было детей, а следовательно, чтобы не было и людей вообще). Действительно, пара гомосексуалов никогда не сотворит ребенка. Трансгендеры (за незначительным исключением) бесплодны. А для радикальной феминистки беременность и роды – это поистине несчастный случай. И из «благих намерений», направленных, в частности, на «борьбу с изменением климата», произрастает стремление совершить величайшее злодеяние в мировой истории – ликвидировать человечество, как «экологически вредный для планеты фактор».

Заключение. Итак, реализация неомальтузианских идей представляют собой человеконенавистническую практику в самом прямом, непосредственном и примитивном смысле. Разумеется, антропогенные изменения климата, поскольку они имеют место, требуют осознанных управляющих воздействий. Однако сам факт таких изменений отменить невозможно, ибо для этого пришлось бы «отменить» само человечество.

Список литературы

1. Миронин, С. Причины второго демографического перехода / С. Миронин, О. Козырева // Золотой Лев. – № 63–64. – URL: http://www.zlev.ru/65_36.htm (дата обращения: 04.07.2022).
2. Herek, G. M. Avoiding Heterosexist Bias in Psychological Research / G. M. Herek et al. – URL: https://lgbpsychology.org/html/Heterosexist_Bias_91_pre.pdf (дата обращения: 04.07.2022).

3. Геодакян, В. А. Эволюционная теория пола / В. А. Геодакян // Природа. – 1991. – № 8. – С. 60–69.
4. Севостьянов, Д. А. Графическая диагностика при оценке и отборе персонала. Половозрастные особенности тестового рисунка / Д. А. Севостьянов. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2018. – 268 с.

УДК 796.01

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Тимофеев В.А., канд. филос. наук, доц.,

Сердюкова Ю.А., канд. юрид. наук, доц.

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», г. Таганрог, РФ
zueva-ua@mail.ru nika1ru@mail.ru

Сегодня в тенденции развития системы российского образования на основании действующих федеральных законов, нормативно-правовых актов, перечня государственных и региональных программ существует целенаправленная необходимость обеспечения реализации целей и задач в процессе образовательной деятельности участников этих отношений в основе создания качественных механизмов и оптимальных условий для осуществления педагогической деятельности на достойном уровне отвечающей направлениям Стратегии социально-экономического развития до 2030-2035 года.

Методологической основой исследования послужили общенаучные методы в основе анализа и обобщения полученных результатов исследований, собственная позиция автора; изложенные результаты в педагогической и юридической специальной литературе. Выявление тенденции, закономерностей и положений при формировании правосознания и гражданской позиции будущих педагогов является средством рассмотрения философских подходов будущих менеджеров в период обучения в магистратуре [3].

Представим методы исследования и анализ состояния навыков, особенностей педагогических работников, сотрудников образовательной организаций, реализующих программы профессионального и иного обучения, связанного с их профессиональной деятельностью.

Но существующая нехватка и отсутствие детальной проработанности и уточнений в методическом инструментарии при подготовке и обучении будущих педагогов в рамках педагогического процесса и системы высшего образования. Считаем, что субъективная оценка автора к проблеме

формирования правосознания и профессионального правосознания, как средства профилактики коррупционного поведения будущих педагогов служит запуском для разработки эффективных и рациональных профилактических мер, и законодательных транскрипций, как с позиции ученых, так и при участии законодателя в части правотворчества.

Исследование и анализ состояния, особенностей коррупционного поведения педагогических работников, сотрудников образовательной организаций, реализующих программы профессионального и иного обучения связанного с их профессиональной деятельностью, как одних из участников данного правового и социального явления допускают при выполнении должностных обязанностей и функций использовать свое служебное положение, статус и занимаемую должность в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах [2]. И как следствие создают серьезную проблему для общества, образования и государства, так как определяют необходимость создания регулятивного и действенного механизма по внедрению адаптированных и увязанных с целями общества, системы образования и воспитания для внесения новых предложений по оптимизации и совершенствованию системы профилактических мер и способов, предупреждающих возникновение и идентификацию данных противоправных и нарушающих законодательство РФ действий со стороны будущих педагогов. И здесь субъективная оценка автора позволяет говорить о методологии или техники внедрения корректирующих и действенных юридических и правовых инструментов способных обеспечить уровень сформированности правосознания и гражданской позиции у настоящих и будущих педагогов с целью профилактических мер воздействия на не совершение с их стороны и при их участии коррупционного поведения.

Проведенный анализ позволяет отметить, что в настоящее время формированию правосознания, профессионального правосознания и выработки гражданской позиции для становления личности будущего педагога должно быть уделено особое внимание, так как их отсутствие порождает незнание при возникновении и наступлении коррупционного поведения, урегулированного общими положениями законодательства России.

В настоящее время в системе образования используется целый ряд педагогических технологий, которые непосредственно и однозначно касаются педагогических работников, эти технологии являются, как традиционные для системы образования, так и инновационные, применяемые, в том числе, и для преподавания правовых учебных дисциплин, включая так называемые интерактивные технологии обучения. При этом важную роль играют именно интерактивные педагогические технологии, позволяющие учесть и включить в педагогическое решение, как можно больше факторов, которые, как правило, влияют на сам процесс

обучения. Поэтому одной из ключевых рекомендаций следует считать включение в процесс преподавания юридических дисциплин как можно больше интерактивных занятий и пытаться в максимальной степени синтезировать их с классическими технологиями.

Можно твёрдо полагать, что, учитывая перманентные и часто значительные по своему содержанию изменения в правовой сфере, необходимо резко интенсифицировать процесс актуализации базы предметных юридических знаний преподавательского состава, и, прежде всего, на основе частотного, регулярного прохождения педагогами курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки. Кроме того, можно утверждать, что одной из эффективных практикоориентированных педагогических технологий, в том числе и с учетом философских подходов, уже достаточно давно используемых в системе юридического образования, является юридическая клиника, где студенты получают возможность на реальных социально-правовых ситуациях отработать навыки правовой диагностики, разработки юридически выверенных решений и подготовки правовых документов для обеспечения их реализации, что позволяет сформировать им некоторый аналог опыта практической работы в правовой сфере деятельности. Активизация и расширение процессов по созданию единого антимеханизма направленного на обеспечение правовых установок и ценностных ориентации при формировании категорий правового сознания и гражданской позиции в содержании профилактики коррупционных действий педагогических работников послужат своеобразным фильтром, снижающим показатели возникновения коррупционного поведения будущими педагогами. Ведь в современном образовании наличие высокого профессионализма у педагога в практическом поле заключается в выборе и применении оптимальных и целесообразных способов и методов воспитания, обучения, развития и саморазвития личности учащегося с применением стратегических инструментов, способствующих циклическому развитию деятельности, направленной на организацию и управление другой деятельностью.

Список литературы

1. Абдулаева М.И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений // под ред. М.И. Абдулаева, «Магистр-Пресс», 2017.
2. Горбатова М.К., Домнина А.В. Теоретические подходы к содержанию профессионального правосознания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – № 2 (1). – С. 235.
3. Кожин Д.А. Значение правосознания будущих педагогов – правоведа в образовательном процессе вуза и проблемы его формирования на современном этапе// Педагогика и просвещение. – 2019. – № 3. DOI: 10.7256/2454-0676.2019.3.29820 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29820, 2021.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Тишанинова А.О.

ФГБНУ «Федеральный научный агроинженерный центр ВИМ», г. Москва, РФ
tishaninovaanastasiya@yandex.ru

Введение. В естественных науках в первой половине XX века ведущим направлением была физика. Уже с 1950-х годов наряду с физикой, химией и биологией все большее значение и влияние на развитие науки и всего образа жизни современного человека имеет такое направление, как кибернетика. На современном этапе научно-технической революции данная отрасль превратилась в ведущую. В основе кибернетики лежит слияние таких наук как математика, социология, биология и семиология. Кроме того, кибернетика и наука об управлении связаны едиными идеями.

Среди задач кибернетики стоит вопрос обоснования ряда ключевых понятий – таких, как управление, информация и обратная связь, требующие выхода в философскую область знаний. Именно кибернетика положила начало исследованию философских аспектов создания искусственного интеллекта.

Неподдельный интерес к кибернетике во всем мире обусловлен тем, что самыми главными и интригующими вопросами для человека и по сей день остается деятельность нашего мышления, загадки сознания и разума человека.

Традиционно данные вопросы решались в философии в рамках идеализма и материализма. В понимании идеализма мышление – первичная реальность, оно противопоставлено внешнему материальному миру. И, наоборот, с позиции материализма, материальный мир считается первоначалом, а сознание и мышление исходят из работы человеческого мозга как органа тела [1].

Естественные науки опираются на материалистическое мировоззрение. Все аргументы в пользу материализма, однако, говорят лишь о мыслительной способности мозга как органа, созданного природой. Идеалисты ставят под сомнение положение о том, что мозг является органом мысли. Кроме того, ряд мыслителей утверждают, что процессы в реальном мире и процессы, происходящие в мозге, имеют связь [1].

В свою очередь в центре внимания кибернетики и киберфилософии – возможность создания искусственного интеллекта, воспроизведения природного процесса мышления в технической системе, воссоздание машинного разума по подобию человеческого.

Основная часть. Можно выделить, по крайней мере, два противоположных подхода к оценке будущего искусственного интеллекта. Так трансгуманизм (Дж. Хаксли, М. Мор, Н. Бостром, Р. Курцвейл, Г. Моравек и др.) признает возможность воплощения разума и социальной индивидуальности в небиологической самоорганизующейся системе. Как неизбежное будущее трансгуманисты рассматривают киборгизацию человека и создание искусственного интеллекта, не отрицая при этом и «экзистенциальные риски» уничтожения или резкого сокращения потенциала земной разумной жизни. Дальнейшее развитие НБИК-технологий, синергетическое объединение и дополнение интеллектов, имеющих естественное и искусственное происхождение, рассматривается как оптимистичный сценарий преодоления несовершенной природы человека и перехода к постчеловечеству. Напротив, технопессимизм (Ж.-Г. Ганасия, М. Кокельберг Д. Сёрль и др.) отрицает возможность трансфера человеческого разума в машину или появления искусственно созданного сознания, способного не только мыслить, но и чувствовать, совершать нравственный выбор на основе ценностных представлений. Любой искусственный интеллект с точки зрения данного подхода – лишь алгоритм, имитация интеллекта человека.

В целом, пессимисты считают, что мышление субстанционально, не воспроизводимо во внебиологической форме. Оптимистичный взгляд заключается в следующем: искусственный интеллект воссоздать реально, но будет это совсем нелегко [2]. Причем, технопессимизм отталкивается от интуитивного подхода к пониманию искусственного интеллекта. Технооптимизм, напротив, может исходить из логического или агентно-ориентированного определений ИИ.

Основные существующие подходы к определению ИИ представлены в таблице 1.

Таблица 1

Подходы к определению ИИ

Подходы к определению понятия искусственного интеллекта (ИИ)		
Логический	Агентно-ориентированный	Интуитивный
<p>Данный подход направлен на создание экспертных систем, логических моделей и баз знаний с использованием языка логики предикатов.</p> <p>ИИ здесь – это мышление, основанное на законах формальной логики.</p>	<p>Согласно этому подходу, интеллект – это способность достигать поставленных перед интеллектуальной машиной целей. Подход акцентирует внимание на тех методах и алгоритмах, которые помогут машине выживать в окружающей среде при выполнении поставленной задачи.</p>	<p>Подход предполагает что, ИИ будет способен проявлять человеческое поведение в нормальных и нестандартных ситуациях.</p>

Невозможность создания машинного интеллекта обычно аргументируется тем, что устройство не сможет осуществлять определенные мыслительные процессы. Но это мнение было оспорено в силу развития кибернетики. Так теорема Макаллока-Питса установила, что в виде формальной «нервной сети» реально реализовать какого-либо рода процесс нервной системы.

С точки зрения кибернетики неверным считается и убеждение в том, что искусственный интеллект представлен механической машиной, которая работает благодаря законам электродинамики, соответственно мышление высшего уровня сводится к наинизшему [3].

В процессе работы наш мозг имеет множественные состояния, он отзеркаливает наш мир и имеет информацию, данные о нем, а стало быть, имеется связь между множественными состояниями мозга и внешнего мира. Носителями данных в мозге являются нейроны, которые передают мозгу информацию о процессах во внешнем мире. Та информация, которую мозг получает посредством нейронов, для него представляется эталонной [4].

Кроме того, человеческий мозг не может развиваться вне включенности человека в общество, вне воздействия на него воспитательной среды. Иллюстрацией здесь служат такие случаи, как «дети-маугли», которые оказались в условиях изоляции от общества [4]. Или, например, знание какого-либо языка требует нахождения человека среди себе подобных. Можно провести параллель и с искусственно созданной интеллектуальной машиной – ей необходимо самообучаться, самосовершенствоваться. Прогрессирующая растущая нейронная сеть, на основе заданных параметров, с помощью машинного обучения способна обработать большое количество данных для различных цифровых систем [5]. Из этого следует что, числовая информация, полученная на выходе сети, подвергается дополнительной интерпретации и выдается в вербальной форме [6].

Заключение. Подводя итог, можно обобщить, что появление искусственного интеллекта не противоречит природным процессам мышления человека в социуме. И для успешного результата кибернетическое устройство однозначно должно взаимодействовать в тандеме со своим создателем и находиться в информационно-познавательной среде.

Список литературы

1. Ракитов А.И. Философские проблемы науки: Системный подход. – М.: Мысль, 1977. – 270 с.
2. Уоссерман Ф. И. Нейрокомпьютерная техника: Теория и практика. – М.: Мир, 1992. – 234 с.
3. Юзвизин И.М. Информациология. – М.,1996. – 10 с.
4. Филиппев Ю.А. Творчество и кибернетика. – М.: Наука, 2012. – 988 с.

5. Тишанинов, И. А. Синтез фрактального персептрона для обработки массива выходных данных / И. А. Тишанинов // Умаровские чтения-2021: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Грозный, 11 октября 2021 года. – Махачкала: Чеченский государственный педагогический университет.
6. Тишанинов, И. А. Нейронная сеть глубокого обучения для определения технического состояния постгарантийной сельскохозяйственной техники / И. А. Тишанинов // Интеллектуальные информационные системы: Теория и практика : Сборник научных статей по материалам II Всероссийской конференции, Курск, 23–25 ноября 2021 года / Редколлегия: Е.А. Бабкин (отв. ред.) [и др.]. – Курск: Курский государственный университет, 2021. – С. 65-71.

УДК 101.1 (008)

ДИХОТОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Туарменский В.В., канд. пед. наук, доц.,
Печерский Д.В.

ИПГиМС Академии ФСИН России, г. Рязань, РФ
tuarmensky@gmail.com

Введение. Из огромного многообразия культур и цивилизаций особое внимание исследователей привлекают античная Греция и древний Китай. Пристальное внимание к греческой философии и истории вполне понятно в виду того, что именно там были заложены основы всей европейской цивилизации, господствующей последнюю сотню лет на земном шаре и задающей основные параметры всего человечества. Интерес к истории и философии Китая подогревается не только его богатейшим культурным наследием, но и колоссальными современными перспективами данной страны.

Цель нашего исследования – провести сравнительный анализ этих двух многогранных и фундаментальных цивилизаций. Дихотомический анализ подразумевает деление объекта на две составные части, которые являются источником для мирозерцания как с теоретической, так и с практической стороны [4; 5]. При рассмотрении Китая и Греции был сделан упор на философский аспект развития и становления данных цивилизаций.

Основная часть. Несомненно, что две такие разные цивилизации испытывали взаимный процесс влияния, в том числе и в области философского знания. Разработанная методология «осевого времени» К. Ясперсом строилась на сути взаимной обратимости одного из консенсусов, который смог «перекочевать» в другую среду своего

анагенеза [6]. Так и произошло в нашем случае. Поэтому представляет интерес сравнительный анализ данных цивилизаций.

Обе рассматриваемые цивилизации начинали примерно с одинаковых позиций. Большинству известно, что основой для западной (греческой) философии стало восточное мировоззрение. В более широком формате это проявляется в сопоставлении диалектической школы инь и ян, и наивного материализма [2]. Китайские философы разработали концепцию пяти стихий, их первостепенность во всех вещах, а греческие философы пошли гораздо дальше. Они поставили вопрос о том, что какая-то из стихий является главенствующей и не нуждается в дополнении другими. Но и это не всё. Также греки смогли дополнить учение новыми элементами, которые представляли более идеалистическую форму отражения как космогонии, так и космологии. Например, айперон (Анаксимандр); геометрии (Анаксагор); число и эфир (Пифагора). Отсюда напрашивается вывод о дополнении материализма идеализмом [1].

Можно рассмотреть динамику развития сравниваемых цивилизаций.

Развитие древнегреческой цивилизации принято разделять на три периода: 1. ранний период (VII-V вв. до н.э.), 2. классический период (V-IV вв. до н.э.), 3. эллинистический период (IV-529 гг. до н.э.). Философия античности имеет множество ответвлений, которые с одной стороны носят эклектический, а с другой рациональный характер. Что говорит нам о нестандартности, уникальности данной цивилизации.

Специфический характер греческой философии определяется её удивительным разнообразием и адаптивностью по сравнению с китайской. После крушения империи Александра Македонского наступает эпоха эллинизма. Греческая философия не только смогла найти своё место в данной эпохе и пути перехода в римский период, но и стала основой для дальнейшего развития средневековых взглядов, а в дальнейшем получила «второе дыхание» в эпоху Возрождения, обеспечив теоретические основы прогресса европейской цивилизации [1].

В свою очередь, древнекитайская история подразделяется на четыре периода, скоммутированных правлением династий: 1) царство Шан (XVIII-XII вв. до н.э.); 2) царство Чжоу (XII-221 гг. до н.э.); 3) царство Цинь (221-207 гг. до н.э.); 4) царство Хань (206-220 гг. до н.э.). Главной жемчужиной историко-культурной и философской мысли Китая является царство Чжоу. В период чжоуской империи произошёл мощный взрыв в философском переосмыслении жизни. Основными школами, определившими новый этап миропонимания, стали: диалектическая школа Инь и Ян, конфуцианство, даосизм [3].

Наибольший интерес для нас представляет философия Конфуция. Главным источником его учений стала книга «Лунь Юй» (Беседы и суждения). В ней он изложил некоторые соображения относительно концепции «благородного мужа», которая складывалась из совокупности

элементов: Жень (гуманность), Сяо (сыновья почтительность), Ли (этикет), И (справедливость), Мин (принятие Воли Небес). Центральным из пяти элементов является Ли. Он имеет высшее воплощение в роли метода осуществления элемента Жэнь во всех сферах общества. «Не знать этикет (ли) – значит не иметь возможности укрепиться (в должном поведении)» [2].

Изначально Китай не имел единой идеологии, но в дальнейшем с переходом к классовому типу общества, появлялись новые направления, позволившие определить дальнейшую судьбу империи. Как правило, ни одна идеология не устраивала правителей тех времён, но Конфуций, сумел разработать универсальную систему традиций. Направление имело самое большое влияние в древнекитайском государстве. Людям была предложена мировоззренческая опора. Получив её, они получили универсальный механизм понимания смысла жизни.

Мудрость китайских школ дала основные идеи для развития и становления понятийного аппарата народа. Государственная политика, в свою очередь, также имела преемственность в синтезе трёх основных направлений философии, отличавшихся традиционализмом и консерватизмом. Это определило базовые черты всей китайской цивилизации и модели одного из крупнейших государств мира [3].

Обособленность от остального мира, с одной стороны, защитила китайское мировоззрение от внешнего ассимиляционного вмешательства, а с другой, избавив от конкуренции, не позволяла развиваться в полноценном масштабе, выходя за пределы цивилизационной ойкумены. Данный момент до сих пор обуславливает известный изоляционизм и пассивность Китая на международной арене [3].

Заключение. Дихотомический анализ приводит нас к выводу об огромном отличии двух типов цивилизаций. С одной стороны, разница греческих и китайских философских школ была обусловлена специфическими чертами рассматриваемых культур. С другой стороны, основные философские направления рассматриваемых стран через многовековой разновекторный процесс влияния на систему мировоззрения цивилизаций, ещё более актуализировали разницу между Западом и Востоком.

Список литературы

1. Гриненко, Г.В. История философии: Учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт-Издат, 2005. – 685 с.– ISBN 978-5-9916-2089-5.
2. История мировой философии: учебник для вузов / С. Р. Аблеев. – Москва: АСТ: Астрель, 2005. – 414 с. – ISBN 5-17-016151- 4.
3. Китайская философия и современная цивилизация. – Москва, Восточная литература, 1997. – ISBN: 5-02-017983-3.
4. Печерский, Д. В. Герменевтика как способ понимания текстов в образовательном процессе / Д. В. Печерский, А. А. Щевьев // Современные технологии в науке и образовании – СТНО-2022: Сборник трудов V Международного научно-

- технического форума. В 10-ти томах, Рязань, 02–04 марта 2022 года / Под общей редакцией О. В. Миловзорова. – Рязань: Рязанский государственный радиотехнический университет, 2022. – С. 243-246. – ISBN: 978-5-7722-0359-0.
5. Печерский, Д. В. Философская герменевтика как главный источник интерпретации текстов / Д. В. Печерский // Школа молодых новаторов: Сборник научных статей 3-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых. В 3-х томах, Курск, 17 июня 2022 года. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 103-105. – ISBN: 978-5-907586-95-6.
6. Ясперс, К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. – Москва: Политиздат, 1991. – 527 с.

УДК 1:304.42:303.01

ПОЛИЛИНЕЙНОСТЬ КАК МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ТЕОРИЯ, ТЕОРЕТИКИ, ФАКТЫ

Целик Т.В., канд. филос. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
t.tselik@donnu.ru

Введение. Цивилизационный подход все явственнее входит в научный оборот гуманитаристики, показывая свою методологическую адекватность и состоятельность при анализе современной социокультурной реальности и процессов, происходящих в настоящее время. Именно цивилизационный подход, как нам думается, является наиболее приемлемым, чтобы описать события последних двух десятилетий на постсоветском пространстве, которые, в свою очередь, отразили общий кризис отношений Запада, именующего себя мировым сообществом, и Российской Федерации, остающейся выразителем идей и ценностей восточно-православной христианской субцивилизации.

Основная часть. Одним из теоретиков цивилизационного подхода, фундаментальная работа которого «История мировой цивилизации» (Киев, 2003 г.) [1], к сожалению, не получила широкой известности в научном сообществе, является рано ушедший из жизни доктор философских наук Ю.В. Павленко. Данное исследование можно ставить в один ряд с работами А. Тойнби, П. Бурдые, С. Хантингтона и др. Именно ему принадлежит введение в научный оборот не только терминологии «восточной-православной» или «православно-славянской» субцивилизации макрохристианского мира, использованной выше, но и обоснование полилинейной модели развития современного мира.

Полилинейность как модель развития современного социума в противовес универсализму и глобализму, ставшими феноменом цивилизационного развития [2], фактом истории конца XX – начала XXI

вв., но не «концом истории», как утверждал Ф. Фукуяма, обоснована Ю.В. Павленко более двух десятилетий назад, когда мейнстримом в гуманитаристике являлись труды именно Ф. Фукуямы. Данное научное утверждение Ю.В. Павленко, изложенное в его работах, основывалось на огромном фактическом материале исторического развития человечества (от древних цивилизаций до современности), а также на анализе цивилизаций первой, второй и третьей генерации, рассмотрении процессов, приведшим к глобализации (вестернизации) современного мира и ее культурно-ценностных оснований [1, с. 652-685].

С. Хантингтон писал: «Победа Запада в “холодной войне” привела не к триумфу, а к истощению. Запад все больше поглощают его внутренние проблемы и нужды... Готовность других обществ принимать диктат Запада или повиноваться его поучениям быстро испаряется, как и самоуверенность Запада и его воля к господству» [3, с. 116].

Последние 30 лет мы являемся свидетелями не только очередной волны «воли к господству» Запада, вылившейся в огромное количество военных конфликтов и цветных революций, но и выхода на мировую политическую арену новых стран-лидеров – Китая, Индии, Бразилии, становления новых межгосударственных объединений и экономических союзов (ШОС, БРИКС), которые могут перерасти в новые международные институты, в противовес действующим, изживающим себя в силу того, что они полностью реализуют повестку Запада (например, ООН). Это уже существенные, а не первые шаги девестернизации мировой политики, где 30 лет доминировал один полюс силы – США. Это выстраивание нового баланса сил, где Российская Федерация является локомотивом становления нового многополярного мира, во многом преодолевшая последствия и итоги холодной войны конца XX в., когда произошла ликвидация СССР как одной из исторических форм восточно-православной цивилизации. Дискуссию о формах организации социума и преемственности именно ценностных связей на протяжении развития восточно-православной цивилизации (воинствующий атеизм в СССР также факт нашей истории) мы оставим для других публикаций. Сейчас мы исходим из того, что современная Россия, вне сомнений, является выразителем именно православно-славянского, восточно-христианского коллективного сознания (в терминологии Э. Дюркгейма) или символического мира (П. Бурдьё), что еще больше обостряет наше современное цивилизационное противостояние с Западом.

На наших глазах происходит действительно столкновение *цивилизаций*, а не только политическое противоборство, экономическая санкционная война, вооруженный конфликт с названием «Специальная военная операция на Украине», грозящий перерасти в большую войну планетарного масштаба. Марксизм с его экономическим детерминизмом также отражает суть происходящего – экономические интересы Запада в

целом и мировые войны, как реализация этих экономических интересов, логично вписаны в исторические события XX в. Но сегодня с точки зрения отдельных западных стран не конфронтация, а экономическое сотрудничество с Российской Федерацией, давало бы большие предпочтения. Если базисные основания существования и развития целых государств не берутся в расчет, или частичная деиндустриализация и падение уровня жизни граждан считаются приемлемым ущербом, то нужно находить, выявлять и учитывать не менее значимые доминанты, выступающие весомыми факторами в этом противостоянии.

Таковыми, на наш взгляд, являются различия ценностных миров одной христианской макроцивилизации, но существующей в двух ее формах – западном и восточном субцивилизационном вариантах. Данный разрыв формально оформился в 1054 г., а идейное и институциональное противостояние уходит в историю многовекового противоборства Папской курии и Византийского Патриарха, опирается на размежевание догматики католицизма и православия, проходит через всю историю Европы, включая крестовые походы на Константинополь, периодические вторжения Тевтонского ордена в северо-западные земли Древней Руси, деятельность иезуитов и униатов в Западной Руси XVI-XVII вв. Яркими примерами могут служить личность иезуита Петра Скарги, призывавшего «схизматиков», т.е. православных, к ответу, создание униатской церкви в результате Брестской унии (1596 г.), как фактора раскола православия, приведшего к длительному периоду волнений в крестьянско-казачьей среде в течение полутора веков. Завершением этого неприятия унии и католицизма, социальной несправедливости и польского гнета стало появление личности Богдана Хмельницкого и Освободительная война 1648-1654 гг., вхождение левобережных земель Речи Посполитой в подданство царя Алексея Михайловича.

Казалось бы, религиозный фактор в современном мире должен нивелироваться светскими государствами и идеологиями, международным правом и, тем более, реальностью глобальной экономики, стирающей границы между странами и укладами жизни. Но, оказывается, ценностные миры являются более устойчивыми структурами социумов, чем даже экономические интересы.

С. Хантингтон, анализируя столкновение цивилизаций, основой различия между которыми выступают мировые религии, не случайно обратил внимание на закономерность внутреннего противоборства внутри этих макроцивилизаций. И это не только западно-христианские и восточно-христианская субцивилизации, но и исламские общества, исповедующие шиизм или суннизм. При этом ценностные миры обществ разных цивилизационных систем могут иметь больше взаимопересечений в силу своей традиционности. На этом основании, как нам думается, и выстраивалась русская цивилизационная модель, когда исторически к

православно-славянскому ядру со времен Древней Руси присоединялись угро-финские, скандинавские и тюркские народы, так называемые «свои поганы», а позже веками в одной стране сосуществовали православные и мусульмане, буддисты и язычники Севера, создав уникальное цивилизационное пространство и собственный символический мир смыслового универсума России в разных формах на каждом историческом этапе его существования.

Заключение. Опыт именно такого цивилизационного бытия стоит предлагать современному планетарному миру, живущему в ситуации «смещающегося баланса цивилизаций» по оценке С. Хантингтона [3, с. 115].

Список литературы

1. Павленко Ю.В. Павленко Ю. В. История мировой цивилизации / Ю. В. Павленко. – К.: Феникс, 2002. – 760 с.
2. Павленко Ю. Итоги цивилизационного развития человечества / Ю. Павленко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2000. – № 4. – С. 13–31.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АТС», 2003. – 603 с.

УДК 130.2+091

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ «БЕЛОЙ ИНДИИ» НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

Чернов А. А.

ГОУ ВО «Луганский государственный университет», г. Луганск, РФ
anruss@mail.ru

Введение. В поэзии Серебряного века Николай Алексеевич Клюев (1884-1937) занимает особое место. Выходец из крестьянской среды, Клюев считается зачинателем новокрестьянского направления в русской поэзии. Тема бытия русского крестьянства подаётся Клюевым сквозь призму различных религиозных и философских доктрин, почерпнутых поэтом из петербургских литературных и интеллектуальных кругов. Понимание истоков этих образов не только позволит прояснить особенности поэтики Клюева, но и раскроет пути проявления в общественном сознании интеллигенции России начала XX века определённых философем.

Основная часть. В 1916-1917 годах в поэзии Клюева появляется образ «Белой Индии». Наиболее ярко он представлен в стихотворениях «Вылез тулуп из чулана...» (1916), «Земля и железо» (1916), «О ели,

родимые ели...» (1916), «Счастье бывает и у кошки...» (1916), «Оттого в глазах моих просинь...» (1917) и др., а также в мини-поэме «Белая Индия» (1916). Семантика этого образа отличается глубиной религиозно-философского наполнения, о чём не раз писали исследователи. Так, различные интерпретации образа предлагали К. С. Львова, В. А. Доманский, В. Г. Базанов, Л. К. Шевцова, Ю. Ю. Будникова, С. В. Бурдина, Н. А. Криничная, О. В. Поспелова и многие другие.

Сам Клюев в статье «Порванный невод» (1919) так объясняет своё понимание этого образа: «Иконописные миры, где живет последний трепет серафимских воскрылий, волок, преодолев который, человек становится космическим существом и надмирным гражданином, внутренний гром слова – былинного, мысленного, моленного, заклинательного, радельного и еще особого человеческого состояния, которое мужики-хлысты зовут Рожеством ангелов – вот тайные, незримые для гордых взоров вехи, ведущие Россию – в Белую Индию, в страну высочайшего и сейчас немислимого духовного могущества и духовной культуры» [3, с. 146-147].

Как видим, поэт под Белой Индией понимает некий мистический образ будущей России, России вне времени и пространства, наделённой чертами «былинного», «мысленного», «моленного» и «заклинательного» характера. Это Россия-Русь – страна-мечта, соединение всех идеальных представлений о человеческом бытии. Поэт для персонализации этого мифопоэтического образа использует топоним «Индия» в качестве указания на нечто далёкое, почти недостижимое с прибавлением «Белая», указывающим на особую чистоту, «беспримесность», если использовать терминологию Павла Флоренского. В метафизике Флоренского белый цвет ассоциируется с божественной мудростью.

О сложности образа «Белая Индия», его мифопоэтической природе пишет О. В. Поспелова. Исследователь отмечает, что «Белая Индия» в стихотворениях Клюева «предстает сложным мифопоэтическим образом, синтезирующим в себе разные культурные и духовные традиции: христианские, еретические (хлыстовские), языческие, ведические (индуистские)» [4, с. 118]. Всё это отражает атмосферу духовного поиска в литературных кругах России Серебряного века. Увлечение мистическими учениями, религиозной философией В. С. Соловьева, теософией, пристальное внимание к русским религиозным сектам было характерно для литераторов того времени. Литературные произведения начала XX века широко используют образы, связанные с мистическими культурами. Младосимволисты, к которым тяготел ранний Клюев, особенно часто обращались к отдельным философам метафизики В. С. Соловьева.

По мнению О. В. Поспеловой, отправными точками в формировании образа «Белая Индия» выступают «хлыстовство» и «скифство» [4, с. 118]. При этом исследователь считает, что, например, «хлыстовство» было связано с личным религиозным опытом Клюева, который будто бы был

«тесно связан с духовными братствами хлыстов и скопцов» [4, с. 122]. Однако подобная точка зрения не находит фактического подтверждения. Напротив, А. П. Казаркин и О. О. Белоусова, на основе анализа различных поэтических текстов Клюева приходят к мысли, что поэт будто бы вобрал в себя «все модные ереси Серебряного века» [1, с. 13] и делают вывод, что хлыстовские мотивы (как и мотивы старообрядчества и язычества) использованы исключительно как художественные элементы. Использование имитаций и стилизаций – один из распространённых приёмов у символистов.

По мнению О. В. Поспеловой, Клюев в образе «Белой Индии» реализовал идеи скифства и представил некую «модель нового мира» [4]. В этой модели «решающую и главенствующую роль» получает «Слово как аналог духовной свободы и творческой правды» [4, с. 123]. Подобная точка зрения, как и в случае с хлыстовством, также находит возражения. Прежде всего потому, что Клюев в поэзии и прозе изложил суть образа «Белой Индии» исключительно художественными средствами. Клюев показывает «Белую Индию» в виде символов, олицетворений, сравнений. Как таковой «модели нового мира» нет, но есть художественный образ, наполненный личностными, персонифицированными компонентами. Образ «Белой Индии» Клюев конструирует не как модель (с опорой на логическое изложение), а как миф (с опорой на художественность, символику, персонификацию). В связи с этим, нам более соответствующей действительности представляется точка зрения А. П. Казаркина и О. О. Белоусовой, согласно которой своеобразие стиля Клюева заключается в «наложении принципов мифотворчества на фольклорную основу» [1, с. 11].

Таким образом, «Белая Индия» Клюева – это авторский миф, в котором соединены различные компоненты христианства, хлыстовства, язычества, индуизма. Здесь можно найти параллель с идеей о всеединстве В. С. Соловьева, которую часто используют символисты. Клюевым формируется единое мифопоэтическое пространство, которое поэт изображает с опорой на метафоры (образ слов), а не на логику слов. В этом отказе от логического изложения можно увидеть убеждение символистов в том, что глубинную суть явлений, предметов, идей невозможно выразить словами. В подтверждение можно привести такой фрагмент из стихотворения «Вылез тулуп из чулана...» (1916): «Кто несказанное чаёт, // Веря в тулупную мглу, // Тот наяву обретает // Индию в красном углу» [2, с. 98]. Здесь «несказанное» явно понимается под тайным, мистически трактуемым знанием, которое не понимается, но которое доступно только через духовное рвение. Любопытно, что Клюев даже Русь наделяет неким мистическим знанием, которое невозможно выразить в словах. Так, в «Молитве солнцу» (1917) он пишет: «Русь не вместить в челоуэчы слова...» [2, с. 119].

Заключение. В создании образа «Белая Индия» Николай Клюев использует принцип теургии и конструирует свой собственный авторский миф. Подобное мифотворчество было распространено среди литераторов-символистов, ориентирующихся на религиозную философию В. С. Соловьева. Мифопоэтический образ «Белая Индия» наделяется личностными чертами, персонализируется.

Список литературы

1. Казаркин, А. П., Белоусова, О. О. Стилизация и мифотворчество: этапы творческой эволюции Н. А. Клюева / А. П. Казаркин, О. О. Белоусова // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 368. – С. 11–15.
2. Клюев, Н. А. Стихотворения и поэмы / Н. А. Клюев. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1986. – 256 с. – Текст: непосредственный.
3. Клюев, Н. А. Словесное древо. Проза / Н. А. Клюев. – СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2003. – 688 с. – ISBN 5-94668-012-9. – Текст: непосредственный.
4. Поспелова, О. В. «Скифские» и «хлыстовские» истоки образа-символа «Белая Индия» в поэзии Н. А. Клюева / О. В. Поспелова // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. – № 5. – 2014. – С. 117-124.

УДК 123.1:128

ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРАХА СМЕРТИ ЧЕРЕЗ СОЗИДАНИЕ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ

Шатохина Н.П., канд. филос. наук,
ГОУ ВПО «Донбасская академия строительства и архитектуры»,
г. Макеевка (ДНР), РФ
shatohina-85@mail.ru

Анализ проблемы взаимоотношения и противоречия феноменов свободы и творчества, а также феномена творческой свободы, как отдельного явления бытия, приводит к истинному пониманию трактовки последнего как в европейской, так и в русской теориях экзистенциализма. Именно созидательная сила является единственно-верным путем к обретению свободы, только в творчестве высвобождается личностная воля, проявляется сущностное начало.

Созидание дает свободу, а она приближает индивида к Богу. Как точно отметил Ю.Н. Сколяр: "В экзистенциально-философском рассмотрении свобода воли связана с высшими духовными ценностями" [2, с. 163]. В современном мире осознание свободы в рамках экзистенциальной концепции, как возможного пути к духовному

"исцелению" и преобразованию действительности, избавлению от страха перед прекращением жизни, представляется важной проблемой, требующей переосмысления и иного понимания её глубинного смысла.

Вслед за классиками французского экзистенциализма Ж.П. Сартром и А. Камю, вопрос о свободе созидания и её сущностном проявлении затрагивался такими философами как М. Мерло-Понти, Г. Марсель, Н. Аббаньяно, Ортега-и-Гассет, Н. Бердяев, Л. Шестов, И. Ильин, О. Больнов, Э. Мунье, Дж. Сантаяна, У. Баррет. Однако их трактовка экзистенциальной концепции свободы и творчества не нашла своего продолжения в современной философии. На данном этапе для исследователей вопроса творческой свободы в экзистенциализме, важно понимать, что рассматривать эту проблему можно только в русле учения о смысле бытия, сопряженном с осознанием человеком своей смертности.

Экзистенциализм, как учение об истинном постижении мира через внутриличностное начало, как признание себя в Боге, и Бога в себе – по сей день притягивает к себе лучшие умы человечества, заставляет по-новому взглянуть на привычную картину мира. Проблема творческой свободы, как и свободы вообще, тесно сопряжена с проблемой постижения экзистенции. Как замечает Т.А. Кузьмина: "...экзистенциальный опыт есть еще и опыт свободы. И надо сказать, что сама проблема свободы, имеющая свою длинную историю борьбы различных школ и направлений, адекватно может быть поставлена только с учетом экзистенциального опыта" [4, с. 22].

Если попытаться выделить основные черты присущие философии экзистенциализма, то среди них будет ощущение бездомности, заброшенности человека в жестокий и разрушительный мир. Страх смерти кроется в глубинах подсознания извечно подавляемый индивидом. Согласно А.Б. Холмогоровой: «Каждый человек проделывает немалую внутреннюю работу, чтобы научиться жить с этим страхом и защищаться от него» [5, с. 120]. Темное Оно, продуцирует этот страх и в психоанализе смерть предстает как разрушительная сила, точно также как и инстинкт продолжения жизни, давящая над человеком.

В экзистенциализме существует категория Ничто подразумевающая собой, прежде всего, не угрожающую слепую силу, а возможность, потенцию любого явления. В категории Ничто отражается вся нестабильность мира, еще невоплощенные формы явлений, вещей, идей. В своей жизни человек постоянно балансирует между бытием и Ничто, но именно последнее порождает созидательную деятельность, дает автору свободу воплощения, а не рабство перед священным страхом исчезновения. Страх смерти – экзистенциальный страх по Хайдеггеру, потому что он определяет бытийность личности, ее отношение к своей свободе. Смерть – неотвратимая часть нашего будущего и отрицать ее, значит отказываться от своего грядущего. Спокойное признание смерти в противовес паническому отрицанию – шаг к свободной определенности, осознанный анализ своих возможностей.

Отойти от понимания смерти как чего-то неприятого в обществе, постыдного и позорного, значит сделать первый шаг к истине, созиданию. Творчество отводит человека от религии, как единственной формы проникновения в потусторонний мир, оно даёт почву под ногами, способность господствовать в этом, реальном, земном мире. Вместе с радостями созидания, приходит полное осознание иллюзорности религиозных догм, сковывающих разум и чувства. "В произведении искусства воплощается драма сознания, но она никогда не дается искусством непосредственно. Абсурдное произведение требует художника, который ясно сознает свои пределы, и искусства, в котором конкретное ничего не обозначает, кроме самого себя. Произведение искусства не может быть ни целью, ни смыслом, ни утешением для жизни" [3, с.76].

Не только, для А. Камю, но и для других представителей экзистенциализма, центральным вопросом всегда был и остается: - «стоит ли жизнь того, чтобы жить?». Созидание даёт свободу, не ограниченную смертью, условностями, обществом, позволяет раскрыть своё истинное предназначение. У Н. Бердяева мы находим: "Мы чувствуем священный авторитет умолчания Евангелия о творчестве. Божественно-премудро это абсолютное молчание священного писания о творчестве человека. И разгадка премудрого смысла этого молчания есть разгадка тайны о человеке, есть акт высшего самосознания человека... И Бог ждет от человека антропологического откровения творчества, сокрыв от человека во имя богоподобной свободы его пути творчества и оправдание творчества" [1, с. 26].

Так, истинная созидательная свобода закрыта и недостижима для человека, обречённого на одиночество с самого момента своего рождения, мир жесток и не стоит искать смысла жизни. Личностная креативная свобода отчасти может проявляться лишь в осознанном проективном выборе жизненной стратегии, нравственной позиции. Смерть есть прекращение твоего индивидуального существования, твоего уникального внутреннего мира и именно с этим сопряжен гнетущий человека страх безысходности перед неизбежным. Творчество, в отличие от религии, не сулит человеку иллюзорных благ, принимаемых только на веру.

Бросая вызов абсурду существования, творческий человек неизбежно бунтует против обыденности и закономерности, нарушить которые можно только с помощью созидательного акта, продолжения себя в творческом порыве, который один и есть оправдание бытия человека во Вселенной. Созидание позволяет ему раскрыться здесь и сейчас, возвыситься над тленностью тела и бегом времени, через преодоление себя преодолевать страх смерти. Только творчество, как единственно-верный путь раскрытия собственных возможностей, способностей, своей экзистенции, даёт возможность отойти от привычного и абсурдного

существования, хотя бы отчасти приблизиться к запредельной границе между постижимым и трансцендентным.

Список литературы

1. Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества / Н. Бердяев – М.: Правда, 1989. – 608 с. – (Серия «Из истории отечественной философской мысли»).
2. Сколяр Ю.Н. Исследование феномена свободы воли в экзистенциальной философии / Ю.Н. Сколяр // Лесной вестник. – 2015. – №4. – С. 163-168.
3. Камю А. Бунтующий человек / А. Камю. – М.; Политиздат, 1990. – 415 с. – (Мыслители XX века).
4. Кузьмина Т.А. Экзистенциальный опыт и философия / Т.А. Кузьмина // Вопросы философии. – 2007. – №12. – С. 16-27.
5. Холмогорова А.Б. Страх смерти: культуральные источники и способы психологической работы / А. Б. Холмогорова // Мосоковский психотерапевтический журнал. – 2003. – №2 – С. 120-132.

УДК 141.82

ЦИВИЛИЗАЦИОНИЗМ ИЛИ МАРКСИЗМ: ПРИМЕНИМОСТЬ МЕТОДОЛОГИЙ ДЛЯ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННЫХ СОБЫТИЙ

Шульга Д.П., канд. ист. наук.

Сибирский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,
г. Новосибирск, РФ
alkaddafa@gmail.com

Введение. События, происходящие в мире XXI в., разумеется, требуют историко-философского осмысления. На сегодняшний день можно говорить о достаточно большом количестве подходов. В настоящей работе мы остановимся на двух основных – цивилизационизме и марксизме¹.

Основная часть. Распад Советского союза и переориентация стран Восточной Европы на союз с США обострил дискуссию о закономерностях развития человечества вообще и отдельных сообществ в частности.

¹ Следует отметить, что эти два направления давно разделились на целый ряд течений, некоторые из которых могут претендовать на статус «суверенных» историософских систем. Например, учение Л.Н. Гумилёва явно соотносится с логикой цивилизационизма, однако ряд положений Льва Николаевича (о роли пассионарной личности в истории и т.д.) заметно отличаются от выводов О. Шпенглера или А. Тойнби. Марксизм, в свою очередь, стал почвой для мир-системного анализа, в котором сохраняются отношение к экономике как базису, но акцент делается не на эксплуатацию одного класса другим, а на противоречия развитых и развивающихся стран.

В России, в обстановке потери идеологических ориентиров, интерес к наследию О. Шпенглера, А. Тойнби, а также отечественных мыслителей, Н.Я. Данилевского и П.А. Сорокина², стал неуклонно возрастать. В обществе возобновились дискуссии о «теллурократиях» и «талассократиях»³ [Комиссров, Шульга, 2016], «особом пути России»⁴.

На Западе (по мере того как рассеивалась эйфория [Perry, 1992] и всё более ясным становилось неприятие рядом государств либерально-демократических принципов в их евро-атлантической трактовке) новую жизнь обрёл цивилизационизм. Одним из наиболее явных «манифестов» такового стала обобщающая работа С. Хантингтона⁵, переведённая за последующее десятилетие на многие языки [Хантингтон, 2003]. При всей правильности идеи о различиях сообществ меж собой, деление человечества на цивилизации с чётко очерченными границами поставило не меньше вопросов, чем разрешило. Рубежи оказались чрезвычайно дискуссионными. Приведём лишь несколько примеров. Страны Латинской Америки оказались отделены от Португалии и Испании⁶, в то время как последние оказались в одной общности с протестантской Германией или Нидерландами⁷. В некоторых случаях за основу цивилизации бралась религия⁸, и тогда «в одной корзине» оказывались Монголия и Тайланд, культурно-исторические различия, которых очевидны.

Современная международная обстановка показывает, что блокирование стран происходит отнюдь не по культурно-религиозному принципу. Среди партнеров России оказались, например, государства БРИКС, среди которых лишь одно (КНР) имеет границы с РФ⁹. Данный

² Также не были обойдены вниманием «евразийцы», но их принадлежность к классическому цивилизационизму требует дополнительного исследования (Г. В. Вернадский, П. С. Савицкий, Н. С. Трубецкой).

³ По мнению автора, усиление или ослабление морского влияния любой державы зависит от исторических обстоятельств, а не некоего «духа народа». Например, Рим до войн с Карфагеном практически не имел регулярного флота [Банников, 2015], но по мере необходимости построил военно-морские силы, способные действовать даже в удалённом от Италии районе Керченского пролива (Боспора Киммерийского) [Сапрыкин, Ермолин, 2010].

⁴ Примечательно, что «путь» этот трактовался весьма различно. От вариантов, близких к формуле «Москва – Третий Рим» с опорой на православие [Шульга, 2021] до основанных на идеях «пассионарности» и «евразийства» воззрениях о принципиальной близости России с кочевыми империями Степного пояса.

⁵ Точнее, даже две, статья 1993 г. и книга 1996 г.

⁶ Помимо языка, иберийское влияние на Америку выражается в народной культуре, религии, политических традициях и т.д.

⁷ В то время как о значительной разнице между католическими и протестантскими регионами Европы писал еще М. Вебер в своей классической работе «Протестантская этика и духа капитализма».

⁸ Слабость подобного подхода очевидна, особенно для стран с несколькими крупными религиозными общинами. Получается, что Ирак сменил свой цивилизационный вариант после свержения С. Хусейна и прихода к власти шиитов, которые и до того составляли около половины населения.

⁹ Государств с преобладанием православного населения в данной организации (кроме РФ), что характерно, нет.

феномен доказывает нам принципиальную правоту марксизма (и ряда связанных с ним позднейших систем) о соотношении «базиса» и «надстройки» как в международных отношениях, так и в ходе развития отдельных социумов. При этом, естественно, автор далёк от мысли о том, что культурных различий не существует. Скорее речь идёт о том, что на политику обычно влияют очень разные факторы (идеологическая борьба внутри страны¹⁰, внешние влияния, интересы капиталистов и др.).

Заключение. Несмотря на перечисленные выше несообразности цивилиционистского подхода как историко-философского метода, он является важной составляющей в современной политике, в т.ч. как основа для общегосударственных идеологий. Это касается в особенности многонациональных государств, которые сформировались в ходе крушения колониальных империй. Насущной необходимостью для таких стран стало формирование общей идентичности. Яркий пример – Индия, где помимо индо-европейского населения на севере и дравидов на юге проживают еще и австроазиаты¹¹. Несмотря на это, правящая БДП достаточно успешно формирует надэтническое самосознание, что косвенно подтверждают результаты выборов¹².

Список литературы

1. Perry A. The Ends of History // A Zone of Engagement.– London; New York: Verso, 1992. – P. 350-355.
2. Банников А.В. Организация римских военных флотов в период принципата // Альманах современной науки и образования. – 2015. – № 5 (95). – С. 18–23.
3. Кесмеджи П.А., Кесмеджи Г.П. Княжество Феодоро. – Симферополь: Таврида, 1999. – 119 с.
4. Комиссаров С.А., Шульга Д.П. Актуальные вопросы геополитики в странах Азии: раб. прогр. дисциплины. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2016. – 18 с.
5. Сапрыкин С.Ю., Ермолин С.А. Римский фот на Боспоре: новая латинская надпись из Пантикапея // Вестник древней истории. – 2010. – № 3 (274). – С. 72-84.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизации; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ. 2003. – 603 С.
7. Шульга Д.П. Перспективы идеологемы «Москва - третий Рим» в современном «русском мире» (РФ, ДНР, ЛНР, ПМР). В сборнике: Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VI Международной научной конференции. Под общей редакцией С.В. Беспаловой. Донецк, 2021. – С. 155-157.

¹⁰ Подчас таковая может опираться на объективные исторические факты, которые при должной интерпретации могут доказывать или опровергать позиции сторон. Например, история Восточной Римской империи тесно связана с российской [Кесмеджи, Кесмеджи, 1999], однако само по себе это не является залогом перманентного союза РФ с Грецией и иными православными странами.

¹¹ К таковым относится нынешняя дама-президент, Драупади Мурму.

¹² Более подробно см., напр.: Щедров Ю.И. Выборы в штате Уттар-Прадеш: правящая партия Индии укрепляет позиции. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/vibori-v-shtate-uttar-pradesh-pravyashtaya-partiya-indii-ukrepyaet-pozitsii> дата обращения: 21.08.2022.

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

Ярошевская А. В.

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств
им. М. Матусовского», г. Луганск, РФ
radistkakett00@mail.ru.

Введение. Литературное и философское наследие выдающегося русского писателя - классика, гуманиста и философа Ф.М. Достоевского заслуженно считается национальным достоянием русской культуры и литературы. Всю жизнь разглядывая «тайну человека», вознося читателя к «идеалу мадонны» и низвергая его в бездны «подполья», Ф.М. Достоевский первым в русской литературе заговорил о двойственности и инфернальных противоречиях человеческой природы. «Он уже не только психолог, он – метафизик, он исследует до глубины трагедию человеческого духа», – писал Н.А. Бердяев [1, с. 18].

Современное достоевскоеведение, преодолевая рамки сугубо литературоведческого анализа, акцентирует внимание на философской составляющей наследия Ф.М. Достоевского. Не являясь создателем отдельной философской системы, русский классик излагал на страницах своих произведений основополагающие идеи, ставшие впоследствии фундаментальными для русской и европейской философии. Очевидно влияние Ф.М. Достоевского на персонализм, ницшеанство, фрейдизм. Наиболее существенное влияние, на наш взгляд, оказало творчество Ф.М. Достоевского на экзистенциализм.

Цель данной статьи – охарактеризовать влияние Ф.М. Достоевского на становление экзистенциализма в России.

Основная часть. Ф.М. Достоевского по праву можно считать предтечей философии существования. В философии и текстах писателя поднимается целый ряд вопросов, ставших впоследствии фундаментальными в экзистенциализме. Это – интерес к проблеме человека, его «тайне», внимание к «подполью», скрытым «хотениям», проявляющимся порой вопреки здравому смыслу и идущими вразрез с общепринятыми социальными установками и различными системами. Это – конечность существования, смерть и самоубийство, вопросы свободы, бунта, одиночества, власти, насилия, ответственности и другие.

Наиболее яркие представители экзистенциализма – Жан Поль Сартр, Альбер Камю – во многом наследовали и неоднократно ссылались на Ф.М. Достоевского в своих произведениях, анализировали персонажей и тексты классика, считали русского мыслителя своим учителем.

Взаимосвязь и взаимопроникновение философии экзистенциализма и философии Ф.М. Достоевского предоставляет уникальную возможность

для более глубокого анализа мировоззренческих концепций великого русского мыслителя и дает возможность определить истоки многих зарубежных и отечественных экзистенциальных теорий.

Пристальное внимание Ф. М. Достоевского было приковано к развивающимся на фоне «пограничных ситуаций» некатегориальным модусам человеческого бытия, впоследствии обозначенным в философии существования как «экзистенциалы». Экзистенциалы «смерть», «одинокость», «подполье», «все дозволено», «свобода», «бунт» и др., не только органично вплетены в философскую концепцию и эго-тексты, но и неоднократно пережиты самим писателем.

Необходимо отметить, что философская доктрина Ф.М. Достоевского превосходит своей глубиной и многообразием концепции экзистенциализма. Мировоззрение Ф.М. Достоевского было насыщено глубинными противоречиями. Писатель прошел сложный путь от революционера и социалиста до убежденного христианина и приверженца монархии. Преодолев целый ряд «пограничных ситуаций», пережив «казнь» и каторгу, всю жизнь борющийся с лишениями и хроническим недугом, Ф.М. Достоевский не только полностью переосмыслил собственные убеждения, но и приобрел бесценный опыт познания человеческой сущности. Это позволяет анализировать философскую концепцию русского классика не только как своеобразное введение к европейскому экзистенциализму, но и как уникальную фазу экзистенциального мировосприятия, наделенную индивидуальными особенностями и насыщенную авторскими открытиями.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что полноценное представление о Ф. М. Достоевском невозможно без анализа экзистенциального мировосприятия писателя, включающего характеристики ключевых экзистенциалов и «диапазонов» в биографии и творчестве русского классика. В свою очередь, целостная картина восприятия основных категорий философии существования, в том числе, «на русской почве», не была бы полной без учета наследия Ф.М.Достоевского, творчество которого является своеобразной «прелюдией» к экзистенциализму.

Заключение. В XX веке многочисленные кровопролитные войны обесценили жизнь настолько, что от смерти ее отделял порой «лишь <...> палец на курке ружья» [3]. Начало XIX века, к сожалению, не вселяет оптимистических надежд. Войны, болезни, катастрофы и социальные потрясения все также угрожают жизни человека, подчеркивая абсурдность, заброшенность и «пограничность» нашего существования. Все также актуальны вопросы мироустройства и социальных систем, каждая из которых предлагает свой рецепт «осчастливливания» масс. Но также тихо, и уверенно звучит в душе человека голос истины, Христа, веры.

Современное прочтение текстов Ф.М. Достоевского не только предполагает поиск ответов на вечные вопросы о смысле жизни, вере и

безверии, преступления и наказания, о невинных жертвах и мировой гармонии, об одиноких «подпольных» и бунтующих мыслителях – будущих революционерах.

Писатель неоднократно подчеркивал мессианскую роль России – предвестницы всечеловеческого обновления – и был убежден: «Всеми миру готовится великое обновление через русскую мысль (которая плотно спаяна с православием <...>)» [2, с.350]. Ф.М. Достоевский страстно верил в Россию, и сегодня его слова воспринимаются как сбывающееся пророчество великого гения.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Мирозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев. – М. : Хранитель, 2006. – 256 с.
2. Достоевский, Ф.М. Письма. 125. А. Н. Майкову. 18 февраля (1 марта) 1868. Женева // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений: в 15 томах. – СПб.: Наука, 1996. – Т. 15. – С. 346–352.
3. Сюдюков, Н.К. Экзистенциализм Достоевского: Человек меж проклятых вопросов [Электронный ресурс] / Н.К. Сюдюков. ISBN:<https://syg.ma/@robbietherotten/ekzistentsializm-dostoievskogho-chieloviek-miezh-prokliatykh-voprosov>.

Философия на линии фронта

УДК 101.9

ОСМЫСЛЕНИЕ ВОЙНЫ У СОВЕТСКИХ ФИЛОСОФОВ

Банадыков Я.Д., Ионов Б.В.,

ГБОУ ВО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище»,
г. Донецк, РФ

Введение. Основной пафос как русской, так и наследующей ей советской философии можно определить как нравственный. Свое отношение к бытию, истории, социуму и человеку русский философ выстраивает, прежде всего, как этическое отношение. В этом смысле особый интерес представляет отношение русских философов к такому феномену, как война. Н.А. Бердяев писал в статье «Предсмертные мысли Фауста» о «философии во время боя»: «В "Бхагавад-Гите" откровение происходит во время боя. Во время боя можно решать последние проблемы о Боге и смысле жизни, но трудно заниматься гносеологическим анализом. И в наше время мысль работает во время боя» [1]. Это выражение как нельзя лучше описывает положение советских философов, многие из которых прошли войну. Воевали Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев, М.А. Лифшиц, М.К. Петров и многие другие советские философы, для которых война явилась не только философской темой (многие затем будут осмыслять войну как экзистенциал), но и событием в жизни. В этом смысле советские философы наследуют философам дореволюционным, которые также не убегали от войны ни как от философского вопроса, ни как от жизненной необходимости.

Основная часть. Для раскрытия темы остановимся на одном из главных персонажей советской философии – Александре Зиновьеве, и на его войне. Александр Зиновьев, всемирно известный логик и социолог, автор нашумевшего романа «Зияющие высоты», за который был изгнан из СССР, был участником Великой Отечественной войны. Прошел путь от кавалерии до авиации, от рядового до офицера. В армии он был с восемнадцати до двадцати четырех лет. Про свои армейские годы он вспоминал потом, что, изучив опытным путем досконально все аспекты армейской жизни, он использовал эти знания затем для изучения специфических коммунистических отношений.

Зиновьев вспоминает, что одной из причин, по которой он пошел служить, было «то, как армия изображалась в книгах, фильмах, пропаганде и рассказах тех, кто отслужил свой срок» [1, с. 163]. Зиновьев затем напишет, что он чувствовал себя как рыба в воде в обстановке военных лет [2, с. 180], более того, когда война окончилась, он сожалел об этом.

На войне Зиновьев показал себя героем. С началом отступления было приказано оставлять прикрытие. Это значит, что те бойцы, которые будут прикрывать отступавшие части, скорее всего, погибнут. Добровольцами вызвались несколько человек, и в их числе Зиновьев. Мы, оставшиеся прикрывать отступление части, приготовились сражаться до последнего патрона и достойной умереть» [2, с. 184]. Зиновьев пишет, что это было совершенно искреннее решение.

Зиновьев, как и русские философы в первую мировую войну, старается осмыслить произошедшее, осмыслить войну. Но если представители русского религиозно-философского Ренессанса осмысляют войну в религиозном ключе, то Зиновьев, как марксист и как социолог, осмысляет войну в социологическом смысле. При этом он пишет, что в его задачи не входит исследование войны как такового. Он касается темы войны лишь как фактора своей личной жизни, как фактора его личного эксперимента и фактора в его личном понимании и исследовании советского общества.

Современный исследователь отечественной философии войны А.Ю. Коробов-Латынцев отмечает, что в отличие от русских религиозных философов, которые рассуждали о нравственном и историософском смысле войны, Зиновьев старается определить социальный тип войны. [3, с. 70] Для этого следует охарактеризовать социальный тип страны. В этом смысле Первая и Вторая Мировые войны отличаются друг от друга. Если первая была войной между однотипными с социальной точки зрения государствами, то Вторая Мировая война была социально неоднородной. Причем Зиновьев пишет, что относительно её социального характера сложилась целая традиция умолчания. Вторая Мировая, пишет Зиновьев, была войной между капитализмом и коммунизмом. Прочитую, чтобы не пересказывать: «Война гитлеровской Германии против Советского Союза была, по существу, попыткой стран Запада раздавить коммунистическое общество в Советской Союзе. Причем это не была война одинаково виновных с точки зрения её развязывания партнеров. Инициатива исходила со стороны Запада хотя бы по той причине, что Советский Союз к войне подготовиться не успел» [2, с. 208].

Вывод. Вторая Мировая показала, что коммунистический строй способен удерживаться при невероятных трудностях, выдерживать эпохальные катастрофы. Коммунизм есть строй, «как будто специально приспособленный для самосохранения страны в условиях грандиозных трудностей и для преодоления их» [2, с. 208]. По сути дела, это один из главных выводов Зиновьева по войне. Впрочем, не единственный. Были и многие другие выводы, и многие другие мысли, родившиеся у Зиновьева из войны, в войне, по поводу войны, и на фоне войны. Из армии философ возвращается, как он сам пишет, с чемоданом рукописей.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста [Электронный ресурс] URL: http://odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/berdyaev_n_a_predsmertn/
2. Зиновьев А.А. Исповедь отщепенца / Александр Зиновьев. – М.: Вагриус, 2005.
3. Коробов-Латынцев А.Ю. Опыт войны советских философов // Эхо войны. Материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию начала Великой Отечественной войны. Под общей редакцией К.В. Костина. – Омск, 2021. – С. 87-94.

УДК 7.01

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ ЗАПАДА

Бугаев В.И., канд. филос. наук, доц.

ГОУК ЛНР «Луганская академия культуры и искусств им. М. Матусовского»,
г. Луганск, РФ
vasiliy.bugayov@mail.ru

Гибридная война Запада против всего остального мира, хранящего традиционные ценности культуры, включает в себя мощный эстетический компонент как разновидность «мягкой силы». В частности, искусство как система в эпоху глобализации современной культуры апробирует перестройку эстетических категорий – «гармонии-дисгармонии», «прекрасное-уродливое», «высокое-низкое», «идеальное-реальное». Система современного искусства имеет тенденцию включения ранее не известных явлений, в том числе, моду как глянцевою и гламурную субкультуру течений искусства постмодернизма. Границы искусства исчезают во всех отношениях. Так растворяются и аннигилируются символы, смыслы, технология, стили, идеалы прошлых эпох.

Постмодернистская концепция «симулякров» в тенденции красоты Ж. Бодрийера указывает на мягкое средство – «макияж», как «способ свести лицо на нет», «вытравить эти глаза другими, более красивыми», «стереть губы более красивыми – красными». Постмодернистские тенденции феномена моды значительно изменили концепции цветовосприятия эстетического воспитания молодого творческого поколения. Симулякры имеют такой же статус, как и устоявшиеся традиции античного идеала. Но, как всегда, мы отдаем предпочтение ни дисгармонии; а гармонии, ни уродливому, а красивому; ни безвкусию, а эстетическому вкусу в истории развития цветовосприятия мирового искусства и дизайна.

В конце XX века сформировался стиль «деконструвизм». Для него характерны разрушение классических пропорций элементов одежды,

алогичность цветовосприятия «артефактов-моделей». Яркий пример данной тенденции – «бельгийская школа дизайнеров». Выпускники антверпенской Королевской академии искусств – Марлин Маржъела, Анн Демелемеестер, Дирк Биккембергс, Дрис ван Нотен, Вальтер ван Бейрендонк, Дирк ван Саен создали «индустриальный» стиль. Марлин Маржъела использует антиэстетическую деконструкцию в процессе преобразования одной формы в другую. У пиджаков оторваны рукава, а края – не обработаны. Использует старые вещи. Цвет несет определенное дополнение: покрывает серебром поношенный плащ. Показ в Париже коллекции Анн Демелемеестер вызвал шок – андрогинного вида модели, одетые в широкие балахоны, мужские штаны и ботинки. Для ее стиля характерна ограниченная цветовая гамма черного, белого и хаки». Асимметрия формы – пиджак с одним рукавом, платье с вырезом в форме неровного треугольника. Например, Дрис ван Нотен переосмысливает эстетику цветовосприятия орнаментов в игре противоположностей – простого и сложного, классического и новаторского, сдержанного и экзотического. Вальтер ван Бейрендонк в цветовосприятии своих артефактов-моделей вводит образы ярких футуристических комиксов и видеоигр. Коллекция «W.&L.T. Collections» – произносится как «вольт» и является аббревиатурой от Wild and Lethal Trans – буквально «дикий и смертельно опасный хлам» – шоу с инопланетными существами с вкраплениями цветов, накладок, шлангов, проводов. Дирк ван Саен изменяет классический вариант артефактов-моделей преувеличивая детали – рукава, воротники с контрастными строчками и лаконичным цветом – белым, темно-синим, черным. Это метод дегуманизации образа.

Известный французский теоретик искусства Ж. Бодрийяр определяет данную тенденцию западного искусства: «Мы противимся признавать, что все секторы нашей жизни определились в сфере товара, и еще более – что они определились в сфере моды. Дело в том, что ликвидация ценностей происходит особенно радикально. Под властью товара все виды труда подлежат обмену и утрачивают свою особенность – под властью моды уже сам труд и отдых как таковые обмениваются своими знаками. Под властью товара культура продается и покупается – под властью моды все культуры смешиваются в тотальной игре симулякров» [1, с. 171]. Ж. Бодрийяр в понятии цветовосприятия мироздания выделяет концепцию «системы вещей». Он считает: «Краски традиционно наполняются морально-психологическими содержаниями или цвет диктуется внешними факторами – действием, церемонией, социальной ролью» [1, с. 25]. Примеры социальной роли цветовосприятия – молодежная субкультура «готов». Различные компоративы с цветами официальных костюмов, платьев, бижутерии, дизайна среды и оформления интерьеров. Символика тату и боди-арта, молодежная одежда в определенных стилях. Главной инстанцией данной символики «системы вещей» Ж. Бодрийяра выступает

соблазн: «который подхватывается психоанализом и дискурсом освобожденного желания» [1, с. 25]. Торжество соблазна в «системе вещей»: «бесцветная, рассеянная феминизация и эротизация» [1, с. 27].

Известный теоретик и диагност западной культуры К. Манхейм так характеризует психологию данного феномена: «Культурная сублимация, например, в области искусства и моды, происходит только в том случае, если определились группы знатоков (*connaisseurs*), которые формируют вкус, откуда содержание и техника плавно распространяется на остальное общество» [2, с. 314]. Эстетический вкус становится пародийным, цвет артефактов представляет элемент игры. Данное цветовосприятие игры артефактов импонирует «*connaisseurs*». Феномен цветовосприятия западной «Моды» занимает привилегированное положение. Он представляет феерию свободы безграничных штучных перестановок и манипулирования. Эмансипация овладела регулируемы́ми тенденциями онтологии цветовосприятия одежды, тела, вещей, знаков, символов. Феномен Моды становится глубинным инвестором западной культуры. Коллекция Вествуд «Путешествия на Киферу» и «*Erotic Zone*» представляют симулякры концепции Ж. Бодрийяра. В цветовосприятии данных артефактов заключена психология «либидо», которая служит вездесущим планом циркуляции основного симулякра – соблазна.

Данная стратегия коллективного Запада рассчитана на разрушение эстетических оснований традиционных культур. Ей можно противостоять только актуализацией традиционной эстетики, основанной на библейском откровении о человеке. В концепции «Божественной красоты» Григория Богослова говорится, что одно тело дано человеку Богом; другое же – произведение его рук; так одно «ветхо», другое «ново» и преображено: «Ибо тебе, подсурьмившаяся и подрумянившаяся, возможно ли удержать на себе обличаемую в подлоге красоту» [3, с. 294]. Неудобно Божий образ закрыть смертной личиной: «Один цвет любезен в женщинах – это добрый румянец стыдливости. Его живописует наш Живописец» [4, с. 301]. Это означает, что эстетика человека, его одежды и поведения должна соответствовать образцу праведного поведения и благолепия.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М.: AD MARGINEM, 2000. – 319 с.
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист. 1994. – 760 с.
3. Св. Григорий Богослов. Собрание творений: в 2-х т. – Т.1. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 832 с.
4. Св. Григорий Богослов. Собрание творений: в 2-х т. – Т.2. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 688 с.

И. А. ИЛЬИН О ДУХОВНОМ ЗНАЧЕНИИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Давыденко М. В., канд. филос. наук, доц.
АНОВО «Московский международный университет», г. Москва, РФ
davydenkomaryna@yandex.ru

Введение. В сочинениях выдающегося русского мыслителя И. А. Ильина (1883 -1954) представлена проблематика сущности военного времени как специфического явления в жизни отдельного человека и всего общества, его духовного значения. Рассуждения мыслителя на указанные темы актуальны в контексте философского осмысления самого кризисных явлений, меняющих и перестраивающих заново основы бытия человека.

Экзистенциальное переживание – это переживание кризисной «пограничной ситуации», когда сознание человека сталкивается с ситуацией или задачами, которые с трудом поддаются рациональному осмыслению. Кризис перемещает человека в маргинальное положение, когда привычные стереотипы мышления и поведения уже не работают, а новых еще не выработано. Сознание сопротивляется происходящим в жизни переменам, что выражается в таких чувствах, как страх, ужас, тревога, безысходность, отчаяние. Парадоксально, но значение подобных кризисных, порой трагических периодов заключается в обретении новых смыслов, новых качеств в самом человеке, в «пересоздании» жизни заново. Экзистенциальные переживания остро дают о себе знать в переходные периоды истории, времена тяжелых катаклизмов, революций, слома предшествующего миропорядка. В частности, война и сопровождающие войну явления, разрушающие привычное и устоявшееся бытие человека вызывают сильнейшие экзистенциальные переживания, кризис, но и позволяют человеку острее почувствовать и осознать собственные ценности. Цель данной статьи – проанализировать воззрения И. А. Ильина на сущность войны как особого экзистенциального переживания человека, обладающего духовным смыслом.

Основная часть. Рассмотрению исследуемой проблемы посвящены такие произведения мыслителя, как «Основное нравственное противоречие войны» (1914) и «Духовный смысл войны» (1915). Откликаясь на события Первой мировой войны и участие в ней России, И. А. Ильин осмысляет саму сущность войны, ее значение и смысл для отдельного человека и общества [1, С. 178]. С силой и психологической точностью в указанных выше работах он раскрывает сложные переживания и моральные муки, связанные с применением насилия к человеку, разрушению прежнего и привычного уклада, угрозой смерти и потерями. В произведениях

«Основное нравственное противоречие войны» и «Духовный смысл войны» мыслитель, по сути, описывает военное время как тяжелейшее переживание экзистенциального характера, «бремя», заслоняющее собой все прежнее бытие. Признаки такого события: оно подавляет и обессиливает душу, вызывает нравственный раскол и муки совести, оно «вторгается неожиданно», «потрясает», покрывая «привычную перспективу тьмой», заслоняет повседневность, ставит перед человеком возможность личной смерти [2, с. 14]. Ильин писал, что в повседневной жизни души людей находятся в духовном и нравственно разъединении, погружены в эгоистические интересы, война же выдвигает на передний план «Новое», общий «Предмет», пробуждает, объединяет, «заставляет гореть не о себе и работать не для себя. Однако, война несет в себе нравственные противоречия, в частности, соединение морального отрицания насилия и добровольное право-повиновение приказу свыше [2, с. 16]. С одной стороны, душу человека гнетет ужас перед самим фактом посягания на тайну жизни, непоправимости совершенного, с другой, остроту переживания смягчает «заблуждение невинности», необходимости подчинения приказу. Причина тому, с позиции Ильина, сама сущность войны как «нравственно виновного делания», являющегося виной всего общества [2, с. 22]. Невозможность прожить этот духовный раскол чаще всего ведет к спасительному вытеснению тяжелого переживания.

Экзистенциальный характер войны мыслитель раскрывает, утверждая, что «...война не есть явление случайное или произвольно созданное, она есть зрелый плод всего жизненного уклада» людей. Действительно, тяжелые события человек нередко склонен воспринимать как «злой рок», фатальность, никак не связанную со всем предыдущим, что усиливает ощущение ужаса, трагизма, горя. Однако, Ильин обращает внимание на глубинные причины подобных мучительных переживаний людей – прежнюю «неверную жизнь», допущенные ошибки, вина. В случае с войной эта вина, следствием которой стала организация массового насилия, является общей. Нравственное противоречие войны не может быть разрешено до конца, оно может быть лишь приемлемо человеком и отчасти изжито в форме бескорыстного духовно-творческого напряжения человека. Как любой кризис экзистенциального характера, война может обернуться для человека неподъемным бременем, а может привести к духовному творческому подъему, «истинному духовному горению», когда перед ним открывается новый масштаб значения своей деятельности. Искреннюю решимость принять на себя последствия всеобщего виновного деяния мыслитель называет «истинным героизмом», «виновным подвигом» [3, с. 17].

Война, как по сути своей экзистенциальное событие выступает как духовное испытание и духовный судья. Она неотвратимо ставит перед

человеком вопрос: стоит ли мне жить тем, чем я сегодня живу? [3, с. 19]. Если смысл моей жизни эгоистический, участие в войне может обернуться дезертирством, потерей всех ориентиров. По мысли Ильина, война вкладывает такой ответ на заданный выше вопрос: «жить стоит только тем, за что стоит и умереть». Война выступает, таким образом, как «проверка» жизни, ее качества, ее достоинства и открывает перед ее участником не только неразрешимые нравственные противоречия и боль, но и «путь героя» [3, с. 26]. Актуальный в контексте войн вопрос о возможности и необходимости непротivления злу силой И. А. Ильин разрешает так: сопротивление злу, противнику, угнетателю не только возможно, но и необходимо, если угрозе подвергается духовное достояние культуры, личное достоинство человека, его жизнь как таковая. Не всякая война имеет, по мнению мыслителя, духовное оправдание, но каждая имеет духовное значение и несет в себе духовный урок, который должен быть усвоен народом.

Заключение. Таким образом, война является событием подлинно экзистенциального характера, то есть таким, которое затрагивает само существование, саму основу жизни человека, меняя основания его бытия. Такое событие несет в себе колоссальный заряд боли и разрушения, оно способно привести не только к материальным потерям, но и моральному падению, потере смысла жизни, веры в себя. В работах И. А. Ильина прослеживается важный вывод: пережить подобное можно только имея в качестве ориентира высшие ценности (религиозные, нравственные, патриотические), «любя при жизни нечто высшее больше, чем себя». Война способна открыть для самого человека его подлинные жизненные ценности, в этом заключается ее урок. Отстояв свою свободу в ходе колоссального напряжения, сопровождаемого творческим взлетом, человек получает шанс жить дальше иной жизнью, уже на началах ответственности и рефлексии. Со временем, смысл полученного «урока» теряется и человека настигает новый экзистенциальный кризис уже иного характера. Однако, война является в череде этих кризисов одним из самых сложных испытаний и уроков.

Список литературы

1. Гольцов, В. М. Первая мировая война и формирование мировоззрения русских интеллектуалов консервативного направления XX века (на материалах творчества И.А. Ильина). // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Электронный сборник. – Вып. 2. – Самара, 2014. – URL: <http://sbornik.lib.smr.ru/>(дата обращения: 12.09.2022).
2. Ильин, И.А. Духовный смысл войны // Собрание сочинений: в 10-ти т. Т. 9-10 / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – Москва: Мысль, 1990. – 524 с.
3. Ильин, И.А. Основное нравственное противоречие войны // Собрание сочинений в 10 томах. Том 5. / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – Москва: Мысль, 1996. – 608 с.

РУССКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ В КОНЦЕПЦИИ И.Л. СОЛОНЕВИЧА

Даренская В.Н., канд. филос. наук, доц.

ГОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
vera_darenskaya@mail.ru

В современной гибридной войне против России Запад использует систему идеологической лжи, которая получила название «русофобии». Одним из её компонентов является дискредитация истории России. Однако для противостояния русофобским мифам русская мысль к настоящему времени наработала большое количество ценных концепций. Особое значение здесь имеет наследие русского мыслителя Ивана Лукьяновича Солоневича (1891–1953), создавшего концепцию самобытных начал русской власти. Согласно этой концепции, в России на протяжении многих веков ее самостоятельного развития в допетровскую эпоху был реализован идеал народной монархии, принципиально отличающийся от западной модели сословной монархии (абсолютизма), однако затем Петром I была силой навязана западная модель, которая, в конце концов, и привела к ее крушению в 1917 году. И.Л. Солоневич указывает на живучесть и в науке, и в общественном сознании западных взглядов на Россию как очень вредного и разрушительного явления: «Русская историография за отдельными и почти единичными исключениями есть результат наблюдения русских исторических процессов с нерусской точки зрения» [2, с. 40]. Религиозно-нравственные основания русской государственности И.Л. Солоневич, вслед за В.С. Соловьевым, определял как «диктатуру совести». Специфика русской политической традиции, согласно И.Л. Солоневичу, состоит в её принципиальном отличии от европейского феодализма. Единство царя и народа на основе православной веры и Православной Церкви как высшего авторитета в мирских делах и обусловило тот факт, что в России монархия была в первую очередь народной властью и никогда в русская монархия не утверждалась путем насилия над народной волей, в то время как её противники всегда действовали насильем: убийствами, восстаниями и заговорами. Народность царской власти, кроме религиозно-нравственного фактора, обеспечивалась и земными, прагматическими «механизмами» власти – в первую очередь, народным представительством: «Русское Самодержавие – в старой Москве работало рука об руку с народным представительством, с Церковными Соборами, с Земскими Соборами и с Боярской Думой. Реформы Петра I-го покончили со всем этим. Основная ошибка Государя Императора Николая Второго заключалась в том, что вместо Земского

Собора был созван парламент (Государственная Дума). В партийный парламент попадают отбросы интеллигенции. Соборы были органическим представительством нации. Вся сумма человеческих свобод в России Императора Николая 2-го была значительно больше, чем в Англии м-ра Эттли и, вероятно, не меньше, чем в Америке м-ра Трумана» [3, с. 24]. Более высокий уровень свобод в царской России по сравнению с Европой и Америкой обеспечивался самоуправлением крестьянских общин и городов. В царской России государство вообще намного меньше вмешивалось во внутреннюю жизнь народа, чем это было на Западе.

Основанием русской православной монархии был нравственный подвиг народа – его смирение ради свершения воли Божией. Это стало возможным только России, где сами основатели государства были святыми людьми. И позже в Московском государстве отбор правящего класса осуществлялся по нравственным качествам, а народная жизнь была основана на самоуправлении («народной монархии»). Тем самым, в Московском православном царстве не было проблемы «контроля» народа над властью, которая была главной для Европы, в которой часто монархами были откровенные преступники. В России изначально был заложен принцип абсолютного доверия к власти, который всегда оправдывал себя и только, благодаря которому из маленького Московского княжества была создана великая империя. Как показывает И.Л. Солоневич, прагматическая эффективность допетровской «народной монархии» обеспечивалась также и очень эффективной системой самоуправления народа, не имевшей аналогов в феодальной и абсолютистской Европе.

По определению И.Л. Солоневича, «русское самодержавие есть совершенно индивидуальное явление, явление исключительно и типично русское: “диктатура совести”, как несколько афористически определил его Вл. Соловьев. Это – не диктатура аристократии, подаваемая под вывеской “просвещенного абсолютизма”, это не диктатура капитала, сервируемая под соусом “демократии”, не диктатура бюрократии, реализуемая в форме социализма, – это “диктатура совести”, в данном случае православной совести. Русское самодержавие было организовано русской низовой массой, оно всегда опиралось на Церковь, оно концентрировало в себе и религиозную совесть народа, и его политическую организацию. Политической организацией народа, на его низах, было самоуправление, как политической же организацией народа в его целом было самодержавие» [2, с. 73-74]. «Русский царизм, – писал И.Л. Солоневич, – был русским царизмом: государственным строем, какой никогда и нигде в мировой истории не повторялся. В этом строе была политически оформлена чисто религиозная мысль. “Диктатура совести”, как и совесть вообще, – не может быть выражена ни в каких юридических формулировках, – совесть есть религиозное явление... именно на этой православной тенденции, и строилась русская государственность. Как можно втиснуть любовь в параграфы, какого бы то ни было договора?» [1,

с. 100]. Подход И.Л. Солоневича к пониманию сущности русской православной монархии не только принципиально отличается от подхода светских историков, которые исходили из понятий «прогресса» и т.п., но и создает русскую парадигму понимания государственности как таковой. Эта парадигма важна не только для понимания исторического прошлого, так глубоко искаженного чужими взглядами, но и для нашего настоящего и будущего, поскольку, как показывают современные события, русская государственность опять строится на тех, же самых нравственных основаниях, как и много веков назад. Государство Российское может и не быть монархией по своей внешней форме, но оно не может не быть «диктатурой совести» – в противном случае оно разрушается, не смотря на все свои внешние материальные успехи. Тем самым, концепция И.Л. Солоневича дает универсальную модель русской государственности и русского социального идеала в целом, конкретные исторические воплощения которого могут быть различны, но глубинная сущность «народной монархии» остается одной и той же.

Кроме первых двух важнейших слагаемых народной монархии самодержавия, основанного на религиозном служении царя, и народного самоуправления (соборы, дума, суд присяжных и общины) – третьим слагаемым её было самоуправление всех народов, добровольно входивших в состав царской России. Как пишет И.Л. Солоневич, «ни одна нация в истории человечества не строила и не постигла такой государственности, при которой все втянутые в орбиту этого строительства нации, народы и племена чувствовали себя – одинаково удобно или неудобно, – но так же удобно или неудобно, как и русский народ. Если было удобно – было удобно всем, если было неудобно – то тоже всем. Это есть основная черта русского государственного строительства. Она может называться интернационализмом, космополитизмом, универсализмом или “вселенскостью”, но она проходит определяющей чертой через всю русскую историю» [2, с. 27–28]. Все народы, вошедшие в состав русского царства, а затем Империи имели больше выгод от этого, чем сам русский народ. Все это является прямой противоположностью колониальной политике европейцев, основанной на жестокой эксплуатации и геноциде покоренных ими народов. Народы Европы почти полностью истребили коренное население трех континентов – обеих Америк и Австралии – и этот глобальный геноцид считают «нормой». В этом отношении Россия представляет собой уникальный феномен «империи-донора».

Список литературы

1. Солоневич И.Л. Миф о Николае II // Солоневич И.Л. Наша страна. XX век. – М.: Изд-во журнала «Москва», 2001. – С. 77–106.
2. Солоневич И.Л. Народная монархия. – М.: ИРЦ, 2010. – 624 с.
3. Что говорит Иван Солоневич. – Буэнос-Айрес: Наша страна, 1954. – 72 с.

АВГУСТ 1941 ГОДА: НАЧАЛО ВОЙНЫ НАРОДНОЙ

Даренский В.Ю., д-р филос. наук, доц.
ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
darenskiy1972@rambler.ru

Начало Второй Мировой войны обычно связывают с «пактом о ненападении» между Германией и СССР; это мнение ложно, поскольку необратимый ход событий был «запущен» раньше, в 1938 году, когда Англия и Франция дали согласие на поглощение Германией Чехословакии. Решение о «поглощении» Польши, отказавшейся от помощи со стороны СССР, было принято Гитлером в апреле 1939 года, поэтому этот пакт совершенно не влиял на ход дальнейших событий, но позволил СССР очень отодвинуть свою западную границу. Именно эти «лишние» 250-300 километров, возможно, и спасли СССР от разгрома в 1941 году – если бы Вермахт начал наступление с линии старой границы, то взял бы Москву. После разгрома Красной армии в начальный период войны уже в августе 1941 года фактически начинается перелом – война стала приобретать тот характер, по которому она была названа Великой Отечественной.

1. *Прагматический аспект ситуации.* Целая система причин, в совокупности давших катастрофический эффект, привела к разгрому Красной Армии в приграничном сражении. Принципиально ошибочным оказался план встречного наступления, которое должна была начать Красная Армия сразу же после вторжения Вермахта. Попытки такого контр наступления имели самые печальные последствия. Разведка очень точно фиксировала концентрацию сил Вермахта у границы, что позволяло рассчитать дату вторжения с точностью до дня. Это было сделано, и 21 июня Генштаб РККА отдал приказ о полной боевой готовности. Но только флоты его выполнили, а сухопутные войска не успели по объективным причинам. Но даже если бы успели, это мало повлияло бы на ситуацию в силу ошибочной конфигурации войск, «размазанных» вдоль границы, в то время как Вермахт наступал на узких участках всего в четырех местах – на Немане, под Гродно, Брестом и Рава-Русской. Поэтому, как минимум, половина всех приграничных войск Красной Армии в бои вообще не вступала, а сразу перешла к отступлению. Например, целых две армии без боев отступали из Прикарпатья, пока не были окружены и взяты в плен под Уманью. А на направлениях своих главных ударов Вермахт создавал многократное превосходство в силах. Большим фактором разгрома стало массовое дезертирство более полумиллиона солдат, мобилизованных в новоприсоединенных регионах – на западной Украине и в Прибалтике.

Стрелковый корпус, созданный из бывшей литовской армии, перебил советских офицеров и перешел на сторону немцев. В Литве националисты уничтожили советские учреждения и установили свою власть еще до прихода немцев. Третьей причиной было качественное превосходство в подготовке немецких войск. Даже не смотря на 4-кратное численное превосходство советской авиации, она была почти полностью разгромлена за первые две недели боев. То же самое было и с танковыми войсками: все огромные мехкорпуса РККА легко уничтожались за несколько дней. Общей причиной столь низкого уровня командования и подготовки войск была утрата высоких традиций русской армии в сталинский период. К августу 1941 года был завершен разгром довоенной кадровой Красной Армии. С этого момента её основу составляют спешно набранные плохо или вообще никак не обученные и плохо вооруженные люди. Но именно они не дали осуществиться плану «Барбаросса». Это странный парадокс!

После потери почти всей авиации, почти всех танков и двух третей артиллерии, РККА в этот момент перестала быть армией современного типа и стала ополчением, которое называется древним словом «рать». Семантика слова «рать» включает в себя смысл предельной жертвенности; это термин не только военного, но и сакрального порядка. *Рать – вышла умирать*. Так и использовались эти войска: по приказу «любой ценой задержать продвижение противника». Их ждала гибель или плен, который тоже обычно означал гибель (более 2 миллионов пленных погибло уже в 1941 году). Затем дивизии под теми же номерами формировались второй раз. Но в тот момент у такой жертвенной стратегии не было альтернативы.

2. *Культурный аспект ситуации*. Август 1941-го воспроизводит «архетипическую» для XX века ситуацию августа 1914: конец «прекрасной эпохи» иллюзий бесконечного прогресса. Правда, в СССР не было радикального разрыва со сложившейся системой ценностей и укладом жизни предвоенного периода: мобилизационный тип жизни здесь был и до этого. Однако модернизация общества предыдущего периода протекала в рамках оптимистических иллюзий будущей быстрой войны «малой кровью, могучим ударом». Но реальность неожиданно оказалась прямо противоположной: «могучий удар» был нанесен по нам, а жертвы оказались самыми большими из всей истории войн. По свидетельству современников, именно это и стало *неожиданностью* войны, а вовсе не сам факт ее начала, поскольку войну все ждали уже в модусе «вот-вот». В советской пропаганде до 1941 года не существовало понятия «защита Родины», а война изображалась только как «освободительный поход».

Этот культурно-психологический шок был не менее разрушителен, чем военные поражения. Чуть ранее в подобной же ситуации Польша и Франция быстро капитулировали, не видя возможности продолжать войну. Но у нас этого не произошло. Суть «социальной бифуркации» в августе 1941 года, состоит в том, что *произошла самомобилизация народа на*

основе его глубинной исторической памяти, не уничтоженной идеологией. И армия стала «ратью», а народ – «крепостью». Даже предательства и дезертирства в этот период на самом деле свидетельствуют о том же самом: в каждом человеке происходил предельный нравственный выбор, и не все его могли выдержать. Произошло то же самое, что и в 1812 году в период после Бородинского сражения и оставления Москвы, все равно закончившийся гибелью вражеской армии – тот период, о котором Л.Н. Толстой писал: «сила, решающая участь народов, лежит не в завоевателях, даже не в армиях и сражениях, а в чем-то другом»; и этой решающей силой стала «дубина народной войны... со всей своей грозной и величественной силой» [2, с. 120]. Суть ситуации описал В.И. Вернадский в дневнике от 1 сентября 1941 г.: «поразительна бездарность советского аппарата. Население совершенно не понимает, что происходит»; но: «Мне кажется, патриотизм, мужество... на нашей стороне» [1, с. 209].

3. *Экзистенциальный и историософский аспекты.* Обнажение «скрытого каркаса культуры» в момент катастрофического слома всех привычных жизненных и ценностных практик, при всей своей явленности, не так уж просто содержательно зафиксировать и изучать. Базовыми историческими фактами в этом случае становятся явления *ментального* порядка, зафиксированные как в «знаковых» поступках людей, так и в особых литературных жанрах: дневниках, переписке, мемуарах и лирике. Не смотря на неизбежный элемент субъективно-личностного восприятия, именно эти тексты наиболее непосредственно являют интра-историческое бытие. Более того, именно этот субъективизм наиболее ярко выявляет те «сдвиги» в сознании, которые стали реальным фактором исторического процесса. Ценна и художественная рефлексия событий августа 1941-го – например, требует интерпретации в рамках этой проблематики одно из «знаковых» стихотворений о войне – «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины?» К. Симонова об этом периоде войны. Этот аспект смысла стихотворения еще никогда специально не рассматривался – явленная в нем символика *вневременной* и вновь *воскресающей Руси*.

Вскрытие базовых структур исторического сознания (и подсознания) социума в ситуации военной катастрофы представляет особый интерес для современности, поскольку эти структуры, хотя и прошли историческую трансформацию, еще проявят себя в будущем. Анализ большого массива новооткрытых источников металльной истории этого периода истории (дневников, переписки, мемуаров) важен для историософии XX века.

Список литературы

1. Вернадский В.И. «Коренные изменения неизбежны». Дневник 1941 года // Новый мир. – 1995. – № 5. – С. 176-221.
2. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 12. Война и мир / Том 4. – М.: «Художественная литература», 1940. – 432 с.

ДОНБАСС. ДВИЖЕНИЕ ПОБЕДЫ

Жукова О.Г., канд. ист. наук,
АНО ВО «Московский гуманитарный университет»,
г. Москва, РФ
letchikova@mail.ru

Летом 2020 г. вышла в свет монография автора этих строк – «Культурный фронт Великой Отечественной войны» [1]. Ограничения пандемии осложнили ее презентацию читателям. Автором было принято решение значительную часть исторического материала опубликовать в соцсетях. Каждый авторский пост сопровождался множеством комментариев, в которых историки, писатели, журналисты, музейщики, библиографы, педагоги и все заинтересованные читатели выражали мнение о прочитанном, дополняли поднятые темы информацией из других источников, делились воспоминаниями из истории своих семей [2].

Но гнев «национально-свидомых» вызвал исторический факт, подтвержденный документами из фондов РГАСПИ - в решающие дни наступления на Курской дуге воюющий СССР находит средства на выпуск учебников на украинском языке. Решение ЦК ВКП (б) от 27 июля 1943 г. требует разработки плана издания учебников в трёхдневный срок, а полного его выполнения – к началу 1943-44 учебного года. Издательству «Радянська школа» в III кв. 1943 г. выделяется дополнительно 25 тонн бумаги, а ОГИЗ РСФСР обеспечивает печать в срок. ЦК ВКП (б) просит ЦК КП (б) Украины найти наборщиков-линотипистов, владеющих украинским языком. Осенью 1943 г. начальник отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) Г.Ф. Александров рапортует секретарю ЦК Г.М. Маленкову – план выполнен [1].

Поверить не могут нынешние «щирые украинцы» в то, что с особым вниманием относилась власть к присоединенным перед войной к СССР западным областям Украины, Белоруссии и Прибалтике, где большую часть населения пришлось обучать читать и писать. Как сказали бы сегодня, гуманитарную помощь в обеспечении ликбеза оказал западным областям Донбасс и другие регионы исторической Новороссии. Хроника свидетельствует: в январе 1945 г. ликвидация неграмотности ведётся во всех западных областях. Например, в Волынской области обучаются грамоте 15 тысяч взрослых [3]. В феврале 1945 г. на работу в школы и вузы западных областей выезжает до 10 тыс. преподавателей, отправляется 2 млн. учебников, писчие принадлежности. Для школ неграмотных и малограмотных массовыми тиражами издаются на украинском языке буквари и задачки. А вузы Донецкой и Ворошиловградской (ныне –

Луганская – О.Ж.) посылают западным областям учебную литературу, киноаппаратуру. Одна только Одесская область передаёт в дар около 150 тысяч книг [4].

«Брехня!» – таков «вердикт» поборников истории народа, «выкопавшего Чёрное море», которым нынче не хочется помнить о крепких исторических связях наших народов и о культурной отсталости, в которой пребывало украинское население при владычестве Австро-Венгрии и Польши. А вражеская пропаганда работала методом «разделяй и властвуй» и прежде, когда пыталась настроить друг против друга народы, населяющие СССР, и сегодня, вбивая клин в семейные отношения трёх народов-братьев, составляющих восточнославянскую цивилизацию, в которой судьба Украины – быть пограничным краем между западным и восточнославянским миром. Геополитик С. Хантингтон считал, что в будущем «наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов» [5]. И вот он – украинский разлом.

Перед вторжением в СССР так называемый «рейхсминистр восточных территорий» А. Розенберг призывал: «разумно и целеустремленно поддержать стремления к свободе всех этих народов (речь о народах СССР – О.Ж.) и привести их к совершенно определённой государственной форме, т.е. органически выделить из огромной территории Советского Союза государственные образования (республики) и организовать их против Москвы, чтобы освободить германский рейх на грядущие столетия от восточного кошмара» [6]. Руководитель партийной канцелярии М. Борман вторил Розенбергу 23 июля 1942 г.: «Немецкое население ни в коем случае не должно допускаться к высшему образованию. Если мы совершим эту ошибку, то сами вырастим грядущее сопротивление. По мнению фюрера, совершенно достаточно, чтобы немецкое население – в том числе так называемые украинцы – умело читать и писать. <...>Вместо нынешних письменных знаков в будущем следует обучать в школах нормальному шрифту (т.е. – латинице – О.Ж.)» [6].

Знают ли украинские евроинтеграторы, что рейхскомиссар Украины Э. Кох в августе 1942 г. сказал: «Свободной Украины нет. Цель нашей работы – заставить украинцев работать на Германию, а не осчастливить этот народ. Украина должна поставлять то, чего нет в Германии. Эту работу нужно проводить, не считаясь с потерями. <...> Повышение хлебного пайка является политической необходимостью для продолжения войны до победы. Недостающее количество зерна должно быть восполнено за счёт Украины... Снабжение гражданского населения в силу важности этой задачи совершенно безразлично... Фюрер потребовал от Украины 3 млн. тонн зерна для рейха, и они должны быть поставлены» [6].

Спираль истории на новом витке демонстрирует в ленте новостей те же сюжеты – и про вывоз зерна, и про возможный переход Украины на латиницу, и, главное, про «организацию против Москвы...»

Жертвами нацистско-капиталистической пропаганды стали в годы войны и немцы. Немецкий военврач Отто Рюле вспоминал, как некий сослуживец показал ему один из шахтёрских пригородов тогдашнего Сталино, сказав: «Да, русские здорово поработали. В Донбассе они создали такой индустриальный центр, что даже удивительно. Но теперь всё это принадлежит нам», указав на ворота с табличкой: «Фридрих Круп – А.Г. Украина». «Кого он имел в виду под словом «нам»? Крупа или нас всех? Но какое отношение я имею к Крупу? ...Но, может быть, мы и воюем не столько ради интересов Германии, сколько ради интересов Крупа и ему подобных?» Оказавшись в плену, застыдившись содеянного, врач пришёл к полному прозрению, назвав его профессионально – «исцелением» [7].

Интернет полнится слухами о том, что дед нынешнего канцлера ФРГ – ярый фашист, что у многих украинских «лидеров общественного мнения» деды – бандеровцы, да и «модным» стало на Украине рассказывать подобное о своих предках. Но выходит, и нам, чьи отцы, деды и прадеды в 1945-м сломали хребет нацизму, следует встать на их «сторону истории» в новом противостоянии, потому что та война оказалась незаконченной...

В августе 1944 г. пишет письмо в ЦК ВКП (б) подполковник А. Заплотынский. О себе сообщает: «Родился в 1906 г. русский. В 1936 г. окончил Донецкий индустриальный институт в г. Сталино, Донбасс, горный мастер-угольщик. Работал немного в Подмосковье и затем в Донбассе. Затем в Наркомтопе УССР, перед войной был главным инженером облтопа Львовской области, где строил буроугольные шахты... Член ВКП (б) с января 1943 г.» Далее рассказывает о боевом пути: «Я помню бои за Львов, Золочев, за Тернополь. Я помню, всё то, что делалось в те дни. Я помню, как мы друг друга спрашивали: «Что же это такое, что же будет дальше?» Я помню, как оставляли Подволочиск, Волочиск. Помню, что подходили к Проскурову и как к нему подходили...» А потом был Сталинград, приказ «Ни шагу назад!», поступательное движение на запад. И предлагает фронтовик отметить те места, ту «красную черту», с которой началось тогда движение Победы. Задумывается о далёком будущем, ведь: «будет время, когда будут люди, которые не жили ещё на свете в наши дни, и они должны видеть эти места увековеченными». Предлагает: «от севера до юга провести линию по крайним точкам продвижения немцев вглубь нашей страны, это будет линия, граница, может в разных местах разная по времени, но линия, с которой началось движение Победы над врагом. Думается, что можно на дорогах, идущих с Востока на Запад, соорудить постаменты, отмерив места, куда народ не

пустил врага дальше, и откуда началось движение Победы». «Постамент» видится фронтовику «колонкой из камня на цементе...» [1]. А ведь нынешнее движение Победы начинается на святой земле Донбасса, и помнить об этом надо нам и нашим потомкам...

Список литературы

1. Жукова О.Г. Культурный фронт Великой Отечественной войны. – М.: Вече, 2020. – 448 с.
2. Жукова О.Г. Расширение горизонтов исторической памяти посредством разумной цифровизации (На примере историко-просветительского и военно-патриотического проекта «Культурный фронт Великой Отечественной войны» //В сборнике: Высшее образование для XXI века: Цифровая трансформация общества: новые возможности и новые вызовы. XVI Международная научная конференция. Доклады и материалы: в 2 ч. – М.: МосГУ, 2020. – С. 241-260.
3. Правда. 1945. 15 января.
4. Известия. 1945. 6 февраля.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–48.
6. Война Германии против Советского Союза 1941-1945. Документальная экспозиция города Берлина в 50-летию нападения Германии на Советский Союз / Под ред. Рейнгарда Рюпупа. - Берлин: Argon-Verlag GmbH. 1992.
7. Рюле О. Жертвы Сталинграда. Исцеление в Елабуге [Текст] / Отто Рюле; [пер. с нем. В. Артеменко]. – Москва: Вече, 2010. – 381 с.

УДК 130.2: 004

ВОЙНА: ИНИЦИАЦИЯ ИЛИ БЕССМЫСЛЕННАЯ СМЕРТЬ? ДВА ВЗГЛЯДА НА ВОЙНУ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ищенко Н. С., канд. филос. наук

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный аграрный университет», г. Луганск, РФ
ninaofter@yandex.ru

В российском обществе после начала СВО в информационном пространстве активно взаимодействуют два взгляда на войну: война как инициация, переводящая человека на другой уровень социального бытия, и война как бессмысленная смерть, навеки оставляющая человека вечным ребенком без смены его статуса и изменения общества. Первая концепция повышает символическое значение воина и используется в патриотических кругах. Второй взгляд обесмысливает войну и взят на вооружение так называемыми пацифистами, пропагандирующими поражение России.

В современных модерных обществах сохранилось множество инициационных обрядов, которые явно или скрыто, выводят молодое поколение на новый уровень зрелости: выпускной после школы,

посвящение в студенты, защита диплома, свадьба, рождение ребенка. В таких обрядах на символическом уровне демонстрируется смерть старой формы социального бытия и рождение нового человека – взрослого, а не школьника, новой семьи вместо двух молодых людей, и так далее. Важнейшим циклом инициационных обрядов в архаичных обществах являются обряды военные, когда участие в военных действиях представляет собой инициацию, проводящую человека через символическую смерть и возвращающую его в мир людей полноценным участником социальных отношений. Рассмотрим инициационную функцию войны в современных современных обществах.

Инициация – это ряд испытаний, реальных и символических, пройдя которые индивид переходит в другую социальную общность своего социума, из ребенка превращается во взрослого. Инициация, то есть посвящение во взрослую жизнь, она действует в обществе «как механизм самосохранения, воспроизводства и регенерации культуры... В ритуале происходит преобразование биологических процессов в условные социальные категории, поэтому ритуалы и обряды инициации служат средством одновременно и управления, и преобразования человеческой личности, включенной в традиционный социум. В традиционных культурах ритуалы и обряды посвящения являются единственным способом для человека стать более социально значимым» [8].

Повышение социального статуса в результате инициации можно представить как движение индивида в социальном пространстве.

Социальное пространство – это система социальных отношений между людьми данного общества [7, с. 29]. Социальное отношение можно рассматривать как механизм, статистически порождающий наличное распределение различий в социальном пространстве [5]. Основными социальными отношениями, которые конструируют социальное пространство, являются отношения собственности и производства [1, с. 221].

Социальное пространство является результатом целого ряда действий, совершенных в прошлом [7, с. 84]. Эти действия определяются социальными отношениями и совершаются различными субъектами социального действия, имеющими систематически взаимосвязанные свойства [3, с. 76]. Позиция данного субъекта в социальном пространстве определяется его позициями в различных системах – экономической, культурной, социальной и символической [2, с. 16]. Перемещение в социальном пространстве требует усилий, выражается в совершенной работе и измеряется затраченным временем. Расстояние в социальном пространстве также измеряется временем [2, с. 18].

В традиционном обществе инициация мгновенно меняет положение человека в символическом пространстве. Общество модерна нацелено на разрушение традиции и выработку других способов трансляции

социально-важного знания с использованием СМИ, системы образования, кино и литературы. В современном обществе роль инициации неуклонно падает, обряды приобретают декоративный характер, символическое значение инициации разрушается. Наиболее ярко это проявляется в отношении к войне.

В современном искусстве идет работа по десакрализации войны, направленная на то, чтобы лишить военное служение его инициационного смысла. В литературе, кино и музыке превалирует изображение войны с позиции маленького человека, столкнувшегося с бессмысленными тяготами и лишениями на своем локальном уровне. Общий смысл ситуации не просматривается, символическая и реальная смерть индивида ничего не меняет, и в первую очередь не меняет его символического статуса. Война изображается как царство смерти и вечной молодости. Ярким примером такого изображения войны является ставшая символом Майдана на Украине песня «Воины света» (группа «Ляпис-Трубецкой»), а также песня «Война» (группа «Мельница»).

Характерно, что в творчестве донбасских поэтов, живущих на войне с 2014-го года, символический смысл войны видится иначе. Прохождение через смерть позволяет войти в сакральную общность Родины, объединяющей и живых, и мертвых. Война в стихах донбасских поэтов Елены Заславской, Анны Вечкасовой, Марка Некрасовского, Виктора Плешакова и других актуализирует связь поколений, а подвиге самопожертвования делает видимым образ Родины [4]. Смерть на войне меняет этот мир и для живых, и для мертвых. Символический статус воина повышается, а инициационное значение военного подвига сохраняется.

Таким образом, в современном модерном обществе существует тенденция уничтожить инициационное значение войны, разрушая символический смысл военного подвига. На уровне идей и образов современное искусство транслирует мысль о бессмысленности военного подвига, который ничего не меняет в жизни общества. Значение войны как инициации сохранилось в военном Донбассе, где современные формы общественной жизни отступают под натиском реальной войны и перед лицом реальной угрозы. Преимуществом этой ситуации является оживление скрытых смыслов культуры и возможность задействовать опыт прежних поколений, переживших похожие события с тем же символическим смыслом борьбы за свою Родину. Остается открытым вопрос о способности этих форм адаптироваться к новым реалиям общества постмодерна. В то же время в России, где воины становились святыми, а жертва собой на поле брани приравнивается к подвигу Христа, актуализация сакральных смыслов войны как инициации представляется важнейшим символическим ресурсом для преобразования общества ради победы.

Список литературы

1. Бедаш, Ю. А. Концепция социального пространства Анри Лефевра // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 11(126). – С. 219–224.
2. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» / П. Бурдьё. Социология социального пространства [Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко]. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 14–48.
3. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдьё. Социология социального пространства [Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко]. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 64–86.
4. Ищенко Н. С., Заславская Е. А. Прохождение через символическую смерть в русской военной поэзии на примере современной поэзии Донбасса // Коллективная монография. Философия жизни и смерти в России: вчера, сегодня, завтра. – М.: Издательский Дом «Русская Философия», 2020. – С. 64–70.
5. Качанов Ю. Л. Пространство-время социального мира в постструктуралистской перспективе [Электронный ресурс]. 2006. URL :<http://anthropology.ru/ru/text/kachanov-yul/prostranstvo-vremya-socialnogo-mira-v-poststrukturalistskoj-perspektive> (дата обращения 07.09.2022)
6. Лефевр А. Производство пространства / А. Лефевр. Пер. с фр. М. StreikePress, 2015. 432 с.
7. Соколов А. В. Социальные коммуникации: учебно-методическое пособие. – М.: ИПО Профиздат, 2001. – 224 с.
8. Фирсова А. М. Социокультурная трансформация ритуалов и обрядов инициации в мировой традиции: дис... канд. филос. наук: 24.00.01. – Нижний Новгород, 2005. – 200 с.

УДК 355.01

ОБРАЗ РУССКИХ ВОЕННЫХ ГЛАЗАМИ ВРАГА

Комесаренко С.И.

ГБОУ ВО «Донецкое военное общевоинское командное училище»,

г. Донецк, РФ

skomesarenko@bk.ru

Введение. Фронтальная повседневность состоит из разных аспектов: быт, отношение к боевым действиям, религия и суеверия, страх, образ врага.

В рамках отдельного народа существует проблематика «свой-чужой». В условиях военных действий данная проблема обостряется: «чужой» превращается в реального врага, который несет в себе смертельную опасность.

В данных тезисах рассматривается вопрос восприятия русских военных глазами противника.

Основная часть. Слово «враг» более точно отображает противника и несет в себе определенную эмоциональную окраску, чем его синонимы. «Образ» – обобщенное представление о чем-то, психологическая конструкция, основанная на личном опыте. Неприятель воспринимается через стереотипы общественного, национального сознания и государственных идеологий.

В годы Великой Отечественной войны образ русских у немецких военных формировался с помощью пропаганды. Основными источниками информации о жизни Советского Союза были газеты, фильмы и литература, прошедшие цензуру. Для немцев советские люди были необразованны, жестоки и безбожны. На самом деле оказалось, что многие из советских людей носили крестики, был низкий процент неграмотности, высокая нравственность поведения.

Образ врага динамичен, человек по-разному воспринимает противника с начала и в конце военных действий, также оказывают влияния различные факторы: к субъекту восприятия, к объекту; к условиям и обстоятельствам восприятия [1].

Образ врага формируется, опираясь на конкретный опыт каждого человека, и личностные факторы имели здесь огромное значение [1]: социальный статус, уровень образования, национальность, вера, занимаемая должность в армии все это влияет на формирование образа врага.

Первая Мировая война: «Сказкам о русской жестокости теперь уже мало верят, так как в действительности она почти нигде не подтвердилась ...» - рассказывал рядовой венгерской армии. Попав в плен к кубанским казакам, его накормили и оказали медицинскую помощь. Для сравнения в тот же период воспоминание, австрийского офицера: «В разных местах валялись брошенные обезображенные и изуродованные трупы русских солдат» [1] так он описывал те бесчинства и издевательства немецких солдат над русскими пленными.

Работая с населением на оккупированных территориях, немцы писали в своих донесениях: «Молодежь обоюбого пола, получившая образование, настроена почти исключительно просоветски. <...> Воздействовать на них чрезвычайно трудно» [1].

«Здесь мы боремся не против людей, а против природы... Это – месья пространства, которой я ожидал с начала войны» [1] – писал 5 сентября 1943 г. в своем дневнике лейтенант К.-Ф. Бранд.

Население Берлина было очень напугано, когда советская армия подходила к городу, люди бежали. Воспоминания подростка, который стал свидетелем сцены в поезде. Один из немецких военных выступил перед людьми: «Если победят другие – русские, поляки, французы, чехи – и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца»

Гуманность советских войск была удивительна даже для самих немцев. Домохозяйка с тремя детьми, боясь расправы советских военных, хотела убить своих детей и покончить жизнь самоубийством, но передумав, спряталась с ними в подвале, там их нашли советские солдаты, которые не тронули их, но дали поесть: «...неужели так и будет дальше, неужели так и дальше будут снабжать. Если будет так, то остается только одно – устроиться на работу и восстанавливать разрушенное...» [1].

Условия и обстоятельства восприятия на войне есть общие, например: масштаб войны, человеческие ресурсы, потери, технические особенности и продолжительность конфликта. Специфические черты: столкновение разных типов государств, разных режимов, война позиционная или мобильная.

Индивидуальные условия восприятия врага: место боевых действиях, и включенность в них на том или ином этапе войны, и участие в конкретных операциях, и принадлежность к роду войск и др. К этим обстоятельствам можно отнести и моменты личной биографии: например, были ли погибшие от рук врага в семье, остался ли кто-нибудь из близких на оккупированной территории, побывал ли человек в плену и т.п.

Тот факт, что существовало многообразие субъектов, условий и обстоятельств восприятия противника, определяло и многообразие образов врага, которые формировались в общественном сознании.

Заключение. Следует также отметить и определенную эволюцию образа врага на протяжении войны. Если сначала доминируют пропагандистские стереотипы и установки, то к концу восприятие врага основывается на личностно-бытовом, эмоционально-конкретном образе, формировавшемся в результате индивидуального опыта.

Список литературы

1. Сенявская Е.С. Человек на войне: Ист.-психол. очерки: [На примере двух мировых и афг. войн] / Е. С. Сенявская // Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М.: Изд. центр ИРИ, 1997. – 226 с. – ISBN 5-201-00635-3.
2. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С. Сенявская. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 383 с. – ISBN 5-8243-0084-4.
3. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. / Е.С. Сенявская. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 288 с. – ISBN 5-8243-0782-2.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ АТМОСФЕРА ОБЩЕСТВА, ПАНДЕМИИ И ВОЙНЫ

Лось В.Ю., канд. техн. наук

ОНО «Центр социально-философских исследований», г. Харьков, Украина

losviktor740@gmail.com

На протяжении всей истории человека преследуют болезни, эпидемии, пандемии. И как показала история последних трех лет, колоссальные успехи современной медицины не служат панацеей от возникновения и распространения новых вирусов, порождающих пандемии. В этой связи представляется актуальным рассмотрение вопроса о связи психо-ментальной атмосферы общества, которое принято называть потребительским, с возможностью возникновения, существования и распространения патогенных вирусов, угрожающих жизни человека.

Труды Е.П. Блаватской, наставления Учения Храма, книги Учения Живой Этики, письма и философские работы Е.И. Рерих ознаменовали появление энергетического мировоззрения, которое связь духовного и материального объясняет через существование тонкоматериальных энергий. Одно свойство мыслей и чувств состоит в неуничтожимости их энергии в пространстве и времени, способности аккумулироваться в тонкоматериальном слое планеты, образуя при этом особые ментальные структуры и энергетические поля» [1, с.30].

Современная философская интерпретация и рекомендации по практическому применению энергетического мировоззрения представлены в публикациях и книгах С.К. Колубая: «В тонко энергетическом мире, или Тонком Мире, как его называет Учение Живой Этики, действуют энергии мыслей, желаний, побуждений, из которых состоит этот мир и которые наполняют его. Они делятся на два основных типа: энергии созидательные и энергии разрушительные. Созидательные энергии всегда способствуют росту, улучшению. Например, в жизни человека созидательные энергии способствуют росту здоровья, улучшению функционирования органов тела; разрушительные силы, или разрушительные энергии вызывают боли, болезни и другие отклонения от нормы» [2, с.33].

По сути, когда человек сердится, гневается, ненавидит, мстит или как-то иначе злобствует, в этот момент он соединяет свое энергетическое сознание с некоторыми тонкоматериальными силами осуждения, недовольства, претензий, гнева, ненависти, мести или злобы. Разрушительные энергии, накапливаясь в теле человека, его ауре, а также в окружающем пространстве, создают почву для зарождения новых вирусов и мутации существующих. «Мысль злобной природы приведет в действие

такую же зловредную силу. Если вы войдете в близкий контакт или общение с источником этой мысли, то неизбежно получите некую меру этой силы, которая, поразив какой-нибудь ослабевший орган, начнет производить жизнь в форме фермента; и тогда все будет зависеть уже от вашей силы и способности изгнать этот фермент, прежде чем он поразит весь орган, или же способности породить антагонистичную ему силу и с ее помощью победить его. Ферментация, которая следует за появлением в вашем теле этой силы, будет порождать болезнь, соответствующую исходной мысли, и во многих случаях время и место заражения устанавливаются исследующими пациента бактериологами ошибочно по той лишь причине, что они ничего не знают о действии вышеупомянутых сил. Вы не можете избежать инфекции, соприкасаясь со зловредной силой, точно так же как не можете избежать влияния болезнетворных микробов, когда подвергаетесь их воздействию» [3, с.364-365].

Чтобы аргументировать гипотезу о связи духовно-нравственной атмосферы общества и эпидемий рассмотрим два примера пандемий гриппа.

Наиболее грандиозной в XVI столетии была пандемия 1580г., которая за 6 месяцев обошла всю Европу и распространилась на Северо-американский континент, Африку и на Восток. Тяжесть болезни была различна в разных местах Европы; например, в Париже было 9 тыс. смертей, в Риме 10 тыс. погибших, Мадрид почти обезлюдел. В Барселоне в течение 10–12 дней заболело более 20тыс. человек, причем многие из них умерли. Если сделать исторический экскурс в XVI век, то нетрудно заметить, что этот период характеризовался жестким противостоянием протестантов и католиков. 1 июля 1523г. на большой площади Брюсселя были сожжены два августинских монаха из Антверпена: это были первые протестанты вошедшие на эшафот Инквизиции. Тотчас же Лютер написал свой псалом: *Einneus Liedwirhebenan* и по всей Европе против Инквизиции сказались страшное ожесточение в песнях и пасквилях немецких лютеран, французских гугенотов, нидерландских гезов, женеvских кальвинистов и английских пуритан. Волна негодований пронеслась в литературе: поэты и прозаики произносили приговоры Инквизиции и инквизиторам, особенно нападали на испанскую Инквизицию [4, с.VI]. Апогеем противостояния, похоже, явилась Варфоло-меевская ночь 24 августа 1572г., когда произошло массовое убийство протестантов (гугенотов) во Франции, устроенное католиками. В Париже в этот день было убито около 2 тыс. человек, по всей Франции – около 30 тыс. человек. В 1576г. католики создали Священную Лигу, главной задачей которой была беспощадная борьба с гугенотами. Во вновь разгоревшейся вооруженной борьбе широко пользовалась иностранная помощь. На стороне гугенотов были немецкие протестантские князья и Англия, католиков поддерживал испанский король.

Итак, пандемии гриппа 1580 года предшествовала многолетняя жестокая кровопролитная борьба католиков и протестантов, т.е. в атмосфере общества XVI века присутствовали вражда, массовое недовольство, нетерпимость, ненависть.

В последние месяцы Первой мировой войны началась всемирная пандемия гриппа, который тогда называли «испанкой». В конце 1918–начале 1919 года за 10 месяцев пандемия поразила около 500млн человек и унесла до 40млн человеческих жизней. Первая мировая война, другими словами «мировая бойня», продолжалась более четырех лет, в ее орбиту были втянуты 34 государства с населением свыше миллиарда человек, т.е. примерно 60% жителей всего земного шара. Военные действия проходили на территории свыше 4 млн. квадратных километров. Под ружьём находились около 70 млн. человек, из которых почти 10 млн. были убиты и 20 млн. ранены [5, с.153]. Четыре года войны, миллионы убитых, раненых и пропавших без вести, разрушения и гибель мирного населения - все эти страшные страдания толкали измученное население воюющих стран на недовольство, осуждение, ненависть.

Таким образом, пандемии гриппа 1580 г. и 1918–1919 гг. возникли тогда, когда атмосфера общества была пропитана массовой злобностью и ненавистью.

Следовательно, опираясь на энергетическое мировоззрение можно сделать вывод, что психо - эмоциональная атмосфера, царящая в обществе, создает условия для распространения эпидемий. Это атмосфера является интегральной характеристикой уровня развития сознания современного человека, который каждым своим психо-ментальным и эмоциональным актом сгущает мрак или осветляет пространство.

Список литературы

1. Самохина Н.Е. Философское учение Агни Йоги: космос, человек, сознание (Историко-философский анализ.) : автореф. дис. на соиск. учен.степ. докт. филос. наук: 09.00.03 / Самохина Наталия Евгеньевна ;Москов. гос. ун-т.– Москва, 2008. – 50 с.
2. Колубай С.К. Троичность и двойственность человека / С. К. Колубай.– Харьков: Рериховское философское общество им. Г.С.Сковороды, 2008. – 64 с.–ISBN 966-95016-4-4.
3. Учение Храма / пер. с англ. – Москва: Международный Центр Рерихов, 2003. – 2-е изд. – Ч.1. – 416 с. –ISBN 5-86988-028-9.
4. Ли, Г.-Ч. История Инквизиции в Средние века. Перевод с французского А.В. Башкирова, под редакцией С.Г.Лозинского. В 3 т. Т.1. / Г.- Ч. Ли.–Санкт-Петербург: Тип. Брокгауз-Ефрон, 1911. –XVI. 559 с.
5. Всемирная история: Итоги первой мировой войны / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М.Волчек [и др.]– Москва: АСТ, Минск: Харвест, 2002.– 512 с. – ISBN 5-17-010293-3, 985-13-1062-X.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И МЕНЕДЖМЕНТ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Муза Д.Е., д-р филос. наук, проф.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
d.muza@donnu.ru

Введение. Хорошо известно, что британский историк и военный специалист Бэзил Генри Лиддел Гарт в своей концепции «непрямых действий» обозначил принципы, которые легли в основу современной военной (и военно-политических стратегии). Речь идет о его ставшей классической работе «Стратегия непрямых действий» (1954). В этом тексте содержится следующее положение, касающееся «высшей» или большой стратегии: «Роль большой, или высшей, стратегии заключается в том, чтобы координировать и направлять все ресурсы страны или группы стран для достижения политической цели войны – цели, которая определяется большой, или государственной, политикой» [1, с. 15]. При этом, «самый длинный обходной путь часто является кратчайшим путем к цели» [там же, с. 34].

В анализе тысячелетних войн он, помимо всевозможных деталей, исходил из представления о том, «непрямой опыт» важнее и ценнее «прямого», поскольку последний, как правило, ограничен [2, с. 12 и сл.]. В доказательство британский теоретик приводит изречение Наполеона: «моральное соотносится с физическим как три к одному» [2, там же].

Социально-онтологическая и логическая парадоксальность этих положений, как представляется, нуждается в рефлексии и преодолении. Тем более, что Лиддел Гарт подписал приговор как войне, так и миру: «большая стратегия занимается не только вопросами, связанными не только с войной, но и с последующим миром» [1, с. 442]. При этом Суэц, а тем более гипотетические величины Фолклендов или Афганистана тут никак не значатся. По умолчанию... Ну и с Донбасс, – тем более.

Основная часть. Поэтому ниже будет обозначена посильная формула преодоления англо-саксонского военно-политического доктринерства, которая давно распознана и оценена русской мыслью.

Разумеется, можно считать, что у Лиддел Гарта был предшественник. А именно знаменитый древнекитайский теоретик войны Сунь Цзы. Последний постулировал ряд принципиальных положений:

«Война – это великое дело государства»;

«Небо – это свет и мрак, холод и жар; таков порядок времени [в войне побеждают благодаря тому, следуют ли этому или противодействуют]»;

«Война – это путь обмана»;

«Наилучший вид военных действий – поразить замыслы противника»;

«Порядком сообразуйся с беспорядком; покоем сообразуйся с беспокойством: вот что значит повелевать сердцем»;

«Если опасности нет, не начинай войну» [2, с. 185, 191, 212, 283, 360].

Приведенные максимы имеют этико-военно-политическую природу и едва ли стыкуются с выкладками британца, тем более, в части морального оправдания войны. Последнее для китайской военно-политической мысли аксиоматично: «настоящая победа одерживается без боя».

В свою очередь можно опереться на существующие представления о войне и военных стратегиях. Например, о «транзите» диктатуры – к демократии. Речь идет о пресловутой «концепции» Дж. Шарпа, якобы показавшего, что через «механизма изменений» возможна демократия (как таковая). Этот тезис о непрямых действиях не выдерживает никакой критики, поскольку «планирование стратегии» хотя и включает физические, исторические, правительственные, военные, культурные, социальные, политические, психологические, экономические и международные факторы [4, см. 63], не обеспечен ничем. Тем более, моральными качествами.

Или скажем, исследования Э. Лютвака, посвященные политическим трансформациям современности. Здесь им сказано об обеспечении фигур безопасности, а в метапозиции указано на некоторые «линейные» цели обрушения государств, как на стратегические [5].

Напротив, русская наука и искусство обеспечили понимание русской стратегии (как универсальной). К примеру, генерал А.Е. Снесарев внес в военную науку управления и планирования следующее положение.

Процитирую: «единая военная доктрина» определяется им как «совокупность военно-государственных достижений и военных основ, практических приемов и народных навыков, которые страна считает наилучшими для данного исторического момента и которыми проникнута военная система государства сверху донизу» [6, с. С. 281]. Именно сегодня, когда Россия вынуждена «сосредоточиться» в своем противостоянии деструктивному в военно-политическом, экономическом, энергетическом и информационном противостоянии «коллективному Западу», эта военно-государственная, социальная, культурно-историческая и моральная тотальность просто необходима.

Заключение. Как видим, между стратегией «долгого пути вокруг» и непрямыми стратегиями т.н. Украины и стоящими за ней США, Великобритании и НАТО, сводится к деструкции России и Донецких Республик!

Но мы должны понимать, что наше право быть с Россией и быть Россией – незыблемо!

Тем более, как сказала поэтка:

Майдан восстал, как надо:

Америка, Канада,
И Польша, и Германия -
В восторге от восстания,
От всех его побед,
От всех его повстанцев,
Бандеровских поганцев,
Со свастиками танцев,
Где всех антимайданцев
Зажарят на обед!

Восстание Донбасса -
Совсем другого класса,
Совсем не так, как надо,
Восстал он против ада
Блистательных побед -
Бандеровских поганцев,
Со свастиками танцев,
Где всех антимайданцев
Зажарят на обед!

Америка, Канада,
И Польша, и Германия
Прекрасны для карания
Донбасского восстания, -
Зелёный дали свет
Бандеровским героям:
Идите дружным строем,
И мы Донбасс уроем,
Устроим там одессиво,
Антимайдана месиво
Зажарим на обед!

Майдан восстал, как надо,
Донбасс восстал не так,
Как надо, чтобы НАТО
В Донбасс воткнуло флаг.
Донбасс восстал донбассно,
Он весь - антимайдан,
Сражается донбассно,
Донбассно - это ясно:
Донбасс не будет сдан

Майданским господам -
Бандеровским поганцам,
Со свастиками танцам,
Такой нечистой силе,
Чья ненависть к России -
Условие и суть -
В Европу держит путь!
Устроившим одессиво,
Антимайдана месиво,
В Европу - им туда!
Донбасс восстал донбассно:
Фашистам, это ясно,
Не сдастся никогда!

Список литературы

1. Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямых действий / Б.Х.Лиддел Гарт. – М.: Издательство политической литературы, 1957. – 334 с.
2. Лиддел-Гарт Б.Г. Решающие войны в истории. Развитие военного искусства от сражений в Древней Греции до Первой мировой войны / Б.Г. Лиддел Гарт. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2021. – 287 с.
3. Стратегемы военного искусства. Сунь-цзы. – М.: РИПОЛ-классик, 2018. – 414 с. – (Кофе с мудрецами).
4. Шарп Дж. От диктатуры к демократии/ Дж. Шарп. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 224 с.
5. Люттвак Э.Н. Стратегия: Логика войны и мира / Э.Н. Люттвак. – 4-е изд. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2018. – 392 с.

УДК 177:17.03

ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ НА ЛИНИИ ФРОНТА СОВРЕМЕННОЙ ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Мушинский Н.И., канд. филос. наук, доц.
«Белорусский национальный технический университет»,
г. Минск, Республика Беларусь
mushinski@bntu.by

Введение. *Этико-философская* мысль на всём протяжении современного периода (с конца XIX в. – до настоящего времени) стремится адекватно реагировать на деструктивные социокультурные процессы, часто оказывается в этом смысле «на линии фронта». В эпоху мировых войн, социальных революций, ракетно-ядерного противостояния, активизации практики международного терроризма, появления разного

рода «гибридных» и «локальных» войн, угрожающих перейти в очередной полномасштабный конфликт, который поставит под вопрос существование человечества, – философы призывают к добру и гуманизму, пытаются сформулировать универсальные общезначимые критерии *справедливости*.

Основная часть. Отличительная черта новейшей исторической эпохи – бурное развитие технических средств коммуникации (транспорта и связи), в материальном смысле окончательно объединивших человечество. Встретились страны и цивилизации, которые на протяжении многих тысячелетий были разделены обширными пространствами; при этом повышение уровня жизни и здравоохранения вызвало скачок численности народонаселения. Казалось бы, целесообразно выработать гуманные и уважительные правила совместного общежития и взаимовыгодного сотрудничества, продолжая успешное саморазвитие с использованием всё более эффективных достижений науки и техники. Именно на это направлены универсальные общечеловеческие принципы справедливости.

Однако в массовом сознании по инерции продолжает действовать технократический дискурс предыдущего периода – промышленного переворота Нового времени. Тогда казалось, что природные ресурсы безграничны, с помощью машин и механизмов необходимо как можно больше взять их на пользу «передовому» и «просвещённому» современному человечеству. Другие народы, позже вступившие в «промышленную стадию», тоже воспринимались как «часть природы», подлежащая «эксплуатации». Создавалась колониальная система, актуальным оставался вопрос, кого куда отнести «*по справедливости*»: к «золотому миллиарду» носителей прогресса, либо к «отсталому» населению колоний. Когда в результате развития средств коммуникации жители окраин тоже приобщились к передовым научно-техническим достижениям (Россия, Китай, «исламский мир» и т.д.), их развитие пытаются искусственно «затормозить», видя в нём нарушение устоявшихся норм «исторической *справедливости*». Между собой «развитые» страны тоже не достигли подлинной гармонии: раздираемые геополитическими противоречиями, они пережили две мировых войны и только появление оружия массового уничтожения остановило их на грани третьей. Очевидно, что трактовка *справедливости* исключительно в свою пользу и с позиции силы, ставит человечество на грань катастрофы. Поэтому представители *этико-философской мысли*, как отечественной, так и зарубежной, пытаются переосмыслить понятие *справедливости* как основу мирного сосуществования народов и дальнейшего выживания для всего человечества. Ещё в конце XIX в. представители *русского православия*, опираясь на традиционную христианскую духовность («возлюби ближнего как самого себя»), стремились соединить ценности *справедливости* с категориями «всеединства» (человека с природой и «Другим» человеком) и «соборности» (собраться всем вместе, чтобы

мирно решать общезначимые проблемы). Так известный мистик Владимир Соловьёв (1853 - 1900), критикуя западный технократический социум за его разобщённость и агрессивность, подробно анализирует основные присущие ему виды *несправедливости*: «Действительная жизнь... являет нам тройственное нарушение... справедливости: ... 1) когда одна нация посягает на существование или свободу другой нации; 2) когда один класс общества угнетает другой; 3) когда индивид открыто восстает против общественного порядка» [1, с. 241-242]. Эти тенденции вполне сохраняются в наши дни, когда США пытаются навязать свою волю остальному миру, не стесняются в средствах, чтобы затормозить развитие экономических конкурентов, а внутри сотрясаются расовыми конфликтами, полицейским произволом, бессмысленными преступлениями обезумевших одиночек (типа периодических расстрелов школьников и т.п.). Как альтернативу Соловьёв выдвигал футурологический проект «богочеловечества», указывая со всей определённой: «Предстоит осуществить в человеческом обществе божественную истину, приложить эту *истину к делу*. Но в своём практическом выражении истина носит имя *справедливости*... Таким образом, познав вселенскую солидарность... как истину, осуществив её на деле, как справедливость, возрождённое человечество будет в состоянии... насладиться ею в духе свободы и любви» [1, с. 240]. Реализация *справедливости* как основы христианской любви, истины и подлинной свободы в контексте общечеловеческой «солидарности», и в наше время остаётся единственной альтернативой окончательного самоуничтожения технократического социума.

Современная *западная этико-философская мысль* вполне созвучна с *русским православием* в гуманистических универсалистских трактовках *справедливости*. В частности, представители *этики постмодернизма*, критикуя негативные тенденции технократического дискурса, предлагают его «уравнять в правах» с другими нарративными практиками. При этом они опираются на принципы «полифонии», «диалога», «смерти Автора», (стремящегося «надзирать и наказывать», апеллируя к «научному» мировосприятию). Итог подвёл Ж.Деррида: «Все вместе группируется... под рубрикой *логоцентризма*, которую я выдвинул... одновременно с проектом *деконструкции*» [2, с. 91]. Его поддерживал Лиотар, связывавший современную деструктивность с манерой скрывать свои корыстные интересы под маской «научной истины» и «*справедливости*»: «Именно об этой взаимонесоразмерности мы и говорили в терминах теории языковых игр, различая прескриптивную игру, которая исходит из справедливо/несправедливо... Всякий раз мы оказываемся в области террора, где социальная связь разрушается» [3, с. 112-113]. Тем не менее, категория *справедливости* сохраняет свою значимость, просто её необходимо поднять на общечеловеческий уровень, отвлечься от «права

сильного», апеллирующего к «науке»: «Устарела не необходимость спрашивать себя, что справедливо, а манера представлять науку как обреченную на нелегитимное признание» [3, с. 131]. Человечеству предстоит переосмыслить категорию *справедливости* с учётом всего многообразия подходов и компетенций, в этом состоит её инновационное содержание: «Политика, в которой будут равно уважаться стремление к справедливости и стремление к неизвестному, обретает свои очертания» [3, с. 159]. Подобное новое прочтение *справедливости* в контексте «хаоса дискурсивных практик» служит основой подлинной «деконструкции», позволяет преодолеть вызовы и угрозы, возникающие как следствие господства «логоцентризма» в сознании западного человека.

Заключение. Представители *этико-философской мысли* оказываются поистине «на линии фронта» с разжигателями конфликтов, считающими «*справедливым*» действовать с позиции силы, использовать необоснованный «режим санкций», подчинять другие страны, окружать их военными базами, расчленять территорию, осуществлять депопуляцию народонаселения, отбирать бесплатно природные ресурсы и т.п. Подымаясь над обыденной повседневностью, философы понимают, что дальнейшее выживание человечества возможно только при условии уважительного общения, разумного нахождения баланса интересов на основе универсальных общезначимых критериев *справедливости*.

Список литературы

1. Соловьёв, В. С. Россия и вселенская церковь / В. С. Соловьёв. – Минск: Харвест, 1999. – 1600 с.
2. Деррида, Ж. Позиции: Пер.с франц. / Жак Деррида. – Киев: «Д.Л.», 1996. – 192 с.
3. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна: Пер.с франц. / Жан-Франсуа Лиотар. – Москва: «Институт экспериментальной социологии», Санкт-Петербург: Изд-во «АЛЕТЕЙЯ», 1998. – 160 с.

УДК 140.8

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВОЕННОГО СОЗНАНИЯ

Никишин С.В., канд. филос. наук

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
mrshin@mail.ru

Как коллективное, так и индивидуальное сознание сегодня концентрируется на войне и превращается в военное. Зачастую, помимо воли субъекта. Это происходит и на линии фронта, и в отдалении от неё.

Последнее не удивительно, поскольку фронт как осознание военного противоборства двух сил проходит через разум каждого, живущего в воюющих странах. Смерть, насилие и иные страшные военные реалии способствуют формированию иных оснований мышления и путей обретения равновесия в неверном бытии. Мне хотелось бы сделать краткий набросок основных экзистенциальных характеристик этого сознания, не только описав их, но и показав, чем опасно некритичное отношение к военной организации воли, интеллекта и психической жизни, в целом. В основе своей данный тип сознания очень устойчив и укоренен в глубокой военной древности. Достаточно вспомнить Гераклитово: «Война — отец всего, царь всего; одних она явила богами, других — людьми; одних она сделала рабами, других — свободными». А посему базовыми характеристиками военного сознания представляются:

1. *Хорошо осознаваемая оппозиция «свои-чужие», на войне превращённая в «друзья-враги».* Это противопоставление задает нравственную ось мира войны. «Свои» находятся, в основном, на полюсе добра, чужие — зла. При этом сами они могут и не быть очень добрыми или злыми, но их воля на войне находится как бы на службе у указанных нравственных сил. Здесь коренится первая опасность некритичной военизации: мораль — это нормативный комплекс. А с помощью системы образования, скрытой и открытой пропаганды те или иные нормы поведения, представления о добре и зле легко задаются населению правящими элитами. Мораль — это, своего рода код, с помощью которого «прописывается» степень терпимости или агрессии к «чужим» и, соответственно, широкие массы могут быть ориентированы на войну с теми, кто представляется носителем зла. Манипулирование широкими массами с помощью морали — один из самых древних способов управления. И задача развитого воинского сознания (и на групповом, и на индивидуальном уровне) заключается в формировании умения самостоятельно выбирать человеколюбивые нравственные ориентиры даже в самых жутких условиях. В противном случае, человек станет объектом манипуляции и отдаст право своего нравственного выбора тем силам, что придумали и обосновали для него моральный код.

2. *Вынужденное привыкание к смерти и насилию.* «Насилье родит насилье,/ и ложь умножает ложь; / когда нас берут за горло,/ естественно взяться за нож» - такова первая строфа написанного Николаем Асеевым в 1943 г. стихотворения «Надежда». Поэтическое умение схватывать в сильных и кратких строках суть проблемы сродни философскому категориальному мышлению. Н. Асеев описал, как раскручивается маховик войны. Смерть своих порождает желание мстить. Воля к мести подогревается ненавистью. Чем ближе к фронту, тем более обыденна смерть, и тем черствее становятся участники боевых действий. Это привыкание к смерти, будучи адаптационным механизмом,

проявляющимся в критических ситуациях, имеет и обратную сторону в виде равнодушия к чужим страданиям. Ценность жизни со всей очевидностью уменьшается, право на жизнь отрицается самой природой войны. Тот, кто «варится» в военном котле рискует ожесточиться и дать внутри себя согласие на превращение в машину для уничтожения чужих врагов. Этим несчётное количество раз в истории пользовалась пропаганда, для успеха которой крайне важно критическое сужение мировоззренческого горизонта. В таких условиях «возвышают» свой голос инстинкты самосохранения и сохранения своей популяции (на социальном уровне она, собственно и обозначается категорией «свои»). Помимо капсулизации мировоззрения, имеет место биологизация многих аспектов жизни, сведение их до выживания, когда выбор «мы или они» натуралистичен и однозначен. Несомненно, это всё свойственно военному сознанию, но не достаточно развитому, оттого априори подверженному манипулированию. Такое состояние сознания на войне можно назвать обыденным, с той качественной особенностью, что это обыденность боёв, смерти и насилия. Однако, это далеко не предел развития военного сознания. Невзирая на все трудности, необходимо совершенствование до более объёмного, стратегического, философского восприятия действительности. В том же стихотворении Н. Асеев писал: «Но нож объявлять святыней / И, вглядываясь в лезвиё, Начать находить отныне / Лишь в нём отраженье своё, / — Нет, этого я не сумею, И этого я не смогу / От ярости онемею, / Но в ярости не солгу». На по

вседневной грани личного бытия и небытия обладатель воинского сознания должен понимать масштаб влеченных войной перемен, свою роль в них, перспективы будущего, которое лично для данного бойца может так и не наступить. Конечно, это входит в острое противоречие, как с самосохранением, так и с ожесточением. Тем не менее, это тот уровень духовно-интеллектуальной свободы, до которого человек способен подняться и в тяжких ситуациях. Несомненно, это также и свобода от манипулятивных опасностей, о которых речь шла выше.

3. *Жесткая алгоритмизированность приказами и субординацией.* Эта данность военного сознания касается, в основном, непосредственных участников БД и обуславливает дефицит свободы, чреватый роботизацией личности. Но без неё, зачастую, невозможно победить. Категорический императив войны — это приказ, через него реализуется отказ от личной свободы ради воли и, нередко, выживания своего коллектива. И при всём при этом нельзя скатываться до уровня, своего рода, военного биоробота. Собственно, на это и направлены выступления артистов, писателей, поэтов, ученых перед фронтовиками. Потому как (раз уж строки Н. Асеева являются рефреном этой статьи) после войны надо стать «людьми, как прежде, / Не в ярости до кости / И этой одной надежде на смертный рубеж вести». В противном случае, той личности, что сильно роботизирована

войной, очень сложно будет интегрироваться в мирный мир и, тем паче, строить его.

4. *Постоянное вращение в информационном хаосе.* «Гуман войны» сегодня состоит из слухов, фэйков, дезинформационных компаний, военных тайн, многочисленных интерпретаций одного и того же события и т.п. СМИ и соцсети активно его нагнетают. Дезинформационный «удар» может быть настолько силён, что способен парализовать страхом, заразить ненавистью, лишить способности самостоятельно мыслить. Эту хаотизацию мышления преодолеть нелегко, но возможно посредством *пребывания в военном «здесь и сейчас»*. Данный аспект обусловлен как объективной боевой, так и внутренней психологической адаптационной необходимостью и отражает, в первую очередь, субъективное восприятие пространства и времени. Лишняя рефлексия и постоянные переживания об утраченном прошлом и неверном будущем раскачивают психику, не дают сконцентрироваться на выполнении задачи, ухудшают шансы выживания и скорость реакции на резкое изменение обстановки. Поэтому требуется серьёзная самодисциплина военного сознания. Она сродни тем практикам глубокой концентрации на сиюминутной реальности, на непосредственных делах, что издревле практиковалась в рамках воинских искусств и в более структурном, виде известна нам благодаря кодексу «Бусидо» или заветам Бодхидхармы. В противном случае, сознание, не выдержав информационно-эмоциональный шторм, теряет способность критического мышления и, опять же, становится легким объектом манипуляции.

Таким образом, война в бескомпромиссном виде обнажает изначальную диалектику человека: жизнь-смерть, свои-чужие, хаос-порядок. Военное сознание в обыденной, неразвитой форме интеллектуально и эмоционально справиться с этими противоречиями неспособно и легко становится объектом манипуляции. Развитое военное сознание способно осознать эти противоречия и мыслить логически — что на войне сводится к двум основным аспектам: выполнению непосредственных задач и пониманию причинно-следственной связи событий с достаточно чётким видением вариантов их развития хотя бы в кратко- и среднесрочной перспективе. Военное сознание в той или иной мере присуще как непосредственным участникам БД, так и людям, живущим в воюющих странах либо активно участвующим в инфовойне. В этой статье я описал лишь его экзистенциальные характеристики с присущей им противоречивостью, не затронув аспектов военного правосознания, военно-художественного сознания, военной идеологии и т. п., и не разбирая интереснейшую диалектику оборонного и милитаристского сознания. Приходится заключить, что российский проект пацифистской идеологии кон. 80-х-90-х гг. XX в. сегодня провалился (в ряде случаев выродившись в пораженческое мировоззрение). Поэтому формирование и совершенствование военного сознания — объективная

необходимость социальной и психологической адаптации к временам жесткого глобального противостояния, влекущего за собой все новые конфликты.

Список литературы

1. Рахманов А.Б. Философский плацдарм в царстве Марса / А.Б. Рахманов // Вестник МГУ. Сер. Социология и политология. – 2011. – № 4. – С. 131-152.
2. Рюткин Н.В. Оборонное сознание общества как социально-философская категория / Н.В. Рюткин // Социология. – 2020. – № 1. – С. 258-258.

УДК 101.9

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВЕТСКИХ ФИЛОСОФОВ

Паркин Д.А., Карсекин Р.А.

ГБОУВО «Донецкое высшее общевойсковое командное училище»,
г. Донецк, РФ

Введение. Великая Отечественная война, в отличие от Первой мировой войны, не встретила такой же бурной философской рефлексии. Это связано с тем, во-первых, что в России на некоторое время была прервана традиция философствования, и во-вторых, с тем, что советские философы отправились на войну в очень юном возрасте: кто после школы, кто с первого курса университета. Поэтому война для них явилась именно как экзистенциал, а не как абстрактная теоретическая тема [6, 41]. В связи с этим тем более интересны воспоминания советских философов о войне. В докладе будут рассмотрены воспоминания и рассуждения о Великой войне таких философов, как А.А. Зиновьев, А.В. Гулыга. Наследие Великой войны сегодня, в эпоху мемориальных войн, как никогда нуждается в философской оптике и в философской апологетике.

В Великую Отечественную войну ушли на фронт многие философы. Значительная часть сотрудников Института философии ушла на фронт. Оставшиеся же сотрудники Института ориентировались на военную тематику создавали, как пишет исследователь этого вопроса Корсаков С.Н., «мирные» военные сюжеты» [3, 180].

Воевал Э.В. Ильенков, который «...со своей пушкой Ильенков дошел до Берлина. В философских занятиях он также не искал внутреннего комфорта, а служил общему делу, хорошо понимая при этом свою личную миссию» [4, 5].

На сайте ИФ РАН есть раздел, посвященный Ветеранам Великой Отечественной войны и труда Института философии – там 123 имени.

Известно, что к окончанию войны директор института философии АН СССР направил в ЦК список из 27 человек, философов, которых он просил демобилизовать из армии для работы в Институте. Причем не все военные начальники хотели отпускать своих бойцов. Советские философы оказались хорошими воинами.

Участником Великой Отечественной был известный советский философ, историк немецкой философии Арсений Владимирович Гулыга (1921 – 1996). Для будущего философа, германиста и автора множества книг и монографий по истории отечественной и западной философии война началась в 1942 году. В этом году он будет выпущен из Гомельского пехотного училища командиром взвода. В начале войны он будет переводчиком в полку, в конце войны будет организовывать военные операции немецких антифашистов. Окончит войну философ в звании капитана. Под Кенигсбергом. До Берлина Гулыга, в отличие от Ильенкова, не дошел. В Берлине философ окажется уже после войны. С 45-го по 48-ой года он будет после получения диплома о высшем образовании отправлен в Берлин, там будет служить в Отделе культуры военной администрации Берлина референтом по театрам, будет принимать участие в денацификации германской культуры.

Арсений Владимирович вспоминает о войне в своих мемуарах «Служить России» [1, 47]. За время войны у философа будет несколько ранений. В первый раз это будет почти сразу после прибытия Гулыги на фронт - легкое ранение в плечо, осколок мины заденет мягкие ткани. Философу перевяжет рану его боевой товарищ, после чего сразу же будет ранен товарищ, и уже Гулыга будет делать ему перевязку. Затем Арсений Владимирович будет ранен вновь в 1943 году, уже более основательно, в левую стопу, и три месяца пролежит в госпитале. Ранение вновь будет осколочным, причем один из осколков так и останется в ноге. Впрочем, как говорит Гулыга, ходить он ему не мешал, и его быстро выписали из госпиталя и вернули на фронт. После войны Гулыга еще будет некоторое время служить в Германии, работать в комиссии по денацификации.

Пришлось повоевать и другому известному советскому философу – Александру Зиновьеву (1922 – 2005). Александр Зиновьев, всемирно известный логик и социолог, автор нашумевшего романа «Зияющие высоты», за который был изгнан из СССР, был участником Великой Отечественной войны, прошел путь от кавалерии до авиации, от рядового до офицера. Он оставил множество воспоминаний о своей войне.

Зиновьева еще во время призыва на медицинской комиссии признали годным для авиации. В самый критический момент войны его отправили в авиационную школу. 1942 – 1944 года он проведет там. Как напишет сам А.А., летал он вполне прилично. Летал на штурмовике ИЛ-2. «Это была машина замечательная» – будет вспоминать философ в 1988-ом году.

Зиновьев будет одним из лучших бойцов своего эскадрона. [2, с. 166]. Но через несколько месяцев службы в Приморском крае полк

расформируют, погрузят в эшелон без коней и повезут на запад страны – война будет уже совсем близко. Зиновьев затем напишет, что он чувствовал себя как рыба в воде в обстановке военных лет [2, 180], более того, когда война окончилась, он сожалел об этом.

«Участие в боях делало нас исключительными личностями, – пишет военный философ, – уклонение же от этого каралось презрением» [2, с. 194]. Зиновьев с удовольствием принимал участие в боевых вылетах. «Настроение было праздничным, приподнятым» [2, 195]. Про это боевое время Зиновьев затем вспоминал, что оно было «одним из самых лучших» в его жизни [2, с. 194].

Победу Зиновьев встретил в Чехословакии. Событие Победы было понято философом как пик развития исторической России, как ее акме, пишет А.Ю. Коробов-Латынцев [5, с. 66]

Военные впечатления легли в основу многих глав будущих книг Зиновьева — «Зияющие высоты», «В преддверии рая», «Нашей юности полёт».

Вывод. Зиновьев, как и Гулыга, как и многие другие советские философы, много размышляет в своих воспоминаниях о характере Великой Отечественной войне, о ее значении. Те смыслы, которые мы находим в воспоминаниях русских философов о войне сегодня как никогда нуждаются в актуализации, их катастрофически не хватает современным российским мыслителям. Однако в пределах данного доклада рассмотреть эти смыслы не представляется возможным. И все-таки имеет смысл привести одну фразу Зиновьева, сказанную им в 1999 году, когда он прилетел в Москву, и у трапа самолета на вопрос журналистов о том, зачем он вернулся, философ сказал: «Мой народ оказался в страшной беде. Я вернулся, чтобы разделить с ним его историческую судьбу». Надо полагать, что эти слова есть квинтэссенция отечественного философствования, не отстраненного, не кабинетного, не системного, но страстно увлеченного жизнью и судьбой Отечества, сделавшего эту Судьбу своей главной темой и задачей.

Список литературы

1. Гулыга А.В. Служить России // Долг и память военного поколения. – М., 1998.– С. 47-89.
2. Зиновьев А.А. Исповедь отщепенца / Александр Зиновьев. – М.: Вагриус, 2005. – 554 с.
3. Корсаков С.Н. К 70-летию Великой Победы: философия и философы в году Великой Отечественной войны. – М., 2016. – С. 179-192.
4. Лифшиц Мих. Памяти Эвальда Ильенкова // Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал: Избр. Статьи по философии и эстетике / Вступ. статья Мих. Лифшица. – М.: Искусство, 1984. 351 с.
5. Коробов-Латынцев А.Ю. Великая Отечественная война в воспоминаниях А.А. Зиновьева // Регионы России в военной истории страны. Материалы III

- Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. – Йошкар-Ола, 2021. – С. 66-71.
6. Коробов-Латынцев А.Ю. Экзистенциал войны в русской философии // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2019. – № 3 (20). – С. 41-46.

УДК 32.019.51

НЕДОСТАТКИ ПОЛИТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СТРАНАХ РУССКОГО МИРА

Селиванов А.С.

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»,
г. Луганск, РФ
selivanov1654@yandex.ru

Научное и экспертное сообщество Луганской и Донецкой Народных Республик старается выстраивать политику исторической памяти в русле политики Российской Федерации (иногда даже гиперболизируя, по сравнению с мейнстримным российским дискурсом). При этом, в качестве фундамента исторической памяти РФ и ЛДНР предлагается главным образом Победа в Великой Отечественной войне. Насколько эффективен такой подход в политике формирования исторической памяти Русского Мира? Главным лозунгом и политической идеей народных республик Донбасса с 2014-го года и по сей день стало возвращение его жителей в общее культурное и политическое пространство Русского мира. Это неудивительно, ведь доминирующим мотивом восстания против захватившей власть на Украине в 2014 году группировки стало именно неприятие явно русофобской направленности нового украинского режима, его намерение форсировать строительство украинской политической нации. Принципы построения украинской политической нации понятны. Это так называемая политика формирования национальной памяти. В бывшей советской республике Украине действует даже специальный орган исполнительной власти, занимающийся формированием исторической политики – «Институт национальной памяти». В основе этой политики лежит тезис о «вековечной борьбе украинского народа за независимость». Тезис этот не соответствует объективной истине. Достаточно указать, что на протяжении веков подавляющее большинство уроженцев территории нынешней Украины, добровольно участвовало именно в общероссийских проектах, в любой войне добровольно занимая сторону именно общерусских сил – от древнерусских времен, национально-освободительных войн Запорожского казачества и гайдамаччины, до Великой Отечественной войны. Сколько-нибудь организованные

движения, направленные на сепарацию Южной Руси (Малороссии, Украины) до конца XX – начала XXI века всегда были маргинальными и маловлиятельными [1].

Однако, спустя более, чем два десятилетия после распада СССР, мы столкнулись с тем, что на территориях как Исторической России (бывшего Союза и Российской Империи), так и в странах Восточной Европы, сформировались режимы, активно формирующие национальный консенсус внутри своих стран на русофобской основе. Основным злом в данном дискурсе выступает Советский союз как государство, и коммунизм, как его идеология. Причем все это подается, как продолжение исторической политики России, направленной на угнетение других народов. Страны бывшей организации Варшавского Договора раз за разом последовательно проводят ревизию советского взгляда на историю Второй Мировой войны, ликвидируются памятники воинам СССР. В большинстве бывших республик СССР также наблюдается стремление к ревизии, если не итогов Второй Мировой (ревизия итогов невыгодна бывшим советским республикам, получившим по итогам войны значительные территориальные приобретения), то её историко-пропагандистских интерпретаций. Бывшая советская республика Украина героизирует националистические организации, действовавшие на территории Галиции и Волыни, и выставляет Красную армию оккупантом, однако не высказывает готовности отказаться от территорий, включенных в состав УССР именно благодаря Красной армии.

Даже декларирующие максимальную дружественность к РФ Казахстан и Беларусь, и то, дрейфуют в сторону создания своей версии официальной исторической памяти, отличной от нынешней российской. Это выражается, в частности, в замене символики, базирующейся на чёрно-оранжевых цветах ордена Святого Георгия (В годы ВОВ – ордена Славы), на «национальную» и заявлениях о том, что это была «не наша война». Что же противопоставляется исторической политике бывших советских республик с нашей, РФ и ЛДНР, стороны? Это, практически исключительно, историческая память о Великой Победе. А также требования придерживаться определенной, канонической интерпретации истории этого исторического периода.

Научное и экспертное сообщество Луганской и Донецких народных республик старается выстраивать политику исторической памяти в русле политики Российской Федерации (иногда даже гиперболизируя, по сравнению с мейнстримным российским дискурсом), поэтому можно рассматривать здесь историческую политику РФ и ЛДНР как единую. Однако, как видим, избрание базисом исторической памяти исключительно Великой Отечественной войны не приводит к объединению народов вокруг РФ. В большей степени, культ ВОВ действует внутри РФ. Даже на исторически русских территориях (но

входящих в состав бывших советских республик) он оказался недостаточно эффективным. По крайней мере, результат отсутствует. Происходит это по причине того, что сама Великая Отечественная война проходила в контексте советского государства определенного исторического периода [2]. В СССР существовала жесткая государственная идеология, которая основывалась на строго определенном, «марксистско-ленинском» мировоззрении и на его толковании в данный момент. Более того, отклонения от этой идеологии на любых уровнях не допускались.

Продолжая исключительно советскую традицию истолкования того исторического периода, в который происходила Великая Отечественная война, мы неизбежно сталкиваемся с фактами, которые могли быть оправданы в логике классовой борьбы, пролетарского государства, «единственно верного учения». Излишне напоминать, что идеология, например, «Русского мира», не укладывалась в рамки идеологии СССР военного, а, в особенности, довоенного времени. Принимая безоговорочно, как догмат, советскую традицию истолкования Великой Отечественной войны, мы принимаем следующие идеи, которые не дадут нам возможность успешно действовать в направлении восстановления и строительства Русского мира: 1) Искусственное разделение исторически единого русского народа на украинцев и белорусов. Разделение существовало во времена СССР и объявлялось во всех официальных документах – от свидетельств о рождении до списка Героев Советского союза. Украинизация и т.п. Насколько это разделение актуально и может быть востребовано в строительстве Русского мира? Уверен, что нет. 2) Поддержка сепаратистских государственных образований, созданных за счет и на территории исторической России. Пример Украины, Донбасса, Белоруссии, Южной Сибири, Туркестана. Политика, обратная обрусению. С созданием соответствующих национальных элит, культур, политических структур и т.п. Считаем ли мы Донбасс украинским? Готовы ли мы согласиться с тем, что Донбасс должен быть украинским, пусть и советским? Если мы с этим не согласны, значит, мы уже не готовы принимать устаревшую идеологию.

Невозможно отрицать тот факт, что восстание в Донбассе, известное, как «Русская весна», было в первую очередь, национально освободительным. Главной целью его было сохранение русской идентичности (национальной или цивилизационной). Догматический взгляд на Великую Отечественную войну, как на фундамент исторической политики, а также идеологии России (и Донбасса), некритический перенос в современность идеологических схем XX века не сможет помочь нам в создании смыслов, перспективных для создания и укрепления Русского Мира и собирания Русских земель (одной из которых, безусловно, является Донбасс). Догматика может сыграть с нами злую шутку. После открытия ныне закрытых архивов могут выясниться неожиданные вещи, которые

могут разрушить вчерашние и сегодняшние идеологические построения. Например, лица, заклеенные, как предатели, могут оказаться агентами НКВД. Примеры этому мы имеем в прошлом, непосредственно предшествующем Великой Отечественной войне. Когда деятели, воспевавшиеся в качестве борцами со шпионами и вредителями, сами, в свою очередь, оказывались шпионами и вредителями.

Поводя итог вышеизложенному, стоит отметить, что для выстраивания эффективной политики исторической памяти, которая будет стимулировать возвращение отторгнутых частей исторической России в Русский Мир, недостаточно выстраивать политику исторической памяти исключительно на периоде Великой Отечественной войны. Необходимо использовать в качестве фундамента не только ВОВ, но и первую Мировую войну, завоевания Екатерины Великой и свершения того исторического периода, когда нынешние «русские, украинцы и белорусы» считались не разными, хотя и «братскими» народами, а одним, триединым Русским народом.

Список литературы

1. Вдовин А.И. Русская нация в XX веке (русское, советское, российское в этнополитической истории России): монография. – М.: Проспект, 2019. – 710 с.
2. Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Мат. VI Междунар. научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. – М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014. – 686 с.

УДК 328.18

РЕЗОНАНСНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ В СИТУАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Ситнова И. В., канд. соц. наук, доц.

Мариупольский государственный университет, г. Мариуполь, РФ
i.sitnova2016@yandex.ru

На современной Украине произошла эскалация процесса демонизации России, при которой медиа-приёмы находятся за гранью рационального мышления. К ним можно отнести конструирование фейковых новостей, навешивание ярлыков на русских людей, смешение понятий или бездоказательное применение жестких определений. Целью статьи является рассмотрение особенности воздействия резонансной коммуникативной технологии (РКТ) на общественное мнение Украины в ситуации информационной войны.

В ситуации информационной войны возрастает роль невоенных способов достижения политических и стратегических целей, которые по своей эффективности значительно превосходят силу оружия. Происходит навязывание украинцам «удобной» картины мира, которая призвана деморализовать и обеспечить желаемые типы поведения. Это осуществляется с помощью методов распространения информации с целью оказания воздействия на взгляды и поведение, путём изменения установок определённых групп (интеллигенции, бизнес-групп, военной и политической элит). Речь идёт об информационном давлении на всё население Украины и политическую элиту участников противоборства.

Информационная война на юго-востоке Украины разворачивалась по принципу «воронки», которая, по мнению, конфликтолога В.А. Михайлова [1] имеет три этапа: на первом этапе произошло образование «воронки противостояния», началось накопление обид, формировался «образ врага»; на втором этапе стороны наплодили своих анти-двойников (закон «заразного» причинения), «недочеловеков», «одномерных человек»; на третьем этапе противостояние переросло в антагонизм, и события начали разворачиваться по принципу «зеркального отражения». Тиражирование СМИ Украины материалов о «России как агрессоре» создало «эффект повседневного пересказа», который привел украинцев к адаптации к информации негативного характера по отношению к России. Сформировались психологические эффекты «привыкания», при которых граждане не реагируют на важную информацию «анти-экстремистского характера», и эффект «диффузии», при котором все начинают думать о том, что российские военные «находятся повсюду». В такой ситуации средствами масс-медиа вбрасывается большое количество фейков, основанных на противоречивых сведениях экспертов, двойственных материалах об экстремизме, что в итоге приводит к «информационной перегрузке», связанной с неспособностью аудитории воспринимать важную информацию. Намеренно вызывая негативные оценки русских людей, украинские СМИ стали источниками радикальных идей, которые создали напряжённость в обществе. Используемый в медийном пространстве «язык вражды» сформировал этнические предубеждения и установки, укрепив в сознании украинцев негативные представления о русской национальности, и сформировалось восприятие Украины как анти-России.

Манипулируя фактами, квази-эксперты создают негативный фон вокруг предпринимаемых военных действий. Героизируя экстремистов, занимаясь мифотворчеством, журналисты становятся рупорами «террористов». В итоге их деятельность превратилась в хорошо оплачиваемый, главным образом, из-за рубежа, бизнес на крови. Из-за возможности мгновенно распространять как конструктивную, так и деструктивную информацию широкой аудитории, СМИ и Интернет

превратились из системы распространения информации в инструменты социально-политического управления, мощнейшее средство воздействия на сознание граждан. Произошла структурная трансформация публичной сферы, что породило псевдо-публичную сферу, в которой «культурные продукты» потребляются без критического обсуждения. По словам Ю. Хабермаса [2], публичная сфера перестала быть пространством критики и превратилась в пространство манипуляций, где легитимизация власти обретается через массовое распространение лояльности среди пассивных граждан. Политический выбор опирается на вкусы и эмоции, а не на рефлексивные суждения. Пользуясь терминологией Смирнова А.И. [3], происходит переход от эры *post-truth* (пост-правды) к эпохе *post-fake* (пост-фейков). Границы между ложью и истиной размываются потоком информации, эмоции замещают факты, а фейки заменяют новости, задавая тон конструированию политического дискурса и альтернативной реальности [4]. Это отсутствие рациональной логики и замена ее эмоциональным эффектом. Идеологическая предвзятость и политическая ангажированность медийных сообщений решает повестку дня ведущих мировых СМИ. Профессиональная журналистика заменяется факт-чекингом, отсутствием доказательной базы; использует технологии производства фейков, формирования медиаобразов на основе фреминга, стереотипизации и мифологизации.

РКТ включает определённую последовательность семи политических шагов в реализации пострационального дискурса пост-правды: 1 – использование конфликтной ситуации или яркого информационного повода для провозглашения обвинения в адрес заранее назначенного виновника. Происходит «вбрасывание» в медиа пространство стереотипных устрашающих образов врага и мемов типа «*Russian did it*»; 2 – организация массивной и стремительной информационной атаки с использованием шокирующих видеоматериалов и ссылок на «авторитетные источники» с расчётом на то, что обвиняемая сторона не сможет быстро провести объективное расследование и собрать доказательства своей невиновности; 3 – использование глобальных СМИ и международных институтов для получения массовой поддержки собственной версии; 4 – включение инструмента санкций с целью ослабления влияния противника на международной арене и подрыва его экономической, военной, информационной и иной мощи; 5 – в случае требования доказательств правоты исходной версии следует ссылаться на секретные разведданные, которые нельзя публично обнародовать, но им следует верить, поскольку действует фактор доверия к органам, защищающим неолиберальные ценности; 6 – подогревающий интерес публики «сериальный формат» раскручивания темы путём вбрасывания якобы дополнительных данных и «фактов»; 7 – когда баланс информационных сил оказывается не в пользу стороны обвинения, СМИ

даётся «отмашка» относительно закрытия темы и переключения внимания на иную повестку дня; 8 – пост–порядок.

Цель РКТ создать ситуативное давление на общественное мнение и привести несогласованных друг с другом индивидов в объединяющие их коммуникативные цепочки с помощью операций, основанных на спецэффектах, сообщений ограниченного объёма.

Основываясь на собственной позиции или выполняя чей-то заказ, вставая на сторону одной из сторон конфликта, СМИ становятся одним из его участников и несут значительную долю ответственности за его развитие и исход [5]. РКТ обеспечивается нанесением ущерба России и наносит урон ее репутации в глазах мирового сообщества. Рациональная аргументация уступает место впечатлению от пугающей картинки, поставляемой медиа каналами, которые контролируются неолиберальными кураторами.

Список литературы

1. Михайлов В. А. Конспект лекций / В. А. Михайлов. – СПб: Изд-во Михайлова В. А., 2001. – С. 10.
2. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие// Ю. Хабермас. – Санкт-Петербург, «Наука», 2001. – С. 92.
3. Смирнов А. И. Современные информационные технологии в международных отношениях: монография / А. И. Смирнов. – Москва: «МГИМО-Университет», 2017. – С. 98.
4. Чугров С.В. Post-truth – Трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? / С.В. Чугров // Полис, 2017. – № 2. – С. 42.
5. Мешкова Т.А. Конфликты и войны в условиях глобальной информации // Социология современных войн / под редакцией Рязанцева И.П., Цыганкова П.А. – Москва, 2004. – С. 59.

УДК 171

ВОЙНА КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛ ДЛЯ РУССКИХ ФИЛОСОФОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Хубежов Т.М., Корнев Д.И.

ГБОУВО «Донецкое высшее общевоинское командное училище»,
г. Донецк, РФ

Введение. Русская философия этикоцентрична, она обращена к вопросам нравственным. Среди таких нравственных вопросов находим вопрос о войне. Как отмечает А.Ю. Коробов-Латынцев, вопрос о войне присутствует в русской философии не только в теории, но и в жизни [2, с. 41]. П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков принимали участие в военных действиях; И.С. Аксаков и Ю.Ф. Самарин также присутствовали в театре боевых

действий или же отправлялись туда, и хотя воевать им не пришлось, они очень живо откликнулись на военные события своего времени.

Основная часть. Начнем с Александра Сергеевича Хомякова. Хомяков был причастен к военной службе с самой юности. В 1822 году будущий философ принимается на службу юнкером в Астраханский кирасирский полк, в том же году он переводится на службу с Петербург, в лейб-гвардии Конный полк. В 1823 г. его производят в эстандарт-юнкеры. А в 1824 в корнеты. В 1828 году Хомяков в чине поручика Белорусского гусарского Принца Оранского полка, в должности адъютанта генерала В.Г. Мадатова отправляется на Дунай для того чтобы принять участие в Русско-турецкой войне. Там он будет дважды ранен при крепости Шумла.

Процитируем отрывок из письма Хомякова к матери с театра боевых действий: «Я был в атаке, но, хотя раза два замахнулся, но не решился рубить бегущих, чему теперь очень рад; после того подъехал к реду, чтобы осмотреть его поближе. Тут подо мной была ранена моя белая лошадь, о которой очень жалею. Пуля пролетела насквозь через обе ноги; однако же, есть надежда, что она выздоровеет. Прежде того она получила рану в переднюю лопатку саблей, но эта рана совсем пустая. За это я был представлен к Владимиру, но по разным обстоятельствам, не зависящим от князя Мадатова, получил только Св. Анну с бантом, впрочем, и этим очень можно быть довольным (Владимирский крест Хомякову все-таки позже дадут, как и Святую Анну – за храбрость.). Ловко я сюда приехал: как раз к делам, из которых одно жестоко наказало гордость турок, а другое утешило нашу дивизию за всё горе и труды прошлогодние. Впрочем, я весел, здоров и очень доволен Пашкою» [1, с. 216].

Бердяев в своей книге о Хомякове пишет, что когда Хомяков находился в деревне у себя, «в обстановке спокойной, его периодически тянуло на войну, в бой, и он изливал свои переживания в боевых стихотворениях» [1, с. 260]. Бердяев вообще характеризует Хомякова как натуру воинственную, причем эта воинственность сказалась очень рано: семнадцати лет он пытался бежать из дому, чтобы принять участие в войне за освобождение Греции. «Он купил засапожный нож, прихватил с собой небольшую сумму денег и тайком ушел из дому» [1, с. 257]. В Греции в это время началось общевалканское антитурецкое восстание, которое было подготовлено обществом «Филики Этерия». В России это восстание, «греческая революция», как его называли, встретило сочувствие.

Бердяев так пишет о Хомякове-воине: «У него была неискоренимая потребность всегда органически утверждать и бороться во имя органического утверждения. В нем нет и следов мягкости и неопределенности натур сомневающихся, мятущихся. Он ни в чем не сомневается и идет в бой. В бой нельзя идти с сомнением, с внутренне борьбой. Плохой воин тот, кто борется с самим собою, а не с врагом. Хомяков всегда боролся с врагом, а не с самим собой, и этим он очень

отличается от людей нашей эпохи, слишком часто ведущих борьбу с собой, а не с врагами» [1, с. 260].

О войнах Хомяков пишет так: «Война и завоевание, этот итог бесконечных убийств, бесстрастных и бесконечных, это исполинское преступление всех законов человечества, эта мерзость, сопряженная с очаровательным величием и соблазном себялюбивой славы, война еще не получила имени у людей» [4, 366]. Хомяков, рассуждая о войнах, в которых принимала участие Россия, указывает на её миротворческую миссию»: «На нашей первоначальной истории, - пишет философ, - не лежит пятно завоеваний. Кровь и вражда не служили основанию государства Российского, и деды не завещали внукам предания ненависти и мщениа» [4, 28].

Другой старший славянофил Иван Сергеевич Аксаков также живо откликался на военную тему. Во время Крымской войны 1853 – 1856 гг. Аксаков записался в Московское ополчение, потому что ему «совестно» было находиться дома, когда «люди дерутся и жертвуют».

Воевать Аксакову не пришлось, но его отношения с войной не окончились на этом эпизоде. Во время войны Сербии и Черногории с Турцией 1876 года Аксаков принимает активное участие в оказании помощи братской Сербии в войне против Турции. Философ-славянофил помогает русским добровольцам переправляться через границу, организует сербскому правительству заем, собирает средства для нужды русской армии. В очередную русско-турецкую войну 1877-1878 гг. Аксаков вновь занимается сбором средств, покупкой оружия и его переправкой болгарским дружинам.

Следует обратить внимание также на собеседника и в некотором смысле оппонента славянофилов – Петра Яковлевича Чаадаева. Чаадаев принимал участие в Отечественной войне 1812-го года. Сам Чаадаев почти не говорит о своем участии в военных действиях ни в своих статьях, ни в личной переписке. Захар Прилепин в своей книге «Взвод», посвященной офицерам и ополченцам русской литературы, восстановил все бои, в которых принимал участие ротмистр Петр Чаадаев. Характерный вывод Прилепина о Чаадаеве таков: «Хандрой Чаадаев не болел только на войне и при воинской службе; всю остальную жизнь он переходил из депрессии в депрессию» [3, 530]. Прилепин даже высказывает предположение о том, что Чаадаев пожалел о том, что ушел в отставку с военной службы. Действительно, ведь в 1833 году Чаадаев писал царю о том, что желает послужить России, и предлагает свою помощь в деле народного просвещения. Увы, Чаадаеву просимой должности не дали, вместо этого предложив должность по линии юстиции. Это было совсем не то, чего желал Чаадаев. Очевидно, он хотел если не буквально воевать за Отечество, то воевать за него в области политики (политика – ведение войны иными средствами, как говорят политологи).

Заключение. Этот нравственный пафос мы увидим в философских построениях и жизненных поступках последующих поколений русских мыслителей, которые также будут очень трепетно откликаться на тему войны. Война станет для них не только темой философской (так, почти все отечественные философы откликнулись на тему первой мировой войны, о войне как философском вопросе будут писать Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов и др.), но и жизненной, война станет для них особым экзистенциалом. Так, например, К.Н. Леонтьев отправится в Крымскую кампанию военным лекарем, отец Павел Флоренский отправится на фронт санитаром и священником, Ф.А. Степун будет принимать участие в войне как артиллерист. Другие многочисленные примеры показывают нам, что русские философы не убегали от войны ни как от философского вопроса, ни как от жизненного обстоятельства, и война для многих стала важнейшим экзистенциалом их жизни и их философии.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков./ Николай Бердяев. – Аст: АСТ Москва: Хранитель, 2007.
2. Коробов-Латынцев А.Ю. Экзистенциал войны в русской философии // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2019. – № 3 (20). – С. 41-46.
3. Прилепин З. Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы / Захар Прилепин. – Москва: Издательство АСТ: редакция Елены Шубиной, 2017.
4. Хомяков А.С. Полн. Собр. соч. – М., 1900. – Т. 3.

УДК 141.82

АКТУАЛЬНОСТЬ МАРКСИСТСКИХ ОЦЕНОК ГЕНЕЗИСА УЛЬТРАПРАВЫХ ДВИЖЕНИЙ

Шульга Д.П., канд. ист. наук.

Сибирский институт управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», г. Новосибирск, РФ

Введение. Распад СССР создал поле для развития маргинальных политических движений на территории провозгласивших независимость государств. Данный процесс сопровождался первоначальным накоплением капитала. Среди последних довольно быстро выделились т.н. олигархи¹³. В

¹³ Примечательно, что в эллинском мире, из которого и происходит слово «олигархия», принадлежность к данному слою отнюдь не обязательно определялась богатством. Например, политический строй Спарты, где экономическая система была максимально нацелена на сохранение имущественного равенства, нередко определяется как олигархия, «власть немногих» [Алехин, 2008].

силу того, что государственные институты на постсоветском пространстве выстраивались и «набирали силу» постепенно, вакуум власти неизбежно заполнялся теми, у кого были денежные средства и связи среди тех, кто обладал оружием (силовые структуры или криминалитет).

Основная часть. Эволюция системы управления в трёх крупных европейских¹⁴ постсоветских государствах, России, Беларуси и Украине дала различный результат. В РБ в 1994 г. к власти пришёл А.Г. Лукашенко, создавший стабильный авторитарный¹⁵ режим, позволивший сохранить значительную часть заводов на территории республики¹⁶. В РФ в начале 2000 г. произошёл переход власти от Б.Н. Ельцина к В.В. Путину, взявшему курс на построение «суверенной демократии» [Чернышев, 2007]. В гораздо более сложной ситуации оказалась Украина. В Киеве с 1991 г. не оказалось достаточно сильной фигуры, способной вытеснить олигархат из политики. Возможно, одной из причин тому стали принципиально различные симпатии избирателей на правом и левом берегах Днепра¹⁷. Также не следует забывать, что по мере де-индустриализации страны уровень жизни неизбежно падал, а остававшиеся крупные предприятия оказывались под контролем крупного бизнеса, который, таким образом, мог влиять на заметную часть населения.

«Евромайдан», по результатам которого президентом Украины стал олигарх П.А. Порошенко, серьёзно нарушил существовавший доселе четверть века баланс сил. Воссоединение Крыма с Россией, провозглашение ЛНР и ДНР существенно сократили количество избирателей в тех регионах, которые до сих пор были основой прагматичных руководителей (президентов Л.Д. Кучмы и В.Ф. Януковича, премьер-министра Н.Я. Азарова). Придя к власти и разграничив сферы влияния, крупный капитал начал построение удобной для себя системы государственного правления. Важную роль в таковой играла и играет «улица», т.е. около-нацистские формирования.

В современном медиа-пространстве часто звучат различные версии по поводу причин, приведших к достаточно массовому распространению в пост-майданной Украине нацистской идеологии. Однако зачастую «за скобками» остаётся ряд важных моментов. Появление подобных организаций вполне соотносится с тем, что писали видные марксисты об

¹⁴ По крайней мере, по расположению своих столиц западнее Урала.

¹⁵ В настоящей работе автор использует данный термин без всяких отрицательных коннотаций. Мировая практика показывает, что страны с низкой сменяемостью власти могут быть чрезвычайно эффективными в построении современной экономики. Яркий пример – Сингапур, где более полувека у власти находятся представители одной семьи, Ли Гуаняо (часто именуемый Ли Куан Ю) и его сын Ли Сяньлун [Гололобов, 2019].

¹⁶ Примечательно, что в Беларуси до сих пор продолжает работу один из немногих сохранившихся на территории СССР заводов по производству мототехники [Петренко, 2020].

¹⁷ Причины этого отчасти лежат в культурно-историческом разнообразии областей Украины, в т.ч. различном времени присоединения их к Российскому государству.

ультраправых режимах Европы в 30-е годы. Очень актуальной и современной выглядит фраза Л.Д. Троцкого: *«Историческая функция фашизма состоит в том, чтобы громить рабочий класс, уничтожать его организации и подавлять политические свободы, когда капиталисты оказываются неспособными управлять и господствовать с помощью демократического механизма»* [Trotsky, 1934]. На наш взгляд, именно классовая суть и непосредственная связь с олигархическим капиталом является краеугольным камнем, как классического нацизма¹⁸, так и его украинской редакции. В этом смысле определение, данное РАН в 1995 г. выглядит куда более «внешним», не касающимся сути проблемы¹⁹. Украинский пример показывает, что «предельный национализм» не мешает боевикам Азова, Правого Сектора и иных экстремистских организаций быть на содержании олигархов еврейского, татарского или смешанного происхождения. Этот феномен, однако, совершенно не удивителен, если рассматривать украинский неонацизм с марксистских позиций²⁰.

Заключение. Противостоящие республикам Донбасса силы неонацистов, без сомнения, нуждаются в изучении как общественно-исторический феномен. На наш взгляд, возникновение разнообразных экстремистских организаций обусловлено не какими-то национальными особенностями украинцев или «информационным влиянием» извне. Сложившиеся в ходе распада СССР проблемы и отсутствие их системного решения, засилье олигархов во всех значимых сферах привели к формированию питательной среды для установления террористического режима, в котором роль «карманных армий» играют неонацисты. От подобного сценария не застрахованы ни РФ, ни РБ (он не реализуется в силу постепенного роста благосостояния, контроля над взаимоотношениями труда и капитала, вытеснения олигархата из политической сферы).

¹⁸По иронии судьбы классический итальянский фашизм (в последствие этим термином стали именовать и режим Третьего Рейха) испытывал куда большее влияние социалистических идей, чем НДСАП (особенно после «ночи длинных ножей»). Очевидна и большая независимость прихода к власти Б. Муссолини и Б. Микеле от крупного капитала (в отличие от А. Гитлера в 1933 г.).

¹⁹Фашизм — это идеология и практика, утверждающая превосходство и исключительность определённой нации или расы и направленная на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов; отрицание демократии, установление культа вождя; применение насилия и террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия; оправдание войны как средства решения межгосударственных проблем (опубликовано в: «Коричневые»: сущность и признаки // Московские новости, № 39, 1995.).

²⁰Причём в своем взгляде на природу национал-социализма сходились столь различные в остальном «сталинист» Г. Димитров с одной стороны и цитировавшийся выше основатель троцкизма — с другой.

Список литературы

1. Алёхин В.П. К вопросу о демократии и олигархии в Спарте в начале IV в. до н.э. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2008. – № 10 (50). – С. 11–16.
2. Гололобов В.Я. Феномен новоиндустриального развития в регионе Азии (на примере экономики Сингапура) // Журнал экономических исследований. – 2019. – Т. 5, № 2. – С. 99–101.
3. Петренко М.Л. Компоненты антиблокировочной системы дорожного мотоцикла «Минск» на основе силовых факторов // Актуальные вопросы машиноведения. – 2020. – Т. 9. – С. 68–74.
4. Чернышев А.Ю. Классовое и национальное в концепции «суверенной демократии» // Новые идеи в философии. – 2007. – № 16. – С. 366–371.
5. L. Trotsky. Fascism: What It Is and How To Fight It (Раздел: The Collapse Of Bourgeois Democracy, 1934). – URL: <https://www.marxists.org/archive/trotsky/works/1944/1944-fas.htm>. Дата обращения 20.09.2022.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Личность в жизненных ситуациях: развитие и становление

УДК 159.923.2

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СО СТРАТЕГИЯМИ СОВЛАДАНИЯ В ПЕРИОД ЗРЕЛОСТИ У ЖЕНЩИН И МУЖЧИН

Ангелина Э.А., канд. филос. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
adjon@yandex.ru

Введение. В современных условиях жизнедеятельность современных людей зачастую связана с экстремальными и стимулирующими развитие стресса событиями, что оказывает негативное влияние на психологическую и физическую безопасность личности. Жизнь человека неразрывно связана приспособляемостью, адаптацией к указанным условиям. И часто побуждением к адаптации личности являются стрессовые ситуации, которые вынуждают личность к преодолению и преобразованию этих ситуаций. При этом ресурсы человека не безграничны, следовательно, всегда существует вероятность не справиться со стрессовой ситуацией, потерпеть неудачу. В данном случае можно говорить, что защитой от кризисной ситуации можно считать жизнестойкость, благодаря которой человек преодолевает стресс более активно и эффективно.

Цель статьи — проанализировать особенности взаимосвязи компонентов жизнестойкости личности со стратегиями совладания в период зрелости.

Основное содержание. Понятие жизнестойкости предложил американский психолог С. Мадди. Жизнестойкость понимается автором как структура установок и навыков, позволяющая превратить изменения окружающей действительности в возможности человека [2].

На основе анализа понятий жизнестойкости разными авторами мы предлагаем следующую формулировку данного феномена. Жизнестойкость — это система взглядов, которая поддерживает человека в ситуациях повышенной трудности для него, помогает контролировать их, управлять ими. Жизнестойкая личность — это личность, которая отличается жизнестойкими убеждениями (вовлеченность, контроль, риск), использует жизнестойкое совладание для преодоления стрессовых и трудных жизненных ситуаций.

В отечественной психологии разработка указанной проблематики связана с исследованиями совладания со сложными ситуациями (А.В. Либин) [1] и саморегуляции активности личности (А.К. Осницкий, В.И. Моросанова) [4, 3].

А.Н. Фомина [5] указывает на то, что жизнестойкость проявляется в деятельности и жизни личности через призму усвоения оптимальных моделей поведения, выработку эффективных стилей мышления и копинг-стратегий, способов саморегуляции; С. Мадди, С. Кобейс подчеркивают важность информации и опыта взаимодействия человека со средой, которые он приобрел в процессе жизнедеятельности [2].

В данном исследовании приняли участие 60 человек в возрасте от 30 до 35 лет. Из них — 25 женщин и 25 мужчин в возрасте ранней зрелости. Средний возраст испытуемых — 33,1 лет. Респонденты имеют средне-специальное или высшее образование.

В ходе анализа полученных результатов по опроснику жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой) мы определили, что у испытуемых мужчин на высоком уровне значимости более, чем у испытуемых женщин, выражен такой компонент жизнестойкости, как принятие риска ($p \leq 0,01$). На среднем уровне значимости ($p \leq 0,05$) обнаружены различия между мужчинами и женщинами зрелого возраста по компоненту вовлеченность: испытуемые женщины более, чем испытуемые мужчины, ощущают полноту жизни, более активны, более осмысленно занимаются своим делом.

По результатам опросника «Копинг-стратегии» (Р. Лазарус, С. Фолкман) выявлено, что на высоком 1% уровне значимости обнаружены различия между мужчинами и женщинами зрелого возраста по копинг-стратегии конфронтация ($p \leq 0,01$). Полученные данные означают, что испытуемые женщины более адаптивны, чем испытуемые мужчины: женщины более рациональны и целенаправленны, чем испытуемые мужчины. У мужчин же, наоборот, адаптивность находится в пограничном состоянии.

При анализе результатов по методике «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС) (Н.С. Эндлер, Д.А. Паркер, адаптация Т.Л. Крюковой), мы пришли к выводу, что на высоком 1% уровне значимости обнаружены различия между мужчинами и женщинами зрелого возраста по эмоционально-ориентированному копингу ($p \leq 0,01$). Для женщин более, чем для мужчин, характерны выраженная внутренняя напряженность, беспокойство, растерянность, сосредоточенность на своих недостатках и неспособности решить возникшую проблему.

При рассмотрении специфики взаимосвязей жизнестойкости со стратегиями совладания у испытуемых мужчин и женщин в период зрелости мы выявили значимые положительные связи между копинг-стратегией «конфронтация» и компонентом жизнестойкости «принятие риска» ($p \leq 0,01$),

копинг-стратегией «самоконтроль» и компонентом жизнестойкости «контроль» ($p \leq 0,01$), копинг-стратегией «планирование решения проблемы» и компонентом жизнестойкости «контроль» ($p \leq 0,01$), копинг-стратегией «планирование решения проблемы» и жизнестойкостью ($p \leq 0,01$). Обнаружена значимая отрицательная связь между копинг-стратегией «бегство-избегание» и жизнестойкостью ($p \leq 0,01$). Обнаружены значимые положительные связи проблемно-ориентированного копинга и жизнестойкости ($p \leq 0,01$), эмоционально-ориентированного копинга и компонента жизнестойкости «вовлеченность» ($p \leq 0,01$). Отмечена значимая отрицательная связь копинга, ориентированного на избегание проблем и жизнестойкости ($p \leq 0,05$).

Выводы. Таким образом, мы выяснили, что для мужчин и женщин зрелого возраста с высоким уровнем жизнестойкости характерен широкий копинг-репертуар поведения. Большинство испытуемых женщин имеют средний уровень выраженности жизнестойкости, в структуре которой преобладает такие компоненты, как контроль и вовлеченность. У большинства испытуемых мужчин наблюдается высокий уровень выраженности компонента жизнестойкости — принятие риска. Для личности со средним уровнем жизнестойкости характерна низкая вовлеченность, низкое принятие риска и высокий уровень контроля. Для личности с низким уровнем жизнестойкости характерны низкий уровень принятия риска и контроля по компонентам жизнестойкости. У мужчин зрелого возраста одной из доминирующих копинг-стратегий является самоконтроль. Для испытуемых женщин зрелого возраста свойственны: активное противостояние трудностям и стрессогенному воздействию, использование внешних ресурсов для разрешения проблемной ситуации, ориентированность на взаимодействие с другими людьми. Доминирующей копинг-стратегией у испытуемых мужчин является проблемно-ориентированный копинг, у женщин — эмоционально-ориентированный копинг.

Полученные данные создают предпосылки к дальнейшему изучению жизнестойкого поведения и его связи с копинг-стратегиями. Необходимы дальнейшие исследования, которые позволят уточнить нормативные показатели жизнестойкости не только у зрелых людей, а и у молодежи.

Список литературы

1. Либин, А. В. Психология совладания : учебное пособие для вузов / А. В. Либина // 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 318 с.
2. Мадди, С. Смислообразование в процессах принятия решения / С. Мадди // Психологический журнал, 2005. — Т. 26, № 6. — С. 85–112.
3. Моросанова, В. И. Саморегуляция и индивидуальность человека / В.И. Моросанова. — Москва : Наука, 2010. — 519 с.
4. Осницкий, А.К. Саморегуляции в разных видах активности человека / А.К. Осницкий // Психология саморегуляции в контексте актуальных задач образования (к 90-летию со дня рождения О.А. Конопкина). — 2021. — №1. — URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/samoregulyatsii-v-raznyh-vidah-aktivnosti-cheloveka> (дата обращения: 04.09.2022).

5. Фомина, А.Н. Жизнестойкость личности. Монография. — Москва : МГПУ, 2012. — 152 с.

УДК 159.9

СОБЫТИЙНАЯ НАПОЛНЕННОСТЬ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ КАК ИНДИКАТОР ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ

Андрюшкова Н.П.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
andruchkova@rambler.ru

Введение. Современные психологические исследования развития и становления личности, описываются по большей части в рамках идеи жизненного пути, где главной составляющей является событие, а сама жизнь укладывается или выстраивается в целостную картину через их совокупность (К.А. Абульханова, Л.Ф. Бурлачук, Н.В. Гришина, Е.Ю. Коржова, К.В. Карпинский, Е.Е. Сапогова, Т. М. Титаренко и др.). Понять человека вне событийной наполненности достаточно сложно, поскольку человек существует и живет не сам по себе, а в действительных явных и неявных связях с окружающим его миром, с условиями его жизни. Опыт каждого человека наполнен различными событиями, на разных временных отрезках они связываются между собой, обретают смысл, могут повторяться и иметь цикличность. Те события, которые наполняют жизненный путь, а в частности, которые становятся значимыми для личности, по нашему мнению, выступают важным индикатором для анализа становления личности и изучения перспектив ее дальнейшего развития.

Основная часть. Учитывая событийный подход, жизненный путь и становление личности в нем, можно охарактеризовать как векторы развертывания относительно наполнения его определенными событиями, оцениваемыми не только с позиции желательности/нежелательности принятия и непринятия этих событий, или их последствий, но и относительно того, существует потенциальная возможность избежать нежелательного развития дел, либо нет. Опять же, это оценивается как в пределах индивидуальной способности, так и в пределах сверхиндивидуального (коллективного, социального) потенциала. Жизненные перспективы формируются путем выделения событий, которые желательно, чтобы произошли (события-цели), для достижения которых выбираются соответствующие стратегии, и событий, наступление

которых нежелательно (события-проблемы), относительно которых также прогнозируются определенные стратегические способы действий, направленных на избегание или, по крайней мере, смягчение влияния и последствий негативного развития ситуации [3].

Целесообразно рассматривать события на основании их влияния на дальнейшую жизнь индивида. Конечно, мера значимости влияния является субъективной, ведь одно и то же событие в жизни разных лиц может восприниматься совершенно по-разному: так, для женщины важным событием может быть рождение ребенка, тогда как для ее мужа подобную важность будет иметь что-то другое, например, карьерный рост. Для личности зрелой, к примеру, обучение и повышение квалификации может выступать значимым и важным событием, для инфантильной личности празднование дня рождения и т.п. Однако, несмотря на возможные различия в оценке событий, универсальным моментом следует считать то, что внутренние критерии их значимости существуют у каждого.

Ф.Е. Василюк в своей концепции [1] вводит два базовых параметра ситуации — бытийный, или вписываемый в текущее бытие человека, и переживающий, как механизм внутренней активности по вписыванию в бытие «невписываемой» ситуации. В бытии встречается «невписывающаяся» или критическая ситуация, которая ставит субъекта перед необходимостью переживания, это ситуация «невозможности». Переживание представляет собой особую деятельность по перестройке психологического мира человека с целью снятия противоречия «невозможности». Автором предлагается, по сути, процессуальная модель психологии жизненной ситуации.

Е.Ю. Коржова и Л.Ф. Бурлачук для анализа жизненной ситуации предлагают событийный подход, в котором локализованы две составляющие — события жизненной ситуации в масштабе всей жизни (событийно-биографический подход) и события, происходящие здесь и сейчас (события недалекого прошлого), которые можно соотнести со значимой жизненной ситуацией [2].

В контексте событийного подхода Е. Е. Сапогова раскрывает понятие «смысловая ампликация событий», что подразумевает намеренное их расширение и обогащение. Данный процесс происходит за счет придания значимости событиям, ситуациям и открывшимся в них особенностям собственной личности [4].

Также следует обозначить работы Н.В. Чепелевой по анализу жизненной ситуации. Автор выделяет «типичные» и «нетипичные» социальные ситуации. Первые регламентируются внешними требованиями к человеку посредством норм, правил, предписаний или ролей. Обычно такие жизненные ситуации увязываются с основными сферами деятельности человека — обучением, трудом, социальным взаимодействием. Основной их спецификой является, во-первых,

обязательность/ожидаемость в жизни, и, во-вторых, жесткие конкретные однозначные требования, неследование которым иногда даже санкционировано. Такие ситуации обозначаются как «социальные». Другой тип жизненных ситуаций — нетипичные, предполагают неоднозначность требований. Таких ситуаций множество. Одни могут придавать нам силы, поднимать настроение, вдохновлять на творчество, другие — угнетают, раздражают или возбуждают [6]. Переживание таких ситуаций связывается с программой концепций когнитивно-эмоциональных структур, задающих схему интерпретации наших отношений. Базовые концепции часто повторяются в разных ситуациях. Ситуация в основном предполагает проблему, которую нужно решить. Одной из значимых характеристик жизненной ситуации является ее сложность, то есть отсутствие однозначности, что приводит к разным способам реагирования и поведения. Тем не менее, проблемность ситуации предполагает, прежде всего, ее решаемость. Успешность разрешения жизненной ситуации, нахождение оптимального способа поведения в противоречивых обстоятельствах во многом зависит от способности ее анализа и осмысления человеком.

Выводы. Таким образом, анализ событийной наполненности можно рассматривать в двух направлениях, которые взаимодополняют друг друга. С одной стороны, он заключается в анализе событийности конкретной жизни, а также межсобытийных связей по типу «причина – следствие» или «цель — средство», которые являются сущностной характеристикой субъективной картины жизненного пути и отражают ситуацию развития личности. С другой стороны, событийный подход находит свое воплощение в сфере практических действий, где на основе осуществляемых событий оказывается воздействие на человека, изменяются его представления, ценности и смыслы.

Список литературы

1. Василюк, Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. — Москва : Изд-во МГУ, 1984. — 202 с.
2. Коржова, Е.Ю. Введение в психологию жизненных ситуаций. — Санкт-Петербург : Общество памяти игумении Таисии, 2015. — 203 с.
3. Кухта, М. П. Основные принципы и факторы построения жизненной перспективы на разных этапах жизненного пути // Научное обозрение. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2017. — №. 3. — С. 14–26.
4. Сапогова, Е.Е. Автобиографирование : «Бытие-под-собственным-взглядом» // Развитие личности. — 2016. №. 1. — С. 92–115.
5. Титаренко, Т. М. Испытание кризисом : Одиссея преодоления. — Москва : «Когито-Центр», 2010. — 304 с.
6. Чепелева, Н.В. Дискурсивные практики самопроектирования личности // Наука і освіта. — 2015. — №9. — С. 5–10.

ЛИЧНОСТЬ В ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ: РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ

Васёха А.А., Алешкевич Д.В., Свиридова А.А.,
УО «Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет», г. Витебск, Республика Беларусь
admin@vsmu.by

Введение. У всех в жизни бывают непредвиденные ситуации, выход из которых каждый находит по-своему. На принятие того или иного решения влияют такие факторы, как жизненный опыт человека и его индивидуальные черты характера. В сумме данные факторы формируют личность человека.

Говоря простым языком, личность — это в первую очередь человек и его качества, которые непосредственно влияют на взаимоотношения с другими людьми. Многие качества он уже имеет с рождения, а некоторые формируются в процессе индивидуального развития [1].

Согласно теории К. Юнга личность состоит из двух компонентов: сознания и бессознательного. Сознание в свою очередь — это высшая форма нервной деятельности, определяющая представление субъекта об окружающем мире и о себе самом. Ключевыми компонентами сознания являются мысли человека, его эмоции и намерения, периодически сменяющие друг друга. Бессознательное — форма нервной деятельности, которая не поддается контролю со стороны субъекта. По своей сути, это противоположная сознанию часть личности.

Личность обладает такими свойствами, как:

- Темперамент
- Характер
- Способности
- Мотивация [2].

Темперамент закладывает фундамент развития и формирования характера. Основоположниками теории темпераментов считаются древнегреческий целитель и «отец медицины» Гиппократ и древнеримский ученый Гален. Согласно этой теории, темперамент человека определяет различие в соотношениях нейрогуморальных жидкостей в организме. В зависимости от того, какие химические вещества вырабатываются в теле наиболее активно, у человека соответственно формируются определенные психические характеристики [3].

Целью данной работы является изучение влияния различных жизненных факторов на формирование и становление личности.

Ход исследования и его результаты. Как было написано выше, на структуру личности определяют такие компоненты, как темперамент, характер, мотивация и способности. Как уже и было сказано, темперамент — это врожденное свойство личности, и при всем желании человек не может его изменить, так как он связан с индивидуальными особенностями физиологии. Что касается характера, то он формируется на основе личного жизненного опыта определенного субъекта. И чем раньше был получен тот или иной опыт, тем значительнее будет его влияние на становление характера человека.

Фундаментом для становления личности человека служат отношения с людьми, которые его воспитывают с раннего детства. Уже в младенческом возрасте человек может распознавать какие-либо невербальные сигналы и давать им субъективную оценку. Поэтому многие черты характера передаются ребенку от родителей или заменяющих их людей. Эта теория была подтверждена экспериментом, проведенном в 60-х годах Альбертом Бандура: канадским и американским психологом. Исследователь выбрал 72 воспитанника детского сада при Стэнфордском университете. До начала эксперимента психолог пронаблюдал за тем, как дети взаимодействуют между собой, чтобы определить более выраженные черты характера. Затем воспитанников разделили на 8 групп по возрасту, полу и уровню агрессивности. Каждого ребенка заводили в комнату, в которой находился взрослый. Сначала дети наблюдали за поведением взрослых по отношению к игрушке, которая заранее имела в этой комнате. Некоторые взрослые вели себя агрессивно (били, пинали игрушку), другие, наоборот, вели себя спокойно. Далее испытуемых заводили в «промежуточную» комнату, в которой было много игрушек. Сначала детям давали поиграть с ними и почти сразу же забирали. Это проводилось для того, чтобы вызвать у детей агрессию. После всего этого воспитанников заводили в конечную комнату, где находился игрушечный клоун. В конце концов выяснилось, что дети, наблюдавшие за агрессивным поведением взрослых, относились также агрессивно к клоуну. А дети, которые следили за спокойными взрослыми, тоже не проявляли агрессии. Благодаря этому эксперименту Альберт Бандура смог доказать, что модель поведения детей формируется под влиянием взрослых, с которыми они активно взаимодействуют. То есть агрессия, как и любая другая черта характера, вполне может быть приобретена извне [4].

На личность и её становление также влияет не только ближайшее окружение. Это могут быть и друзья, знакомые. Особенно заметно отражается на психике ребёнка негативное влияние со стороны окружения. Например, если ребёнок в школе подвергается издевательствам со стороны сверстников, то это наносит значительный ущерб как самооценке, так и общему ментальному здоровью ребёнка. От этого он будет более уязвимым к различным жизненным трудностям и не сможет дать

адекватную оценку ситуации. Тем самым на таких детей взваливается несоизмеримо большой груз негативных эмоций. Чтобы помочь им справиться с такими эмоциями, взрослым необходимо внимательно относиться к душевному состоянию детей, так как даже незначительная мелочь может повлиять на дальнейшее развитие личности.

Заключение. Исходя из вышеизложенного можно заключить, что если мы не можем повлиять на формирование темперамента, так как он связан с индивидуальными физиологическими особенностями, то на формирование характера вполне можно повлиять. И даже если взрослому человеку кажется, что он не сможет в себе изменить какие-либо негативные черты характера, то в любом случае при должном желании эти черты можно проработать, свести их влияние на жизнь и окружающих к минимуму. Для этого можно обратиться за помощью к специалистам. Важно заметить, что скрывать свои недостатки — это не способ от них избавиться, ведь если их подавлять, то они все равно никуда не денутся. Наоборот, попытка скрыть какое-то определенное качество все больше заостряет внимание на нем. Поэтому в первую очередь его нужно принять.

Список литературы

1. Кон, И.С. В поисках себя : Личность и её самосознание. — Москва : Политиздат, 1984. — С. 33–63.
2. Большая советская энциклопедия [Текст] : [В 30 т.] / Глав. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — Москва : Сов. энциклопедия, 1969. — С. 95–134.
3. Klibansky R., Panofsky E., Saxl F. Saturn and Melancholy: Studies in the History of Natural Philosophy, Religion and Art. — Thomas Nelson & Sons Ltd, 1964. — 268 p.
4. Бандура, А. Теория социального научения / Альберт Бандура. — Санкт-Петербург : Евразия, 2000. — 318 с. — ISBN 5-8071-0040-9.

УДК 316.6

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ У СТУДЕНТОВ

Вильдгрубе С.А., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
S.Vildgrube@mail.ru

Трансформации, в центре которых ежедневно оказывается личность как субъект и объект социальных действий, находят свое непосредственное отражение в психическом состоянии человека. Тяжелые, нестабильные условия существования, сопровождающиеся эмоциональным напряжением, усложняют социальную адаптацию личности и провоцируют возникновение состояния стресса.

Длительное воздействие на организм эмоционального стресса приводит к разрушению защитных функций. Однако в стрессовых ситуациях есть и положительные моменты: они оказывают влияние на активизацию, организацию и способствуют направленности жизнедеятельности человека, а также, помогают ориентироваться в окружающей физической и социальной среде. Стрессоустойчивость — это совокупность личностных качеств, которая оказывает влияние на способность человека контролировать воздействие внешних раздражителей и сохранять самообладание в ситуации стресса. Саморегуляция — системно-организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижения принимаемых человеком целей [3].

На сегодняшний день существует множество профессий, специалисты которых регулярно подвергаются стрессовым воздействиям, одними из которых являются специалисты психологи и медики.

Теоретический анализ проблемы показывает, что тема стресса, стрессоустойчивости и саморегуляции занимает значительное место в жизни общества, что отражено в различных отечественных и зарубежных литературных источниках. В отечественной психологии данной проблематике посвящены работы таких авторов, как: Б.Г. Ананьев, Ю.Л. Александровский, М.Я. Басов, В.А. Бодров, Ф.Е. Василюк, В.А. Ганзен, Л.А. Китаев-Смык, А.Ф. Лазурский, Н.И. Наенко, В.Д. Небылицын, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский и другие. Также следует выделить зарубежных авторов: У. Кэннон, Р. Лазарус, А. Минделл, Н. Ризви, И. Розенток, М. Селегман, Г. Селье, Г. Энгель.

Целью данного исследования является изучение феномена стрессоустойчивости и стилей саморегуляции поведения у студентов психологов и медиков. *Объект исследования:* стрессоустойчивость и стили саморегуляции личности. *Предмет исследования:* стрессоустойчивость и особенности саморегуляции у студентов психологов и медиков. *Гипотеза:* существуют различия в уровнях стрессоустойчивости и стилях саморегуляции поведения у студентов психологов и медиков. *Психодиагностические методики:* для определения уровня стрессоустойчивости личности с учетом ресурсов стрессоустойчивости, которые обеспечивают способность эффективно справляться со стрессовым воздействием применялась «Методика на определение уровня стрессоустойчивости личности» Усатов И.А.; для диагностики развития индивидуальной саморегуляции и ее индивидуального профиля, включающего показатели планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, а также показатели развития регуляторно-личностных свойств использовался опросник «Стиль

саморегуляции поведения» ССПМ, в модификации Моросановой В.И., Сагиева Р.Р.; для изучения способов, которыми руководствуется человек при столкновении с тяжелыми жизненными ситуациями применялся опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазарус и С. Фолкман, в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтык, М.С. Замышляевой. Методы математической статистики: описательная статистика, Т-критерий Стьюдента. Выборку исследования составили студенты кафедры психологии ГОУ ВПО «Донецкого национального университета» и студенты ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет» им. М. Горького, обучающиеся на втором курсе, количеством 60 человек (30 студентов психологов и 30 студентов медиков), в возрасте от 18 до 20 лет.

Проведенный анализ позволяет говорить о частичном подтверждении выдвигаемой нами гипотезы. Так, было выявлено, что среди студентов психологов 24% испытуемых обладают высоким уровнем стрессоустойчивости, 8% — уровнем выше среднего, 40% — средним, 16% испытуемых — ниже среднего и 12% свойственен низкий уровень стрессоустойчивости. Среди студентов медиков — 24% испытуемых обладают высоким уровнем стрессоустойчивости, 16% — уровнем выше среднего, 44% — средним, 4% — уровнем ниже среднего и 12% принадлежит низкий уровень стрессоустойчивости.

По процессу саморегуляции выявлены различия по таким шкалам, как: «планирование» ($t_{эмп} = 3$, $p \leq 0,01$), «моделирование» ($t_{эмп} = 2,8$, $p \leq 0,05$), «оценивание результатов» ($t_{эмп} = 2,8$, $p \leq 0,05$), «общий уровень саморегуляции» ($t_{эмп} = 2,87$, $p \leq 0,01$). Установлено, что у студентов психологов, показатели по вышеизложенным шкалам значительно выше, что предположительно обусловлено способностью к выдвижению и достижению различных целей, адекватному реагированию на смену обстоятельств и как следствие — умение преодолевать стрессовые ситуации.

Также установлено, что студенты психологи имеют достаточно высокий «общий уровень саморегуляции» (18 испытуемых (60% выборки)), что указывает на их способность более четко формулировать собственные цели, тщательно планировать задуманное с установкой конкретных сроков, и характеризует испытуемых, как энергичных личностей, с быстрой переключаемостью внимания с одного вида деятельности на другой.

Среди студентов медиков высокие показатели по шкале «общий уровень саморегуляции» (7 испытуемых (23,3% выборки)), может свидетельствовать о наличии слабо сформированных сферах планирования и программирования собственного поведения.

Анализируя стили совладающего поведения в группах испытуемых (психологов и медиков) выявлены различия в следующих стилях:

«дистанцирование» ($t_{эмп} = 2.16, p \leq 0,05$), «самоконтроль» ($t_{эмп} = 2.81, p \leq 0,01$), «планирование решения проблемы» ($t_{эмп} = 3.1, p \leq 0,01$), «положительная переоценка» ($t_{эмп} = 2.07, p \leq 0,05$).

Таким образом, значимых различий в уровнях стрессоустойчивости между студентами психологами и медиками выявлено не было. Тем не менее было установлено, что студенты психологи чаще прибегают к использованию различных стилей саморегуляции поведения при решении сложных жизненных ситуаций.

Список литературы

1. Абрамян, В.А. Внутриличностные ресурсы стрессоустойчивости / В.А. Абрамян, И.В. Гусева // Развитие современного образования: теория, методика, практика. — 2015. — №4. — С. 462–463.
2. Александрова, Н.П. Эмоциональная саморегуляция и личностные факторы стрессоустойчивости / Н.П. Александрова, Е.Н. Богданова // Прикладная юридическая психология. — 2016. — №1. — С.22–30.
3. Моросанова, В.И. Диагностика саморегуляции человека / В.И. Моросанова, И.Н. Бондаренко. — Москва : Когито-Центр, 2015. — 304 с.
4. Усатов, И.А. Стрессоустойчивость личности как фактор преодоления стресса / И.А. Усатов // Научно — методический журнал «Концепт». — 2016. — №2. — С. 21–25.

УДК 159.923:314.45

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕКАРНОСТЬ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ДНР

Вилюзжанина Т.А., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
vilyuzhanina@mail.ru

Введение. В последнее время в концептуальное пространство психологии постепенно входит заимствованное из социальных наук понятие «прекарность». В традиционном понимании прекарность — состояние постоянной неопределённости, не гарантированности трудовых прав, нестабильность рынка труда и положения работника на нём в результате социальных трансформаций непрогнозируемого характера (безработица, отсутствие социальных гарантий, низкий порог бедности и т.д.). Однако в современных условиях прекарность не может быть ограничена исключительно областью профессионально-трудовых отношений, поскольку сегодня в любой жизненной сфере можно наблюдать данный феномен, являющийся следствием любых изменений (кризис, пандемия и т.д.)

Основная часть. Изучив научные подходы к содержанию понятия precariousности, которое требует теоретического и эмпирического наполнения с психологических позиций, мы сочли актуальным изучение характеристик precariousности научно-практических работников (НПР) вузов Донецкой Народной Республики.

В ситуации неопределенности и транзитивности (от лат. *transitivus* — переходный), постоянной угрозы утраты здоровья/жизни личной и близких, потери жилья, имущества, работы и т.д. сегодня находится подавляющее большинство жителей г. Донецка, которых с полным основанием можно отнести к прекариату. До недавнего времени под прекариатом понимали социальный слой людей, занятых временной/эпизодической/сезонной работой, ограниченных во многих социальных правах, с низким социальным статусом, но современный прекариат очень разнороден, «его численность постоянно растет, ... в том числе и за счёт людей, пока имеющих постоянную занятость и часто относящихся к среднему классу» [4, с. 9]. В социальную прослойку прекариев сейчас могут входить работники с частичной занятостью, стажёры, «подрабатывающие» студенты и пенсионеры, сотрудники, работающие по непродолжительным срочным контрактам. Соответственно, к прекариату можно отнести и менеджеров среднего звена, и преподавателей вузов, трудоустроенных на основе краткосрочных (например, одногодичных) трудовых контрактов. Социально-трудовой статус прекария очень скоро выходит за рамки трудовых отношений и начинает влиять на повседневную жизнь человека, его установки и мировоззренческие позиции, способы восприятия реальности, жизненные стратегии [2].

Стержнем precariousности (уязвимости, хрупкости и незащищенности) становится переживание тревоги/страха, чувства постоянной опасности, бессилия и т.п. З. Бауман в книге «Текущая современность» пишет о незащищенности человека перед природными катаклизмами, финансовыми кризисами, вооруженными конфликтами и пр. Поскольку государства не могут гарантировать своим гражданам такого вида безопасности, как *security* (социальная защищенность и стабильность), они пытаются обеспечить безопасность-*safety* (неприкосновенность границ личного жизненного пространства) [1]. Precariousность предстает эмоциональной реакцией на транзитивность как фактор депривации жизненного пространства и нарушения личных временных границ [3].

Г. Стендинг описывает признаки жизненного пространства прекария, которые в полной мере можно отнести и к научно-педагогическим работникам вуза: многозадачность — необходимость выполнять больше задач меньшими усилиями, большой объём дел, которые необходимо выполнять практически одновременно; статусная фрустрация — трудность/невозможность построения карьеры; недостаточность прочных связей с другими людьми; обеднение досуга, нехватка времени для отдыха;

отсутствие контроля над своим временем, нарушение деловых, семейных и дружеских отношений [4].

Серьезным пусковым механизмом precariousности НПП стала пандемия коронавируса, когда соблюдение дистанции и самоизоляция привели к формальной неприкосновенности персональных границ, а также к состоянию неуверенности в будущем, сокращению временной перспективы, беспокойству. Отрицательными сторонами введенного дистанционного обучения стали низкая способность НПП к сплочённости вокруг групповых интересов, нехватка свободного времени, ограниченные возможности для общения между собой, необходимость овладения новыми средствами и формами обучения. Положительный полюс — это усиление творческого начала в работе, расширение возможностей для самостоятельной организации работы и рабочего графика, ослабление жёсткого бюрократического контроля.

Выделяют три уровня анализа precariousности: онтологический, социологический и психологический [5]. Онтологическая precariousность соотносится с уязвимостью психики человека, который в эволюционном развитии не успевает за молниеносными изменениями окружающей среды. Социальная precariousность выступает маркером прекариата и характеризуется нестабильной трудовой занятостью, отсутствием социальной защиты и гарантий, состоянием неуверенности в будущем и сокращением временной перспективы.

Психологическая precariousность описывается как коллективные переживания незащищенности, уязвимости, хрупкости человека в ответ на нивелирование жизненных перспектив. Психологические признаки precariousности — стиль жизни и образ мышления, которые описываются как недовольство, аномия, беспокойство и отчуждение [4]. Хроническое переживание тревоги, пронизывающее повседневную жизнь в г. Донецке, является эмоциональной реакцией на отсутствие нормальных бытийных условий существования (проблемы с водоснабжением, перебои с электричеством, частое нарушение работы интернета и телефонной связи) и, главное, *гарантий безопасности*, поскольку в условиях постоянных обстрелов люди часто оказываются лишены элементарных форм самозащиты, они начинают «жить одним днем». У человека остаются только два пути: следовать «инстинкту выживания» или обратиться к «религиозному утешению». Однако он все равно должен принимать персональную ответственность за те или иные действия в трудных жизненных ситуациях [5].

Заключение. Precariousность следует рассматривать как социально-психологический феномен, требующий дальнейшего тщательного изучения. Коллективные переживания тревоги в массовом сознании отражают фрустрацию потребности в безопасности своей жизни и жизни близких. Психологическая precariousность является эмоционально-смысловым

отражением социальной прекарности. Перед психологами стоит задача помочь человеку, в том числе студентам и научно-педагогическим работникам, найти внутренние ресурсы, использовать личностный адаптивный потенциал, выработать эффективные копинг-стратегии для нейтрализации прекарности. Однако без решения проблемы обеспечения социальными институтами и государством защиты населения, личной безопасности граждан эта задача не может быть решена в полной мере.

Список литературы

1. Бауман, З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. — Санкт-Петербург : Питер, 2008. — 240 с. ISBN 978-5-469-00034-1.
2. Бейлин, М.В. Прекарность как тип жизненной стратегии индивида / М.В. Бейлин, Н.А. Камбур // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. — 2022. — Выпуск 5. Часть 1. — С.785–790.
3. Полева, Н.С. Транзитивность как фактор прекаризации повседневности / Н.С. Полева, А.Н. Аянян // Новые психологические исследования. — 2021. — № 1. — С. 29–53.
4. Стэндинг, Г. Прекариат : новый опасный класс / Пер. с англ. Н. Усова. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2014. — 328 с. ISBN 978-5-91103-209-8.
5. Хорошилов, Д.А. Онтологическая, социальная и психологическая прекарность : пути взаимодействия в транзитивном обществе // Новые психологические исследования. — 2021. — № 2. — С. 64–83. — URL: <http://newpsyresearches.ru/horoshilov-d-a-ontologicheskaya-soczialnaya-i-psihologicheskaya-prekarnost-puti-vzaimodejstviya-v-tranzitivnom-obshhestve/> (дата обращения: 10.09.2022).

УДК 159.923

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Горина А.В.

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
г. Тирасполь, ПМР
opsipr.pgu@yandex.ru

Введение. В процессе своего профессионального развития, особенно на ранних этапах овладения профессией, молодой человек сталкивается с большим количеством новых и незнакомых ситуаций, что естественно вызывает психическое напряжение, которое может приводить к возникновению стресса. На наш взгляд важной составляющей программы сопровождения в период адаптации к условиям обучения в вузе, является сохранение психологического и психического здоровья студентов. Исходя из этого, немаловажным становится вопрос развития стрессоустойчивости.

Рассматривая понятие «стрессоустойчивость», некоторые авторы связывают ее с эмоциональной стабильностью (Н.Д. Левитов,

П.Б. Зильберман и др.), с поисковой активностью (В.А. Петровский), с творческим поведением, не привязанным к биологическим факторам (К. Роджерс, А. Маслоу, Г. Олпорт и др., с выносливостью (жизнестойкостью) (С. Мадди и др.) [2].

В нашей работе мы исследовали особенности стрессоустойчивости студентов экономических специальностей ПГУ им. Т.Г. Шевченко с точки зрения анализа моделей копинг-поведения.

Основная часть. С целью изучения стрессоустойчивости студентов проводилось изучение стратегий и моделей копинг-поведения, как типов реакций личности человека по преодолению стрессовых ситуаций. В исследовании приняли участие — 64 студента 2 курса ЭФ. Для решения поставленных задач была использована методика: стратегии преодоления стрессовых ситуаций «SACS» С. Хобфолл [1].

Для совладания со стрессом каждый человек на основе собственного опыта использует выработанные им копинг-стратегии (поведенческие, когнитивные и эмоциональные) с учетом степени своих адаптивных возможностей.

Анализировались 9 девять стратегий преодоления стрессовых ситуаций: ассертивные действия, вступление в социальный контакт, поиск социальной поддержки, осторожные действия, импульсивные действия, избегание, манипулятивные (непрямые) действия, асоциальные действия, агрессивные действия.

Результаты исследования могут использоваться в целях повышения эффективности профессиональной подготовки специалистов: при организации и проведении развивающей и коррекционной работы с целью преодоления стрессов, а также оказания влияния на сохранение психологического здоровья студента.

По результатам диагностики можно сделать следующие выводы. Индекс конструктивности — 1,27 балла, что соответствует высокой конструктивности поведения в стрессовых ситуациях у опрошенных студентов 2 курса ЭФ в 2021-22 уч.г.

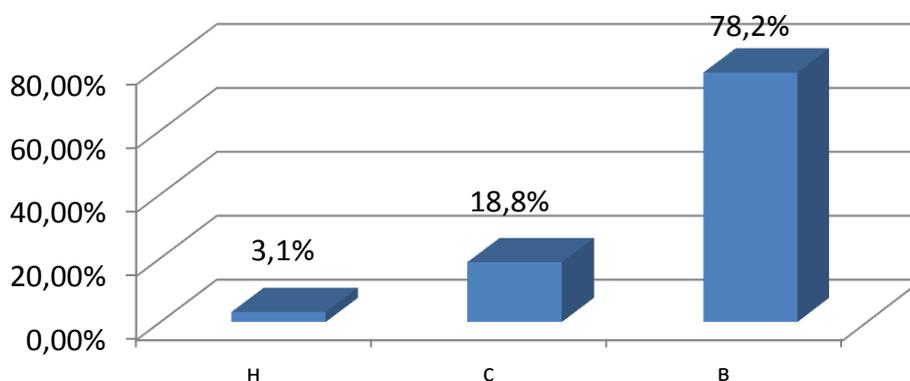

Рис. 1. Показатели (%) низкой, средней и высокой конструктивности у опрошенных студентов

Собирательный «портрет» (средние значения) стратегий преодоления стрессовых ситуаций на ЭФ представлены в диаграмме (рис.2):

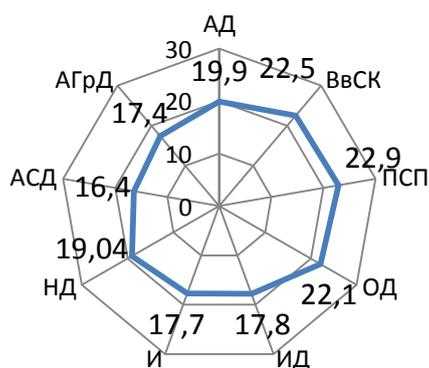

Рис. 2. Стратегии преодоления стрессовых ситуаций студентов ЭФ

Таким образом, можно обозначить следующие стратегии преодоления стрессовых ситуаций (средние значения по факультету):

- Ассертивные действия — уверенные (АД) — 19,9 баллов — средний уровень;
- Вступление в социальный контакт (ВвСК) — 22,5 баллов — средний уровень;
- Поиск социальной поддержки (ПСП) — 22,9 баллов — средний уровень;
- Осторожные действия (ОД) — 22,1 балла — средний уровень;
- Импульсивные действия (ИД) — 17,8 балла — средний уровень;
- Избегание (И) — 17,7 балла — высокий уровень;
- Непрямые действия, манипуляции (НД) — 19,04 балла — средний уровень;
- Асоциальные действия — жесткость, циничность (АСД) — 16,4 балла — средний уровень;
- Агрессивные действия — давление отказ от поиска альтернативных действий (АгрД) — 17,4 балла — средний уровень.

Анализируя полученные результаты, можно заметить, что у опрошенных студентов выявлен высокий уровень такой стратегии преодоления стрессовых ситуаций как «избегание», что свидетельствует о неконструктивном способе преодоления. Данная категория студентов избегает решительных действий, требующих большой напряженности и ответственности за последствия, стремится отдалиться от конфликтной ситуации, откладывает решение, возникшей проблемы, отвлекается на другие занятия и виды деятельности.

Заключение. Изучая стрессоустойчивость студентов экономических специальностей был выявлен высокий индекс конструктивности. Несмотря на это, выявлены и неконструктивные стратегии поведения, такие как:

«импульсивные действия», «избегание», «манипуляции», «асоциальные действия» и «агрессивные действия». В рамках психологического сопровождения студентов, а именно в форме индивидуальной и групповой психокоррекционной работы для педагогов-психологов одним из приоритетных направлений работы должно быть развитие конструктивных способов поведения в стрессовых ситуациях, с целью повышения стрессоустойчивости студентов.

Список литературы

1. Райгородский, Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учебное пособие. — Самара : Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. — 672 с. — ISBN a-89570-006-5.
2. Михеева, А.В. Стрессоустойчивость : к проблеме определения // Вестник РУДН. Сер. Полилингвистика и транскультурные практики. — 2010. — №2. — С. 82–87.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К БЕЗОПАСНОМУ ПОВЕДЕНИЮ В СТАРШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Грыбиник О.А., Безродный В.И., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
natali.gribinik.1998@mail.ru

Введение. В современной военно-политической ситуации, сложившейся в Донецкой Народной Республике, одним из наиболее актуальных становится вопрос обеспечения безопасности каждого жителя. Обострившаяся ситуация несет угрозу для жизнедеятельности каждого, однако обеспечение безопасного поведения зависит не только от государства, но еще и от индивидуально-личностных особенностей каждого жителя. Согласно статистике, повышенная травматичность наиболее характерна для старшего школьного возраста. В психологическом аспекте важным является изучение предикторов безопасного поведения, что реализуется исследованием такого феномена как психологическая готовность личности старшеклассника к безопасному поведению. Целью исследования выступало исследование психологических различий у старшеклассников с большей и меньшей степенью психологической готовности к безопасному поведению.

Основная часть. В рамках эмпирического исследования для сужения терминологического круга необходимо определиться с трактовкой понятий «безопасность», «безопасное поведение», «готовность к безопасному поведению». Термин «безопасность» трактуется как

сложный социальный феномен, многоплановый и многогранный в своих структурных составляющих и проявлениях, отражающий противоречивые интересы различных социальных субъектов [2, с. 85]. Под безопасным поведением личности понимается наиболее адаптивное поведение, обеспечивающее безопасность личности и включающее в себя свод определённых действий с целью сохранения личностью жизни, здоровья и социального благополучия [1]. Психологическая готовность личности к безопасному поведению включается в комплекс репертуаров взаимодействия с угрожающими жизни ситуациями.

Для достижения цели эмпирического исследования в работе использованы следующие методики: методика для измерения психологической готовности к безопасному поведению (ПГБП), методика диагностики степени готовности к риску («PSK», А.М. Шуберта), адаптированная для старшеклассников; методика диагностики мотивации к достижению успеха Т. Элерса, методика диагностики мотивации к избеганию неудач Т. Элерса; методика диагностики показателей и форм агрессии А. Баса и А. Дарки (адаптация А.К. Осницкого); методика «Шкала личностной тревожности» А. Прихожан; методика «РИЭ» (риск, эмпатия, импульсивность) Т.В. Корниловой, А.А. Долныковой.

В исследовании приняли участие 100 старшеклассников из 4 школ. Те из детей, которые получили показатели больше +0,5 вошли в группу с большей степенью ПГБП. Данные старшеклассники характеризуются лучшей сформированностью когнитивного, эмоционального, а также поведенческого компонентов психологической готовности к безопасному поведению. Они обладают большим наличием знаний о способах безопасного поведения, лучшей познавательной активностью и аналитическим стилем мышления. У этих учащихся преобладает потребность и желание в обеспечении личной и общественной безопасности, внутренняя мотивация к подготовке и самоподготовке в области безопасности. Можно предположить, что у них более развиты навыки и умения, которые необходимы для реализации безопасного поведения, физическая подготовленность и нервно-психологическая устойчивость. У старшеклассников с большей степенью ПГБП лучше сформировано понимание, а также рациональное оценивание опасности. Они могут оценивать как свои рискованные действия, так и аналогичные действия других людей. Во вторую группу, с меньшей степенью ПГБП, вошли дети старшего школьного возраста с показателями меньше - 0,5. Такие старшеклассники отличаются несформированными компонентами ПГБП. В повседневной жизни они допускают возможность, например, с большой скоростью ездить на велосипеде, смешивать неизвестные реактивы на уроке химии и так далее. Таким образом, они не готовы к реализации безопасного поведения и не умеют рационально оценивать опасность.

По результатам исследования с помощью представленных методик можем сделать выводы, что для респондентов с более высокой степенью готовности к реализации безопасного поведения характерны более высокие показатели мотивации избегания неудач, личностной и межличностной тревожности и эмпатии, также их отличают менее высокие показатели склонности к риску. В этой группе респондентов выявлены корреляционные обратные связи между импульсивностью и мотивацией избегания неудач, импульсивностью и готовностью к риску, травматичностью и самооценочной тревожностью. Также выявлена связь травматичности и мотивации избегания неудач, индексом враждебности и подозрительностью.

У группы респондентов с меньшей степенью ПГБП более выраженными выступают показатели физической агрессии, негативизма, интегрального показателя индекса агрессивности, также для них характерна большая травматичность по сравнению с остальными сверстниками. Также в этой группе респондентов выявлены: значимые прямые корреляционные связи между травматичностью и склонностью к риску, чувством вины и тревожностью, школьной тревожностью и мотивацией к достижению успеха; значимые обратные корреляционные связи между чувством вины и склонностью к риску.

Заключение. Таким образом, под безопасным поведением мы понимаем систему взаимосвязанных действий и поступков, осуществляемых субъектом под влиянием факторов внутренней и внешней среды с целью обеспечения защищенности во всех сферах жизнедеятельности. В результате эмпирического исследования подтвердилась гипотеза о том, что старшеклассники с меньшей степенью ПГБП отличаются склонностью к риску, а также имеют более выраженную агрессивность; также подтвердилась гипотеза о том, что старшеклассники с большей степенью ПГБП реже травмируются, чем старшеклассники с меньшей степенью ПГБП и отличаются более выраженным уровнем эмпатии; не подтвердилась гипотеза о том, что старшеклассники с меньшей степенью ПГБП имеют более выраженную мотивацию к избеганию неудач, а также отличаются большим уровнем личностной тревожности. Не была подтверждена гипотеза о том, что старшеклассники с большей ПГБП не имеют более выраженную мотивацию к достижению успеха, также подтвердилась гипотеза о том, что старшеклассники с меньшей ПГБП имеют более выраженную импульсивность.

Список литературы

1. Зими́на, И.С. Формирование готовности учащихся к безопасному поведению в опасных ситуациях / И.С.Зими́на, О.А.Деминцева, М.Н.Гаврилова, О.В.Полозова / Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – №11 (211). – С. 8–12.
2. Зотова, О.Ю. Потребность в безопасности у представителей разных социально-экономических групп / О.Ю. Зотова // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 2011. – №4. – С. 84–91.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ О ЛИЧНОСТНЫХ ДЕЗОРГАНИЗАТОРАХ ВРЕМЕНИ

Могилевская В.Ю.

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»,
г. Тирасполь, ПМР
victoriya14025@mail.ru

Введение. В конкурентном мире большое значение приобретает проблема управления временем. Его рациональное использование определяет особую компетентность, которая выражается в оценке конкретной ситуации с позиции эффективности затрат времени. Высокие требования в этом ключе предъявляются к педагогам, чье рабочее время отличается высокой загрузкой и необходимостью тратить его результативно в личном и профессиональном плане.

Особый научный интерес представляют феномены — поглотители времени личности. Изучением данной проблематики занимались такие авторы, как Г.А. Архангельский, С.И. Калинин, А.К. Болотова, О.В. Кузьмина и др.

А.К. Болотова описывает понятие «похитители времени», к которым относит отсутствие целей и приоритетов, неспособность заканчивать начатые дела, неумение определять временные рамки общения [1, с. 251].

С.И. Калинин вводит понятие «потеря времени» и разделяет их на две группы: явные (например, нарушения распорядка дня и пр.) и скрытые (например, неэффективное планирование и пр.) [4, с. 154]. Он так же разделяет их на внешние (связаны с неэффективной организационной структурой и слабым ее функционированием) и внутренние или личностные (включают индивидуально-типологические особенности, препятствующие успешной регуляции личностного времени).

О.В. Кузьмина под личностными дезорганизаторами времени понимает характеристики личности, которые приводят к неэффективному использованию времени и непродуктивной организации деятельности. Она выделяет: ценностно-смысловые дезорганизаторы (отсутствие цели или намерения в жизни, видение личных перспектив); мотивационные дезорганизаторы (равнодушие к жизни и работе, желание добиваться результатов); организационные дезорганизаторы (характеризуют техническую сторону деятельности и позволяют оценить, насколько у субъекта проявляются умения устанавливать очередность действий, способность длительно сосредотачиваться и работать над одной проблемой, выражено ли стремление постоянно откладывать дела). Также автор оценивает уровень апатии и напряжения, которые могут оказывать существенное влияние на отсутствие самоорганизации личности [2].

Нами было проведено исследование с помощью методики Кузьминой О.В. «Методика диагностики личностных дезорганизаторов времени» с целью оценки степени выраженности характеристик личности, мешающих эффективной организации времени у будущих психологов. Результаты показаны в табл. 1.

Таблица 1

Результаты исследования личностных дезорганизаторов времени у будущих психологов, в %

Тип дезорганизаторов времени	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Ценностно-смысловые	27	51	22
Мотивационные	22	18	60
Организационные	40	40	20
Эмоциональная апатия	19	63	18
Эмоциональное напряжение	21	58	21
Общий показатель	21	60	19

Результаты исследования личностных дезорганизаторов времени у будущих психологов показали, что у них в целом преобладают средней степени выраженности ценностно-смысловые эмоциональные дезорганизаторы времени и их общий показатель.

В то время как наиболее значимыми выступили организационные дезорганизаторы (отображающие сложности умения устанавливать очередность действий, сосредотачиваться на одной проблеме) и ценностно-смысловые дезорганизаторы (сложности видения целей, намерений в жизни, личных перспектив), а наименее значимыми — мотивационные (незначительная тенденция быть равнодушным к жизни и работе и достижению результатов) [2].

Мы так же провели исследование степени выраженности характеристик личности, мешающих эффективной организации времени у будущих педагогов. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты исследования личностных дезорганизаторов времени у будущих психологов, в %

Тип дезорганизаторов времени	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Ценностно-смысловые	37	42	21
Мотивационные	25	60	15
Организационные	17	57	26
Эмоциональная апатия	15	65	20
Эмоциональное напряжение	20	60	20
Общий показатель	18	62	20

Анализ данных, представленных в таб. 2, свидетельствует о том, что у будущих педагогов, в целом, преобладает средний уровень

выраженности личностных дезорганизаторов времени, однако более детальный анализ показывает, что наиболее значимыми у них являются ценностно-смысловые (сложности видения целей, намерений в жизни, личных перспектив) и мотивационные дезорганизаторы (выраженная тенденция быть равнодушным к жизни и работе и достижению результатов). В то время как наименее значимые, выступили организационные дезорганизаторы, отображающие сложности умения устанавливать очередность действий, сосредотачиваться на одной проблеме.

Нами был проведен математико-статистический анализ с помощью χ^2 -критерия Пирсона, который показал наличие различий выраженности показателей организационных (0,29*, для n=50) и мотивационных (0,31*, для n=50) дезорганизаторов времени в группе будущих психологов и будущих педагогов.

Таким образом, можно заключить, что у будущих психологов в большей степени преобладают организационные и ценностно-смысловые дезорганизаторы времени, в то время как у будущих педагогов — организационные и ценностно-смысловые, и мотивационные.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы для развития у будущих педагогов и психологов навыков управления временем и профилактики его дезорганизаторов на этапе овладения профессией.

Список литературы

1. Болотова, А.К. Психология организации времени. — Москва : Аспект Пресс, 2006. — 254 с.
2. Кожокарь, А.В. Представления студентов о личностных дезорганизаторах времени / А.В. Кожокарь, В.Ю. Могилевская // Современные проблемы психологии и образования : в контексте работы с различными категориями детей и молодежи / Гл. ред. Р.Е. Барабанов. — Москва : МИТУ-МАСИ, 2018. — 351 с.
3. Кузьмина, О.В. Методика диагностики личностных дезорганизаторов времени // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 6(20). — URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.04.2022).
4. Кузьмина, О.В. Типология временной компетентности личности // European Social Science Journal. — 2013/№5. — С. 212–223.

ПРОБЛЕМА ЖИЗНЕННОГО УСПЕХА И ПЕРСПЕКТИВ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

*Муханова И.Ф.*¹, канд. психол. наук,

*Мерхелевич Г.В.*², канд. пед. наук,

*Александровская В.Н.*¹, д-р филос. наук, д-р психол. наук, проф.,

*Куликова Н.В.*¹

¹ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет
им. М. Горького», г. Донецк, РФ

²ОО ВПО «Донецкая академия транспорта», г. Донецк, РФ
a_nessy@mail.ru

Введение. Одной из актуальных проблем социально-психологического развития личности является проблема ее жизненного успеха и перспектив. Жизненный успех и перспективы — это идеальное пространство, сфера психического мира человека, его феноменология и субъективная реальность. В работе «Феноменология психических репрезентаций» С.Э. Поляков отмечает, что психический мир изначально является субъектом и объектом, он «содержит в себе нечто в качестве объекта» [2, с. 220].

В нашем исследовании этим психическим «нечто» является феномен жизненного успеха и перспектив личности. Любой феномен, в том числе и исследуемый нами, — это «живое» (экзистенциальное) психическое явление, находящееся в своем имманентном движении, внутриличностном развитии. Экзистенциально жизненный успех и перспективы — это результат социального развития (социализации) личности. В целом жизненный успех и перспективы — это индивидуальная социально-психологическая трансформация личности, путь к ее мировоззренческой зрелости. В этом процессе личность движется к цели, проходит определенные социальные ступени саморазвития, приобретает индивидуальный опыт, формируется самосознание и осознание этих процессов и т.п. В связи с этим цель нашего исследования — в общих чертах обозначить процессы социально-психологического развития личности как пути достижения ею жизненного успеха и перспектив. Задача работы — показать общие закономерности процесса этого развития, его социальные и психологические аспекты.

Методологический аспект. Общеметодологическую структуру исследования жизненного успеха и перспектив личности составляют «принцип всеобщей связи» и «принцип развития» — первейшие принципы всего живого, то есть объективной и субъективной реальности. В их основу заложена классическая идея о том, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [1, с. 67]. Имеются в виду социально-психологические взаимосвязи. Эти взаимосвязи порождают активный личностный импульс

индивида к саморазвитию, выявляют их социальные детерминанты, условия, специфику и т.п. Это общенаучный вектор исследования жизненного успеха и перспектив личности. Однако существует и специфический план исследования этой проблемы как личностного феномена в виде качественного скачка в социопсихологическом развитии личности. Жизненный успех и перспективы — это результат индивидуального саморазвития. Познание любого объекта — это видение его системной организации, его структурно-функционального порядка, устойчивых тенденций, закономерных связей и векторов развития. Жизненный успех и перспективы — это результат труда, работы над собой, жизненных потребностей и мотиваций самообновления (социального взросления) личности. Жизненный успех и перспективы — это сложное социально-психологическое интегративное явление, включающее личностные особенности, мировоззрение, внутриспсихическую культуру и т.п. Исследования данной проблемы оперируют такими понятиями, как: «нечто», «трансформация», «интеграция», «интенциональность», «опыт», «мировоззрение» и др.

Само движение человека к своему жизненному успеху и перспективам, как показала социальная кибернетика, — это самоуправляемая система (с механизмами саморегуляции, самоорганизации и самовоспроизводства), а потому закономерности в такой системе являются внутренним, имманентным самопроявлением — феноменом психических репрезентаций.

Жизненный успех и перспективы сами по себе, автоматически, к индивиду не приходят. Они появляются у определенных личностей и в определенных условиях. То есть, жизненный успех и перспективы детерминированы и определенным образом обусловлены. В методологии научного познания также утверждается, что закономерное движение к цели вырастает там и оттуда, где произошло диалектическое совмещение двух принципов — «всеобщей связи явлений» и «принципа развития».

Кроме того, эмпирический материал показывает, что путь к успеху и жизненным перспективам личности проходит через закономерности социально-психологического развития личности, а именно: через две противоположные тенденции — социальную типизацию и индивидуализацию. При этом обе тенденции проявляются по-разному у разных индивидов в процессе их социализации, но обе эти тенденции являются обязательными. Таковы некоторые методологические аспекты исследования рассматриваемой нами проблемы.

Основная часть. На основе данной методологической квалификации любого психического «объекта» можно сказать, что жизненный успех и перспективы личности как психическое явление — это «личностный опыт», его «осознание», понимание его природы и происхождения. В любом случае «наличие интенциональности» указывает на феномен «личностной психики» и выводит на высокий научный уровень исследования психики — субъект-объектный подход; в этих параметрах формируется имманентная система:

«опыт-интенциональный объект-их репрезентация в образе» [1, с. 192]. Поэтому жизненный успех и перспективы всегда представляются их носителю (субъекту) в идеальных образах. В этом суть феноменологии психических репрезентаций. При этом идеальные образы могут видоизменяться и трансформироваться [4, с. 98].

Проблема трансформации интенциональных объектов в социальной психологии — это магистральный путь развития от личности до социума. Жизненный успех и перспективы — это также личностная трансформация. В литературе отмечается: трансформация «может помочь нам преобразить себя, наше общество и наш мир — эту большую деревню» (М. Стайн); трансформация — «это путь к индивидуализации и самоактуализации» (Д. Розен); трансформация означает, что «ты должен изменить свою жизнь» (Р. Рильке). К. Юнг видел в трансформации божественную природу: «В психическом, — писал он, — действуют духовные процессы трансформации». Для У. Джеймса трансформация — это естественный процесс, в котором могут принять участие «страждущие души», которые в трансформации «второй раз рождаются, чтобы стать счастливыми и обрести себя». По М. Стайну «ложное Я» должно умереть и должен произойти переход человека к его «подлинному Я» [1, с. 194].

Поскольку жизненный успех и перспективы реализуются только в условиях социальной трансформации и развития, то о них можно судить по специфическим проявлениям в социальном поведении человека, в его социокультурных ориентациях, в характере его социального опыта, его социальных выборах, решениях, социальных оценках и предпочтениях и т.п. В этом — интегративный характер всех процессов развития личности в целом и жизненного успеха, и перспектив, в частности. Интегральным критерием жизненного успеха и перспектив личности может быть ее мировоззренческий уровень как комплексная форма общественного сознания, куда входят ценности, взгляды, нормы и принципы человеческого поведения, потребности, опыт, мотивации, установки и др.

Мировоззрение как наиболее фундаментальное свойство социального развития личности способно «выбить» и обесценить любое качество личности, в том числе и интеллект любого уровня. Мировоззрение — это базовая, «ударная сила» в социальном развитии личности, способная выйти на первые критериальные позиции, «поставив на место» любое иное личностное свойство человека. Сила мировоззрения в его феномене — в его природе, в его сущности, социальных связях и других детерминантах. В работе «Социальная психология личности» утверждалось: «Высокий интеллектуальный уровень может полностью обесцениваться социальной слепотой человека, социальной неадекватностью его поведения, ретритистскими установками и т.д.» [3, с. 41].

Что касается места интеллекта в достижении социального успеха и перспектив, то в социальной психологии личности сказано: «уровень

интеллектуального развития человека не связан однозначно с особенностями его социального поведения», «высокий интеллектуальный уровень может благоприятствовать социальному развитию, но не замещать и не обуславливать его», наличие высокой «социальной активности не свидетельствует однозначно о полноценном социальном развитии личности», здесь «необходим интегральный показатель социально-психологического статуса личности и его динамики» [3, с. 41-42].

Личностный успех и перспективы — это позиция в социальном развитии человека. Однако «социальное развитие сложно соотносится и с интеллектуальным уровнем человека, и с особенностями его психических свойств и способностей, и с его нравственным, моральным, культурным развитием и с формированием отдельных «социальных и социально-психологических свойств и качеств личности» [3, с. 41].

Заключение. Анализ литературы по данной проблематике подвел нас к ряду выводов: во-первых, исследуемая проблема — это феномен субъективной реальности и социокультурное полиморфное личностное образование; во-вторых, это результат социально-психологического развития личности и ее трансформации на высокий социальный уровень; в-третьих, актуальность данной проблематики не вызывает сомнения и требует своего дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Александровская, В.Н. Идеальный образ : Научно-психологические проблемы исследования : монография / В.Н. Александровская. — Сумы : Университетская книга, 2015. — 278 с.
2. Поляков, С.Э. Феноменология психических репрезентаций. — Санкт-Петербург : Питер, серия «Мастера психологии», 2011. — 688 с.
3. Социальная психология личности / Под ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. — Москва : «Наука», 1979. — 344 с.
4. Стайн М. Трансформация : Проявление самости / Пер. с англ. — Москва : «Кодито-Центр», 2007. — 221 с.

УДК 159.9

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ВОСПРИЯТИИ РИСУНКОВ КАРТИНЫ МИРА СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Набатова С.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
sofya.nabatova@yandex.ru

Категория «гендерная идентичность» включает в себя базовую структуру социальной идентичности, которая характеризует человека через его принадлежность к женской или мужской группе, учитывая и то,

как сам человек себя определяет. Т.е. гендерная идентичность — это, в первую очередь, осознание человеком себя с помощью культурных критериев мужественности и женственности. Данная структура формируется в результате взаимодействия «Я — другие» и проявляется в форме субъективного опыта интериоризации мужских и женских черт. В результате взаимодействия человека с окружающим миром также формируется такая структура, как картина мира. Т.е. в процессе восприятия мира каждый человек создаёт субъективную картину мира, которая в разной степени может быть адекватна миру объективному.

Актуальной является проблема формирования картины мира у подростков. Подростковый возраст (11-17 лет) является сложным, противоречивым и одним из наиболее конфликтных: развиваются процессы самосознания и самоопределения, приводящие, в конечном счёте, к той жизненной позиции, с которой молодой человек начинает свою самостоятельную жизнь. В юношеском возрастном периоде (16-23 года) продолжается процесс самоопределения человека [2; 5].

Личностное формирование подростков, юношей и девушек Донбасса происходит в экстремальных и экономически нестабильных условиях. Это оказывает сильное влияние на их представления об окружающем мире. К таким представлениям могут быть отнесены гендерные стереотипы. Гендерные стереотипы являются наиболее ярким и эффективным механизмом формирования традиционного гендерного поведения и социальных ролей, а подростковый возраст, в свою очередь, является одним из важнейших периодов для становления зрелой личности [3; 4].

Таким образом, в описании человеком собственной картины мира будут присутствовать категории феминности и маскулинности, что, в свою очередь, будет транслироваться окружению [1]. Особый интерес представляет репрезентация данных категорий в продуктах графической деятельности подростков, т.к. форма рисунка позволяет избежать проблемы разного уровня рефлексии и объёма словарного запаса у подростков, что делает изображения отличным стимульным материалом для исследования гендерных стереотипов в современной молодёжной среде.

Полный вариант эмпирического исследования включает в себя следующие этапы:

- 1) 113 человек старшего подросткового (9 класс), раннего юношеского (11 класс) и юношеского (1-2 курс университета) возраста, проживающие в Донецкой народной республике (г. Горловка, г. Донецк), выполнили рисунки на тему «Картина мира» (методика Е. С. Романовой).

- 2) В результате были выбраны 18 рисунков (9 женских и 9 мужских), включающие наиболее часто встречающиеся содержательные элементы.

- 3) 50 юношей и девушек (не участвовавших в исследовании ранее) при предъявлении стимульных рисунков определяли, кто является автором того или иного изображения: парень или девушка, после чего обосновывали свой выбор.

Рассмотрим результаты третьего этапа. После того, как респонденты разделили предложенный материал на рисунки девушек и рисунки парней, были получены следующие данные:

1) Респонденты в большей степени правильно распределили рисунки по половому признаку автора, что может свидетельствовать о некоторой степени эффективности выделенных ними критериев, которые, в свою очередь, являются проявлением определённых гендерных стереотипов.

2) Среди респондентов девушки и парни отвечали схожим образом, количество правильных и ошибочных ответов приблизительно равное (140 ошибок у парней и 150 — у девушек).

3) Для выявления критериев разделения рисунков на «мужские» и «женские» респондентам было предложено ответить на вопрос: «На что Вы обращали внимание при выборе в пользу мужского или женского пола автора рисунка? Напишите, пожалуйста, какие элементы рисунка Вы определяли, как «женские», а какие — как «мужские»?». Так, были выделены основные критерии, которыми пользуются современные юноши и девушки:

- почерк (более аккуратный — у девушек);
- грамотность (выше — у девушек);
- проработанность, детализированность (выше — у девушек);
- законченность рисунка, как с содержательной, так и с технической стороны (чаще — у девушек);
- использование цвета (чаще — девушками);
- форма элементов рисунка, контуры (угловатые и резкие — у парней, округлые — у девушек);
- художественные способности (более развитые — у девушек);
- сюжет (напряжённый с логическими причинно-следственными связями — у парней, спокойный и способствующий рефлексии — у девушек);
- тематические элементы (семья, взаимоотношения, женские силуэты, цветы, салоны красоты и т.д. — у девушек, здания, машины, танки, техника, символы — у парней);
- идентификация с собой.

Таким образом, цели данного исследования были достигнуты, данные о некоторых особенностях гендерной идентичности современной молодёжи были получены. В процессе исследования удалось выявить некоторые гендерные стереотипы современных подростков, юношей и девушек. Так, в качестве «типично женских» черт, проявляющихся в графических изображениях, можно выделить аккуратность, эмоциональность и в то же время спокойствие, внимание к деталям, гармоничность, а в качестве «типично мужских» — логичность, резкость, лаконичность, спонтанность, пренебрежение правилами. По мнению респондентов, «типично женскими» внешними атрибутами являются

цветы, романтические изображения и всё, что относится к индустрии красоты, а к «типично мужским» — всё, что имеет отношение к технике. При этом многие респонденты делали акцент на том, что данными характеристиками могут обладать и представители противоположного пола. А процент ошибки в определении половой принадлежности автора рисунка (более 30%) подтверждает данные сомнения в соответствии со стереотипами реальности. Можно сделать вывод, что взгляды современных юношей и девушек на образ мужчины и женщины в основном стереотипны, традиционны, однако наблюдается некоторая тенденция к условному «стиранию границ» между полами.

Список литературы

1. Нестерова, В. Л. К вопросу о динамике гендерных стереотипов в современном постиндустриальном обществе / В. Л. Нестерова, С. Т. Баранов // Вестник славянских культур, 2017. — №4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-dinamike-gendernyh-steretipov-v-sovremennom-postindustrialnom-obschestve> (дата обращения: 14.09.2022).
2. Обухова, Л. Ф. Возрастная психология: учебник для бакалавров / Л. Ф. Обухова. — Москва : Юрайт, 2013. — 460 с.
3. Олейникова, Е. Ю. К проблеме исследования гендерной идентичности / Е. Ю. Олейникова // Вопросы науки и образования. — Москва : Научные публикации, 2018. — №8 (20). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-issledovaniya-gendernoy-identichnosti> (дата обращения: 15.08.2022).
4. Рассоха, В. С. Гендерные представления юношей и девушек / В. С. Рассоха, Э. В. Абдрахманова, О. Д. Стародубец. — Текст : непосредственный // Психология в России и за рубежом : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2018 г.). — Санкт-Петербург : Свое издательство, 2018. — С. 16-26. — URL: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/256/14365/> (дата обращения: 17.09.2022).
5. Реан, А. А. Психология адаптации личности : Учебно-научное издание / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. — Санкт-Петербург : Медицинская пресса, 2002. — 352 с.

УДК 159.9.07 + 159.923.5 + 159.4923.33

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ С ВЫРАЖЕННЫМ ЧУВСТВОМ СУБЪЕКТИВНОГО ОЩУЩЕНИЯ БЕДНОСТИ

Некрасова И.Н., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
inn1769@mail.ru

Постановка проблемы. Бедность как социальное явление существует в любом обществе независимо от уровня его экономического или социального развития. Изучающие феномен бедности психологи

склонны рассматривать ее не столько как состояние банковского счета человека («монетарная» теория бедности), сколько как непродуктивный формат организации мышления и личности того, кто считает себя бедным (теория «субъективной бедности») [1;6].

Анализ причин бедности вскрывает нежелательные образования внутри самой структуры личности, которые блокируют формирование позитивного взгляда на жизнь и продуктивную Я-концепцию [3; 5]. С точки зрения психологии бедность — это система самоотношения к себе как к потенциальному неудачнику. Особенно опасно это в подростковом возрасте, когда субъективно остро переживаемое подростком чувство собственной материальной и функциональной несостоятельности, даже при наличии денег (в контексте «монетарной» границы бедности – прожиточного минимума), способно нанести личности непоправимый ущерб. Особенно остро это ощущается в таких взаимосвязанных с самоотношением сферах жизни подростка как его физическое благополучие, психологическое и социальное здоровье, субъективная удовлетворенность своими социальными отношениями [7].

Самоотношение взаимосвязано с развитием важнейших для личности психологических новообразований: социальной и личностной идентичности, самоуважения, продуктивной ценностной направленности «Я», в связи с чем, *актуальность* исследования обусловлена важным значением правильного понимания причин и последствий субъективного ощущения бедности как проявлений личностной ущербности подростков с целью возможной успешной их профилактики и коррекции.

Аналитическая дескрипция поставленной проблемы и цель исследования. На необходимость оказывать психологическую помощь подросткам с высоким уровнем субъективной бедности в своих трудах указывали многие авторы: Э.Ф. Ибрагимова, Д. Карпачев, Д.А. Маджидова, Д.Е. Мураткина, Н.И. Медведева, Е.В. Соболева, Л.В. Тарасенок, И.Ю. Шабарина и др [2–5; 7]. Показано, что при отсутствии должного опыта противостояния сложным жизненным условиям подростку невозможно справиться с такими последствиями субъективной бедности как привычка к самоограничению, жизненная неудовлетворенность, смысловая ригидность, непродуктивный образ жизни. Особенно травмирующим является переживание фрустрации достойных жизненных перспектив (невозможность преодолеть материальный барьер доступа к социально-культурным благам). Это порождает зависть и чувство собственной малоценности, формирует отрицательную самостигматизацию («Я неудачник!»), привычку «оглядываться» на более «благополучных» (Ф. Райс, Х. Ремшмидт) [7]. По данным Э.Ф. Ибрагимовой, А.С. Собильской, О.Ю. Сеницыной, исследовавших психологические последствия субъективной бедности, фрустрация жизненных возможностей может деформировать буквально все элементы личностной структуры [2; 6].

В исследовании мы исходили из *теоретической предпосылки* о том, что бедность – это *психологическое состояние человека, делающее его социальным депривантом*. Недостаточные возможности для формирования позитивного самоотношения в подростковом возрасте провоцируют глубокие деформации личности во взрослом периоде жизни.

В исследовании поставлена *цель*: изучить структуру самоотношения подростков с высоким уровнем субъективного ощущения бедности, исследовать особенности психологической оптимизации самоотношения как эмоционального компонента их самосознания.

Для этого использовались методы: *общенаучные теоретические* (анализ, синтез, обобщение, классификация, сравнение) и *эмпирические* (наблюдение, анкетные и тестовые опросы, проводившиеся с подростками). Применялись: методика В.В. Столина и С.Р. Пантелеева «МИС» (диагностика структуры самоотношения); методика «Личностный дифференциал» Ч. Осгуда (в адаптации НИИ им В.М. Бехтерева); авторская анкета на выявление отношения респондентов к деньгам и своим материальным возможностям (с использованием техники субъективного шкалирования на основе использования шкал Степелла (1 до 10); опросник субъективного материального благополучия личности В.А. Хащенко; контент-анализ для обработки результатов анкеты; методика «Диагностика эмоциональной направленности личности Б.И. Дадонова; опросник субъективного отношения к деньгам (в адаптации к подростковому возрасту Э.Ф. Ибрагимовой и А.С. Собильской). *Эмпирическую базу исследования* составили подростки с различным уровнем субъективного ощущения бедности в возрастном диапазоне от 14-ти до 17-ти лет, учащиеся школ г. Донецка.

Результаты исследования. Высокий уровень субъективного переживания бедности всегда взаимосвязан с определенной эмоциональной направленностью личности подростка и его содержательно-смысловыми деформациями.

Структура самоотношения подростков с высоким уровнем субъективного ощущения бедности характеризуется отрицательными проявлениями: недостаток аутосимпатии, высокая внутриличностная конфликтность и самопривязанность как проявление ригидности своего «Я», недостаток саморуководства, как проявления личностного инфантилизма. Чем ярче выражены отрицательные особенности самоотношения подростков с высоким уровнем субъективного ощущения бедности, тем рельефнее в структуре их личности будут представлены определенные, конгруэнтные эмоциональной направленности самосознания, ценности компенсаторной направленности — глорические, гедонистические и акизитивные ценностные ориентации.

Выделены основные психологические проблемы в структуре самоотношения личности подростков с высоким уровнем переживания чувства субъективной бедности:

1. Дисбаланс гипертрофированных материальных потребностей и реальных возможностей для их удовлетворения, пользовательское отношение к семье как к формальному источнику материальных благ;
2. Высокая тревожность в сочетании с высокой внутренней конфликтностью, склонностью к переживанию чувства собственной неполноценности на основе низкой конфликтной самооценки;
3. Ярко выраженная глорическая, акизитивная и гедонистическая эмоциональная направленность личности;
4. Отсутствие стремления к самореализации, нежелание работать над собой, неверие в себя как в сильную личность, способную быть хозяином своей жизни;
5. Деформации ценностной структуры личности с преобладанием ценностей стяжательской, гедонистической и утилитарной (акизитивной) направленности: стремление к накопительству, стремление повысить свой статус за счет материального превосходства над другими, стремление к комфорту и богатству;
6. Низкий уровень самопривлекательности и аутосимпатии, потеря интереса к себе и своему духовному миру, определенное безразличие к своему «Я», экстернальный локус контроля поведения;
7. Недоразвитие альтруистического и этического начала личности, гипертрофия защитных механизмов самосознания;
8. Снижение субъективной привлекательности ценностей: учеба, труд, самореализация, личностный рост;
9. Ригидность «Я»-концепции на фоне привязанности к неадекватному образу «Я».

Выделенные негативные личностные особенности могут рассматриваться как содержательные ориентиры организации коррекции самоотношения подростков с высоким уровнем субъективного ощущения бедности.

Список литературы

1. Зараковский, Г.М. Качество жизни населения России : психологические составляющие [Текст] / Г.М. Зараковский. – Москва : Смысл, 2009. – 319 с.
2. Ибрагимова, Э.Ф. Социально-психологическая работа с малообеспеченными семьями [Текст] / Э.Ф. Ибрагимова, А.С. Авдеенко, Е.В. Соболева // Вестник СМУС74. –2017. – №2 (17). — С. 49–52.
3. Мураткина, Д.Е. Характеристика категории «Дети группы риска» в психолого-педагогической науке // Вестник Костромского государственного университета. Серия : Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2014. — №4. — С. 169–172.
4. Психологическое сопровождение семей группы риска : коллективная монография / Н.И. Медведева [и др.]. — Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. — 191 с.
5. Рогожина, О.А., Карпачев, Д.Н., Гринберг, Д.Р. Роль сфокусированного Я и внимания в развитии, поддержании и усилении депрессии у подростков из маргинальных семей

- [Электронный ресурс]. — URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/depress.htm> (дата обращения: 01.07.14).
6. Собильская, С.В. Современные социально-психологические подходы к исследованию уровней и форм проявления бедности как статуса российского общества. — СПб: Изд-во «Питер», 2010. — 324 с.
 7. Шабарина, И.Ю. Социальная адаптация детей и малообеспеченных семей [Электронный ресурс] // Informio.Ru : офиц. Сайт. — URL: <http://www.informio.ru/publications/id3562/Socialnaja-adaptacija-detei-iz-maloobespechennyh-semej> (дата обращения 19.09.2022).

УДК 159.9

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА

Новикова Н.В.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка (ДНР), РФ
nrv.novikov2010@yandex.ru

Введение. Актуальность исследования проблемы личности в различных жизненных ситуациях обусловлена спецификой современного исторического периода, насыщенного психогенными, экстремальными факторами, в частности, ситуацией военного конфликта в Донбассе, и, как следствие, необходимостью научного изучения различных социально-психологических аспектов данной проблемы. Важнейшей задачей выступает определение индивидуально-психологических характеристик, способствующих конструктивному переживанию личностью ситуации военного конфликта. Одной из таких характеристик выступает жизнестойкость личности.

Результаты экспериментального исследования индивидуально-психологических особенностей переживания личностью ситуации военного конфликта. Жизнестойкость представляет собой систему убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром. Это диспозиция, включающая в себя три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска. Выраженность этих компонентов и жизнестойкости в целом препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых [3, 4, 6, 7, 8].

В нашем исследовании мы рассматриваем показатель жизнестойкости в качестве психологического фактора, позволяющего оценить особенности переживания личностью ситуации военного конфликта. Вместе с тем, жизнестойкость является индивидуально-психологической характеристикой личности, определяющей способность и

готовность человека активно и гибко действовать в ситуации стресса и трудностей [1, 2, 5].

В результате исследования уровня жизнестойкости личности с применением методики «Тест жизнестойкости» Д. А. Леонтьева были получены следующие данные (рис.1):

1) 15% испытуемых обладают высоким уровнем жизнестойкости, который препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых. Люди с высоким показателем уровня жизнестойкости характеризуются способностью и готовностью активно и гибко действовать в ситуации стресса и трудностей, активностью в преодолении таких ситуаций, наличием «иммунитета» к тяжелым, негативным переживаниям, что способствует оптимальному переживанию ситуаций неопределенности, тревоги и экстремальных ситуаций в целом.

2) 64% испытуемых обладают средним уровнем жизнестойкости, что свидетельствует о ситуативном характере восприятия и оценки экстремальных ситуаций, а также о различной степени личностной активности по их преодолению.

3) 21% испытуемых обладают низким уровнем жизнестойкости. Такие люди уязвимы к переживаниям стресса, входят в группу риска по нарушению работоспособности и развитию соматических и психических заболеваний в условиях стресса, характеризуются депрессивностью, выраженной негативной оценкой трудных жизненных ситуаций, низкой активностью и использованием неэффективных стратегий в их преодолении, что обуславливает в целом деструктивное переживание экстремальной ситуации.

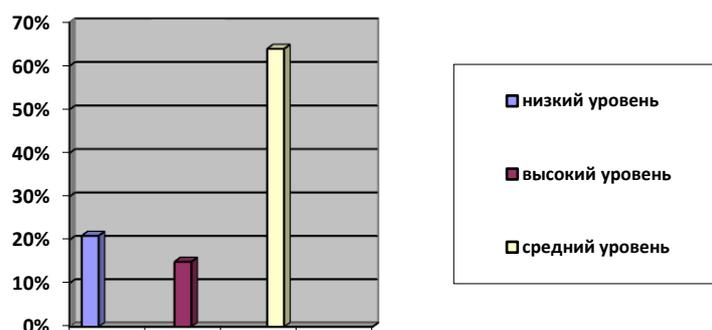

Рис. 1. Уровень жизнестойкости личности

Заключение. Категория жизнестойкости рассматривается в качестве одного из важнейших психологических ресурсов, способствующих успешному совладанию со стрессом и конструктивному переживанию сложных жизненных ситуаций. В связи с этим приоритетной задачей в процессе психологического сопровождения личности в ситуации военного конфликта должно выступать формирование и развитие в первую очередь

жизнестойкости и личностных качеств, способствующих позитивному отношению к жизни.

Список литературы

1. Бойко, О. В. Индивидуально-психологические особенности переживания личностью ситуации военного конфликта / О. В. Бойко, Н. В. Новикова // Вестник Вятского государственного университета. — Киров : Научное издательство ВятГУ, 2019. — № 4 (134). — С. 94–105.
2. Бойко, О. В. Результаты исследования индивидуально-психологических особенностей переживания личностью ситуации военного конфликта / О. В. Бойко, Н. В. Новикова // Научно-методический журнал «Научная сокровищница образования Донетчины». — 2021. — № 2. — С. 87–92.
3. Леонтьев, Д. А. Тест жизнестойкости : метод. руководство по новой методике психол. диагностики личности с широкой обл. применения. Предназначается для проф. психологов-исследователей и практиков / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. — Москва : Смысл, 2006. — 63 с. — ISBN 5-89357-228-9.
4. Логинова, М. В. Жизнестойкость как выход за пределы самого себя и реализация человеческой сущности / М. В. Логинова, М. А. Одинцова // Психология человека в современном мире : материалы Всерос. юбилейной науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна / Рос. Акад. наук ; отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. А. Ребеко. — Москва : Изд-во Институт психологии РАН, 2009. — С. 266–273.
5. Новикова, Н. В. Личностные характеристики, способствующие конструктивному переживанию экстремальной ситуации / Н. В. Новикова // Гуманитарный вестник : сб. науч. тр. / ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков». Редкол. : С. Э. Зябрева и др. — Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2021. — Вып. 14 : Психология. — С. 72–80.
6. Связь жизнестойкости с саморегуляцией поведения и индивидуально-типологическими особенностями личности / С. В. Гуцунаева. — Текст электронный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — №2. — С. 244–246. — URL: <https://rucont.ru/efd/375719> (дата обращения: 15.05.2019).
7. Сухорученков, М. А. Жизнестойкость / М. А. Сухорученков. — Текст электронный // Психологи на b17.ru. — Москва, 2015. — URL: <http://www.b17.ru/article/jiznestoikost/> (дата обращения: 12.04.2019).
8. Фоминова, А. Н. Жизнестойкость личности : моногр. / А. Н. Фоминова. — Москва : Прометей, 2012. — 280 с. — ISBN 978-5-4263-0110-8.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ ЛИЧНОСТИ, СКЛОННОЙ К НЕВРОТИЧЕСКИМ ДИСПОЗИЦИЯМ

Покотилев Е.Г., Вильдгрубе С.А. канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
wielhescholar@gmail.com

Введение. Проблема исследования когнитивных процессов, в частности высших форм — мышления, речи и интеллекта — принадлежит к кругу тех психологических проблем, в которых поднимается вопрос о соотношении психологических функций и различных видов деятельности сознания [1]. Говоря о продуктивной стороне функционирования когнитивных процессов личности, склонной к невротическим диспозициям, существует предположение о наличии определенных особенностей, которые затрагивают как непосредственно мыслительную деятельность, так и мотивационно-смысловой компонент личности [2].

Целью исследования является изучение особенностей когнитивных процессов на основе данных, полученных в результате интервьюирования при помощи Indiana's Psychiatric Illness Interview, с частичной адаптацией под статус респондента (в данном случае респондентом является личность с невротической диспозицией; интервью было проведено с 5-ю испытуемыми) [4].

Основная часть. Нарушения психической деятельности принимает весьма различный характер. В психологических исследованиях, как правило, анализу подвергаются расстройства познавательных процессов (в основном мышления), незначительное число работ посвящено анализу нарушений личностных изменений. Стоит отметить, что в исследованиях Б.В. Зейграник, А.Р. Лурия и др. [2], показано, что у ряда больных в процессе проведения с ними психологического эксперимента не было обнаружено искаженной системы понятий; больные осмысливали задание, требовавшие синтеза, обобщения; ассоциации больных носили адекватный характер, не было изменено и их отношение к ситуации эксперимента. В тоже время возникает вопрос: насколько существенно предположение, что у людей, склонных к невротическим диспозициям, будут проявляться тенденции к когнитивному искажению.

В понимании отечественной психологии мышление определяется как обобщенное и опосредованное отражение действительности, тесно связанное с чувственным познанием мира и практической деятельностью людей [3]. Данное определение было взято за основу исследования, но дополнено идеей о специфическом влиянии восприятия на процесс

когнитивной обработки информации. В когнитивной теории восприятия роль внутреннего, директивного фактора играют «установки» и «схемы».

Действие этих факторов обуславливает избирательность, сенсбилизацию или искажение восприятия. В качестве иллюстрации можно привести известные эксперименты А. Шафера и Г. Марфи, в которых тахистоскопически предъявлялась известная фигура Рубина, образованная двумя «полумесяцами», каждый из которых мог видаться как профиль, образующий фигуру на фоне. Опыт строился по типу игры: испытуемый получал вознаграждение, если видел одно из лиц, и получал штраф, если видел другое лицо (при этом в тахистоскопе многократно предъявлялось каждое лицо в отдельности). Когда впоследствии внезапно предъявляли двусмысленную фигуру, испытуемый воспринимал в качестве фигуры то лицо, которое обычно «вознаграждалось». Иначе говоря, «ожидания» субъекта определяли выбор элементов фигуры-фона [5].

Данное явление свидетельствует о наличии «готовой схемы восприятия», которое может несколько исказить действительность, если мы говорим о личности, имеющей невротическую диспозицию (определенный комплекс психоневротических реакций, иррациональных когнитивных схем и др.).

Хотя можно опровергнуть данный тезис и сказать, что и здоровый человек имеет готовые паттерны и установки, ведь человек не реконструирует мир заново, а пользуется готовыми шаблонами. Однако, как будет видно из интервью, человек с невротической диспозицией чрезмерно фиксируется на событии, как правило психотравмирующем.

Это даёт право говорить о некоторой ригидности когнитивно-эмоциональной сферы личности. Если в случае с явно сниженным интеллектом, например, при дебильности, данный пациент не может выполнить задания из-за слабости мыслительной деятельности, то главной особенностью когнитивной деятельности личности, склонной к невротическим диспозициям, может стать её чрезмерная аффективная заряженность.

Аффект, сопряженный с психотравмирующей ситуацией, может выступать в виде некоторого «пространства» (если обращаться к метафорическому языку), в которое проникает информация, непосредственно или опосредованно связанная с элементами данной ситуации и в котором эта информация искажается. Впоследствии, человек транслирует смысл, который может не соответствовать первоначальной установке интервьюера.

Примером может служить один из фрагментов интервью, проведенное с одной из участниц эксперимента, респонденткой М. Рассказывая о своем раннем воспоминании, респондентка М. говорила о том, что: «Я любила придумывать свои истории и рассказывать их. В какой-то момент я эти истории придумывала, в которых *я главный герой*,

потом... (пауза)... потом это стало приносить сложности, соответственно, и после этого я начала замыкаться в себе».

Далее она упоминает значимую фигуру близкого человека — бабушку, и говорит, что: «С бабушкой тоже были сложные отношения. Она старалась ввести людей в заблуждение и так, мне кажется, она развлекалась. Вот. Ей очень нравится ее роль жертвы, что она и признавала, потому что она считала, что она страдальца во всем мире, поэтому ... точнее, в связи с этим мои отношения с бабушкой также ухудшились, потому что *я стала ее объектом исследования* ... объектом тем что ли».

Если более подробно исследовать данное интервью, можно отметить тематическую фиксированность — личность не воспринимается в целостности, а разделена некоторыми сюжетами, где она выступает в виде главного героя или объекта исследования. В данном случае был приведен только фрагмент из всех интервью, но в целом, подобная закономерность характерна для всех респондентов. Может меняться только тема, однако фиксированность и углубление именно в травмирующую тему остаётся.

Подводя итог, можно сказать о том, что исследование психологических особенностей когнитивных процессов личности, склонной к невротическим диспозициям, имеет под собой достаточно широкий спектр проблем, которые не могут быть сведены к рассмотрению частных процессов. Однако, как видно из данного исследования, такие явления, как ригидность и заикленность в процессе когнитивной обработки информации, являются специфическими особенностями личности склонной к невротическим диспозициям, так как наличие психотравмы (как одной из дифференциальных характеристик данной личности) обуславливает некоторого рода искаженность репрезентации смыслов личностью, в большей степени из-за сопряженности их с аффектом.

Список литературы

1. Выготский, Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. — Москва : Изд-во Смысл, 2005. — 1136 с.
2. Зейгарник, Б.В. Патопсихология / Б.В. Зейгарник. — Москва : Издательство Московского университета, 1986. — 280 с.
3. Леонтьев, А.Н. Деятельность, сознание, личность / А.Н. Леонтьев. — Москва : Политиздат, 1986. — 115 с.
4. Hussein F, Shafik H, Eweida R. Metacognitive Abilities within Personal Narratives of Inpatients with Schizophrenia. *Journal of Education and Practice*, Vol.10, No.1, 2019.
5. Schafer R., Murphy G. The role of autism in figure-ground relationship, 1943, N. 32, p. 335-343.

АНАЛИЗ КЛАССИФИКАЦИЙ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ЛИЧНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Ревуцкая И.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
irina.revutskaja@yandex.com

Введение. В современной отечественной психологической науке психическое состояние, как самостоятельная категория, впервые было выделено В. Н. Мясищевым, но вопрос о системном изучении психического состояния как общепсихологической категории впервые поставил Н. Д. Левитов. Психическое состояние ученый определял как целостную характеристику психической деятельности за определенный период времени, показывающий своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отраженных предметов и явлений действительности, предыдущего состояния и психических свойств личности.

Основная часть. Анализ основных классификаций психических состояний в отечественной психологической науке позволяет говорить, что многие состояния трудно с достаточной определенностью отнести к тому или иному классу, они могут занимать одновременно разные места, поскольку, как и другие психические явления, имеют много измерений. Любому состоянию свойственны определенные уровни активации и тонуса, в любом состоянии человек испытывает какие-либо эмоции, испытывает некоторое напряжение. Так, Н. Д. Левитов, разделил психические состояния на познавательные, эмоциональные и волевые. В его дополнительной классификации психические состояния разделены в зависимости от деятельности — игровое, учебное, трудовое и спортивное состояние. Им были выделены также положительные и отрицательные состояния, глубинные и поверхностные, долговременные и кратковременные, более или менее осознанные, личностные, ситуативные и групповые состояния [2].

Дополним анализ классификаций психических состояний работами И. П. Павлова и А. Г. Ковалева, которые отмечают, что состояния непосредственно детерминируются мозговыми процессами, а также процессами в ЦНС и в автономной нервной системе. Так, И. П. Павлов отталкивался от функционирования коры головного мозга и его основных состояний — возбуждение и торможение, оптимальное и депрессивное состояние [3]. А. Г. Ковалев утверждал, что психические состояния возникают под влиянием сигнальной системы, и выделял следующие состояния: активные и пассивные, парциальные и общие, творческие и репродуктивные, а также состояния, выборочного возбуждения или торможения коры и подкорки [4].

Другие авторы (М. Б. Костюнина, В. Н. Мясищев, С. Л. Рубинштейн, В. М. Русалов, Г. А. Урунтаева) видят тесную связь между психическими процессами и психическими состояниями. По их мнению, психическое состояние представляет собой общий функциональный уровень, на фоне которого развиваются психические процессы, причем оно детерминирует характер воздействий внешних факторов и влияет на протекание психических процессов. Например, неосознанные зафиксированные образы ситуаций с одновременным обогащением эмоционального опыта имеют непосредственную связь с процессами памяти, равно как и направленность мышления (идеи, мораль, разум) влияет на всю интеллектуальную жизнь личности.

Системно-понятийное описание психических состояний разработали В. А. Ганзен и В. М. Юрченко. Они выделили две группы: в первую вошли психические состояния, характеризующие аффективно-волевою сферу психической деятельности личности; во вторую — состояния сознания-внимания. Волевые состояния ученые выделяют по признаку «напряжение-ослабление» и делят на практические и мотивационные. Аффективные состояния исследователи выделяют по признакам «удовольствие — неудовольствие», распределив на эмоциональные и гуманитарные. Все подгруппы аффективных и волевых состояний ученые разделили на положительные и отрицательные, а мотивационные — разделили на органические и ориентировочные. Состояния группы сознания-внимания создают условия для всей психической жизни человека, являются фоновыми и определяются по характеристике «сон — активация» [1].

Л. В. Куликов считает условной любую классификацию психических состояний, подчеркивая, что психические состояния сложно отнести к определенной группе, поэтому распределяет состояния по группам, относя их к определенной сфере психики как составляющей личности. По характеристикам классификации психических состояний Л. В. Куликова они бывают: активационные (отражающие интенсивность психических процессов), тонические (связанные с тонусом, ресурсом сил индивида), тензионные (отражают степень напряжения), временные (отражают продолжительность, стойкость), эмоциональные (модальность состояний), полярные (положительные или отрицательные). В каждой группе состояния расположены по степени уменьшения своего положительного воздействия. К активационным относятся азарт, вдохновение, деятельное состояние, вялость, апатия. Тонические состояния представлены бодростью, усталостью, сном. К тензионным состояниям относятся созерцание, монотония, стресс, фрустрация, предстартовая лихорадка. Эмоциональные состояния представляют: эйфория, удовольствие, синтония, тревога, страх, паника и т.д. [5].

Классификация предложена А. О. Прохоровым и в своей основе построена на критериях личности, то есть характере и основных ее

свойствах. Автором выделяются следующие качества: эффективность, активность, управляемость, автономность, наблюдательность по следующим показателям: эмоциональность, сила воли, интеллектуальность, ценностная направленность личности, система ее отношений, психофизиологические и природно-биологические свойства, деятельность и общение. Все психические состояния А. О. Прохоров разделил на положительные и отрицательные.

М. А. Кузнецов считает, что следует классифицировать психические состояния «...по разным моделям (уровневые, временные, ситуационные, функциональные, модели согласования, системно-структурные), имеется в виду или явно выделяется роль эмоциональной памяти как фактора универсальной интеграции внешнего и внутреннего опыта человека в пределах определенного временного интервала, переноса следов прошлых состояний в актуальное состояние и перевод состояния в устойчивую черту личности».

Заключение. Большое разнообразие и сложность психических состояний создают большое количество оснований для их классификации, равно как и распределение их по определенным критериям; все это достаточно условно из-за трудностей отнесения сложных психических состояний в определенную группу. Однако в большинстве рассматриваемых классификаций отечественные ученые разделяют психические состояния на положительные и отрицательные в зависимости от характера влияния на личность, ее деятельность, межличностные отношения.

Список литературы

1. Ганзен, В. А. Системный подход к анализу, описанию и экспериментальному исследованию психических состояний человека / В. А. Ганзен, В. М. Юрченко // Экспериментальная и прикладная психология [под ред. А. А. Крылова и сотр.]. — Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1981. Вып. 10. — С. 5–16, 189–194.
2. Левитов, Н. Д. О психических состояниях человека / Н. Д. Левитов. — Москва : Просвещение, 1964. — 344 с.
3. Павлов, И. П. Ответ физиолога психологам, ПСС / И. П. Павлов. — Москва : МГУ, 1951. — 543 с.
4. Психические состояния как общепсихологическая проблема : Хрестоматия / Сост. И. В. Герасимова. — Владивосток : ДВГМА, 2001. — 104 с.
5. Развитие учения о психических состояниях // Психические состояния / Сост. и общая ред. Л. В. Куликова. — Санкт-Петербург : Питер, 2000. — С. 47–52.

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Репенко М.С., Устинов Д.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
mari_r8@mail.ru

Введение. На сегодняшний день современное общество характеризуется ростом сложности, неустойчивости и непредсказуемости, что требует от человека умения принимать решения в условиях неопределенности. Зарубежные и отечественные исследователи уделяют большое внимание изучению процесса принятия решения в условиях неопределенности и факторов, оказывающих на него влияние.

Значимыми предпосылками принятия решения могут быть как личностные, так и ситуационные факторы. Некоторые исследователи рассматривают личностные особенности как доминирующие в процессе принятия решения (Дж. Пэйн, Дж. Бэттмен, Г. Олпорт, В.А. Ядов). В то же время, многие авторы указывают на большую роль ситуационных факторов в усложнении процесса принятия решения (Д. Янг, Д. Халл, Дж. Форгас, Т.В. Корнилова). В связи с этим, можно признать возможным совместное влияние личностных и ситуационных особенностей на принятие решения [1]. Таким образом, исследование особенностей принятия решения в условиях неопределенности является актуальной проблемой современной психологии.

Основная часть. В процессе исследования нами было выдвинуто предположение, что предпосылками принятия решения в условиях неопределенности являются: уровень толерантности к неопределенности, стиль принятия решения, эмоциональное состояние и уровень тревожности.

Нами было проведено эмпирическое исследование особенностей принятия решения в условиях неопределенности. Общий объем выборки составил 21 человек: 10 юношей и 11 девушек в возрасте 17 — 20 лет.

Для проведения исследования были использованы: Опросник «Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта» Д. Уотсона, Л. Кларк, А. Теллегена (в адаптации Е.Н. Осина); Шкала тревожности Спилбергера-Ханина; Задача «Дилемма заключенного»; Мельбурнский опросник принятия решения Л. Манна (в адаптации Т.В. Корниловой); Шкала толерантности к неопределенности С. Баднера (в адаптации Т.В. Корниловой). Для осуществления качественного и количественного анализа были использованы показатели описательной статистики и корреляционный анализ.

В начале исследования была проведена диагностика эмоционального состояния и уровня тревожности испытуемых. Далее им необходимо было

выбрать один из четырех возможных исходов в задаче «Дилемма заключенного», действуя от лица первого заключенного без ограничений во времени. После решения задачи испытуемым было предложено заполнить опросники на измерение уровня толерантности к неопределенности и выявление стиля принятия решения.

В результате диагностики по опроснику «Шкала позитивного аффекта и негативного аффекта» Д. Уотсона, Л. Кларк, А. Теллегена (в адаптации Е.Н. Осина) было выявлено, что среднегрупповые значения позитивного аффекта (30 баллов) и негативного аффекта (20,5 баллов) соответствуют среднему уровню субъективно переживаемой вовлеченности [3].

В результате диагностики по шкале тревожности Спилбергера-Ханина было выявлено, что среднегрупповое значение ситуативной тревожности (45 баллов) соответствует высокому уровню тревожности, личностной тревожности (44 балла) — умеренному уровню. У 4 испытуемых повышен уровень ситуативной тревожности, у 3 — личностной, у 6 — повышены оба показателя. Это свидетельствует о том, что у большинства испытуемых повышен уровень тревожности.

В результате диагностики по Мельбурнскому опроснику принятия решения Л. Манна (в адаптации Т.В. Корниловой) были выявлены следующие среднегрупповые значения по шкалам: «бдительность» (15 баллов), «избегание» (11 баллов), «прокрастинация» (9 баллов), «сверхбдительность» (9,5 баллов), что может свидетельствовать о большем удельном весе продуктивного копинга в стиле принятия решения.

В результате диагностики по шкале толерантности к неопределенности С. Баднера (в адаптации Т.В. Корниловой) было выявлено, что среднегрупповое значение интолерантности к неопределенности (6,5 станайнов) соответствует уровню немного выше среднего, значение толерантности к неопределенности (3,9 станайна) — уровню немного ниже среднего. 12 испытуемых характеризуются уровнями интолерантности к неопределенности немного выше среднего и выше среднего, и 1 — уровнем толерантности к неопределенности выше среднего. Это может свидетельствовать о наличии высокого уровня тревожности в ситуациях неопределенности, даже если эта неопределенность означает развитие и позитивное изменение в будущем [2].

В результате прохождения задачи «Дилемма заключенного» 16 испытуемых выбрали вариант «хранить молчание» (что можно определить, как стратегию сотрудничества), при этом все из них считают, что второй заключенный тоже будет хранить молчание; 5 — вариант «дать показания» (что можно определить, как стратегию соперничества), при этом 2 из них считают, что второй заключенный будет хранить молчание. Среднее время принятия решения составило 3-5 минут.

Для всех испытуемых, выбравших стратегию соперничества (5 человек), характерен значительно более высокий уровень интолерантности

к неопределенности, чем толерантности. Также у 4 из них наблюдается высокий уровень как ситуативной, так и личностной тревожности.

В результате проведенного корреляционного анализа данных были выделены следующие особенности.

Была выявлена прямая связь на 5% уровне между негативным аффектом и такими показателями, как: ситуативная ($r=0,53$; $p\leq 0,05$) и личностная ($r=0,47$; $p\leq 0,05$) тревожность, интолерантность к неопределенности ($r=0,47$; $p\leq 0,05$). По шкалам Мельбурнского опросника принятия решения была выявлена прямая связь: между избеганием и интолерантностью к неопределенности ($r=0,53$; $p\leq 0,05$); прокрастинацией и личностной тревожностью ($r=0,54$; $p\leq 0,05$).

На 1% уровне прямая связь была выявлена по шкалам Мельбурнского опросника принятия решения: между сверхбдительностью и ситуативной ($r=0,63$; $p\leq 0,01$) и личностной ($r=0,7$; $p\leq 0,01$) тревожностью.

Обратная связь на 1% уровне была выявлена между позитивным аффектом и избеганием ($r=-0,58$; $p\leq 0,01$).

Заключение. Проведенный анализ показал, что существуют различия в личностных (интолерантность и толерантность к неопределенности, личностная тревожность) и ситуационных (ситуативная тревожность) особенностях принятия решения в условиях неопределенности, что частично подтверждает предположение исследования.

Результаты данного исследования могут применяться для прогнозирования выбора людьми с различными личностными особенностями стратегий поведения в условиях неопределенности.

Список литературы

1. Корнилова, Т. В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска / Т. В. Корнилова // Психологические исследования. — 2015. — Т. 8, № 40. — DOI: 10.54359/ps.v8i40.553.
2. Корнилова, Т. В. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера / Т. В. Корнилова, М. А. Чумакова // Экспериментальная психология. — 2014. — Т. 7, № 1. — С. 92–110.
3. Осин, Е. Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS / Е. Н. Осин // Психология. Журнал ВШЭ. — 2012. — Т. 9, № 4. — С. 91–110.

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТРЕВОГИ ЛИЧНОСТЬЮ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Рогозина М.Ю., канд. пед. наук, доц.

ГОУ ВПО Донецкий национальный университет, г. Донецк, РФ

muysan@mail.ru

Пандемия COVID-19 привела не только к широкому распространению опасного заболевания и ухудшению соматического здоровья населения практически во всем мире, но и к резкому ухудшению его психического благополучия. Одним из ярких маркеров такого ухудшения стало возрастание у людей тревожно-депрессивной симптоматики и повышению уровня стресса.

Повышение тревожности населения не связано исключительно с непосредственной угрозой заражения. К подобному ухудшению психического состояния населения привело не только широкое распространение самого заболевания, но и негативный тревожный информационный фон, а также введение режима строгой самоизоляции и необходимости соблюдения строгих санитарно-гигиенических норм.

Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. [2] в структуре тревоги по поводу коронавируса выделяют два аспекта: страх заражения и тревога по поводу негативных последствий (в большей степени, экономических). Холодова Ю.Б. указывает [4], что в период пандемии, дополнительными факторами, способствующими увеличению частоты распространенности тревожных расстройств среди населения являются изменение образа жизни значительных групп населения, лишение их работы и привычного бытового уклада; влияние средств массовой информации, информация, транслируемая социальными сетями; сомнения в рекомендациях по профилактике распространения вируса, которые актуальны в период пандемии; ситуация неопределенности и невозможности прогноза будущего; вынужденная социальная изоляция и ограничение двигательной активности; ограниченные возможности получения квалифицированной медицинской помощи.

В работах, посвященных изучению факторов, стимулирующих возникновение тревожных состояний, большое внимание уделяется информационному фону, сопровождающему пандемию. Харламенкова Н.Е. с соавт. [3], отмечают, что наличие в СМИ негативной информации о неизученности заболевания, возникновении, угрожающей ситуации для всего населения, ее тотальности и принципиальной незавершенности, в большей степени, чем страх заражения, имеет кумулятивный эффект и усиливает у людей проявления тревожных и депрессивных состояний. Исходя из

поведенного анализа, авторы делают вывод, что к отягощающим психопатологическую симптоматику факторам можно отнести также повышенный интерес и стремление отслеживать информацию о COVID-19 [3]. Тхостов А.Ш. и Рассказова Е.И [2], также доказывают, что тревога может быть также вызвана непосредственно поиском информации о коронавирусе, а также совершаемыми защитными действиями по его профилактике.

Данные исследований Ю.Б. Холодовой [4], проведенных на начальной стадии пандемии, показывают, что наиболее подверженными негативному психологическому воздействию во время пандемии являются молодежь и лица пожилого возраста, представители возрастных групп 25-34 года и 35-44 года обладают большей адаптивностью и включенностью в социальные процессы, характеризуются меньшими показателями тревожности.

Высокий уровень тревоги среди молодежи авторы объясняют реакцией на ситуацию неопределенности и отсутствием у молодых людей практических навыков переживания крупных кризисов, развивающихся не только на уровне страны, но и на мировом уровне. Тревога среди лиц пожилого возраста более объективна, связана с осознанием высокого риска заражения, переживанием за собственное здоровье и здоровье близких, она в меньшей степени связана с ситуацией неопределенности, так как люди данного возраста уже имеют определенный опыт преодоления кризисных ситуаций.

Целью данной работы было изучение возрастных особенностей переживания тревоги личностью спустя два года после начала пандемии.

Проведенное исследование показывает, что молодежь (17-25 лет) и лица среднего и пожилого и возраста (45-65 лет) испытают более сильную тревогу, чем представители возрастной группы 25-45 лет, что подтверждает данные исследований, проведенных в начале пандемии. Однако, следует отметить, что у молодежи были отмечены более высокие показатели тревожности и в сравнении с группой лиц пожилого и старшего возраста (показатели определялись при помощи методики самооценки уровня тревожности Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина и методики диагностики психических состояний Г. Айзенка, $p \leq 0,001$).

Данные результаты не могут в полной мере объяснить высокий уровень тревожности молодежи состоянием неопределенности и заботы о своем здоровье, так как к моменту проведения исследования уже были разработаны вакцины и эффективные методы лечения COVID-19. Повышению тревоги среди молодежи, вероятно, способствует активная их вовлеченность в информационный поток. Как было указано в работе Тхостова А.Ш. и Рассказовой Е.И [2], тревога молодых людей может быть защитной реакцией, направленной на регуляцию своего состояния (уточнение уже имеющейся информации, поиск обнадеживающих или конкретизирующих угрозу данных). Кроме того, на повышение тревоги среди молодых людей в значительной степени оказал влияние режим вынужденной и длительной самоизоляции, приводящий к ограничению социальных контактов,

нарушению жизненных планов и перспектив, отсутствию возможности планировать свое будущее.

При изучении степени переживания страха перед COVID-19 в исследуемых выборках было выявлено, что лица среднего и пожилого и возраста (45-65 лет) испытают гораздо более сильный страх перед заболеванием, чем испытуемые возрастной группы 17-25 лет (показатели определялись при помощи методики «Шкала страха COVID-19. К. Ahorsu и др. (в адаптации А.Д. Резника и др.), $p \leq 0,05$). Полученные результаты несколько отличаются от результатов исследования Гриценко В.В. с соавт. [1], которые отмечали, что ими не выявлено различий в степени интенсивности страха в зависимости от возраста испытуемых.

Таким образом, по мере развития пандемии и внедрения специальных ограничительных мероприятий, люди зрелого и пожилого возраста часто испытывают страх перед заболеванием, но это не приводит к возрастанию их тревоги. По-видимому, это может объясняться тем, что в случае витальной угрозы страх может играть мобилизующую роль, ориентировать человека на активную деятельность, а это в сочетании с наличием опыта совладания с кризисными ситуациями в жизни, способствует эмоциональной стабилизации человека в более зрелом возрасте. Исследования особенностей протекания COVID-19 подчеркивают большую подверженность заболеванию именно представителей старших возрастных групп, молодежь при этом не так остро ощущает именно витальную угрозу, что способствует уменьшению непосредственного страха перед COVID-19, при повышенной тревоге за свое будущее и возможности реализации жизненных планов.

Выводы данного исследования имеют определенные ограничения и требуют также рассмотрения гендерных особенностей проявления тревоги в различных возрастных группах.

Список литературы

1. Гриценко, В. В. Страх перед коронавирусом заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности / В.В. Гриценко, А.Д. Резник, В.В. Константинов и др. // Клиническая и специальная психология. — 2020. — Том 9, № 2. — С. 99–118.
2. Тхостов, А.Ш. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии : защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? / А.Ш. Тхостов, Е.И. Рассказова // Консультативная психология и психотерапия. — 2020. — Т. 28, № 2. — С.70-89. — DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280204>.
3. Харламенкова, Н.Е Переживание неопределенности, тревоги, беспокойства в условиях COVID-19 [Электронный ресурс] / Н.Е. Харламенкова, Ю.В. Быховец, М.В. Дан и др. // ИП РАН. — 2020. — URL: <http://ipras.ru/cntnt/rus/> (дата обращения 12.09.2022).
4. Холодова, Ю.Б. Особенности переживания тревоги в период пандемии COVID-19 представителями разных возрастных групп / Ю.Б. Холодова // Международный журнал медицины и психологии. — Т. 3. — 2020. — № 2. — С. 114–117.

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Руденко С.В., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

Rudenko_SV@mail.ru

Постановка проблемы. «Кто Я?» — вопрос, становящийся актуальным для каждого человека на разных этапах его жизни. Это — вопрос самопознания, самоидентификации, развития сознания и самосознания, «поиска своих», принадлежности к группе.

Проблематика идентичности, несмотря на достаточную изученность, сохраняет свою актуальность и на современном этапе развития психологической науки. Идентичность обозначает целостность личности, непрерывность и тождественность Я человека, сохраняющуюся вне зависимости от изменений, приносимые развитием. Это свойство психики человека, содержащее его представление о своей принадлежности к той или иной общности или группе. Данное свойство развивается в процессе жизни, в ходе формирования сознания и обретения опыта взаимодействия с другими людьми. В процессе онтогенеза человек становится членом различных социальных групп, реализует себя в разнообразных социальных ролях. Формирование идентичности, в противовес ролевой неопределенности и смещению ролей, становится центральной задачей в юношеском возрасте. Существенные социальные изменения, нестабильная военно-политическая обстановка, усиление цифровизации общества приводят к включению личности во все большее количество реальных и виртуальных групп. Сказанное позволяет нам обозначить целью данного исследования изучение структуры социальной идентичности студентов.

Основная часть. Проблема идентичности, изначально обозначенная Э. Эриксоном, нашла свое отражение в исследованиях ряда зарубежных и отечественных психологов. Среди них — Г. Тэшфел, Дж. Мид, Ч. Кули, Дж. Марсиа, И. Гоффман, Г. Брейкуэлл, Ю. Хабермас, Дж. Келли, М. Шериф, Д. Кэмпбелл, Ш. Струкер, Э. Уотерман, Г.М. Андреева, Н.Л. Иванова, П.В. Румянцева, А.В. Микляева, М.В. Заковоротная, Т.Г. Стефаненко, И.Ю. Устинов и др. Так, Г. Тэшфел характеризует социальную идентичность как часть индивидуальной Я-концепции, формирующуюся на основе знаний человека о своей принадлежности к социальной группе, наряду с эмоциональными и ценностными проявлениями этого членства. По мнению автора, личностная и социальная идентичности не противопоставляются друг другу, а, скорее, выступают как разные стороны одного и того же феномена. Близкой точки зрения придерживаются П.В. Румянцева и А.В. Микляева, рассматривая формирование социальной идентичности как

результат осознания человеком своей принадлежности к социальным группам. Подобные взгляды нашли свое отражение и в работах Ч. Кули. Ш. Струкер также акцентирует социальный аспект идентичности, рассматривая данный феномен как возникающий под влиянием общества и обеспечивающий организацию поведения личности в социуме. Г. Брейкуэлл также акцентирует социальное происхождение идентичности; при этом личностная идентичность выступает как вторичная по отношению к социальной [1, 2].

Социальная идентичность имеет сложную структуру, но вопросы взаимосвязи ее отдельных аспектов, видов, формирования иерархической системы остаются до сих пор актуальными. Существующие подходы преимущественно базируются на взглядах Э. Эриксона на дифференциацию идентичности на личностную и социальную и, как правило, предполагают выделение профессиональной, этнической и пр. видов социальной идентичности (т. е. основываются на их соответствии реальным группам). Вместе с тем отдельные попытки выделить структуру социальной идентичности все же предпринимаются. Так, Дж. Тернеру принадлежит иерархическая модель идентичности. Автор выделял три уровня идентичности: 1) суперординатный — определение себя как части широкой, подчиняющей практически все известные группы, общности; 2) промежуточный — определение себя в терминах групповой принадлежности; 3) субординатный — определение себя в индивидуальных, личностных качествах как уникального индивида. Структуру социальной идентичности также анализировали Г. Тэшфел, Дж. Мид и др. [1]. В отечественной психологии изучение структуры идентичности проводилось преимущественно на основе анализа профессиональной и этнической идентичности. Т.Г. Стефаненко, изучая особенности этнической идентичности, выделяет когнитивную и аффективную составляющую. Когнитивная составляющая включает самоидентификацию, понимание оснований этнической идентичности, определяет содержание авто- и гетеростереотипов. Аффективный компонент акцентирует чувство принадлежности к этнической общности и осознание внутригруппового фаворитизма [2]. Близкой точки зрения придерживаются А.В. Трошин и И.Ю. Устинов. В структуре социальной идентичности авторы выделяют не только когнитивный и аффективный компоненты идентичности, но и центральные и периферические элементы.

На наш взгляд, нестабильная военно-политическая ситуация может способствовать поиску новых ролей и выделению новых аспектов своего Я — с одной стороны, и одновременно будет усиливать значимость принадлежности к группе личности — с другой. Это обусловило выделение в качестве предмета исследования структуры социальной идентичности студентов.

С целью выявления структуры социальной идентичности студентов была сформирована выборка, в которую вошли 207 студентов 2-3 курсов,

осваивающих программу бакалавриата/специалитета по отдельным направлениям ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк. Среди них 55 психологов, 33 специалиста в сфере психологии служебной деятельности, 119 филологов (профиль: Зарубежная филология) и лингвистов (профиль: Перевод и переводоведение). Студентам было предложено написать эссе на тему: «Кто Я?». Полученные данные затем нами обрабатывались с помощью метода контент-анализа. По его результатам основными стали следующие роли: семейные роли, студент, специалист, личность, человек, часть социума, друг, патриот, гражданин; а также ряд характеристик: доброжелательность, целеустремленность, ответственность, темперамент-характер, творчество, любознательность, философские рассуждения, хобби, поиск себя. Также было проведено изучение особенностей социальной идентичности с применением опросника социальной идентичности О.В. Васьковой. [3].

Остановимся на наиболее значимых результатах исследования.

Можно отметить некоторое повышение, в сравнении с результатами прошлых лет (см. по [3]), значимости семейных ролей — до 48-55%, роли студента — до 48-58%, роли личности и человека — до 61%. Существенно возросла важность роли друга, особенно для специалистов в области психологии служебной деятельности — до 30%. Можно предположить, что жизнь в условиях нестабильной военно-политической ситуации способствует повышению значимости роли близких людей рядом. Тенденция описывать себя как часть социума выражена лишь у 10-20% обследуемых, в зависимости от направления подготовки. Увеличилась доля высказываний, касающихся дружелюбия и доброжелательности — 43-51%, целеустремленности — 34% и ответственности — 23-35%. Подобные результаты могут свидетельствовать об адаптации к текущей ситуации нестабильности. Черты темперамента, характера склонны выделять примерно 30% студентов, специализирующихся на психологии служебной деятельности, и также психологи широкого профиля, что стало вполне ожидаемым. Философские рассуждения по поводу себя и своей сущности представлены в малой степени, причем менее всего им склонны предаваться психологи в сфере служебной деятельности (12%).

Обратимся к анализу некоторых структурных особенностей социальной идентичности студентов.

Обнаружена значимая отрицательная взаимосвязь ($p \leq 0,05$) между тенденцией студентов позиционировать себя как специалиста и практически всеми аспектами социальной идентичности, диагностируемыми с помощью методики О.В. Васьковой. Чем большую роль для обследуемых играет членство в группе, включенность в систему межличностного взаимодействия и положительные эмоции в группе, тем менее они склонны подчеркивать свою профессиональную роль. Эти данные подтверждаются значимой положительной взаимосвязью ($p \leq 0,05$) между позиционированием

себя как части социума и такими аспектами социальной идентичности, как центральность, совместное времяпрепровождение, межгрупповая конкуренция и нисходящее сравнение. Выявлена значимая отрицательная взаимосвязь ($p \leq 0,05$) между тенденцией презентовать себя как ответственных людей и такими показателями, как самопонимание, времяпрепровождение и сплоченность. Чем более интенсивны и благоприятны неформальные отношения в группе, чем выше сплоченность и весомее влияние группы на формирование картины мира и образа Я, тем в меньшей степени студенты склонны проявлять ответственность в принятии решений и построении своей жизни. Обнаружена значимая положительная взаимосвязь ($p \leq 0,05$) межгрупповой конкуренции и роли гражданина. Лица, подчеркивающие свою гражданскую позицию, в большей мере склонны к межгрупповой конкуренции и сравнению своей группы с другими. Вызывает интерес значимая отрицательная взаимосвязь ($p \leq 0,05$) между категорией поиска себя и центральностью, а также самопониманием. Студентам, важной частью картины мира и образа Я которых является членство в данной группе, в меньшей степени присущи вербально выраженные тенденции разобраться в себе.

Заключение. Завершая анализ структуры социальной идентичности студентов, отметим, что представленные данные носят предварительный характер. Перспективой дальнейшей работы в данном направлении является построение модели структуры социальной идентичности студентов с последующей разработкой и апробированием программы детального исследования указанной проблематики.

Список литературы

1. Микляева, А.В. Социальная идентичность личности : содержание, структура, механизмы формирования : Монография / А.В. Микляева, П.В. Румянцева. — Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. — 118 с. — ISBN 978-5-8064-1376-6.
2. Патырбаева, К.В. Идентичность : социально-психологические и социально-философские аспекты : коллективная монография / К.В. Патырбаева, В.В. Козлов, Е.Ю. Мазур, Г.М. Конобеев, Д.В. Мазур, К. Марциас, М.И. Патырбаева ; науч.ред. К.В. Патырбаева. — Пермь : Изд-во Перм. гос. нац. иссл. ун-та, 2012. — 250 с. — ISBN 978-5-7944-1837-8.
3. Руденко, С.В. Структура социальной идентичности студентов / С.В. Руденко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2022. — № 1. — 122 с. — С. 106–113. — URL: https://donnu.ru/public/journals/files/Vestnik_DonNU_D_2022_N1.pdf (дата обращения: 21.09.2022).

РАЗЛИЧИЯ УРОВНЯ ЖИЗНЕННОЙ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ СТУДЕНТОВ РОССИИ И ТУРЦИИ

Серебрякова П.И., Пожарская Е.Л., канд. экон. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»,
г. Москва, РФ
89152436050@mail.ru

Удовлетворенность жизнью — это один из важнейших компонентов качества жизни людей. Принято считать, что показатели уровня жизненной удовлетворенности часто рассматриваются, как показатели экономического роста, экономического развития страны. Люди, которые удовлетворены своей жизнью комфортно себя ощущают, чувствуют себя намного счастливее и спокойнее. Данное понятие встречается в различных сферах нашей жизни: взаимоотношениях, здоровье, карьере, духовности и т. д.

С одной стороны, некоторые психологи рассматривают удовлетворенность, отмечая влияние внутренних факторов. А с другой стороны, учёные рассматривают данный термин под влиянием внешних факторов. Так, например, британский психолог Майкл Аргайл считал, что удовлетворённость — это суждения человека о том, что все как было, так и остается благополучным. Также данный термин рассматривали как «оптимальное состояние человека, возникающее при соответствии потребностей личности с последствиями и результатами собственной деятельности, достижениями, характером взаимодействия с социальным окружением» [1]. Кроме того, Р. М. Шаминова подразумевает под удовлетворенностью жизнью «сложное, динамичное социально-психологическое образование, основанное на интеграции когнитивных и эмоционально-волевых процессов, характеризующееся субъективным эмоционально-оценочным отношением... и обладающее побудительной силой, способствующей действию, поиску, управлению внутренними и внешними объектами» [2].

Для диагностики и выявления различий в уровне жизненной удовлетворённости студентов Турции и России использовалась методика «Индекс жизненной удовлетворенности», адаптация Н. В. Паниной. Под индексом жизненной удовлетворённости подразумевается такой неразрывно связанный показатель, который включает в себя эмоциональный компонент. В исследовании принимали участие студенты России (г. Москва) в количестве 55 человек и студенты Турции (г. Анталья) — 61 человек. На основе ответов респондентов по методике диагностики «Индекса жизненной удовлетворённости» были получены следующие результаты (рис. 1).

Рис. 1. Показатели уровня жизненной удовлетворённости по методике Н.В. Паниной (Россия)

В результате данного исследования было выявлено, что у большинства студентов России удовлетворённость жизнью на высоком уровне (56 %). На это влияет их чувство социальной востребованности и успешности. Они обучаются на том направлении, на котором чувствуют себя уверенным и нужным. У них всегда оптимистичный настрой. Такие студенты стремятся достичь поставленные цели, что у них хорошо получается. Они активно принимают участие во всевозможных мероприятиях как в учебной, так и во внеучебной деятельности. Люди с высоким уровнем жизненной удовлетворенности общительные, без проблем заводят новые знакомства. Они стараются контролировать свое поведение, при этом редко конфликтуют с одногруппниками и друзьями. Также к их основным характеристикам относят: требовательность к себе и своему делу, поэтому если они берутся за дело, то обязательно доводят его до конца. Их концентрация на определенных вещах приводит к высокому уровню удовлетворенности жизнью.

У 31 % студентов был выявлен средний уровень жизненной удовлетворенности. Они стабильны, выбирают в своей жизни именно то, что им знакомо, не любят рисковать и делать что-то новое. Такие студенты не пренебрегают своим здоровьем, чтобы быть уверенным, что оно их не подведет (рис. 2).

Анализируя вторую диаграмму, можно заметить, что больше половины (62%) не удовлетворены своей жизнью. Возможно, это связано с тем, что они находятся не на своем месте и стоило бы этим студентам переосмыслить свою жизнь, поменять направление в университете и найти место, которое будет им по душе и интересно. Такие люди снисходительны к себе, ленивы, позволяют себе часто отдыхать, что сказывается на их эффективности, работоспособности и социальном статусе. Для многих характерен пессимистический взгляд на жизнь. Чаше

всего они не успешны в учебной, а в дальнейшем и профессиональной деятельности. Одной из причин неудовлетворенности жизнью является невозможность реализовать свои цели. Иногда студенты ставят себе высокую планку, которую не могут достичь. Из-за этого может появляться тревога и напряжение.

Рис. 2. Показатели уровня жизненной удовлетворённости по методике Н.В. Паниной (Турция)

По сравнению с данными, которые были получены у студентов России, студенты Турции по многим параметрам показали достаточно низкие результаты. На это может влиять уровень развитости стран. В России для студентов больше возможностей для самореализации, самосовершенствования, больше вариантов, как провести свободное время.

В то же время полученные результаты могут быть связаны с различными аспектами восприятия оценки уровня социальной жизни студентов России и Турции. Именно сформировавшееся представление о данном феномене могут побудить человека к самосовершенствованию или же смене места учебы, работы, исходя из личной заинтересованности и удовлетворенности.

Список литературы

1. Андреевкова, Н.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов / Н.В. Алексеенко // Мониторинг общественного мнения. — 2010. — №5 (99). — С. 189–215.
2. Шамионов, Р.М. Психология субъективного благополучия личности / Р.М. Шамионов ; Пед. ин-т Саратов. гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского. — [Саратов] : Изд-во Саратов. ун-та, 2004 (ГП Тип. j 6). — 179 с. — ISBN 5-292-03115-1.

СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СГОРАНИЯ (СИНДРОМ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЙ БОЛЕЗНИ) КАК МЕХАНИЗМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ

Созаева А.С., Медведева М.С., канд. филол. наук
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону, РФ
alinasozaeva2000@mail.ru

Введение. Тема эмоционального выгорания всегда считалась острой по причине наличия сложного внутреннего развития личности. Сохранение психического здоровья и гармоничности человека является главной проблемой безопасной жизни общества. Мировая психология занимается исследованием эмоционального состояния и нарушений, возникающих в результате психотравмирующих ситуаций в жизненном цикле индивида. Статья направлена на подробное изучение причин эмоционального выгорания, рассмотрение основных понятий, а также познание признаков и стадий данного процесса.

Основная часть. На данный момент проблему эмоционального выгорания в большей степени применяют к представителям различных профессий, таких как: педагог, врач, юрист, спасатель, служащий правоохранительных органов, что объясняется высокой трудовой напряженностью в течение всего периода их работы. Тем не менее многие специалисты не видят никакой взаимосвязи перечисленных факторов, считая, что человек может пребывать в таком состоянии независимо от своей компетенции и принадлежности к определенному виду деятельности. Сам термин «эмоциональное выгорание» не имеет единственной трактовки, и обозначается, например, как внутреннее истощение, характеризующееся потерей энергии и активности, усилением естественной и умственной усталости. По мнению В.В. Бойко эмоциональное выгорание — это механизм психологической защиты от интенсивных и продолжительных стрессов [1]. Психология личности каждого человека различна. Наша позиция характеризует определенную внутреннюю выдержку и стойкость при возникающих стрессовых ситуациях. Многие авторы относят «синдром эмоционального сгорания» к деформации личности, сопровождающейся комплексом переживаний и выплеском негативных эмоций.

Каждый в своей жизни сталкивается с моментами эмоциональной опустошенности. Высокая моральная ответственность, в первую очередь, перед самим собой, чувство личной незащищенности — оказывают негативное воздействие на психику и сознание человека. Феномен улыбки

отходит на второй план, и связано это с серостью рабочих будней, постоянной спешкой и бездумным стремлением к нереальному.

Духовная истина человека раскрывается через эмоции, действия, поступки, и, конечно же, отношение к определенным людям. Эмоциональный настрой и доброжелательность в значительной степени обеспечивают сохранение здоровья людей. Улыбка является неким сигналом миролюбия и открытой души. Роль вопроса эмоций абсолютно не нуждается в подтверждении. Какие бы условия и детерминанты не определяли деятельность человека, действенными они становятся лишь в том случае, когда им удастся проникнуть в сферу его эмоциональных отношений, преломиться и закрепиться в ней.

Существенными признаками выгорания, характеризующими проявление данного синдрома, принято считать: истощение и усталость, частые головные боли, недостаток сна и здоровой пищи, неуверенность в своих действиях, чувство поражения и неудачи, злоупотребление спиртными напитками для «борьбы» со стрессом, отсутствие мотивационной части, проблемы с памятью, безразличие к окружающим, ощущение изоляции от общества, импульсивное эмоциональное состояние или ригидность, разрушение ментального здоровья.

Личные и организационные причины СЭВ различают центральные характеристики, способствующие ухудшению морального состояния личности. К первым относят: низкую самооценку, неустойчивость, социальную незащищенность, преувеличение своих заслуг и наоборот, проявление нетерпения, излишний перфекционизм во всем. Организационные причины: ненадежность работы, наличие огромной ответственности, неоднократные переработки, внедрение новых технологий в рабочий процесс и изменение его структуры, тяжелые задачи.

К перечню причин можно добавить и факторы, выделенные Т.В. Решетовой, это: безэмоциональность, трудоголизм, а также алекситимия, выражающаяся в вынужденном скрывании своих истинных эмоций и чувств [2]. Выгорание часто выражается профессиональным стрессом. Ранее названные профессии находятся в зоне риска, так как эти специалисты в большей степени взаимодействуют с людьми. Распространенность СЭВ среди них достигает 80-90%. При изучении различных этапов синдрома эмоционального выгорания, мы остановились на опроснике К. Маслач и выделили следующие этапы протекания данного процесса: слишком высокие запросы к себе, иными словами, завышенность требований, физическое и эмоциональное истощение, дегуманизация, изоляция от общества, цинизм к человеческим потребностям, отрицательное отношение к самому себе, низкая самооценка, упор на слабые стороны характера [2].

Состояние психического напряжения — это совокупность эмоционально-волевых выражений, формирующихся под влиянием

экстремального воздействия на субъекта. Возникновение сложной ситуации, неясность и запутанность, сопровождаются психическими сдвигами. Психическое состояние человека зависит от того, какие возможные последствия события он предвосхищает и какое значение им придает. Состояние психической напряженности может выражаться в форме тревоги, страха, стресса и фрустрации. Сам по себе термин «напряжение» носит положительный характер, поскольку сопровождается обострением внимания, стремлением к энергичной деятельности, активизацией всех функций организма. При чрезмерном эмоциональном возбуждении данный фактор уже будет нести неблагоприятные перенапряжения.

Психологическая защита, с точки зрения австрийского психоаналитика Зигмунда Фрейда, означает способ борьбы индивида с болезненными воображениями и представлениями. Он придерживался мнения о том, что психическая защищенность является обязательным комплексом внутреннего мира человека и преследует нас с самого рождения. Вслед за ним большинство ученых приходили к следующему выводу: целью защиты сознания является нейтрализация импульсивного эмоционального состояния и смягчение внутриличностного конфликта. Фрейд считал, что любой человек должен иметь внутренних «предохранителей» [2], которые сдержат неприятных раздражителей и не позволят им повлиять на распад личности. Психологическая защита обладает функцией амортизаторов, которые, в свою очередь, помогает индивидам справляться с негативом и болью.

Заключение. Эмоциональное выгорание является опасным оружием для душевного мира человека, способствующее потере энергии и разрушению ментального здоровья. Многие психологи отмечают, что способность абстрагироваться от негативных эмоций, умение сохранить душевную гармонию и никаким образом не реагировать на оскорбления недоброжелателей — характерная черта зрелой личности. Поэтому людям, принимающим давление со стороны общества, стоит рассмотреть реальные способы борьбы с агрессивными проявлениями социума.

Список литературы

1. Уварова, Л. Н. Синдром эмоционального сгорания как механизм психологической защиты / Л. Н. Уварова, Д. Ф. Амекачева // Аллея науки. — 2020. — Т. 2. — № 1(40). — С. 178–180.
2. Орел, В. Е. Феномен "выгорания" в зарубежной психологии : эмпирические исследования и перспективы / В. Е. Орел // Психологический журнал. — 2001. — № 22. — С. 2–12.

К ВОПРОСУ О САМООРГАНИЗАЦИИ СПЕЦИАЛИСТА

Тимошко Г.В., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»,
г. Макеевка (ДНР), РФ
g.v.timoshko@donnasa.ru

Введение. Самоорганизация личности — одно из базовых понятий компетенций, развитие которых у студентов предусмотрено в курсе «Социальное взаимодействие в отрасли» (СВО).

Проблемы самоорганизации изучали экономисты, психологи, педагоги, менеджеры, специалисты разных наук: С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, К.К. Платонов, Г.С. Костюк, Л.И. Божович, В. Б. Бондаревский, И. А. Донцов, С.Б. Елканов, А.И. Калиниченко, Б.Т. Лихачев, И.П. Подласый, П.И. Пидкасистый, Т.В. Новаченко, Ю.М. Орлов, В.Д. Потапова, Л.И. Рувинский, О.П. Рудницкая, В.О. Якунина и другие. Не менее актуальны они для строителей.

Трудности самоорганизации существуют и поиски системообразующих факторов самоорганизованности как черты личности, самоорганизации как внутренней деятельности, продолжаются. Проблема исследования заключается в изучении перспектив самоорганизации студента как будущего специалиста. *Цель* работы — анализ и обобщение исследований самоорганизации специалистов, возможностей развития самоорганизации на занятиях в вузе. Методы исследования: анализ и обобщение литературных данных, анализ и обобщение педагогического опыта, наблюдение, анализ документов, тестирование.

Основная часть. Еще И.П. Павлов утверждал, что уже сама нервная система человека имеет необычную пластичность, сама себя регулирует, поощряет, преобразовывает, направляет и даже самосовершенствуется на очень высоком уровне. Но не только она адаптируется, например, к учебно-профессиональной деятельности, но и сама личность [1].

Признаки плохой самоорганизации студентов, по мнению И.А. Донцова, это:

- бессистемная подготовка учебных заданий;
- неспособность подготовиться к регулярным занятиям;
- неспособность подготовиться к неожиданным ситуациям и другие.

Среди внешних факторов, которые усложняют самоорганизацию учебной деятельности, он подчеркивает несогласованность и несовершенство расписания, недостаточную помощь студентам. Но те ребята, кто хорошо учится, считают необходимым самоорганизоваться, преодолевая сложности организации учебного процесса.

Многие ученые приходили к аналогичному выводу, в частности, Б.Т. Лихачев, И.П. Подласый, П.И. Пидкасистый. Студент не может существовать без какой-либо самоорганизации, а её развитие возможно в том случае, когда существует полноценное и ответственное педагогическое влияние. О.П. Рудницкая считает, что преподаватель является консультантом, советчиком, помощником студента в вопросах самоопределения и самоорганизации, но не его непосредственный участник. Такой же позиции придерживается и Битянова М.Р.

В XX веке велся активный поиск черт, предрасполагающих к той или иной деятельности, которые были бы похожи у специалистов одного профиля, например, у управленцев. Так, наличие связи между интеллектуальными показателями и эффективностью руководства было обнаружено в исследованиях зарубежных и отечественных ученых [2].

Теория черт не потеряла своей актуальности и сегодня. Изучается связь между эффективностью руководства и такими конкретными интеллектуальными характеристиками, как гибкость мышления, способность быстро и точно решать задачи. Взаимосвязь между интеллектуальными способностями и эффективностью лидерского поведения менеджера изучала С.И.Симоненко [3]. Она пишет, что интеллект вносит существенный вклад в эффективность лидерства и может быть признан универсальным качеством, необходимым руководителю. При этом уровень интеллекта, необходимый для лидера, должен быть не ниже среднего значения. «Проведенное нами исследование позволило прийти к следующему выводу: низкий уровень ИС может существенно снизить вероятность успешности менеджера; высокий уровень ИС не обязательно является конкурентным преимуществом по отношению к интеллектуальному уровню выше среднего при составлении прогноза успешности менеджера» [3].

В целом ряде работ указывается на взаимосвязи между эффективностью руководства и коммуникативными характеристиками — общительностью, уровнем эмпатии [1,2,3]. Значительное внимание уделяется и способностям специалиста к самоуправлению (склонность к риску, способность долгий срок находиться в ситуации неопределенности, стрессоустойчивость, ответственность).

Самоорганизацию человека определяют как активность и способность человека организовать самого себя, которая проявляется в активности, обоснованности, планировании своих дел, быстрых решениях и ответственности, самокритичности и чувстве долга. Обратим внимание на эти черты личности. Как они развиты у студентов, к какому уровню развития они стремятся? В курсе СВО на практических занятиях в процессе диагностики с помощью тест-опросника самоорганизации деятельности выявлено, что 80% студентов имеют средний (нормальный) уровень самоорганизации. Тем не менее, все студенты, анализируя результаты диагностики с помощью теста, а также результаты упражнений

по изучению самооценки личностных качеств, выявили у себя составляющие самоорганизации, которые требуют дополнительного развития.

Большинство студентов отметили необходимость развития планомерности, т.е. степени вовлеченности личности в тактическое ежедневное планирование по определенным принципам. Особенности возраста таковы, что не у всех еще выработаны принципы ежедневного планирования, и возрастные, и индивидуальные особенности личности далеко не всегда поддерживают склонность к ежедневному планированию. Однако при изучении социальных дисциплин студенты знакомятся с тем, что это такое и какие методы планирования можно использовать.

Так же часто, как развитие планомерности, студенты отмечают и необходимость продвижения в использовании внешних средств организации деятельности. Да, об актуальности использования внешних средств чаще задумываются уже специалисты. Студентов память обычно не подводит, ведь в этом возрасте возможности запоминания всех дел без внешних носителей высоки. Но дело оказывается не только в памяти. Есть отвлечения внимания, изменения приоритетности задач, неожиданные обстоятельства, которые нарушают организацию деятельности. Поэтому самоорганизация с помощью внешних средств тоже актуальна у студентов.

Далее в рейтинге задач по саморазвитию в самоорганизации стоят развитие целеустремленности как способности личности сконцентрироваться на цели и развитие ориентации на настоящее — выбор «настоящего» как временного ориентира. Эти две задачи поставила перед собой половина студентов, участвовавших в занятиях. На данный момент они в большей степени ориентированы на будущее и некоторые моменты прошлого в своей жизни, но они хотели бы быть более внимательными к текущим задачам сегодняшнего дня, поэтому поставили такую задачу. Также задачами саморазвития отдельные студенты назвали фиксацию на заранее запланированной структуре деятельности и настойчивость, необходимую для завершения начатых дел и упорядочения активности.

Вывод. Итак, самоорганизация личности интересует студентов как будущих специалистов, выявлена готовность развивать компоненты самоорганизации даже при высоких показателях тестирования.

Список литературы

1. Новаченко, Т.В. Самоорганизация деятельности государственного служащего : отечественный и европейский опыт / Т.В. Новаченко. — Киев : НАДУ, 2013. — 96 с.
2. Обозов, Н.Н. Психология работы с людьми : Советы руководителю : учебное пособие / Н.Н. Обозов, Г.В. Щёкин. — Киев : МАУП, 2004. — ISBN 966-608-446-5. — 228с.
3. Симоненко, С.И. Взаимосвязь между интеллектуальными способностями и эффективностью лидерского поведения менеджера / С.И. Симоненко // Вестн. Моск. Ун-та / под ред. проф. Ю.П. Зинченко. — Москва : МГУ. — Сер. 14. Психология. — 2012. — № 3. — С. 39-48.

ВЛИЯНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕМЬЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Тинунова В.А., Ломян Д.С., Хомякова В.П.,

Казарова Д.С., канд. психол. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет

имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк, РФ

nauka@lspu-lipetsk.ru

Введение. С каждым годом в Российской Федерации увеличивается численность межнациональных семей. Касаясь воспитания детей, родители которых являются представителями разных национально-культурных и этнических групп, стоит отметить, что формирование социальных, эстетических, нравственных, интеллектуальных и других качеств личности происходит за счет влияния двух важных «сторон» для ребенка — папы и мамы. Развитие ребенка в семье как личности — проблема, которая является одной из главных в современном мире.

Основная часть. В семье, которая сочетает в себе несколько национальных культур, в становлении личности ребёнка закладывается одновременно разные культурные традиции и ценности, которые формируют базу для благополучного развития внутри семьи. Именно поэтому приобщение к культуре межнациональных отношений во многом зависит от семейного воспитания, его направленности, а также духовного мира.

Воспитание — это навыки поведения, привитые семьей, школой, средой и проявляющиеся в общественной жизни и быту [1]. В межнациональной семье происходит ненавязчивое приобщение к культурному наследию нескольких национальностей, тем самым развивая духовно-нравственные ценности личности ребенка. Главными семейными ценностями являются: уважение, ответственность, честность, верность, доброта, патриотизм, взаимопонимание, умение слышать и слушать, любовь.

В семье, где испокон веков соблюдаются традиции и обычаи, дети воспитываются с основными духовно-нравственными ценностями, которые принадлежат тому или иному народу, что в дальнейшем позволяет многогранно развивать и обогащать свою личность, тем самым сохраняя и передавая будущим поколениям.

В настоящее время, дети, воспитывающиеся в браке, заключённом между представителями разных наций, сталкиваются с проблемами, которые существуют в обществе, одной из которых является национальная самоидентификация детей. Детям в таких браках сложно одинаково

равномерно понять и принять культуру, обычаи и традиции обоих родителей. В основном такие препятствия у ребёнка возникают с языка, который он будет использовать как внутри семьи, так и в обществе [2]. В семьях, где родители говорят на двух языках, дети владеют ими обоими, но, как правило, один они знают лучше, чем другой. Это определяется степенью влияния родителей на формирование речи ребенка.

Стоит также отметить влияние культуры двух разных национальностей на формирование личности несовершеннолетнего. Многие межнациональные семьи живут по принципу «патриархата», где отец привязан к ребёнку больше, тем самым имея цель познакомить ребёнка со своим миром культуры и показать свои традиции, но, не забывая дать возможность познакомиться с миром культуры матери. Так как межнациональные браки становятся всё более популярными в современном обществе, родителям важно понимать, что к воспитанию детей нужно подходить детально, чтобы не «перетянуть одеяло культуры» на сторону одного из родителей.

Существует множество взглядов на данную проблему. Известный педагог Константин Дмитриевич Ушинский считал, что система воспитания порождается историей народа, его потребностями, бытом, а также материальной и духовной культурой [3]. Определённые возможности для воспитания культуры поведения детей содержат в себе устное народное творчество. Воспитание родителями детей на народной мудрости, поговорках, пословицах, жизненных историях и истории семьи в целом, служат стимулом к проявлению уважения и ответственности к окружающему миру. Все это приводит к тому, что в межнациональной семье должны присутствовать непосредственная связь и преемственность между поколениями разных конфессий. Таким образом, межнациональный брак и воспитание в нем детей можно рассмотреть с нескольких ракурсов:

А) религия: как в семье будет заложена духовная часть воспитания ребёнка, как родители будут показывать, что такое любовь к миру, так и будут зарождаться свои устои, которые в дальнейшем приведут к формированию мировоззрения подрастающего поколения;

Б) территория и патриотизм: рассказывая детям историю семьи;

В) традиции и обычаи: изучая культуру разных национальностей, познавая их традиции и обычаи, у ребёнка будет закладываться культурная составляющая.

Штудировав интернет, изучая различные исследования на данную тему, можно находить «неутешительные выводы» о смешанных браках, но стоит помнить, что, если в отношениях между супругами разных наций отсутствует конкуренция, царит любовь, уважение и понимание важности каждой культуры, то ребёнок будет свободно чувствовать себя в различных культурах. Ведь именно культуры разных национальностей развивают духовные, нравственные, моральные, эстетические, интеллектуальные,

социальные и физические качества личности ребенка как внутри семьи, так и в социуме, что дает возможность разносторонне посмотреть на окружающий мир.

Заключение. Таким образом, мы выяснили, что мир межнациональных браков неидеален, он наделен трудностями и проблемами. Тем не менее, существует множество примеров счастливых межнациональных браков, в которых работает система взаимного влияния культур, позволяющих сделать вывод о том, что все проблемы и препятствия преодолимы. Благодаря существованию таких семей в обществе нарастает взаимная заинтересованность культурой и историей другого народа, стимулируется социальное сотрудничество и толерантность.

Список литературы

1. Теория образования взрослых : становление, проблемы, задачи. Педагогическая энциклопедия. — URL: <https://didacts.ru/slovari/teorija-obrazovaniya-vzroslyh-stanovlenie-problemy-zadachi.html> (дата обращения 10.09.2022).
2. Джабер, Хасан М А. Проблемы и особенности воспитания детей в межнациональных семьях / Хасан М А Джабер. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 3 (107). — С. 994-997. — URL: <https://moluch.ru/archive/107/25576/> (дата обращения: 15.09.2022).
3. Семикова, О.А. Использование авторских дидактических игр по ознакомлению с пословицами и поговорками в рамках патриотического воспитания детей старшего дошкольного возраста / О.А. Семикова, Е.А. Нигматулина // Наука и образование : новое время. — С. 867–972. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35251526> (дата обращения 15.09.2022).

УДК 159.9.07

ЗАЩИТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ И ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ

Устинова Н.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
d-ustin.80@mail.ru

Введение. В последнее время в мире, несмотря на попытки предотвратить и излечить различные болезни, у людей продолжают стремительно распространяться злокачественные опухоли, а также вирусы, поражающие клетки иммунной системы. С точки зрения медицины, они представляют хронически прогрессирующую соматическую патологию, которая сопровождается системным патогенным воздействием на организм. На психологическом уровне — установление одного из данных

диагнозов вызывает нарушение психического состояния пациента, которое сопровождается стрессом. Поэтому, наряду с непрерывным поиском методов лечения данных болезней, поиск путей адаптации и способности психологически справиться с заболеванием остается не менее важной задачей [2]. Для этого разрабатываются всевозможные психологические стратегии, имеющие целью преодолеть стрессовое состояние человека и увеличить срок его жизни. Напротив, неудачная адаптация может привести человека к различным невротическим расстройствам, которые будут оказывать дополнительное стрессовое давление и значительно снижать и результат от медикаментозного лечения в частности, и качество жизни в целом. Психологические ресурсы человека, его неосознанные (психологические защиты) и осознанные (копинг-стратегии) способы справиться с происходящим, становятся важнейшим условием его психологической адаптации [3].

Основная часть. Целью исследования стало изучение особенностей защитных механизмов и совладающего поведения у ВИЧ-инфицированных и онкологических больных [1]. В исследовании приняло участие 38 онкологических больных женщин с раком молочной железы, проходивших лечение в Донецкой онкологии и 43 ВИЧ-инфицированных женщины, проходивших лечение в Республиканском центре по профилактике и борьбе со СПИДом. Возраст испытуемых от 23 до 59 лет.

В качестве психодиагностического инструментария использовались: опросник «Способы совладающего поведения» (ССП) Р. Лазаруса и С. Фолкмана в адаптации Т.Л. Крюковой; тест-опросник механизмов психологической защиты «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика в соавторстве с Г. Келлерманом и Х.Р. Контом.

Показатели выраженности копинг-стратегий испытуемых представлены на рис. 1.

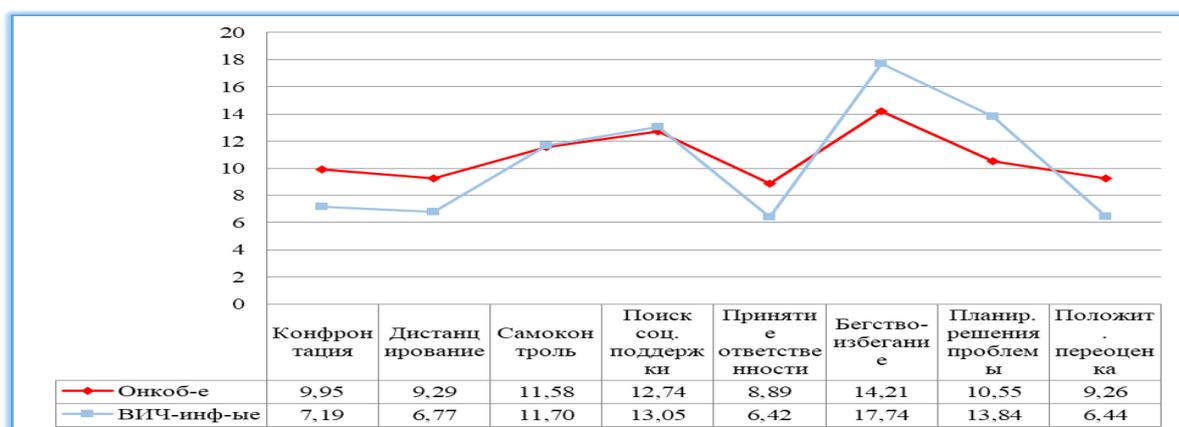

Рис. 1. Показатели выраженности копинг-стратегий онкобольных и ВИЧ-инфицированных по опроснику (ССП) Р. Лазаруса и С. Фолкмана

Анализируя показатели, можно отметить, что как онкологические больные, так и ВИЧ-инфицированные склонны к применению следующих копинг-стратегий: «самоконтроль», «поиск социальной поддержки» и «бегство и избегание», при этом, последний показатель более выражен у ВИЧ-инфицированных. Также, в отличие от онкологических больных, они менее склонны к использованию таких копинг-стратегий, как «конфронтация», «дистанцирование», «принятие ответственности» и «положительная переоценка».

Таким образом, испытуемые двух выборок предпочитают использовать «бегство-избегание», которое предполагает попытки преодоления личностью негативных переживаний в связи с трудностями за счет реагирования по типу уклонения: отрицания проблемы, фантазирования, неоправданных ожиданий, отвлечения и т.п. Данная стратегия является наименее адаптивной, но при определенных обстоятельствах, она может считаться успешной, поскольку быстро позволяет снизить эмоциональное напряжение в ситуации стресса у людей, с различными серьезными заболеваниями.

Показатели выраженности механизмов психологических защит представлены на рис. 2.

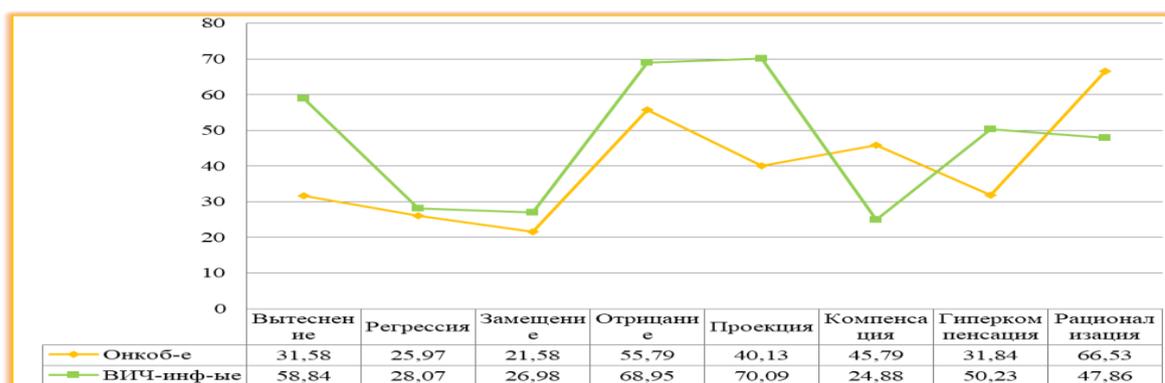

Рис. 2. Показатели выраженности механизмов психологических защит онкобольных и ВИЧ-инфицированных по опроснику «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика

Анализируя полученные результаты, можно отметить, что ВИЧ-инфицированным свойственно проявлять такие психологические защиты, как «вытеснение», «отрицание» и «проекция». Они склонны приписывать окружающим различные негативные качества, а также искать виноватых или причины своих проблем во внешнем мире, перекладывая ответственность за свои неприятные внутренние ощущения на окружающих людей, объекты, предметы. Испытуемые этой группы отрицают некоторые фрустрирующие, вызывающие тревогу обстоятельства, снижая при этом серьезность всей ситуации, что помогает им сохранять спокойствие и оптимизм. Также испытуемые с ВИЧ-инфекцией прибегают к использованию вытеснения проблемы, что может

проявляться в виде немотивированного забывания или игнорирования ситуации. При этом эмоциональная напряженность и травмирующее влияние проблемы на организм сохраняется.

Онкологические больные чаще используют такие механизмы психологической защиты, как «отрицание» и «рационализация». Больные предпринимают попытку уйти из эмоционально угрожающей ситуации путем ее отстраненного обсуждения в интеллектуализированных, абстрактных терминах. Полноценное переживание при этом отсутствует.

Заключение. Представленное исследование может послужить основой для профилактической, коррекционной и реабилитационной работы с женщинами, имеющими онкологические заболевания, и женщинами с ВИЧ-инфекцией, а также может стать основой для разработки методов и методик психической саморегуляции людей с данными заболеваниями.

Список литературы

1. Беляева, В. В. Технология консультирования при ВИЧ-инфекции / В. В. Беляева // Лекции по ВИЧ-инфекции / Под редакцией В.В. Покровского. — 2-е издание, переработанное и дополненное. — Москва : Общество с ограниченной ответственностью Издательская группа "ГЭОТАР-Медиа", 2018. — С. 526–538.
2. Большакова, Т.О. Психологические особенности защиты, совладания и стрессоустойчивости онкологических больных / Т. О. Большакова, Н. В. Устинова // Донецкие чтения 2020 : образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы V Международной научной конференции, Донецк, 17–18 ноября 2020 года / Под общей редакцией С.В. Беспаловой. — Донецк : Донецкий национальный университет, 2020. — С. 216–218.
3. Романова, Е. С. Механизмы психологической защиты : генезис, функционирование, диагностика / Е. С. Романова, Л. Р. Гребенников. — Мытищи : Талант, 1996. — 144 с. — ISBN 978-5-9268-0821-9.

УДК 159.9

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ГОРОДСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ

Худокормова Д.Р., Гордеева А.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
khudokormovadaria@yandex.ua; a.valer@mail.ru

Город Донецк, столица Донецкой Народной Республики, в течение восьми лет находится в условиях длительного военного конфликта, то есть более двух миллионов человек населения Донбасса живет в экстремальных военных условиях. Различия в восприятии города и его жителей для

каждой категории дончан могут проявляться в повседневной жизни, городских коммуникациях, могут приводить к конфликтам, быть причинами желания остаться жить в Донецке или покинуть его. Важной отличительной особенностью рассматриваемого военного конфликта является чрезвычайно высокая степень опасности, связанная с его принадлежностью к вооруженным конфликтам, представляющим собой крайне острую форму разрешения противоречий между государствами или военно-политическими группировками внутри государства, характеризующуюся двусторонним применением военной силы. Именно особенность социальной ситуации города делает актуальным изучения городской идентичности жителей военного города.

Среди жителей города Донецк на текущий момент можно выделить три категории. Первая — это дончане, которые никогда не покидали город, даже в самые трудные его времена. Во время проведения исследования наблюдалась тенденция возвращения дончан домой, именно они составили вторую категорию жителей. Третья категория — жители, переехавшие сюда из маленьких городков и поселков Донбасса в годы конфликта.

Городская идентичность в психологии понимается как стабильное суждение человека о себе как жителе конкретного города, прямое переживание своей связи с городом, чувство сопричастности городу и его жителям [2]. Ее изучением занимались А. Лефф, Г.В. Горнова, Д.В. Визгалов, К. Линч, М.В. Яковлева, Н.А. Шматко, Э. Берджесс, Э. Сои.

В исследовании приняло участие 600 человек в возрасте от 14 до 68 лет. Было сформировано три выборки по 200 человек в каждой: в первую вошли коренные жители Донецка (89 мужчин и 111 женщин, средний возраст которых 34 года), проживающие в городе постоянно, во вторую группу вошли коренные дончане, которые выезжали из Донецка во время активных боевых действий (105 мужчин и 95 женщин, средний возраст которых 39 лет), третью группу составили те жители, которые переехали из других городов и проживают в Донецке не более пяти лет (93 мужчины и 107 женщины, средний возраст которых 37 лет). Выборки репрезентативны, в них представлены люди разных возрастов, профессий, образовательного уровня и материального достатка.

Для диагностики городской идентичности нами были использованы следующие методики [1]: «Незаконченные предложения» (в авторской модификации); Семантический дифференциал «Город в восприятии горожан» (Е.Е. Пронина и Н.С. Гончарова); Неструктурированное фокусированное интервью «Мой город» (Н.К. Радина); «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей» (С.А. Богомаз, В.В. Мацута). Достоверность различий проверялась с помощью Н-критерия Крускала-Уоллиса.

Мы предположили, что длительность проживания в городе является важным фактором формирования городской идентичности. Предполагается,

что у коренных и приезжих жителей города идентификация с городом будет выражена в разной степени. Также была выдвинута гипотеза о том, что факт нахождения в ситуации боевых действий трансформирует представления о городе у его жителей: жители, которые выезжали во время боевых действий будут иметь более негативную оценку города и слабее чувствовать свою принадлежность к нему.

Результаты изучения реализуемости ценностей (методика СОРБЦ С.А. Богомаза) показали, что наименьший результат получили коренные жители, покидавшие город во время боевых действий (*59,61 балла*, что соответствует среднему уровню реализации), а приезжие и коренные жители, не покидавшие город во время боевых действий, видят большие возможности для реализации своих потребностей (*94,99* и *86,31* баллов соответственно). Различия подтверждены с помощью критерия Крускала-Уоллиса на *0,1%* уровне статистической значимости ($H_{эм.} = 362,75$).

На основе данных, полученных в результате применения методик «Незаконченные предложения», интервью «Мой город» (испытуемые должны были рассказать о своем городе трем людям: жителю обычного города, то есть «своим», жителю Москвы, то есть «другому» и жителю ЕС или США, то есть «чужому») и «Город в восприятии горожан», Донецк для горожан выглядит следующим образом.

Коренные жители, которые не выезжали из города во время боевых действий, считают свой город красивым (*1,68*), вдохновляющим (*1,75*) и мужественным (*1,68*). Оценка дана по шкале от 0 до 3. Город ассоциируется с родным домом (*58% ответов*), он является важной частью их жизни (*46%*), здесь можно стать лучше (*37%*), сильнее (*70%*) и мужественнее (*59%*). Большинство (*89%*) чувствует свою принадлежность к городу и считают, что быть жителем города — значит быть настоящим (*48%*) и искренним (*42%*), добиваться своих целей любой ценой (*51%*), верить в лучшее (*69%*) и всегда быть готовым к действию (*84%*). Те респонденты (*11%*), которые стремятся уехать из города среди причин выделяют желание стабильности и сложность поиска заработка. Рассказывая о Донецке «для своих» (в данном случае — для жителей малых городов) жители говорят о стойкости горожан, красоте города и в целом о жизни. Город «для других» (для столичных жителей) — это описание «реальной жизни», полной трудностей, которые недоступны столичным жителям. Только здесь, по мнению коренных дончан, которые описывают свой город «для чужих», можно осознать смысл жизни и приблизиться к правде.

Коренные жители, которые выезжали на время боевых действий, также считают Донецк мужественным (*1,02*), но также отмечают его уникальность (*1,67*) и отсутствие безопасности (*1,07*). Многие (*77%*) не хотят продолжать жить здесь и в ближайшем будущем снова хотят покинуть город. На это есть несколько причин: отсутствие безопасности

(непрекращающиеся обстрелы), отсутствие многих благ, которые есть в странах, не участвующих в военных конфликтах и несоответствие заработных плат и затрат на жизнь в городе. Описывая Донецк для разных категорий слушателей, респонденты говорят о недостаточно развитой инфраструктуре, нежелании находится в городе и даже о нарушении прав человека.

Приезжие жители описывают Донецк как новый и современный город (1,73), отмечая его красоту (1,53), яркость (1,82) и способность вдохновлять (1,65). Он кажется большим (50%), изысканным (37%), стойким (91%) и перспективным (75%). *Меньше 1%* опрошенных хотели бы уехать из Донецка, так как видят в нем возможности для развития. Описывают город для разных категорий примерно одинаково: говорят о силе и стойкости, о красоте города и о его уникальности. То есть в целом приезжие жители имеют наиболее позитивный образ города, что можно объяснить тем, что большинство приезжает из маленьких городов и сел, порой достаточно разрушенных во время военных действий, с проблемами найти работу для их жителей.

Психологическая составляющая научного анализа актуальной ситуации в Донбассе является одной из главных задач психологической науки и практики на современном этапе.

Исходя из данных результатов, можно сделать следующие выводы. Наиболее положительным Донецк стал для тех жителей, которые приехали из других небольших городов и поселков республики, а наименее положительным — для коренных жителей, которые уезжали на время активных боевых действий. Причиной этому могло стать сравнение с другими городами, и Донецк на их фоне менял свой облик.

Список литературы

1. Социально-психологические исследования города [Текст] / Российская акад. наук, Ин-т психологии; отв. ред.: Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев. — Москва : Изд-во "Ин-т психологии РАН", 2016. — 272 с.
2. Словарь / сост. С. Ю. Головин // Словарь практического психолога. — Минск : Харвест, 2007. — 976 с.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ СОБЫТИЙ: СОЧЕТАНИЕ ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО

Чуканов Е.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
e.chukanov@donnu.ru

Динамичность жизненного пути личности характеризуется неизбежной сменой стабильных и кризисных периодов. Интенсивные, внезапные изменения образа жизни определенным образом трансформируют отношения к жизненным событиям, влияют на особенности протекания интрапсихических процессов.

Выделяют ряд негативных событий, которые оказывают влияние на жизненный путь личности. К ним относятся неприятности: связанные с повседневной жизнью; отражающие возрастные и социальные трансформации (смена возрастных периодов, профессиональные, семейные кризисы и др.); внезапные потери, со стойкой негативной эмоциональной окраской; крупные социально-политические потрясения (война, стихийное бедствие и др.) [1].

Тем не менее, отмечается, что одно и то же событие может оказывать разное воздействие на членов общности, предполагается наличие объективной и субъективной сторон переживания.

Объективная сторона включает в себя социальную ситуацию развития как исходный пункт развития и становления личности. Субъективная сторона обозначается как интрапсихическая и включает в себя стратегии совладания с кризисной ситуацией, когнитивные и аффективные оценки. Процессом, который позволяет объединить выделенные стороны, выступает, по нашему мнению, переживание. Социальная среда оказывает влияние на развитие личности, переживание же определяет степень влияния среды.

Переживание является интегральным образованием, которое включает в себя эмоционально-волевые и когнитивные процессы. Комплекс когнитивных процессов позволяет осознавать и осмысливать отношение к определенному событию. Переживание, по своей сути, обозначает что и как переживается личностью [2].

Согласно Л.С. Выготскому, переживание определенной части среды будет определять степень воздействия на ребенка. Взятое безотносительно жизненное событие не оказывает воздействия на ребенка. Однако это же событие, преломлённое через переживание, в дальнейшем будет определять дальнейшее развитие ребенка. Ребенок же не выступает пассивным объектом, на который воздействует среда. Степень воздействия

определяется осмыслением среды, а также субъективной значимостью. Несмотря на то, что Л.С. Выготский рассматривает переживание в контексте детского развития, мы считаем, что его взгляды на данную проблематику можно экстраполировать на более поздние возрастные периоды [3].

Согласно С.Л. Рубинштейну, к переживаниям могут быть отнесены разнообразные психические явления (мысли, чувства, намерения и др.). Образуется единство внутреннего содержания психической жизни и того, что дано непосредственно. Исходя из этого, можно определить субъективные и объективные стороны переживания, которые представлены в сознании в качестве знания и переживания.

Для С.Л. Рубинштейна активность субъекта воплощается в понятии осуществления, то есть осуществления своей сущности. Сущность воплощается через деятельность и развертывается путем соотношения человека с миром. Человек в мире существует, а существовать — это страдать (пассивная позиция) либо действовать (активная, преобразующая). Как указывает С.Л. Рубинштейн, «человек не только находится в определенном отношении к миру и определяется им, но и относится к миру и сам определяет это свое отношение, в чем и заключается сознательное самоопределение человека. Важна не только его обусловленность объективными условиями, но и различие позиции субъекта, понятой не субъективистически (т. е. субъект против объекта), а как объективное ее изменение, как выражение изменения ситуации» [5, с. 25].

Субъект творческую сущность объективирует в мире, но вступает в противоречие с уже обособившейся действительностью. Включаясь в процесс жизни, со всеми свойственными ей диалектическими противоречиями, субъект корректирует процесс жизни и объективно меняется сам.

Для С.Л. Рубинштейна существование и отношение к жизни реализуется несколькими способами: парциально (к отдельным явлениям) и рефлексивно. По отношению к ситуации субъект выступает внутренним условием раскрытия объекта. Выделяются следующие виды отношений: познавательное, созерцательное, деятельностное, отношение к другому и искусству [5]. Однако, человек определяется не только через отношение к миру, но и через разрешение жизненных противоречий, неизбежно возникающих в процессе жизни. Таким образом, человек становится не только субъектом деятельности, но и субъектом жизни, куда входит также соотношение прошлое-настоящее-будущее, соотношение индивида и общества и др.

Т.Д. Марцинковская указывает, что одним из механизмов становления идентичности может быть переживание. Переживания подразделяются на два блока: индивидуальные (направлены на становление Я-образа) и социальные (направлены на интернализацию норм

и правил) [4]. На когнитивном уровне переживание способствует идентификации субъектом объекта, тем самым нивелируя преграды на пути познания. Актуализация когнитивного компонента позволяет сформировать образ ситуации и отношения, что способствует социализации. Динамический компонент переживания раскрывается в действиях с конкретными объектами, раскрытия их смыслового содержания.

Тем не менее, выделение компонентов — условно. В действительности мы наблюдаем их синтез, сочетание объективного и субъективного. Объективный план может конструировать как отрешенную действительность, предельно обобщающую реальность, так и образ конкретного бытия. Как правило, человек стремится создать образ конкретной ситуации, который всегда является социальным и объективируется в определенном контексте (социальном, этническом, культурном). Соответственно различные пласты бытия связаны с разными компонентами переживания. Социальное бытие связано с социальными переживаниями, актуализирует экзистенциальный поиск. Индивидуальное переживание связано с индивидуальным бытием, экзистенциальной рефлексией.

Посредством системы отношений к окружающей действительности происходит идентификация с ней, а переживания соотносят вновь приобретенное знание с имеющимися смыслами, ценностями. В результате изменяется ценностно-смысловая сфера субъекта. Переживания соотносят содержание личностной и социокультурной идентичности, соединяя их в обобщенное и непротиворечивое представление человека о себе и своем месте в окружающем мире. Исходя из этого, эти переменные могут рассматриваться в качестве механизма, при помощи которого формируется идентичность человека как целостная и непрерывная во времени система [4].

Учитывая все вышесказанное, при изучении особенностей становления психических свойств, в контексте воздействия определенных жизненных событий, следует соотносить объективные и субъективные стороны переживания. Безусловно, объективную сторону мы можем определить фактом ее наличия либо отсутствия, но с целью раскрытия субъективной стороны необходимо применение релевантного задачам исследования психодиагностического инструментария.

Список литературы

1. Анцыферова, Л. И. Личность в трудных жизненных условиях : переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. — 1994. — Т. 15. — № 1. — С. 3–18.
2. Вересов, Н.Н. Переживание как психологический феномен и теоретическое понятие : уточняющие вопросы и методологические медитации / Н.Н. Вересов // Культурно-историческая психология. — 2016. — Т. 12. — № 3. — С. 129–148. DOI:10.17759/chp.2016120308.

3. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. — Т. 4: Детская психология / под ред. Д. Б. Эльконина. / Л.С. Выготский — М.: Педагогика, 1984. — 432 с., ил. — (Акад. пед. наук СССР).
4. Марцинковская, Т.Д. Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся мире [Электронный ресурс] / Т.Д. Марцинковская // Психологические исследования : электрон. науч. журн. — 2009. — № 3(5). — URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.08.2022).
5. Рубинштейн, С.Л. Человек и мир [Текст] / С.Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург : Питер, 2012. — 224 с. (Мастера психологии). ISBN 978-5-459-00888-3.

УДК 159.9.072.423

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВАЦИИ ОДОБРЕНИЯ И ПЕРФЕКЦИОНИЗМА У СТУДЕНТОВ

Эйфир М.М., Пожарская Е.Л., канд. экон. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»
г. Москва, РФ
eyfir2001@yandex.ru

Введение. В современных условиях изучение перфекционизма и мотивации одобрения является актуальной проблемой и рассматривается в большинстве современных исследований [1,2]. Во многом это связано с темпами развития современного общества, затрагивающими почти все сферы нашей жизни, в том числе и сферу образования. Многие студенты стремятся постоянно улучшать свои навыки, добиваться идеального выполнения своей работы, соответствовать заданным высоким стандартам, получать одобрение своей деятельности со стороны, что в свою очередь может оказывать влияние на мотивацию одобрения у студентов. Поэтому в рамках данной работы было проведено исследование перфекционизма в контексте мотивации одобрения, поскольку ранее данный феномен рассматривался только с позиции теории личностных черт [3].

Основная часть. В исследовании приняли участие 64 респондента: 52 девушки и 12 юношей в возрасте от 18 до 25 лет, студенты московских высших учебных учреждений. Эмпирическое исследование на основе методик «Шкала мотивации одобрения» Д. Кроуна и Д. Марлоу и «Многомерная шкала перфекционизма Хьюитта-Флетта» проводилось в формате on-line опроса при помощи сервиса Google-Forms.

Цель исследования — установление наличия взаимосвязи между мотивацией одобрения и перфекционизмом у студентов в возрасте от 18 до 25 лет.

В ходе первичной обработки полученных данных по всей выборке было выявлено, что почти все респонденты (97%) демонстрируют высокие

показатели перфекционизма, ориентированного на себя. Прослеживаются низкие (35%) и средние (40%) значения перфекционизма, ориентированного на других. Отмечаются высокие показатели — 72%, социально предписанного перфекционизма.

Анализ интегральной шкалы перфекционизма по данной методике показал, что у 50% опрошенных выражены высокие показатели перфекционизма, 34% опрошенных показали средние результаты и 16% показали низкие результаты.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что для студентов исследуемой возрастной группы (18-25 лет) по шкале перфекционизма характерно:

- предъявление высоких критериев и требований в первую очередь к себе;
- оценивание требований со стороны окружающего социума, как чрезмерно завышенные и невозможные для выполнения или их осуществления;
- невысокие стандарты и требования по отношению к окружающим людям.

При рассмотрении результатов по методике «Шкала мотивации одобрения» Д.Кроуна и Д.Марлоу были выявлены низкие (34%) и средние (66%) значения мотивации одобрения.

Такие показатели могут означать, что для студентов данной возрастной группы (18-25 лет) по шкале мотивации одобрения характерно:

- с одной стороны, отсутствие желания выглядеть в глазах окружающих лучше, чем есть на самом деле, отсутствие потребности в одобрении со стороны окружающих, отсутствие потребности в социальном одобрении;
- с другой стороны, наличие неярко выраженной мотивации одобрения со стороны окружающих, желание выглядеть в глазах окружающих таким как есть на самом деле, что свойственно большинству людей.

Исходя из цели данного исследования, был проведен корреляционный анализ по критерию Пирсона между компонентами перфекционизма и мотивацией одобрения. Статистическая обработка данных проводилась при помощи программы SPSS Statistic.

В ходе данного анализа было установлено, что корреляционных связей между категориями перфекционизма и мотивацией одобрения нет. Во многом это говорит о том, что предъявление высоких критериев и требований в первую очередь к себе, оценивание требований со стороны окружающего социума, как чрезмерно завышенных, невозможных для выполнения или осуществления, не связано с мотивацией достижения одобрения.

Заключение. Проведенное исследование показало, что для большинства опрошенных характерно два показателя перфекционизма: перфекционизм, ориентированный на себя, и социально предписанный перфекционизм. Так же стоит отметить, что согласно интегральному показателю данной шкалы у 50% респондентов присутствуют высокие показатели перфекционизма. Студенты также демонстрируют средние и низкие значения мотивации одобрения.

Исходя из цели исследования, был проведен корреляционный анализ, который показал отсутствие взаимосвязи между исследуемыми показателями. Таким образом, мотивация одобрения и перфекционизм не имеют тенденции к взаимосвязи.

Полученные результаты могут быть использованы для более глубокого изучения и понимания специфики проявления перфекционизма и мотивации одобрения, а также позволяют провести более детальный анализ формирования механизмов данных процессов в дальнейших исследованиях.

Список литературы

1. Бияк, Л.Л. О современности классических теорий мотивации для анализа практик мотивационного менеджмента / Л.Л. Бияк // Московский экономический журнал. — 2020. — №2. — С. 353–359. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovremennosti-klassicheskikh-teoriy-motivatsii-dlya-analiza-praktik-motivatsionnogo-menedzhmenta> (дата обращения: 15.09.2022).
2. Димухаметова, А.С. Перфекционизм в связи с учебной мотивацией и учебной успешностью у студентов различных профилей (к постановке проблемы) / А.С. Димухаметова // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. — 2020. — №1. — С. 93–96. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perfektsionizm-v-svyazi-s-uchebnoy-motivatsiey-i-uchebnoy-uspeshnostyu-u-studentov-razlichnyh-profiley-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 15.09.2022).
3. Лымарев, В.Н. Теории профессиональной мотивации и их прикладное значение в современной высшей школе / В.Н. Лымарев, Н.В. Уварина // Инновационное развитие профессионального образования. — 2021. — №3 (31). — С. 71–77. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teorii-professionalnoy-motivatsii-i-ih-prikladnoe-znachenie-v-sovremennoy-vysshey-shkole> (дата обращения: 15.09.2022).

НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ В СИСТЕМЕ ДОСУГА И РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Яковлева И.П., канд. ист. наук, доц.,

Борисенко Д.С., Поварухина Р.О.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»,

г. Краснодар, РФ

pariny@rambler.ru

Введение. Современная социокультурная реальность, прежде всего, виртуализация и цифровизация многих сфер общественных и межличностных отношений, накладывает свой отпечаток на формирование личности и ее развитие в течение жизни. Активное внедрение в повседневную жизнь человека, особенно молодого, информационных технологий может, по мнению ряда исследователей, оказывать негативное воздействие на его физическое и психическое здоровье [1, с. 138]. Многие умения и навыки, которые ранее ребенок получал путем непосредственного взаимодействия с окружающей его естественной и социальной средой, на данном этапе существования общества требуют дополнительных целенаправленных усилий по их формированию. Однако, как и в предыдущие эпохи, значимое место в передаче культурного и социального опыта, развитию не только детей, но и взрослых занимает игра.

Основная часть. Настольные игры представляют собой особый вид времяпрепровождения и одно из основных звеньев интеллектуального формирования человека [2, с. 201]. Они способствуют развитию его социально-эмоциональной (мотивационно-личностной) сферы [3, с. 76]. Посредством их человек может приобрести определенный набор социально значимых качеств: способность понимать партнера по взаимодействию, планировать собственные действия, развить гибкость социального взаимодействия, освоить навыки командной работы, изучить основы невербальной коммуникации и многое другое.

С целью выявить отношение современной учащейся молодежи к такой форме организации досуга как настольные игры было проведено исследование. Опрос проводился среди учащихся 10-11 класса школ (40 человек) и студентов 1-4 курса Кубанского государственного технологического университета (70 человек). 61,4% опрошенных — мужчины, 38,6% — женщины. По возрасту респонденты распределились следующим образом: 27,3% — до 18 лет, 40,9% — 18-20 лет, 31,8% — 20-25 лет.

Опрос показал, что меньшинство представителей исследуемой группы (9,1%) негативно относятся к настольным играм. Более половины

респондентов заявили о положительном отношении к ним, 36,4% — о нейтральном. При этом опыт игры есть у большинства молодых людей (89,7%). Хотя на момент опроса 31,8% часто играют в настольные игры, 43,2% — делают это редко, четверть опрошенных вообще не играют в настольные игры.

Показательно, что, выбирая между настольными играми и компьютерными (интернет) играми, 27,3% юношей и девушек предпочли бы последние. Около половины 50,2% склонились бы в пользу настольных игр. Остальные 23,5% охотнее выбрали бы другое времяпрепровождение (прогулки с друзьями, спорт, рукоделие, просмотр фильмов, чтение и т.д.).

О степени приверженности данной форме досуга косвенно говорит готовность нести относительно серьезные для данной возрастной группы финансовые затраты на приобретение игр. Согласно данным опроса, безусловно готовы купить настольную игру более чем за 5 тыс. рублей 34,1% опрошенных, 38,6% допускают такой вариант после обдумывания и изучения отзывов других потребителей товара, 27,3% полагают такие траты неразумными.

Практически такой же процент респондентов (26,9%) считает определяющим при выборе игры ценовой фактор. 31,9% участников вопроса обращают внимание, прежде всего, на оформление игры. Для основной доли опрошенных (41,2%) наиболее значимым фактором выбора является механика игры.

Среди названных учащимися настольных игр можно выделить такие как Монополия, Берсерк, Герои, Цитадели, Эволюция, Нью Анжелес, Манчкин, ДнД, Покорение Марса, Уно, Свинтус, Игра Престолов, Мафия, Одержимость, Цивилизация, Карты, Коридор, Крылья, Вархаммер, Технолог, Альяс, Взрывные котятка. Наиболее предпочтительными для опрошенных жанрами игр являются стратегии (52,3%), карточные игры (47,3%), детективы (43,6%), ролевые (35,4%), экономические (31,2%), исторические (27,1%).

Подавляющее большинство опрошенных видят в настольных играх возможность весело провести время в кругу друзей (84,1%). Кроме того, опрошенные говорят о возможности развить воображение (68,2%), раскрыть свои творческие способности (50,2%), расслабиться, отдохнуть (47,7%), наладить общение (45,5%).

Важно подчеркнуть, что настольные игры тесно связаны с невербальной коммуникацией, которая представляет собой одно из наиболее распространенных средств общения. Благодаря данному средству формируются и регулируются отношения между собеседниками, выявляется образ собеседника, что помогает достичь взаимного понимания [4, с. 141].

Следует отметить, что только для четверти опрошенных данная форма досуга имеет семейный характер — 25,1% предпочитают играть в

настольные игры с членами своей семьи. 27,3% ищут единомышленников в специализированных клубах. Наибольшая группа — 47,6% респондентов играют преимущественно с друзьями и знакомыми.

Заключение. Несмотря на появление множество альтернативных способов времяпрепровождения, доступности интернет-связи как средства массовой коммуникации и многоканальной платформы [5, с. 239], настольные игры не утратили своей актуальности. И многие люди по-прежнему предпочитают играть в настольные игры, а не проводить время, например, за компьютером. По результатам опроса можно сделать вывод о том, что большинство использует настольные игры как способ расслабиться и наладить общение со своими близкими.

Список литературы

1. Каткова, А.Л. Влияние настольных игр на социализацию подростков / А.Л. Каткова, Е.С. Булычева, А.А. Каткова // Наука о человеке : гуманитарные исследования. — 2022. — Т. 16. — № 2. — С. 137–138.
2. Кокшарова, А.А. Настольные игры как средство социализации обучающихся в системе дополнительного образования / А.А. Кокшарова, С.В. Дудин, А.В. Карпунина // Апгрейд социальных проектов : этапы стартапа. Обновление 2025. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — 2019. — С. 198–202.
3. Салмина, Н.Г. Построение развивающих программ с использованием настольных игр / Н.Г. Салмина, И.Г. Тиханова, О.В. Черная // Психологическая наука и образование. — 2011. — № 2. — С. 75–76.
4. Бочкарева, А.С. К вопросу о невербальной коммуникации в молодежной среде / А.С. Бочкарева, Ю.В. Хотина // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". — 2017. — № 9. — С. 135–143.
5. Чунихина, Т.Н. Юридические аспекты интернета / Т.Н. Чунихина // Социальная реальность виртуального пространства : Материалы III Международной научно-практической конференции, Иркутск, 20 сентября 2021 г. / Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. — Иркутск : Иркутский государственный университет, 2021. — С. 238–243.

Человек в системе социальных отношений

УДК 159.9

КАРТЫ ТАРО КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Андриенко Е.В., д-р филос. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
elena_andrienko8@mail.ru

Карты Таро на сегодняшний день — одна из самых популярных в мире гадательных систем, а также инструмент психотерапии и психоанализа. Таро на сегодняшний день — это весьма эффективный инструмент работы с психикой и, в частности, с подсознанием. Если трактовать событие как результат предыдущего опыта, который также пересекается с опытом других, то чем больше времени до события, тем больше у человека есть возможностей влияния на ситуацию. Практик Таро подключается к потоку информации, которую, по сути, клиент дает сам, но не может ее интерпретировать.

Впервые колоду Таро начали использовать в середине XV в. в Италии, Германии, Англии и других странах Европы. Имеющиеся исторические сведения указывают на то, что Таро появились в Италии в 1420–1440 гг. Возможной малой Родиной Таро являются Милан и Флоренция. К XVIII в. игра в карты Таро стала одной из наиболее популярных игр в Европе. Во Франции накануне Революции, на волне массового интереса к Древнему Египту Таро начинают ассоциироваться с древнеегипетской культурой и обрастают мистическими ассоциациями. Во многом благодаря деятельности масона Антуана Кура де Жебелена, а также предсказателя Жана-Батиста Альетте (Эттейла), который издал первую книгу о гадании с помощью Таро, карты становятся важной частью мистической традиции Европы.

Таро выступают не только способом познания реальности, но и путем ее трансформации. Осознавая глубинные смыслы, заложенные в образах Таро, человек познает себя, собственные архетипы, ценности и установки, а значит — получает свободу Игры и свободу творить собственную Реальность.

Наиболее глубокое понимание терапевтического потенциала Таро в психологии присутствует в работах К.-Г. Юнга и его последователей [2, с. 288]. Согласно К.-Г. Юнгу, образы Таро живут в коллективном бессознательном — надличностном уровне психики. Это эталонные, гармонизирующие и исцеляющие образы. Арканы Таро — это и есть архетипы, отражающие коллективный общечеловеческий опыт [3, с. 219]. Так, Шут — это юнгианский архетип Дитя, Маг — это архетип Творца

(Мастера), Жрица — Царица Небесная, Императрица — Мать (Природа), Император — Отец (Мститель и Покровитель), Первосвященник — Святой, Влюбленные — Выбор, Колесница — Прорыв, и т.д. Юнг пришел к выводу о том, что Арканы Таро — это психологические символы, с которыми человек играет так же, как бессознательное играет со своим содержимым. Карты объединяются определенным образом, соответствуя игровым событиям в истории человечества.

Сюжеты Таро — это символическое выражение динамичных моделей поведения. Не случайно психологи сравнивают Таро с антивирусной программой, которая очищает психику от привнесенных деструктивных элементов, помогая их осознать и нейтрализовать их разрушительное влияние. Психотерапия посредством Таро — это научно оправданный, очень эффективный и при этом творческий процесс, в котором человек сам становится Творцом своей жизни через проживание сюжетов карт.

Юнг предлагал людям после серьезной трагедии, конфликта, развода и так далее вовлечение в процедуры гадания, а именно: использовать «И цзин», разложить карты Таро, обратиться к мексиканскому календарю для предсказания, составить гороскоп или прибегнуть к геомантическому гаданию [1, с. 13]. Если гипотеза Юнга верна, результаты всех этих процедур должны были совпасть.

Таро используются для медитативных практик и самопознания. При этом Таро становятся тренинговой площадкой для психологической работы с определенными жизненными ситуациями — деловыми и личными отношениями, собственными мотивами и желаниями.

Образы Таро неоднократно воспроизводились не только в самих колодах карт, но и в других культурных практиках. Например, именно тематика Таро определила знаменитый показ модного дома Christian Dior весна-лето — 2021. Тема Таро возникла в контексте творчества Dior не случайно. У Кристиана Диора была личная помощница (известная как мадам Делаэ), которая с помощью карт подсказывала кутюрье, какие действия следует предпринимать ради успеха в модной индустрии.

Парфюмерная серия Dolce & Gabbana под названием «Fragrance Antology» вдохновлена картами Таро (ароматы посвящены тем или иным Арканам). Сальвадор Дали написал собственную колоду Таро. Эта идея возникла у него, когда в 1973 г. его попросили создать шесть карт для съемок одной из частей бондиады «Живи и дай умереть». При этом художника так увлек процесс работы над картами, что он написал сюжеты для семидесяти восьми карт вместо шести, а в фильме о Бонде сняли карты другого художника. Колода Дали содержит автопортрет, а также образ его музы и супруги — Галы. В самой колоде Дали представлен в образе Мага. В своей жизни и творчестве Дали неоднократно воспроизводил образ Шута — субъекта, ведомого логикой Всевышнего, а не логикой земного бытия, а потому имеющего доступ к высшей мудрости.

На заре своего появления в Европе Таро были инструментом игры. По сохранившимся сведениям, во Франции Таро были азартной игрой, в которой принимали участие четыре человека. Позже эта игра распространилась практически по всей Европе и даже за ее пределы, например, она стала известна среди франкоязычных жителей Канады. Игра занимает важнейшее место в социокультурном и антропологическом бытии. Игра — это пространство творчества и максимальной свободы. Еще Гераклит говорил о том, что «вечность — это дитя, играющее в кости», подчеркивая причудливую изменчивость бытия. Игра позволяет осознать эту изменчивость окружающего мира и насладиться ею. Игра полностью неутилитарна. Человек играет ради собственного удовольствия и в ней познает реальность.

В еще одном социокультурном аспекте Таро — это одна из самых ярких и интересных страниц европейского мистицизма. Это одна из наиболее известных гадательных систем. Человек всегда желал знать будущее и использовал для этого разные методы. В целях прорицания судьбы Таро стали использоваться с XVI в. В Италии в 1540 г. вышла одна из первых книг, посвященных гаданию на картах (а именно — карт масти пентаклей) Франческо Марколино да Фоли. В XVII в. Болонье были сделаны записи, которые четко описывали мантическое значение карт Таро. Таро возникли в эпоху Возрождения. Это было время культурного расцвета и бурления самых разных идей и интересов, в том числе мистического характера. Отсюда тесные связи Таро с магией, астрологией, германизмом, неоплатонизмом и пифагорейской философией.

Таким образом, карты Таро — это разноплановый социокультурный феномен, а также эффективный инструмент психологической работы. Таро выступают не только способом познания реальности, но и путем ее трансформации. Осознавая глубинные смыслы, заложенные в образах Таро, человек познает себя, собственные архетипы, ценности и установки, а значит — получает свободу Игры и свободу творить собственную Реальность. Таро служили и служат источником вдохновения для художников, писателей, модельеров, парфюмеров, поэтов и мистиков. Многие колоды Таро (например, колода в исполнении Сальвадора Дали) имеют очевидную художественную ценность.

Список литературы

1. Салли, Н. Юнг и Таро. Архетипическое путешествие / Н. Салли. — Москва : Касталия, 2018. — 330 с.
2. Солодилова (Преображенская), А. Архетипы Таро. Психологический практикум / А. Солодилова (Преображенская). — Москва : ИГ «Весь», 2015. — 288 с.
3. Юнг, К.-Г. Понятие коллективного бессознательного : Доклад, прочитанный в обществе Абернети (Лондон) 19.10.1936 г. / К.-Г. Юнг // Зарубежный психоанализ : Хрестоматия. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — С. 211–224.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ И КОНФЛИКТООУСТОЙЧИВОСТИ МЛАДШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА

Безродный В.И., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

bezrodnyy@rambler.ru

Одной из главных составляющих профессиональных и общекультурных компетенций работника каждой организации, включая и медицинские учреждения, выступает способность рационально разрешать возникающие противоречия, быть устойчивыми к воздействию конфликтогенных факторов, к меняющимся требованиям среды [1,5].

В связи с этим, актуальной задачей сегодня выступает изучение факторов, которые оказывают влияние на конфликтоустойчивость: психологическую характеристику личности работников организации. Особенно это важно в настоящее время в ДНР, в ходе специальной военной операции на Украине [2,3,4].

Объектом исследования послужили мотивация и конфликтоустойчивость.

Предметом нашего исследования явились особенности взаимосвязи трудовой мотивации и конфликтоустойчивости сотрудников медицинского учреждения.

Целью было установление взаимосвязи трудовой мотивации и конфликтоустойчивости работника организации.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что положительная мотивация способствует благополучию и стабильности сотрудников медучреждения и оказывает влияние на конфликтоустойчивость и стили поведения в конфликтной ситуации.

Исследование проводилось в поликлинике при Донецком медицинском университете имени М. Горького (ГОО ВПО «ДонНМУ имени М. Горького»). В исследовании приняли участие два отделения поликлиники (кардиология и хирургия). Всего в исследовании принимали участие 40 испытуемых.

После проведения методики «Мотивация профессиональной деятельности» (методика К. Замфир в модификации А. Реана) были получены следующие результаты:

- показатель внутренней мотивации у медсестёр несколько выше (3,62), чем у санитарок (3,08), но эта разница статистически не значима ($P > 0,05$);
- показатель внешней отрицательной мотивации у санитарок был выше (3,31), чем у медсестёр (2,1), однако эти различия оказались

статистически значимы ($P < 0,01$), то есть вероятность ошибки статистического прогноза менее 1%;

- показатель внешней положительной мотивации больше у санитарок (3,07), чем у группы медсестёр (3,04), однако эта разница статистически не значима ($P > 0,05$);

- показатель уровня конфликтоустойчивости в группе санитарок и группе медсестёр был одинаков (33,5), однако это равенство статистически не значимо ($P > 0,05$).

При исследовании стилей поведения в конфликтных ситуациях были получены следующие результаты:

- показатель такого стиля поведения, как соперничество в группе медсестёр и санитарок был одинаков (5,1);

- показатель сотрудничества выше в группе медсестёр (5,34), чем в группе санитарок (4,24), однако эта разница статистически не значима ($P > 0,05$);

- показатель компромисса у санитарок (6,0) ниже, чем у медсестёр (7,0), но эта разница не значима ($P > 0,05$);

- показатель такого стиля, как избегание, выше в группе санитарок (6,2), чем в группе медсестёр (4,7). Различия значимы при ($P < 0,01$), то есть вероятность ошибки статистического прогноза менее 1%;

- показатель приспособления в группе медсестёр ниже (3,8), чем у группы санитарок (5,8). Различия значимы при ($P < 0,01$), то есть вероятность ошибки статистического прогноза менее 1%.

Выводы.

1. По результатам методики «Мотивация профессиональной деятельности» (методика К. Замфир в модификации А. Реана) в группе санитарок показатель внешней отрицательной мотивации выше. В этой группе мотивация персонала больше обусловлена какими-либо внешними отрицательными факторами, отражающими стремление избежать критики со стороны руководителя или коллег, а также возможных наказаний или неприятностей, конфликта, выговора и т.д.

2. При исследовании уровня конфликтоустойчивости с использованием методик «Экспресс-диагностика устойчивости к конфликтам» было выявлено, что показатель уровня конфликтоустойчивости в группе санитарок и в группе медсестёр одинаков, но это равенство статистически не значимо. Рассматривая результаты всех опрашиваемых, и группу санитарок, и группу медсестёр, видно, что половина имеет средний уровень конфликтоустойчивости. Другая половина делится на тех, кто имеет высокий уровень конфликтоустойчивости или выраженную конфликтность.

3. По результатам опросника К. Томаса «Стиль поведения в конфликте» выявлено, что в группе санитарок стили избегания и приспособления более выражены, чем в группе медсестёр. Различия

значимы ($P < 0,01$), то есть вероятность ошибки статистического прогноза равна 1%.

Список литературы

1. Малкина-Пых, И. Г. Экстремальные ситуации : справочник практического психолога / И. Г. Малкина-Пых. — Москва : Эксмо, 2005. — 284 с.
2. Мокшанцев, Р. И. Конфликтология в социальной работе : учеб. пособие. / Р.И. Мокшанцев. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. — 314 с. — ISBN 978-5-222-13114-5.
3. Моршенина, Г. М. Конфликтоустойчивость как целевой ориентир профессиональной подготовки будущих врачей / Г.М. Моршенина, А.Р. Моршинин // Образование и воспитание. — 2016. — №5. — С. 162–165. — URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/48/1683/> (дата обращения 10.09.2022).
4. Спивак, И. М. Роль научно-исследовательской деятельности в развитии личности медицинской сестры / И.М. Спивак, Е.Г. Бирюкова // Вестник Ассоциации медицинских сестер России. — 2015. — № 2/21. — С. 7–9.
5. Kardashov, V.V. Personnel motivation : theory and practice. Man and labor. — 2019;10. — С. 47–48. (In Russ.). [Кардашов, В.В. Мотивация персонала : теория и практика. Человек и труд. 2019;10. — С. 47–48].

УДК 373.21

ОПТИМИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ

Васина Ю.М., канд. пед. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого», г. Тула, РФ
j_m_vasina@mail.ru

Согласно разработанным теориям и методикам личностного развития дошкольников, оптимизация эмоционального благополучия детей рассматривается как неотъемлемая часть практической продуктивной и игровой деятельности со сверстниками, когда сама житейская ситуация требует от детей понимание эмоций, умений их выразить, а взрослые должны уметь создавать для этого все необходимые условия.

Теоретические и методические положения оптимизации эмоционального благополучия в общении со сверстниками развивали многие ученые: Т.В. Антонова, Е.П. Арнаутова, В.М. Бехтерев, А.В. Запорожец, И.Ю. Ильина, А.Д. Кошелева, Я.Л. Коломинский, М.И. Лисина, В.С. Мухина, Т.А. Репина, А.А. Рояк, Е.О. Смирнова, Р.К. Терещук, Г.А. Урунтаева, В.М. Холмогорова [1] и другие. М.И. Лисина определяет эмоциональное благополучие как стабильное эмоционально-позитивное состояние личности, источником которого

считается удовлетворение базовых потребностей данного возраста: как социальных, так и биологических. Такие исследователи, как И.Ю. Ильина, А.Д. Кошелева, Е.П. Арнаутова понимали под эмоциональным благополучием комфортное положительно-эмоциональное самочувствие личности, которое является основой взаимоотношений человека с окружающей действительностью. Оно влияет на: специфику внутренних переживаний индивида, эмоционально-волевою и познавательную сферы личности, способы переживания стрессовых ситуаций и способы взаимоотношения с окружающими. Е.В. Кучерова определяет феномен эмоционального благополучия как ощущение уверенности, безопасности, которое ведет к гармоничному развитию личности, формированию у него позитивного отношения к предметам окружающей действительности [1].

У детей дошкольного возраста, переживших стрессовые ситуации, чаще всего наблюдаются нестабильность или неадекватность эмоциональных реакций при взаимодействии со сверстниками, доминирование отрицательных эмоций. Считается, что наиболее типичными реакциями на травматические переживания в детском и подростковом возрасте являются: эмоциональная лабильность (резкая смена настроения без видимых причин, на стандартные бытовые проблемы реагируют плачем), раздражительность, обидчивость, сложности сосредоточения, вербализации своих эмоций, сбивчивость [2].

Исходя из вышесказанного, оптимизация эмоционального благополучия детей должна осуществляться по следующим направлениям:

- *реализация практической деятельности педагога-психолога*, способного установить эмоциональный контакт с ребенком и создать позитивный эмоциональный настрой работы ребенка в группе. В своей работе с тревожными детьми необходимо подобрать такие упражнения, дидактические игры или тренинги, позволяющие не только актуализировать положительные эмоциональные состояния ребенка, но и обеспечивающие пробуждение у них положительных эмоциональных переживаний посредством подбадривания, поощрения, создание ситуаций успеха;

- *создание психологически комфортной обстановки*, способствующей спокойному восприятию информации и располагающей к продуктивному общению и взаимодействию. Эмоционально-насыщенная среда (конкурсы, экскурсии, выставки работ детей) должна пробуждать у ребенка различные эмоции, способствовать снятию эмоциональных напряжений;

- *включение в работу с детьми здоровьесберегающих технологий*, позволяющих стабилизировать эмоциональное самочувствие ребенка, а также содействующих формированию у детей ценностного и осознанного отношения к состоянию своего здоровья. С целью устранения негативных эмоций, развития эмпатии у детей необходимо подобрать тренинговые и

психогимнастические упражнения. Использование в работе педагога-психолога динамических, статистических упражнений, различных видов массажей и терапий способствует развитию здоровой и полноценной личности;

- *налаживание позитивных взаимоотношений детей со взрослыми и сверстниками*. Проявление неподдельного интереса к ребенку, адекватное реагирование на его просьбы и доброжелательный тон во взаимоотношениях с ним являются основополагающими условиями создания благоприятной атмосферы сотрудничества и взаимопомощи. Положительные впечатления от общения с воспитателями, психологами, обеспечивающими активный досуг ребенка, содействуют становлению активной социальной интеграции дошкольников, стабилизации их эмоционального состояния.

От того насколько эффективно будут реализованы вышеописанные условия оптимизации эмоционального благополучия ребенка будет зависеть вырастет ли личность гармонически-развитой или с нарушениями.

Список литературы

1. Кучерова, Е.В. Эмоциональное благополучие детей как показатель их психологического здоровья / Е.В. Кучерова. — Москва : Изд. МГУ. — 2008. — 245 с.
2. Филиппова, Г.Г. Эмоциональное благополучие ребенка и его изучение в психологии / Г.Г. Филиппова // Детский практический психолог. — Москва : Просвещение, 2011. — 114 с.

УДК 159.99

ОСОБЕННОСТИ РОЛЕВОЙ СИСТЕМЫ В БЕЗДЕТНЫХ СЕМЬЯХ

Волошина А.А., Устинова Н.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
artyukh98@inbox.ru

Введение. Согласно теоретическим позициям, выработанным по отношению к семье в отечественной психологии, социальная потребность в семье без детей ниже, чем в семьях с детьми (Гребенников И. В., Антонов А. И., Трапезникова Т. М. и др.) [2]. В научных трудах выдвигаются положения, что семья без детей не выполняет репродуктивной и воспитательной функций, не удовлетворяет потребности общества в физическом и духовном воспроизводстве (Харчев А. Г.), а значит, не гарантирует продолжения существования самого человечества (Ковалев С. В.) [1]. Таким образом, исследование отношений в семьях без

детей и особенностей данной ролевой семейной системы является актуальной проблемой современной психологии.

Основная часть. Выборку исследования составили 40 семейных пар, состоящих в браке не менее 3 лет. Из них 20 пар, не имеющих детей, 20 пар — семьи с детьми. Возраст испытуемых от 25 до 40 лет. В результате анализа научных исследований по изучаемой проблеме было выдвинуто предположение, что существуют различия в ролевых ожиданиях и притязаниях в браке, семей без детей и семей с детьми.

С целью выявления изучаемых особенностей была использована методика: «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) Волкова А. Н., позволяющая изучить представления супругов о значимости в семейной жизни сексуальных отношений, личной общности мужа и жены, родительских обязанностей, профессиональных интересов каждого из супругов, хозяйственно-бытового обслуживания, моральной и эмоциональной поддержки, внешней привлекательности партнера [3]. Эти показатели, отражая основные функции семьи, составляют шкалу семейных ценностей (ШСЦ). Также, изучаются представления супругов о желаемом распределении ролей между мужем и женой при реализации семейных функций, объединенных шкалой ролевых ожиданий и притязаний.

Сравнительный анализ ролевой адекватности жён и мужей семей без детей показал, что для группы согласованными ролями являются родительско-воспитательная, эмоционально-психотерапевтическая, социальная активность; не согласованными ролями являются хозяйственно-бытовая и внешняя привлекательность (рис. 1).

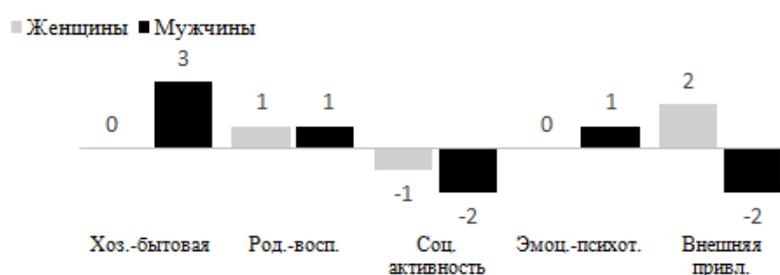

Рис. 1. Сравнение ролевой адекватности семей без детей

Сравнительный анализ ролевой адекватности жён и мужей семей с детьми показал, что для группы согласованными ролями являются хозяйственно-бытовая, эмоционально-психотерапевтическая, социальная активность; не согласованными ролями являются родительско-воспитательная и внешняя привлекательность (рис. 2).

Полученные данные говорят о специфике ролевого распределения в семьях без детей. Так выявлены различия в представлении супругов о хозяйственно-бытовой роли. В семьях с детьми различаются представления супругов о родительско-воспитательной роли. При этом

внешняя привлекательность является различной в представлении супругов обеих исследуемых групп.

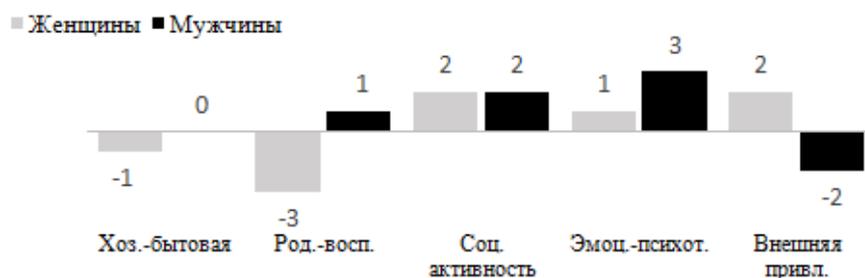

Рис. 2. Сравнение ролевой адекватности семей с детьми

Сравнительный анализ ролевой адекватности женщин двух исследуемых групп показал, что для них одинаково адекватна внешняя привлекательность. В то же время с помощью критерия Манна-Уитни были выявлены статистически значимые на 1% различия в хозяйственно-бытовой, родительско-воспитательной роли и социальной активности, значимые на 5% уровне различия в эмоционально-психотерапевтической роли.

Сравнительный анализ ролевой адекватности мужчин двух исследуемых групп показал, что для них одинаково адекватны родительско-воспитательная роль и внешняя привлекательность. Значимые на 1% уровне различия были выявлены в представлениях о хозяйственно-бытовой, эмоционально-психотерапевтической роли и социальной активности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что существуют различия в показателях ролевой адекватности в исследуемых семьях.

Сравнительный анализ семейной согласованности в двух исследуемых группах показал, что для обоих типов семей одинаково согласованными ролями являются: интимно-сексуальная, личностная идентификация с супругом, хозяйственно-бытовая, внешняя привлекательность. Были выявлены статистически значимые на 1% различия в согласованности родительско-воспитательной, эмоционально-психотерапевтической роли и социальной активности (рис. 3).

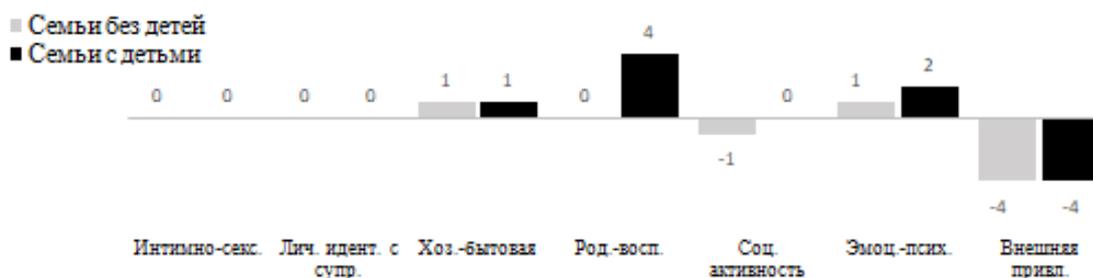

Рис. 3. Сравнение ролевой согласованности испытуемых двух групп

При анализе степени согласованности семейных ролей мужа и жены особое внимание заслуживают семейные роли, которые характеризуются наименьшим совпадением, так как их рассогласование является одной из причин ролевого несоответствия в супружеской паре. Так для семей с детьми такими ролями являются родительско-воспитательная и внешняя привлекательность, а для семей без детей внешняя привлекательность и, в меньшей степени, эмоционально-психотерапевтическая роль. Рассогласование ожиданий и притязаний супругов является конфликтогенным фактором, дестабилизирующим межличностные отношения в семье.

Заключение. Проведенное исследование показало, что существуют различия в ролевых ожиданиях и притязаниях, а также семейной сплочённости и ролевой адекватности супругов исследуемых групп. При этом у группы семей с детьми было выявлено больше ролевых конфликтов, чем в группе семей без детей. Полученные данные позволяют учитывать специфику ролевой системы в различных типах семей при построении психологической работы с супругами.

Список литературы

1. Андреева, Т. В. Социальная психология семейных отношений / Т. В. Андреева. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2006. — 244 с. — ISBN 978-5-288-04376-5.
2. Векилова, С. А. Психология семьи : учеб. и практикум для вузов / С. А. Векилова. — Москва : Юрайт, 2017. — 308 с. — ISBN: 978-5-9916-6285-7.
3. Ковалев, С. В. Психология современной семьи / С. В. Ковалев. — Москва : Просвещение, 1988. — 208 с. — ISBN 5-09-000427-7.

УДК 159.9.316.6

ПРИЧИНЫ ЗАВЕРШЕНИЯ СОВМЕСТНОЙ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАР ВЫСОКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ В ТАНЦЕВАЛЬНОМ СПОРТЕ

Зирин В.А., Овсяник О.А., д-р психол. наук, проф.
ФГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»,
г. Москва, РФ
vzirin@rambler.ru

Введение. Танцевальный спорт базируется на совместной и взаимосвязанной работе двух субъектов данного вида деятельности, а именно двух танцоров противоположных полов [4]. Такая особенность выполняемой

деятельности позволяет говорить о том, что внутри профессиональной пары имеют место межличностные отношения [2]. Межличностное взаимодействие двух партнёров может принимать характер дружеских или же сугубо профессиональных отношений [1].

Каждый танцевальный дуэт проходит в своём развитии несколько стадий: начальная стадия развития пары; прогресс и совершенствование пары; и, наконец, стадия расставания или завершения совместной спортивной деятельности. В танцевальном спорте партнёрство между спортсменами может прерваться как в силу объективных показателей, так и сугубо субъективных. В нашей научной работе нами были исследованы и сгруппированы все возможные причины, по которым танцоры принимают решение о выходе из своего настоящего танцевального дуэта.

Цель исследования: определить причины прекращения совместной спортивной деятельности в танцевальном спорте.

Задачи исследования:

1. Изучить особенности межличностных отношений партнёров в танцевальной паре.

2. Определить причины прекращения совместной спортивной деятельности партнёров в рамках танцевального спорта.

3. Выявить группы причин, по которым танцоры принимают решение о завершении совместной спортивной карьеры.

Объект исследования: межличностное взаимодействие партнёров в диаде танцевального спорта.

Предмет исследования: причины прекращения совместной спортивной деятельности пар высокой квалификации в танцевальном спорте.

Организация исследования. Исследование было проведено на базе ТСК «Вега Степ», ТСК «Атриум», ТСК «Вельвет», ТСК «Лидер» (г. Москва, г. Санкт-Петербург и Московская область).

Испытуемые. В исследовании приняли участие 100 танцоров (50 юношей и 50 девушек) в возрасте от 18 до 25 лет, имеющих звания МС, КМС и I взрослый разряды и классы танцевального мастерства А/S/M.

Методы исследования:

1. Анализ литературных источников.

2. Опрос по авторской методике (онлайн и оффлайн форматы).

3. Метод контент-анализа.

Результаты исследования. Респондентам был задан вопрос: «Каковы, по вашему мнению, могут быть причины расставания пар в танцевальном спорте? Выделите как можно больше причин». Далее все ответы были проанализированы и объединены в три отдельные группы методом контент-анализа. Танцоры отметили: «объективные» (было выделено 7 причин), «социально-психологические» (13 причин) и «необъективные» (7 причин) (см. таблицу).

Дифференциация причин прекращения совместной спортивной деятельности пар высокой квалификации в зависимости от их «объективности»

Причины прекращения совместной деятельности пар высокой квалификации в танцевальном спорте в зависимости от их «объективности»		
Всего 27 позиций		
«Объективные» причины	«Субъективные» причины	
7 позиций	«Социально-психологические» причины	«Необъективные» причины
	13 позиций	7 позиций

«Объективные» причины одобряемы, понимаемы и принимаемы всеми без исключения субъектами данных межличностных отношений: (двое танцоров, родители (законные представители), тренер(ы)). Пара не может существовать и развивать свои спортивные умения и навыки беспрепятственно в силу обстоятельств, вынуждающих либо одного из партнёров, либо сразу обоих говорить о расставании.

«Социально-психологические» причины основаны на невозможности или нежелании одного, или обоих партнёров прийти к некоему общему решению проблемы внутри пары или на неспособности педагогов и родителей (законных представителей) договориться между собой.

«Разрыва» можно было бы избежать, проявив определённые усилия, но по какой-то причине достичь общего знаменателя партнёрам так и не удалось. Эти причины могут быть обусловлены как межличностными отношениями между партнёрами внутри их пары, так и взаимоотношениями танцоров с тренером (группой педагогов), а также отношениями родители — тренеры (характерно для танцоров, не достигших совершеннолетнего возраста).

К группе «необъективных» причин были отнесены те обстоятельства, которые имеют некий психологический подтекст, то есть конец партнёрства кроется в неспособности или невозможности двух, или более партнёров по общению вести конструктивный межличностный диалог. Все включённые в неё позиции основываются на проблемах в коммуникативной сфере межличностного взаимодействия спортсменов или в мотивационной, личностной сфере одного из танцоров. Отнесение всех семи позиций именно к группе «необъективных» причин основано на их полярности по отношению к группе причин «объективных».

Заключение.

1. В результате проведённого исследования было выявлено 27 причин прекращения совместной деятельности пар высокой квалификации в рамках танцевального спорта, из которых четверть (25%) были объединены в группу «объективных» причин.

2. «Необъективные» причины завершения танцорами совместной спортивной деятельности основаны на психологических аспектах межличностного взаимодействия в паре спортсменов.

3. Превалирующими причинами прекращения совместной спортивной деятельности партнёров в танцевальном спорте стали «субъективные» причины, которые объединяют в себе две группы выделенных позиций: «социально-психологические» и «необъективные» причины.

Список литературы

1. Зирин, В. А. Человек в мире спорта : материалы всероссийской научно-практической конференции молодых исследователей с международным участием, посвященной 125-летию Национального государственного Университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург (27 сентября — 8 октября 2021 г.) : в 3 ч. Ч. 2. / В.А. Зирин, А.А. Ключко // Министерство спорта Российской Федерации, Национальный государственный Университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург; гл. ред. С.И. Петров. — Санкт-Петербург : НГУ им. П.Ф. Лесгафта, 2021. — 193 с. — С. 21-27.
2. Зирин, В. А. Рудиковские чтения : материалы XV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Рудиковские чтения-2019» (28-29 мая 2019 г.) / В.А. Зирин, О.В. Натарова // под общей ред. Ю.В. Байковского, В.А. Москвина. — Москва : РГУФКСМиТ, 2019. — 282 с. — С. 81-86.
3. Серова, Л. К. Психологическая классификация видов спорта / Л.К. Серова // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. — 2018. — № 1 (155). — С. 302–306.
4. Серова, Л. К. Психологическая характеристика танцевального спорта / Л. К. Серова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. — 2018. — № 1 (167). — С. 393–397.

УДК 615.849

СУБЪЕКТИВНАЯ УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ БРАКОМ И ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА У МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН (НА ПРИМЕРЕ ПЕРВЫХ ЭТАПОВ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ)

Исраилова Ш.Р., Бабаджанова Н.Р., канд. психол. наук, доц.
Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
в г. Ташкенте, г. Ташкент, Республика Узбекистан
nazarovastudent99@mail.ru

В современном мире, в то время как индивидуалистические идеи становятся все более актуальными и приоритетными, наблюдается кризис института брака и традиционных семейных отношений. Вне поля зрения оказываются проблемы реальных отношений в семье, отношение к женщине, интересы и психологическое состояние молодых супругов, их психологическая готовность или отсутствие таковой готовности к браку.

Однако, если обратиться к проблеме развития семьи в Узбекистане в сравнении с положением этого вопроса на глобальном мировом уровне и провести сравнительный анализ состояния семейно-брачных отношений по странам мира, то можно сделать выводы об относительно благополучной ситуации в сфере семейно-брачных отношений в нашей республике.

Тем не менее, независимо от этого, культурные стереотипы, предписывающие обязательное вступление в брак и его сохранение не учитывают реальных отношений в семье, отношение к женщине, ее интересы и психологическое состояние в целом, ее готовность или не готовность к браку. Таким образом, данные факторы могут привести к субъективному ощущению одиночества и неудовлетворенности браком у женщин, что может стать причиной возникновения конфликтов в семье и привести к распаду семьи.

Проведенная нами работа была направлена на выявление, описание и анализ влияния факторов на возникновение переживания чувства одиночества и тяжести его проживания в новой семье, которые приводят к ощущению неудовлетворенности браком у молодых женщин.

Основная *цель* работы заключалась в изучении уровня субъективной удовлетворенности браком женщин, находящихся на первых этапах семейной жизни в соотношении с факторами, актуализирующими в их субъективной реальности чувство одиночества. Нами были выдвинуты предположения о том, что: 1) субъективная удовлетворенность браком у женщин, находящихся на первых этапах семейной жизни, коррелирует с выраженностью параметров их психологического благополучия и связана с одним из трех типов переживания чувства одиночества; 2) параметры психологического благополучия и мотивы вступления в брак могут влиять на переживание чувства одиночества и формировать субъективное отношение к нему; 3) переживание одиночества сопровождается высоким уровнем тревожности и снижает уровень субъективной удовлетворенности браком. В исследовании были использованы следующие методы и методики: дифференциальный опросник переживания одиночества (Е.Н. Осин и Д.А. Леонтьев); опросник удовлетворенности браком (Ю.Е. Алёшина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская); опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко); методика «Мотивы вступления в брак» С.И. Голод; методика «Шкала личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера; анкетирование.

Участниками исследования были молодые женщины, чей стаж в браке находился в диапазоне от 1 до 10 лет. Общее количество участвующих в исследовании респондентов — 101 женщина в возрасте от 20 до 30 лет. Из них 67% являются матерями дошкольников и 33% не имеют детей. Основная часть замужних женщин (67%) дали отрицательный ответ на вопрос, связано ли их чувство одиночества с супружеством, но 33% женщин испытывают чувство одиночества, связывая его с отношениями в браке.

На основе полученных данных, собранных в ходе исследования, наши результаты подтвердили связь субъективной удовлетворенности браком у женщин, находящихся на первых этапах семейной жизни, с параметрами их психологического благополучия. Автономия и

возможность контролировать окружающую среду способствует повышению удовлетворенности браком. А переживание чувства одиночества снижают данный феномен. Также была установлена взаимосвязь мотивов вступления в брак с переживанием одиночества и формированием индивидуального отношения к нему. Исходя из этого, можно сказать, что существуют такие мотивы, которые усиливают или, наоборот снижают переживание чувства одиночества. Такие параметры психологического благополучия как автономия, цели в жизни и личностный рост снижают выраженность переживания чувства одиночества и влияют на формирование позитивного отношения к нему.

Тревожность, как индивидуально-психологическая особенность личности снижает субъективную удовлетворенность браком у женщин. Интересно, вместе с тем, что возникновение самой тревожности связано с переживанием чувства одиночества.

Стоит отметить тот факт, что нами была рассмотрена только малая часть тех психологических аспектов, которые могут влиять на предмет нашего исследования. Тем не менее, полученные нами результаты расширяют представление о психологической реальности феноменов субъективной удовлетворенности браком и переживания одиночества у молодых женщин. Результаты данного исследования могут быть использованы в качестве основы развивающих и профилактических социальных программ по вопросам семейных отношений, применимы в семейном и индивидуальном психологическом консультировании, а также позволят расширить понимание феноменов удовлетворенности браком, особенностей переживания одиночества для повышения эффективности психологической помощи молодым женщинам.

Список литературы

1. Алешина, Ю.Е. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений / Ю.Е.Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская. — Москва : Изд-во Московского университета, 1987. — 104 с.
2. Алёшина, Ю.Е. Удовлетворённость браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем семейной жизни: дисс. канд. психол. наук. — Москва : 1995. — 250 с.
3. Голод, С.И. Стабильность семьи : социологический и демографический аспекты. — Ленинград, 1984. — 136 с.
4. Карabanова, О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования : Учебное пособие. — Москва : Гардарики, 2005. — 320 с. — ISBN 5-8297-0189-8.
5. Осин, Е. Н. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства. Психология / Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев // Журнал Высшей школы экономики. — 2013. — 10 (1). — С. 55–81.
6. Deci, E. L. Self-determination theory : A macrotheory of human motivation, development and health / E. L. Deci, R. M. Ryan // Canadian Psychology. — 2008b. — Vol. 49. — P. 182–185.

ВЫЯВЛЕНИЕ НАЛИЧИЯ БУЛЛИНГА В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Когай И.А., Шукишина Л.В., д-р филос. наук, проф.
ФБГОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»,
г. Москва, РФ
anthropophob@inbox.ru

Введение. Проблема насилия является актуальной с момента становления общества. Буллинг — травля детей и подростков со стороны сверстников, сегодня одна из наиболее распространенных проблем в образовательной среде. Понятие буллинга появилось в начале XX в., но широкое распространение получило относительно недавно — норвежский психолог Ольвеус Д. применил данное понятие в 1993 г. Сейчас буллинг применим не только по отношению к детям и подросткам, но и к молодежи, взрослым людям в образовательной и рабочей среде, но исследований молодежи и взрослых сравнительно меньше, чем исследований, посвященных детям. Поэтому выявление наличия буллинга в студенческой среде является актуальной темой психологии.

Основная часть. Лейн Д.А. ассоциирует буллинг со школьной травлей и предполагает под буллингом длительное физическое или психологическое насилие со стороны одного человека или группы лиц [3]. Бердышев И.С. понимает буллинг как намеренное, неоднократное насилие, не являющееся самозащитой и исходящее от одного или нескольких человек [1]. Кон И.С. подразумевает под буллингом запугивающее терроризирующее поведение, направленное на то, чтобы вызвать страх у жертвы и подчинить ее [2].

Если говорить о видах буллинга, то в настоящий момент выделяют:

- вербальный (словесный) буллинг: оскорбления, насмешки, угрозы и т.д.;
- физический буллинг: телесные повреждения и порча личного имущества;
- социальный (психологический) буллинг: оскорбительные жесты, игнорирование, бойкоты и принуждения к чему-либо;
- кибербуллинг: угрозы, оскорбления, распространение личной информации, дезинформация и др. в интернете.

Для выявления наличия буллинга в студенческой среде было проведено эмпирическое исследование. Выборка составила 46 испытуемых: 34 девушки и 12 молодых людей, являющихся студентами 1-4 курсов высших учебных заведений в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст — 20 лет). Эмпирическое исследование проводилось при помощи методики на выявление «буллинг структур» Норкиной Е.Г. [4] и анкеты, позволяющей

выявить наличие буллинга в образовательной среде. При получении данных тестирования, был проведен анализ отдельных «буллинг структур».

На первом этапе эмпирического исследования, были проанализированы результаты анкеты, позволяющей выявить наличие буллинга в образовательной среде. Среди опрошенных на «отлично» обучается 41% студентов, 55% — на «хорошо» и 4% — на «удовлетворительно». На вопрос: «нравится ли Вам атмосфера в учебной группе?» 67% ответили положительно, 19% — отрицательно, 14% затрудняются ответить. В то же время 63% студентов отмечают, что в учебной группе у них есть настоящие друзья, 23% отмечают, что в учебной группе у них нет друзей и также 14% затрудняются ответить; также 14% студентов отмечают, что в учебной группе у них есть недоброжелатели, 59% отмечают, что в учебной группе у них есть недруги и 27% затрудняются ответить. Большинство студентов (86%) отмечают, что они сталкивались с буллингом в образовательной среде, при этом 42% отмечают, что инициатором буллинга являлись одноклассники, 33% — преподаватели, по 11% — администрация и старшие обучающиеся и 3% — студенты младших курсов. Также студенты отметили, что в 64% случаев они просто наблюдают со стороны, в 32% — пытаются заступиться за жертву и в 4% случаев сами являются объектами травли. Студенты отметили, что в случае буллинга стоит обратиться к преподавателю/куратору (18%), к психологу (17%), к администрации (15%), к родителям (12%) или старосте (12%), к друзьям (10%), в центр психологической помощи (8%), в органы власти (5%) или ни к кому (3%). Но действительно могут обратиться к родителям (19%), к администрации (17%), к психологу (15%), к старосте (13%), к друзьям (13%), к преподавателю/куратору (11%), в центр психологической помощи (7%), в органы власти (5%) или ни к кому (3%).

Далее были проанализированы результаты методики (рис. 1). Мы видим, что большинство студентов в ситуации буллинга оказываются в роли защитника (тот, кто заступает за жертву буллинга). Такие студенты пользуются определенным авторитетом в группе и сами редко подвергаются буллингу или участвуют в нем. В группе опрошенных оказалось равное количество наблюдателей (свидетель насилия над человеком, не предпринимающий каких-либо действий, способствующих разрешению критической ситуации) и помощников (приспешники обидчика) (9%). 5% опрошенных являлись жертвами насилия, а инициаторов (обидчиков) выявлено не было. Во время травли все окружающие люди, кроме непосредственных участников насилия (инициатора, помощников и жертвы) являются свидетелями: наблюдателями или защитниками, разница между ними проявляется в действии или бездействии в данной ситуации.

Далее были подсчитаны первичные статистические характеристики (среднее арифметическое — \bar{x} , стандартное отклонение — SD, медиана — M) для всей выборки (табл.).

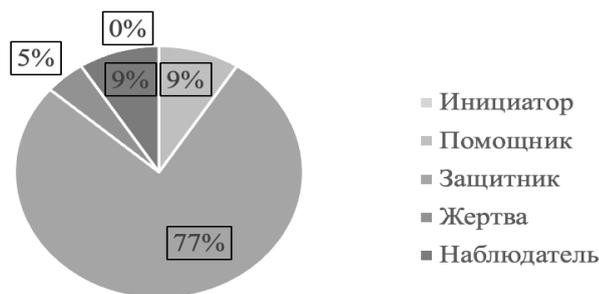

Рис. 1. Результаты Методики на выявление буллинг структур, %

Таблица.

Первичные статистические характеристики результатов методики на выявление «буллинг структур»

статистическая характеристика	значение*
\bar{x}	10,55
SD	1,57
M	11

Данное исследование подтверждает тот факт, что в образовательной среде вузов существует буллинг. Также можно сделать вывод о том, что буллинг может затронуть не только студентов, но также и преподавателей. Меньший процент жертв и большее количество свидетелей, может объясняться тем, что насилию обычно подвергаются одни и те же люди.

Заключение. Учебный буллинг может иметь серьезные долгосрочные последствия для физического и психологического здоровья жертв. Поэтому большую значимость имеет профилактика буллинга в учебных заведениях. Для предотвращения буллинга важно не столько наказывать обидчиков, сколько повышать способность жертв сопротивляться насилию и уменьшать их виктимизацию. Также немаловажно создавать благоприятную образовательную (и домашнюю) среду для комфортной жизнедеятельности обучающихся. Этого можно добиться с помощью авторитетной вовлеченности преподавателей и администрации вузов, последовательным, но не карательным санкционированием за нарушение правил и неприемлемое поведение.

Список литературы

1. Бердышев, И. С. Лекарство против ненависти / И.С. Бердышев. — URL: <https://ps.1sept.ru/article.php?ID=200501822> (дата обращения 10.05.2022).
2. Кон, И. С. Что такое буллинг и как с ним бороться? / И.С. Кон. — URL: <http://sexology.incarne.net/info178.html> (дата обращения 10.05.2022).
3. Лэйн, Д.А. Школьная травля (буллинг) / Д.А. Лэйн. — URL: <http://www.zipsites.ru/psy/psyib/info.php> (дата обращения 10.05.2022).
4. Норкина, Е. Г. Методика на выявление «буллинг структур» / Е.Г. Норкина. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-na-vyyavlenie-bulling-struktury/viewer> (дата обращения 10.05.2022).

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ НА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ РЕАГИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ

Костюренко А.А., Гордеева А.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
stasyadotsenko@gmail.com; a.valer@mail.ru

Введение. В настоящее время все более очевидной стала ключевая роль молодежи как важной социальной группы в развитии государства и общества. Современная молодежь — это поколение, от которого зависит не только будущая судьба государства, но и его настоящее. Это поколение отличается от остальных групп общества уровнем и состоянием здоровья, интеллектуальной активностью, мобильностью, легкостью восприятием современных технологий.

Социальная реклама как некоммерческий тип коммуникации призвана выставлять на публику общественные и государственные интересы и помогать достижению благотворительных целей. Социальная реклама — это реклама не конкретного продукта, а определенного отношения к миру. Это может проявиться только в длительной перспективе. Естественно, конечный результат ее воздействия заранее не предсказуем. Основным источником для появления социальной рекламы выступает общественная жизнь, которая переполнена конфликтными ситуациями и противостоянием на уровне социальных групп и крайне остро нуждается в позитивно-созидательных стимулах и процессах. Исходя из этого, актуальной проблемой является изучение влияния социальной рекламы на эмоциональное реагирование молодежи в зависимости от контекста [5]. Мы предположили, что эмоциональное реагирование девушек и юношей на рекламу имеет свои специфические особенности.

Основная часть. Для подтверждения данной гипотезы был сформирован диагностический инструментарий: методика «Определение степени внушаемости» (О.П. Елисеев); методика «Характеристики эмоциональности» (Е.П. Ильин); методика «Самооценка психических состояний» (Г. Айзенк); авторская модификация метода семантического дифференциала Ч. Осгуда. Исследование проводилось на базе ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» на платформе Google Формы. В исследовании приняло участие 20 студентов, средний возраст которых — 20,6 лет.

Для исследования было отобрано 4 видеоролика, отображающие значимые социальные темы. Опишем особенности каждого. Социальный видеоролик «Лучший папа» [3] — рассматривается тема взаимоотношений родителей и детей, уделяется внимание проблеме уважительного отношения к старшим. Социальный видеоролик «Не клади трубку» [4] —

рассматривается тема значимости жизни, а также дружеской поддержки. Социальный видеоролик «Пусть это будет не зря» [2] — данный видеоролик рассматривает тему значимости военного подвига, а также несет посыл о том, что в любой ситуации необходимо оставаться человеком и любить Родину. Социальный видеоролик «Атмосфера добрых дел» [1] — видеоролик направлен на привлечение к добрым делам, несет посыл о том, что, делая доброе дело, мы запускаем цепочку добрых дел.

Для начала охарактеризуем личностные особенности респондентов. По результатам методики «Определение степени внушаемости» был выявлен средний уровень внушаемости. То есть респонденты могут прислушиваться к мнению окружающих, но не готовы полностью менять свое поведение, лишь исходя из требований или предложений других.

Также благодаря методике «Характеристика эмоциональности» мы выявили, что все показатели находятся на среднем уровне, кроме показателя отрицательного влияния эмоций, который находится на низком уровне. То есть у респондентов выражена чувствительность, легкость и быстрота возникновения различных эмоциональных переживаний. Эмоциональные переживания не глубоки, характерен средний уровень длительности эмоций. Можно отметить низкий уровень отрицательного влияния эмоций на эффективность деятельности и общения.

Исходя из результатов методики «Самооценка психических состояний», можно говорить о том, что у испытуемых достаточный порог для возникновения тревожности. Испытуемые редко испытывают тревогу, связанную с ожиданием неблагоприятного исхода, с предчувствием опасности. Также можно отметить, что испытуемые редко испытывают ощущение разочарования, раздражения, тревоги, отчаяния. Для испытуемых не характерна не вызванная объективными обстоятельствами неспровоцированная враждебность по отношению к людям и окружающему миру.

Далее было проанализировано отношение респондентов к каждому из видеофрагментов. Стоит отметить, что отрицательные значения характеристик соответствуют первому значению в паре, положительные — второму. То есть для анализа важен сам балл, а не знак перед ним.

Анализ оценки социальной рекламы «Лучший папа», посвященный уважительному отношению к родителям, показал, что ролик характеризуется как грустный (2,25), медленный (1,45) и скромный (-1,9). Также можно отметить, что данный видеофрагмент вызывает у респондентов сильные эмоциональные реакции, они говорят об отсутствии радости (-3,1) и умиротворения (-2,8), а также о грусти (2,4). Респонденты отмечают, что данный видеоряд заставляет задуматься о том, как важно ценить родителей и уважительно относиться к ним, когда они требуют внимания.

Респонденты оценивают видеоролик «Не клади трубку», который направлен на профилактику суицида, как понятный (-1,25), быстрый (-1) и

информативный (-1,05). Данный видеотрегмент вызывает у респондентов умиление (2,05), заинтересованность (1,8) и небольшое раздражение (1,3). Данный видеотрегмент не вызвал сильной реакции у респондентов, напротив вызвав больше раздражения. Однако также финал истории (спасение от самоубийства) оценивалось как хорошее и милое.

Социальная реклама «Пусть это будет не зря», которая направлена на увеличение информированности граждан о войне и уважительной памяти к её героям, оценивается как грустная (2,3), неагрессивная (1,15) и понятная (-1,4). Данная социальная реклама сильно эмоционально окрашена, она вызывает у респондентов сильную грусть (4,1), заинтересованность (3,5) и отсутствие радости (-3,65) и смеха (-3,65). Именно данный видеоряд нашел наибольший отклик у респондентов, он оценивался как грустный и вызывающий боль, так как переключается с событиями, происходящими в настоящее время.

Респонденты оценивают видеотрегмент «Атмосфера добрых дел» как скучный (1,4), напряженный (1,15), грустный (0,75) и красивый (-0,9). Данная социальная реклама вызывает у опрошенных респондентов отсутствие смеха (-2,8), удивление (2,6) и некую радость (1,8). Видеоролик вызвал положительную эмоциональную реакцию, респонденты отмечают, что после просмотра захотели сделать доброе дело.

Заключение. Выявлено, что наибольшую эмоциональную реакцию вызывает видеоролик, посвященный войне и её героям, именно этот сюжет вызывает у респондентов интерес. Данный видеоряд, при этом, достаточно негативный и реакция на неё — слезы и грусть. Респонденты отмечают, что данная реклама вызывает ассоциации с происходящим в стране и из-за этого чувства намного сильнее. Полученные результаты подтверждают то, что социальная реклама имеет влияние на эмоциональное реагирование молодежи, и данное влияние имеет свои специфические особенности в зависимости от своего контекста и идеи.

Список литературы

1. #ЖИТЬ | Атмосфера добрых дел // YouTube. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wksqC4GOaKE> (дата обращения: 25.01.2022).
2. #ЖИТЬ | Пусть это будет не зря // YouTube. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mKvnbVw1P5Y> (дата обращения: 25.01.2022).
3. Лучший папа — социальный ролик // YouTube. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EwayrN9WuEk> (дата обращения: 25.01.2022).
4. Не клади трубку (Социальный ролик про нашу жизнь) // YouTube. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=j14hzBw_SoM (дата обращения: 25.01.2022).
5. Фонталова, Н. С. Влияние социальной рекламы на отношение современной молодежи к социально-негативным явлениям / Н.С. Фонталова // Baikal Research Journal. — 2013. — №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialnoy-reklamy-na-otnoshenie-sovremennoy-molodezhi-k-sotsialno-negativnym-yavleniyam> (дата обращения: 12.01.2022).

СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ СЕМЕЙ ГРУПП РИСКА ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Кулемзина Т.В., д-р мед. наук, проф.,

Папков В.Е., Красножон С.В., канд. мед. наук, доц.

ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет

им. М. Горького», г. Донецк, РФ

parkovvalery@rambler.ru

Введение. На кафедре интегративной и восстановительной медицины ДонНМУ им. М. Горького в рамках НИР была разработана и апробирована *тестовая методика нейропсихологического обследования группы связанных лиц*, направленная на определение *группового интегративного профиля функциональной межполушарной асимметрии (ГИПФМА)* [1,2,3].

Основная часть. Данная тестовая методика была применена для обследования членов семей детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) с целью выявления особенностей ГИПФМА семей, имеющих риск развития РАС, а также возможного *латентного фактора*, способствующего реализации РАС.

В группу обследованных (100 семей) были включены семьи, имеющие детей с уже установленным и подтвержденным ранее диагнозом РАС. В контрольную группу (20 семей) были включены семьи детей, аналогичных по возрасту детям из основной группы, но не имеющих симптомов и явлений РАС. Указанная методика определения (ИПФМА) включает в себя несколько этапов.

1. На первом этапе были сформированы семейные группы обследуемых лиц, профиль функциональной межполушарной асимметрии (ФМА) которых учитывался при построении ГИПФМА. При этом, в группу членов семьи ребенка с РАС включались только те родственники, которые имели общение с ребенком или между собой не реже одного раза в неделю. Поэтому, количество членов семьи, входящих в ГИПФМА семьи ребенка с РАС, имело вариативный характер. Семья может состоять из одного родителя, а может включать в себя целый ряд родственников. Следует отметить возможность включения в состав этих семейных групп других лиц, предположительно влияющих на формирование особенностей ГИПФМА, тесно общающихся с детьми, но не имеющих с ними родственной связи. На данном этапе исследования такое расширение семейных групп исключалось.

2. На втором — применялось исследование по общепринятым нейропсихологическим методикам: анкетирование с использованием

опросников «Типология 2»; тесты для определения парциальных сенсорно-моторных асимметрий; динамометрию кистей рук с целью установления скрытого левшества. В результате — формировались отдельные профили ФМА каждого лица выбранной группы.

3. На третьем — из уже сформированных профилей (ФМА) каждого члена семьи формировался ГИПФМА уже всей семьи.

4. В ходе проведения четвертого этапа проводился анализ профиля ГИПФМА семьи, в ходе которого оценивались отношения контралатеральных пиков ФМА членов семьи, а также степень сглаженности профиля ГИПФМА и его собственная (интегративная) латерализация, выражающаяся в ориентации наклона профиля и степени этого наклона.

Для выявления возможного *латентного фактора*, способствующего реализации РАС, в отношении первичных данных был применен *разведочный факторный анализ* для выявления скрытой факторной структуры без предположения о числе факторов и их нагрузках, с целью получения максимально простой и наглядной структуры факторов РАС, а также выявления фактора(-ов) *латентного* типа.

Латентный фактор РАС вычислялся как разница между единицей и отношением сумм сырых баллов факторов контр латеральных рецессивных полушарий (мужского правого и женского левого) к доминантных полушарий (мужского левого и женского правого) умноженную на 100 процентов:

$$\text{«\% конвергенции»} = 1 - (M_Л + Ж_П) / (M_П + Ж_Л) \times 100\%.$$

В обработке данных использовался пакет стандартных статистических программ. Различия между независимыми группами были найдены с использованием t-критерия. Различия между зависимыми группами были проанализированы с использованием непараметрического метода (критерий Пирсона) и дисперсионного анализа. Оценка зависимости между двумя переменными проводилась по коэффициенту корреляции Спирмена, а также с использованием методов регрессионного анализа. Достоверными считались данные при $p < 0,05$. Результаты, значимые на уровне $p < 0,01$, обычно рассматривались как статистически значимые, а результаты с уровнем $p < 0,005$ или $p < 0,001$ — как высоко значимые.

Заключение. Вышеперечисленное является методологической основой формирования персонифицированного подхода вторичной профилактики и восстановления детей с РАС, включающих принципы превентивного обучения семей с риском развития РАС [4,5].

Следует подчеркнуть, что данный метод является скрининговым, новизной которого является возможность сформировать группу риска семей детей с РАС еще до их рождения.

Список литературы

1. Кулемзина, Т.В. Методика исследования группового интегративного профиля функциональной межполушарной асимметрии / Т.В. Кулемзина, В.Е. Папков // Российская девиантологическая панорама : теория и практика. Материалы международной научно-практической конференции. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. — С. 180–185.
2. Папков, В.Е. Расстройства аутистического спектра (РАС) в контексте межполушарного взаимодействия / В.Е. Папков // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека [Текст] : Материалы Международной научно-практической конференции (г. Донецк, 16.12.2021). Под общ. ред. А.В. Гордеевой, Э.А. Ангилиной. — Донецк : ДонНУ, 2021. — 260 с. — С. 166–173.
3. Кулемзина, Т.В. Интегративный профиль функциональной межполушарной асимметрии мозга семьи как фактор формирования у детей расстройств аутистического спектра / Т.В. Кулемзина, В.Е. Папков, С.В. Красножон // Содержание и технологии социализации и развития детей с особыми возможностями здоровья и родителей (законных представителей) в условиях вариативных форм дошкольного образования : сб. мат. Всеросс. науч.-практ. конф. — Камышлов, 2022. — С. 66–69.
4. Папков, В.Е. К вопросу о профилактике расстройств аутистического спектра у детей в контексте парадигмы семьи / В.Е. Папков // Медико-социальные проблемы семьи. — 2021. — Т. 26. — № 4. — С. 33–43.
5. Папков, В.Е. Принципы профилактики расстройств аутистического спектра в контексте эпидемиологии и демографии / В.Е. Папков // «Детская и подростковая реабилитация». — 2021. — № 4. — С. 112–135.

УДК 316.61

КОММУНИКАЦИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Ленский В.О.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
kf.psych@donnu.ru

Современный мир характеризуется ростом глобализации, интеграции и информационного обмена. Происходит постоянное политическое, социальное и культурное взаимовлияние между народами, во всех сферах социальной жизнедеятельности. Формируется многонациональная поликультурная среда. Люди активно выступают участниками межкультурных контактов с носителями иных ценностей, традиций, норм поведения. Трудности подобных контактов связаны с различиями в мироощущении, миропонимании, т. е. в ином способе восприятия и отношения к миру, другим людям. Необходимость преодоления подобных сложностей и повышения эффективности межнационального взаимодействия в условиях поликультурного общества делает проблему межкультурной коммуникации важной и актуальной и требует дальнейших исследований для ее решения [1].

В основе понятия «поликультурная среда» лежит принцип диалога и взаимодействия культур, их взаимосвязей и взаимовлияния, формирующих своеобразное пространство жизненного уклада проживающего на данной территории сообщества, включающее все формы организации этого сообщества. Коммуникации в подобной среде подразумевают информационные взаимодействия в условиях интеграции личностных, социальных и общекультурных составляющих и носят межкультурный характер [2].

Впервые термин «межкультурная коммуникация» был использован в 1954 году американскими культурантропологами. Э.Т. Холл, видный представитель данной школы, рассматривал межкультурную коммуникацию как взаимодействие между представителями различных культур. Он разработал концепцию о диалектическом единстве коммуникации и культуры, о том, что коммуникативное поведение индивидуумов обусловлено их культурной составляющей [3].

Э. Холл считал, что культуры различаются особым «чтением контекста», использованием скрытой информации, которую заключает в себе каждая ситуация. Чем больше информации из контекста нужно для понимания ситуации, тем выше сложность культуры. Чем сложнее культура, тем труднее «чужим» правильно воспринять и оценить социальную ситуацию. Холл разграничил все культуры на высоко контекстуальные и низко контекстуальные, имеющие свои коммуникативные особенности.

Так, высоко контекстуальные культуры отличает скрытая манера речи, смысловые и частые паузы; способность «держат лицо» в любых ситуациях общения; уход от открытого выражения недовольства в неблагоприятных условиях; значительная роль невербальной коммуникации, умение «говорить глазами»; информационная насыщенность, иногда избыточная.

В свою очередь низко контекстуальные культуры характеризуются выразительностью речи с прямыми высказываниями; ясной и четкой позицией и оценкой по всем обсуждаемым темам и вопросам; низкой ролью невербальных составляющих общения; избеганием всяческой недосказанности и неясности; открытостью в выражении недовольства [4].

Также, Э. Холл распределил культуры по способам использования времени: монокронные, в которых время рассматривается текущим последовательно и распределяется так, что в один и тот же промежуток времени возможен только один вид деятельности; полихронные, в которых время воспринимается текущим параллельно и за один отрезок времени совершается несколько видов деятельности.

Носителям монокронных культур свойственно овеществлять время, преувеличивать его ценность, делать его инструментом упорядочивания жизни; действовать последовательно, планомерно, без переключений и отвлечений на что-то другое.

Представители же полихронных культур склонны к гибкости в отношении времени пунктуальности и распорядку; выполнению нескольких

дел одновременно, переключениям и отвлечениям на общение; предпочтению человеческих отношений и взаимодействий над планомерностью в деятельности [5].

По мнению отечественного ученого И.С. Тумаркина, культурой является специфический набор социокультурных коммуникативных «кодов», предписывающих человеку то или иное поведение и оказывающих на него управляющее воздействие. А межкультурная коммуникация подразумевает знание и умение применять эти «коды» на практике в условиях общения [6]. Под социокультурными коммуникативными «кодами» культуры понимаются характерные для данного этноса в определенный период времени: язык, нормы и правила поведения (поведенческий код); психология и менталитет (психоментальный код) [7].

Наличие у различных культур, проживающих на определенной территории, сходных наборов определяющих признаков позволяет выделить общие принципы коммуникации в поликультурной среде: высокая степень информационного обобщения, укладывающаяся в границы культурного стереотипа; избегание неточных и неопределенных высказываний и реакций; подстройка под собеседника (аккомодация) по вербальным и невербальным составляющим общения; принцип вежливости, характеризующийся принятым в данной культуре отношением к психологической дистанции и направленный либо на ее сокращение, либо на поддержание; межкультурная толерантность как социальная установка на принятие культурного многообразия в мультикультурном пространстве [8].

Принцип межкультурной толерантности является одним из центральных в решении проблем коммуникации в поликультурном обществе. Основной задачей является преодоление межнациональной напряженности, в основе которой лежат факторы межэтнической нетерпимости и нарушения прав национальных меньшинств.

Равноправное сосуществование различных культур в рамках процессов глобализации и интеграции сегодня является единственным возможным направлением социального развития, позволяющее найти и осознать народам свою национальную идентичность, сохранить самобытность, культурные достижения и ценности [9].

Можно сделать выводы, что коммуникация в поликультурной среде имеет свои особенности, основанные на языковых и культурных различиях ее участников. Среди них — различия в системах ценностей и способах восприятия, мироощущения представителей разных культур, составляющих их картину мира, социокультурные коммуникативные «коды». Отсутствие знаний об этих различиях и умения пользоваться этими «кодами» значительно затрудняет процессы общения, снижает эффективность межкультурного взаимодействия.

Для успешного решения проблем коммуникации в поликультурной среде необходимо формирование межкультурной толерантности; развитие интереса к социокультурным составляющим народов, сосуществующих в

данной среде, совершенствование навыков самого процесса межнационального общения, преодоление возможных трудностей, связанных с этноцентрическими установками и нетерпимостью.

Таким образом, проблема коммуникации в поликультурной среде актуальна в современном, переживающем трансформацию, обществе и, по нашему мнению, нуждается в разносторонних научных исследованиях.

Список литературы

1. Гутарева, Н.Ю. Проблемы межкультурной коммуникации в современном социуме / Н. Ю. Гутарева, Н. В. Виноградов. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 9 (89). — С. 1274–1276.
2. Булдакова, Е.И. «Буферно-синергийные зоны» в пространстве межкультурной коммуникации : автореф. дис....канд.филос.наук / Е. И. Булдакова. — Ростов н/а-Донц, 2008. — 23 с.
3. Белик, А.А. Культурная (социальная) антропология : учеб. пособие / А.А. Белик. — Москва : РГГУ, 2009. — 613 с.
4. Садохин, А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации / А.П. Садохин. — Москва : Высш. шк., 2005. — 310 с.
5. Андреева, И.В. Межкультурная коммуникация [Текст] : учеб. Пособие / И.В. Андреева, Л.А. Балабанова. — Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2011. — 96 с.
6. Тумаркин, П.С. Жесты и мимика в общении японцев. Словарь-справочник / П.С. Тумаркин. — 7-е изд., стер. — Москва : Дрофа : Русский яз. — Медиа, 2008. — 168 с. — ISBN 978-5-9576-0480-8.
7. Тумаркин, П.С. Русские и японцы : актуальные проблемы межкультурной коммуникации / П.С. Тумаркин // Вестник Московского Университета. Сер.13. Востоковедение. — 1997. — №1. — С.13–17.
8. Верещагин, Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Рус. яз., 1990. — 246 с. — ISBN 5-200-01076-4.
9. Гутарева, Н.Ю. Обучение английскому языку в социокультурной реальности. Современные исследования социальных проблем / Н.Ю. Гутарева. — Красноярск : Научно-инновационный центр, № 1(21), 2015. — 301 с. — С. 215–218.

УДК 378:159.9

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ НА МОТИВИРОВАННОСТЬ К ОБУЧЕНИЮ У МОЛОДЁЖИ

Масейкина А.Р., Васёха А.А., Тур А.В.

УО «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет»,
г. Витебск, Республика Беларусь
maseikina1453@gmail.com

Введение. Человек издавна считался социальным существом, под влиянием которого формировались два взаимосвязанных понятия: общество и личность, от которых зависело развитие цивилизации. В

современном мире индивид особенно подвержен влиянию из-за обилия информации, что с одной стороны способствует саморазвитию, а с другой — может привести к возникновению ряда комплексов.

Прежде всего на человека сильное воздействие оказывают семья, друзья, знакомые и кумиры, формируя тем самым представление о морали и ценностях, формируя основу личности. Таким образом, для успешного будущего страны необходимо обеспечить молодёжь благоприятной социальной средой для её здорового развития.

Известно: успех человека зависит от его образования, а так как на развитие его напрямую влияет социальная среда, можно задаться вопросом: существует ли прямая пропорциональность между условиями жизни, влиянием социальной среды и стремлением к обучаемости? Итак, за основу исследования возьмём студенчество ВГМУ и выясним, как же на самом деле взаимодействие отражается на мотивированности и стимулах к обучению.

Цель исследования: изучить влияние социальной среды на мотивированность студентов к обучению, предложить рекомендации по её улучшению для повышения их продуктивности.

Актуальность темы заключается в важной роли влияния социальной среды на становление личности в настоящее время.

Материал и методы. Социальная среда — это совокупность материальных, экологических, социальных, политических и духовных условий существования, формирования и деятельности индивидов и социальных групп. Отсюда следует, что человек — это часть общества, а общество — непосредственная часть человека. В нашем исследовании мы рассматриваем микросреду — ближайшее окружение человека (семья, друзья, знакомые и т.д.), чтобы выяснить, как она влияет на его успеваемость. Мы же возьмём за основу одногруппников, преподавателей, а также семью.

Методы исследования: анкетирование и интервьюирование.

С помощью опроса мы выясняли следующие аспекты: возраст, успеваемость, отношения с одногруппниками, преподавателями и условия проживания в совокупности с отношениями с родителями.

Вопрос 1: Каков ваш возраст? Результаты представлены на рис. 1.

Рис. 1. Возраст испытуемых

Вопрос 2: Какие у вас взаимоотношения в группе, с преподавателями? Результаты ответов представлены на рис. 2.

Рис. 2. Отношения в группе, с преподавателями

Вопрос 3: Какова ваша успеваемость? Результаты ответов представлены на рис. 3.

Рис. 3. Успеваемость

Вопрос 4: Если в группе все будут учиться выше среднего, будет ли это стимулировать Вас к такому же результату? Результаты представлены на рис. 4.

Рис. 4. Мотивированность

Таким образом, мы смогли выделить наиболее часто встречающиеся в ответах стимулы к обучению у студентов ВГМУ:

- хорошая работа, деньги — коммерческий интерес для создания благополучных условий для себя и своей семьи;
- стремление узнать что-то новое, интерес;
- семейные обстоятельства — влияние семьи на выбор личности;
- результат, возможность реализации себя в будущем — стремление к саморазвитию и познанию, желание достичь успеха и занять хорошее место среди социума.

Результаты исследования. На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что наиболее подвержена влиянию социальной среды группа в возрасте 16-18 лет, так как опрашиваемые из этой группы чаще выбирали варианты ответа, связанные с взаимосвязью коллектива. Также в ходе исследования выяснилось, что обучаемость студентов зависит от социальных факторов, таких как успеваемость во всей группе, положение в обществе, а также семейные обстоятельства.

Рекомендации.

1. Увеличение количества коллективных мероприятий.
2. Проведение информационных часов на тему взаимосвязи коллектива и здоровья индивидуума.
3. Проведение онлайн-платформ и оформление общих чатов на сайтах учреждений образования для взаимопомощи обучающихся друг с другом и с преподавательским составом.

Таким образом, мы делаем вывод, что цель исследования достигнута.

Заключение. Социум — это неотъемлемая часть каждого из нас: он учит, формирует, изменяет и порождает. Так как мы части этой огромной системы, только от нас зависит, как он будет меняться, только от нас зависит наша судьба и судьба всей нации, ведь мы — это прошлое, настоящее и будущее нашей страны.

Список литературы

1. Андреева, Г.М. Социальная психология : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению с специальности «Психология» / Г. М. Андреева. — Изд. 5-е, испр. и доп. — Москва : Аспект Пресс, 2009. — 362 с. — ISBN 978-5-7567-0274-3.
2. Константинов, В.В. Характеристики идентичности личности и процесс социально-психологической адаптации / В.В. Константинов, В.В. Дьяков // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 12. — С. 482-486.

УДК 316.6

ЧЕЛОВЕК В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мораренко Е.В.

Рыбницкий филиал ГОУ «Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко», г. Рыбница, ПМР
beautiful447@mail.ru

Общество на любой стадии его развития и функционирования — это сложное, многогранное, универсальное переплетение разнообразных связей и отношений людей. Человеческое общество — это высшая степень

живой системы, в которой главными элементами являются люди, их труд и продукты, виды их совместной деятельности, многообразные формы собственности, государство и политика, сферы духа человеческого и т.п. [2, с. 86]. Человек является субъектом общества, т.е. активным деятелем всей социальной системы в целом. Конкретный человек не может вступить в отношение с целым обществом, он всегда взаимодействует с другими людьми через различные виды, формы и области жизнедеятельности.

Понятие «социальные отношения» употребляются в двух смыслах: в широком, когда имеются в виду все, любые отношения между людьми, поскольку они складываются и реализуются в обществе, и в узком, когда под ними понимаются только отношения между большими социальными группами, имеющие непосредственно общественный характер [2, с. 109].

Таким образом, сам человек выступает творцом своих собственных социальных отношений в системе социальных отношений. В то же время они носят реальный, двойственный характер. Это связано с тем, что люди совершая те или иные действия, ставя определенные цели и задачи, не могут предвидеть вызванные своими действиями изменения данных общественных отношений в социальной среде. Поскольку социальные отношения носят общественный характер, то единичные действия людей не в состоянии предугадать характер этих отношений в социуме.

Следовательно, социальные отношения представляют собой особую действительную реальность, независимую от силы и желания людей, производящих их в процессе своей жизнедеятельности. Мысль о том, что человек не может жить вне общества, теперь ни у кого из нас не вызывает сомнения: каждый человек является ячейкой общества, в котором он живет и работает. Вывод таков: функционирование общества невозможно без деятельности людей. Люди со своими потребностями, желаниями, нравами, характерами, мыслями, интересами составляют основу и заполняют все слои общества. Любой человек своеобразен, каждый стремится к большей свободе. Общество может существовать как целое только при осознании и принятии людьми определенных норм, требований, правил и ценностей. Интересы, нормы и потребности человека постоянно меняются, общество стремится к стабильности, определенности, уверенности и устойчивости во всем. Человек создан для общества. Только в обществе человек развивается, и во многом именно от среды и окружения зависит, каким станет человек по жизни. Если же человек оказывается вне общества, он теряет частицу себя, возникает ощущение одиночества и пустоты.

Смысл существования человека связан с тем, чтобы показывать свои достижения, успехи, труды другим людям. Разделив все общественные отношения на два крупных класса — класс материальных отношений и класс духовных отношений можно понять, что классификация

материальных отношений осуществляется исходя из основных сфер общественной жизни человека, а в основу классификации духовных отношений приводится структура общественного сознания его формы. Одной из эффективных представлений роли и значения социальных отношений в решении разнообразных практических задач, является, по моему, известная книга Д. Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей». В частности, Д. Карнеги пишет: «Ваш успех зависит не в малой степени от искусства обращения с людьми. Этого достичь оказывается очень просто» [1, с. 29]. Также ученый предлагал несколько рекомендаций для лучшего взаимопонимания между людьми:

- хвалите человека за каждый даже самый маленький его успех и будьте при этом искренни и щедры, улыбайтесь;

- всегда старайтесь, чтобы людям было приятно выполнить то, что вы желаете и хотите;

- всегда поступайте так, чтобы у другого человека создалось впечатление своей значимости и уникальности в жизни;

- проявляйте сочувствие мыслям и желаниям других людей;

- если вы хотите повлиять на людей, обращайтесь к ним из благородных, чистых, позитивных побуждений;

- человеку всегда легче выслушивать неприятные вещи после того, как его похвалят и выслушают внимательно;

- начинайте любой разговор с похвалы и искреннего признания достоинства человеческой личности;

- не унижайте человека, дайте ему возможность высказаться [1].

Вместо того, чтобы осуждать, критиковать и менять людей, постарайтесь понять и услышать их. Уясните, почему они поступают именно так, а не иначе. Это выгоднее и интереснее, чем критиковать их. Это порождает взаимное понимание, уважение к человеку. Можете ли вы лично привести примеры, которые бы показали важность умения устанавливать человеческие отношения для достижения своих целей? Думаю, что да. Какую бы область своей деятельности вы не взяли, вы обязательно выйдете на необходимость построения человеческих отношений в обществе.

Выдержки из книги Д. Карнеги — это уникальное и оригинальное пособие по установлению человеческих отношений. Люди на протяжении всей жизни, очевидно, не раз составляли подобные трактовки о правилах установления определенных социальных отношений для решения своих индивидуальных задач и целей.

Д. Карнеги писал, что, если вы хотите высказать человеку свое возмущение, раскритиковать его, сначала похвалите его, например, скажите, что, возможно, это вы не правы, не все поняли и услышали. Так вы вселяете уверенность человека в своих силах, в его способности найти правильное решение. По мнению представителя символического

интеракционизма Ч. Кули, каждый человек строит себя, основываясь на реакциях других людей, с которыми он общается. Другие люди — это те зеркала, в которых формируется образ человека. Создание самого себя состоит из трех элементов:

- а) представление о том, как человека воспринимают другие люди;
- б) представление о том, как они оценивают и понимают человека;
- в) как человек отвечает на воспринятую им реакцию других людей [2].

Нет плохих людей, бывают плохие отношения. Так же как нет хороших людей, а есть только хорошие отношения. Один и тот же человек для разных людей может быть, как хорошим, так и плохим, или разные люди могут иметь с ним хорошие или плохие отношения. Можно привести немало достаточного рода примеров и каждое из них будет касаться правил построения строго определенных отношений, исходя из интересов обращенного к ним человека в социальной среде.

Список литературы

1. Корнеги, Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей : Пер. с англ. / Дейл Карнеги; Сост. Хасхачих М. И.; Общ. ред. и предисл. Зинченко В. П., Жукова Ю. М. — Москва : Прогресс : Кооператив "Голос", 1990. — 281 с.
2. Кравченко, А.И. Общая социология : учебное пособие для студентов вузов / А. И. Кравченко. — Москва : ЮНИТИ, 2001. — 474 с. — ISBN 5-238-00233-5.

УДК 159.9

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ЛИДЕРА — КТО ОНИ? К ВОПРОСУ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА

Сачкова М.Е., д-р психол. наук, проф.

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ», г. Москва, РФ
sachkova@list.ru

Введение. В современном мире при изучении проблемы поведения личности в системе социальных отношений большой популярностью как в отечественной, так и зарубежной науке пользуется такая область, как психология лидерства. По данной теме накоплен уже почти вековой опыт выявления наиболее высокостатусных и влиятельных субъектов как в системе общественных, так и межличностных взаимосвязей. Исследуются стили эффективного руководства, определяются типы лидеров, описываются особенности их коммуникации в группах разного типа. Однако проблема последователей в этом плане до сих пор в науке остается крайне слабо изученной. В первую очередь, это касается вопроса

конкретизации самого понятия «последователь». На данный момент под ними понимаются все, кто не-лидеры. Но такой взгляд не позволяет не только описать психологию таких участников группы, но и затрудняет в дальнейшем работу с ними, так как не позволяет разработать эффективные модели взаимодействия лидера с последователями.

Основная часть. В научной литературе представлено несколько попыток описания характеристик последователей. В статусно-ролевом подходе последователей делят на аутсайдеров и среднестатусных членов групп. Критерием в данном случае выступает степень влияния, оказываемого данным представителем на жизнедеятельность группы. В социометрическом направлении, где статусы определяются по выраженности симпатии или антипатии, к данной категории относятся принятые, непринятые, изолированные и отвергаемые члены группы [1]. При этом совершенно очевидно, что все перечисленные статусные подгруппы качественно отличаются друг от друга как по социально-психологическим качествам, так и особенностям поведения. Однако в рамках социометрических измерений ответить на вопрос, что детерминирует среднестатусную или низкостатусную позицию в группе, затруднительно, для этого необходим целый ряд дополнительных исследований. И если психологические особенности аутсайдеров выявлялись психологами (в основном, это было сделано на выборке школьников и в меньшей степени на взрослых), то среднестатусные до последнего времени оставались практически неизвестными, им уделялось мало внимания в силу доминирующей некоторое время точки зрения, что они представляют из себя безликую массу, некий фон, лишь оттеняющий яркие, зачастую конфликтные отношения между «полярными» стратами — лидерами и аутсайдерами. Понятно, что такой подход не может быть верным не только в силу того, что в данном случае из фокуса исследования выпадает большинство членов любой группы, но и то, что именно среднестатусные и являются теми самими последователями, которые как раз и поддерживают лидера, идут за ним и более того, в конечном счете и выдвигают определенных людей в лидеры своих групп и организаций. В связи с этим важной становится задача выявления специфических особенностей таких личностей, отделения их от низкостатусных членов группы, которые являются последователями только по определению, но не реальному поведению.

В ранее проведенных нами исследованиях было установлено, что среднестатусные члены группы в отличие от аутсайдеров занимают достаточно благоприятное положение, являются «значимыми другими» для всех статусных категорий и оказывают существенное влияние на жизнедеятельность группы [2]. Последователи со средним статусом в большей степени ориентированы на установки и ценности лидеров, они симпатизируют им, устанавливают коммуникационные связи,

высокостатусные одnogруппники для них выступают несомненными авторитетами по наиболее существенным для группы вопросам. Интересным артефактом является то, что аутсайдеры в группах (и эта тенденция растет с возрастом участников) в большей степени идентифицируют себя со среднестатусными, нежели с лидерами и рассматривают путь включения в группу именно через тех, кто стоит к ним ближе в интрагрупповой иерархии. Низкостатусные индивиды зачастую оказываются вне группового взаимодействия, их голос не учитывается в принятии решений, изменить ситуацию вокруг себя они оказываются не в состоянии. В основном, это происходит из-за того, что лидеры либо с неприязнью относятся к ним, либо просто игнорируют, не видя в них личностей, обладающих своеобразными особенностями. Среднестатусные сами достаточно адекватно воспринимают систему межличностных отношений внутри группы и регулируют ее, определяя, в том числе, кому оказывать или не оказывать поддержку, интегрировать в группу или изолировать от нее.

В модели, разработанной Р. Келли на основе индивидуальных и групповых опросов, были представлены пять типов последователей [3]. В зависимости от уровня критического мышления и степени вовлеченности автором были выделены такие типы, как «отчужденные» (достаточно независимые, часто критикующие), «конформисты» (проявляющие высокую степень приверженности организационным целям и зависимости от группы), «прагматики» (занимающие промежуточное положение по степени критичности мышления и включенности в организацию), «пассивные» (с низкой степенью включенности и критичности мышления и достаточно зависимые от лидера), «образцовые» (наиболее заинтересованные участники с высокой степенью критического мышления, сами предлагающие новые идеи и способы решения групповых задач). В данной классификации автор не разводит по статусу участников, однако можно с уверенностью сказать, что последний тип идеального последователя — активного, с одной стороны, и помогающего лидеру достигать совместно поставленных перед социальной системой практических целей, с другой, являются именно среднестатусные представители сообщества.

Заключение. Изучение психологии последователей — необходимая задача как для научной сферы, так и практической деятельности. Типы последователей различаются по степени активности, включенности как в межличностные взаимосвязи с лидером, так и в жизнедеятельность группы. Наиболее продуктивные отношения высокостатусные индивиды могут построить, опираясь на позитивное большинство группы, если замотивируют его на совместный труд и достижение общей цели. В свою очередь, ресурс среднестатусных можно задействовать в работе с наиболее пассивной и критически настроенной частью сообщества — аутсайдерами,

т.к. они в большей степени готовы общаться именно с данной статусной категорией. Несомненно, перед исследователями стоит еще много нерешенных вопросов, связанных с изучением психологии последователей: выявление социально-психологических характеристик личности, установок и межличностных ориентаций, норм и стилей поведения, степени их влияния на групповые процессы и общество в целом.

Список литературы

1. Коломинский, Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах : общие и возрастные особенности : учеб. пособие / Я.Л. Коломинский. — Издание 2-е, доп. — Минск : ТетраСистемс, 2000. — 432 с. — ISBN 985-631-782-7.
2. Сачкова, М.Е. Среднестатусный учащийся в образовательном пространстве : монография / М.Е. Сачкова. — Москва : Изд-во СГУ, 2011. — 348 с. — ISBN 978-5-8323-0780-0.
3. Kelley, R. The Power of Followership / R. Kelley. — New York: Doubleday. — 1992. — 260 p.

УДК 159.9

МОТИВ МЕСТИ КАК ПОБУДИТЕЛЬНЫЙ ФАКТОР ПРОТИВОПРАВНОГО ИМУЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

Устинов Д.В.

Отдел по делам несовершеннолетних МВД ДНР, г. Донецк, РФ
mail.ustinov@mail.ru

Введение. Проблема преступности несовершеннолетних и ее профилактики не могут оставлять равнодушным современного взрослого человека. Характерные особенности преступности несовершеннолетних обуславливаются, прежде всего, спецификой преступлений против собственности, как наиболее распространенного вида совершаемых подростками и юношами преступлений, количественные показатели которого в Донецкой Народной Республике ежегодно значительно превосходят число преступлений иных видов. Осуществление целенаправленной профилактики невозможно без понимания мотивации противоправной мотивации подростков и юношей. В настоящее время не вызывает сомнений, что мотивы противоправного поведения подростков и юношей несколько отличаются от побудительных причин преступного поведения взрослых.

Основная часть. В структуре противоправной мотивации подростков и юношей обращают на себя внимание побуждения к проявлению

враждебной агрессивности, для которой характерна задержка во времени, реализация которой происходит при отсутствии непосредственной агрессии.

Преступный мотив мести — побуждение причинить запрещенным законом способом неприятности в ответ на оскорбление, обиду, нанесенные страдание.

Целью мстителя является расплата за причинение различного рода страданий, а его поведением движут стремления ответить на вербальное или физическое провокационное поведение, защитить себя и модифицировать поведение агрессора, восстановить справедливость, не допустить своего падения в глазах других людей и управление впечатлением окружающих о себе [1].

Психологической основой этого криминального мотива служит обида, недовольство действиями, поступками другого лица и связанные с ними стремления получить удовлетворение после тех или иных действий другого лица, негативно затронувших интересы мстителя или его близких.

Другой психологической составляющей мотива мести является мстительность, как склонность человека к агрессии в ответ за причиненное зло. У представителей мужского пола склонность к проявлению мстительности наиболее выражена в поздней фазе подросткового возраста. Представители женского пола не имеют очевидной закономерности проявления мстительности в контексте возрастных изменений [2].

Мстительность подростков и юношей обоих полов непосредственно зависит от внутренней агрессивности. Кроме того, мстительность взаимосвязана с такими личностными характеристиками как тщеславие, самолюбие, гордыня, мнительность, озлобленность, честолюбие, злопамятство, острота восприятия несправедливости [3]. При этом наличие склонности к совершению мести способом, посягающим на чужое имущество, помимо перечисленного, обуславливается внутренним психологическим отношением к собственности.

Особенностью подростково-юношеских отношений является конфликты, возникающие как в местах скопления молодежи, так и в социальных интернет сетях в процессе межличностного и межгруппового общения, которое является ведущим видом деятельности для подростков и имеет немаловажное значение для младших юношей. Субъективное восприятие мстителем поведения потерпевшего приобретает основное значение, стимулирующее месть. На фоне формирующейся самооценки, возрастного непостоянства личностных установок и ценностей подростково-юношеское субъективное восприятие нередко приводит несовершеннолетнего к страданию и мести из-за обоснованных замечаний или оправданных упреков.

Подвижность компонентов потребностно-мотивационной сферы несовершеннолетнего при устойчивом влиянии самолюбия, гордыни и ощущения вседозволенности направляют несовершеннолетнего мстителя к

выбору активной формы мести, которая может содержать акты психологического насилия, акты прямого и непрямого физического насилия. Особенно ярко насилие проявляется в подростковом периоде развития, когда отвергаются авторитеты и ранее установленные ценности, возникает ощущение свободы, повышается значение «эффекта толпы». Цель совершенного мстителем покушения на собственность — это, с одной стороны, психологическая атака на морально-духовные ценности объекта мести, с другой стороны, причинение ему непосредственного материального вреда.

Как правило, стремление совершить местнические действия направлено на удовлетворение отдельных сугубо индивидуальных потребностей и является личным побуждением. Наряду с этим, криминальное побуждение отомстить может быть сформировано под влиянием окружения, без непосредственной собственной заинтересованности в совершении именно таких действий. Реализация внешнего воздействия происходит как посредством прямого требования окружения, так и в форме провоцирующего поведение сверстников, которое вступает во взаимодействие с внутренним побуждением находясь в совместной группе или стремлением утвердить собственный статус. В структуре потребностно-мотивационной сферы несовершеннолетних проявляется мечтательная месть — побуждение совершить имущественное преступление из мести, которое носит исключительно потенциальный характер с минимальными предпосылками к реализации. Такая месть вселяет в подростка, юношу надежду на возмездие, способствуя вытеснению и игнорированию чувств, которые приносят тревогу и страдания [4].

Проведенное исследование потребностно-мотивационной сферы несовершеннолетних правонарушителей подтвердило значимость влияния мотива мести на формирование преступной мотивации подростков и юношей [5]. Продемонстрированный уровень в структуре противоправной мотивации показывает, что потенциальный мотив мести достаточно четко выражен и может быть реализован в виде незаконного завладения чужим имуществом при возникновении благоприятных условий и иных способствующих факторов. В целом, несовершеннолетние правонарушители не проявили склонность к причинению материального ущерба из мести, в то же время отдельные диагностируемые показали значительный уровень стремлений совершить хищение в ответ на причиненные неприятности.

Заключение. Полученные результаты обуславливают необходимость реализации мероприятий общей ранней и индивидуальной профилактики правонарушений с учетом возрастных подростковых и юношеских психологических факторов, способствующих формированию преступного мотива мести и его влиянию на поведение формирующейся личности правонарушителя.

Список литературы

1. Муздыбаев К.К. Проблема мести: биологические, психологические, социальные, правовые, философские и межкультурные аспекты / К.К. Муздыбаев // Информационный бюллетень РФФИ Науки о человеке и обществе. — Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН (ИС РАН СПб Ф). — 1997. — №5.
2. Ковалев, П.А. Возрастно-половые особенности отражения в сознании структуры собственной агрессивности и агрессивного поведения : дис ... канд. психол. наук : 19.00.07 / П.А. Ковалев. — Санкт-Петербург, 1996. — 161 с.
3. Азарова, Е.А. Особенности представлений о мести у подростков со склонностью к агрессивному поведению / Е.А. Азарова, Н.В. Рыбалкина // Профессиональные представления. — 2013. — №1(5). — С. 14–26.
4. Ильин, Е. П. Эмоции и чувства : учебное пособие / Е. П. Ильин ; Е. П. Ильин. — 2-е изд.. — Москва : Питер [и др.], 2007. — 782 с. — ISBN 978-5-91180-231-8.
5. Устинов, Д. В. Обеспечение валидности стимульного материала, используемого для выявления мотивов преступного имущественного поведения несовершеннолетних / Д. В. Устинов // Мир науки. Педагогика и психология. — 2020. — Т. 8. — № 6. — С. 26.

УДК 159.96

ПРОБЛЕМА СТРАХОВ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Фархутдинова Ю.Н., канд. психол. наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
julia82.06@mail.ru

Введение. Проблема детских страхов, несмотря на достаточную изученность (А. И. Захаров, К. Изард, В. С. Мухина, М. В. Осорина, А. М. Прихожан и др.), не только не теряет своей актуальности в наши дни, но даже обостряется в связи с масштабными изменениями в общественно-политической и экономической жизни.

Ребенку XXI века приходится бороться с такими страхами, каких не испытывали его сверстники XX века: их вызывают, в частности, сюжеты фильмов ужасов, персонажи компьютерных игр, серийные убийцы, боевики со сценами насилия и убийствами, ежедневные сообщения о террористических актах в средствах массовой информации. Невыявленные детские страхи могут нарушать детско-родительские отношения, качество учебного процесса, а также отрицательно сказываться на социальной активности и взаимоотношениях со сверстниками и взрослыми.

Цель статьи — теоретически и эмпирически проанализировать особенности страхов в младшем школьном возрасте.

Основное содержание. Как известно, младший школьный возраст характеризуется как возрастной этап интенсивного проявления страхов. В этот период происходит не только эмоциональное, но и познавательное развитие ребенка, а именно усиление понимания опасности. На уровне

развития нервной системы наблюдается повышение возбудимости нервных процессов, преобладание процессов возбуждения, поэтому у младших школьников отмечаются такие характерные черты, как повышенная эмоциональная возбудимость и неусидчивость [2, с. 111-113].

Значительный вклад в изучение детских страхов в младшем школьном возрасте внесли Ф. Е. Василюк, Л. А. Венгер, Л. С. Выготский, В. И. Гарбузов, С. В. Гриднева, И. В. Дубровина, А. И. Захаров, О. А. Карабанова, А. М. Прихожан, А. О. Прохоров, А. С. Спиваковская, Т. Л. Шишова; М. Раттер, Г. Эберлейн и др.).

В начальной школе основными страхами являются: боязнь противоречия общепринятым нормам поведения, требованиям ближайшего окружения, страх перед опозданием в школу. Еще одним источником «школьных страхов» детей могут быть конфликтные отношения с учителями и одноклассниками, а также страх перед агрессивными действиями со стороны учителей и одноклассников. Кроме «школьных страхов» для этого возраста типичен страх природных явлений: бури, наводнения, урагана, землетрясения. Данные страхи, согласно мнению А. И. Захарова, являются продуктом так называемого «магического мышления» ребёнка, его склонности полагаться на разного рода предсказания, суеверия, фатальные совпадения [1].

Следует отметить, что ближе к 8-ми годам, при большом количестве непреодоленных страхов, уже можно говорить о развитии страха как определенном эмоциональном настроении, при котором проявляются чувства тревоги и боязни [3, с. 94].

В нашем исследовании приняли участие 30 учеников (16 мальчиков и 14 девочек) Муниципального общеобразовательного учреждения «Школа № 119» г. Донецка. В исследовании принимали участие учащиеся 1-х и 2-х классов. Все учащиеся — это дети из многодетных семей.

В ходе количественного анализа по методике «Страхи в домиках» А. И. Захарова (модификация М. А. Панфиловой) в группе детей количество страхов сверх нормы составляет 60% (19 чел.), нормы — 40% (11 чел.). Среди актуальных страхов отмечены: страх смерти родителей (84%), темноты и войны (81%), наказания и резких звуков (68%), уколов (45%), страх опоздать в школу (39%), страх оставаться одним дома и собственной смерти (35%), страшных снов (32%), боли (26%), нападения бандитов и болезни (21%), страх перед засыпанием (19%), страх чужих людей (16%), сказочных персонажей и маленьких помещений (13%). Наименьшие показатели отмечаются в таких видах страха как страх транспорта, стихий, высоты и глубины (10%); страх потеряться, пожара, врачей и крови (6%); страх животных, воды, огня и больших площадей (3%).

Исследовано, что по результатам методики «Нарисуй свой страх» А. И. Захарова больше всего дети боятся темноты (40%), резких звуков, войны и животных (по 17%). Следует отметить, что нарисовали страх 93% от общего количества человек.

Диагностика наличия спонтанных эмоциональных реакций в поведении ребёнка при его отождествлении себя с героем сказки проводилась по проективному клиническому тесту «Сказка» Луизы Дюсс. По результатам методики количество тревожных ответов составило 65%. В ходе анализа сказки «*Страх*», нами были получены следующие результаты: «Типичные нормальные ответы» выявлены у 43% — «Боюсь, что мама накажет», «Боюсь темноты», «Боюсь бабахов», «Увидел собаку и испугался», «Боюсь, что папа умрёт», «Увидел выбегающую крысу», «Боюсь, что мама будет ругать, потому что не пришёл домой вовремя», «Увидел на стене большого паука». «Типичные тревожащие ответы» выявлены у 57% — «Боюсь быть дома», «Боюсь, что монстр залезет в окно», «Боюсь, что из-под кровати вылезет зомби», «Боюсь, что маньяк зарежет».

В ходе анализа сказки «*Новость*», нами были получены следующие результаты: «Типичные нормальные ответы» выявлены у 47% — «Папа вернулся домой», «Бабушка с дедушкой придут вечером в гости», «Завтра идём кататься на роликах», «Нужно сходить за хлебом». «Типичные тревожащие ответы» выявлены у 53% — «Наш дом разбомбили», «Папа погиб», «Мама наказывает за то, что вымазал одежду», «Мы не пойдём есть мороженое, потому что денег нет».

В ходе анализа сказки «*Дурной сон*», нами были получены следующие результаты: «Типичные нормальные ответы» выявлены у 53% — «За ней кто-то гнался, как в фильме», «Она летела, а потом начала падать», «Ужастик». «Типичные тревожащие ответы» выявлены у 47% — «Папа умер», «Маньяк хотел резать», «Осталась одна дома, а пришли воры».

Выводы. Ссылаясь на результаты нашего исследования, устоявшийся взгляд на проблему детских страхов как на вполне разработанную (В. И. Гарбузов, А. И. Захаров, А. М. Прихожан, А. С. Спиваковская и др.), отражавший картину жизни более или менее стабильного общества, перестал вписываться в динамику быстротекущих событий общественной жизни последних десятилетий. У современных младших школьников более сильно выражены страхи смерти, чем у их сверстников 80-х годов XX века; изменилась представленность персонажей детских страшилок; обнаружилась дифференцированность страхов в зависимости от актуальной социально-политической обстановки.

Список литературы

1. Захаров, А. И. Дневные и ночные страхи у детей. Серия «Психология ребенка» [ТЕКСТ] / А. И. Захаров. — Санкт-Петербург : «Издательство СОЮЗ», 2000. — 448 с.
2. Попкова, М. А. Зависимость семейного воспитания на проявление тревожности у детей младшего школьного возраста / М. А. Попкова // Проблемы Науки. — 2014. — №4 (22). — С. 111–113.
3. Эберлейн, Г. Страхи здоровых детей / Пер. с нем. Ю. Лукоянова. — Москва : Знание, 1981. — 192 с.

ВОПРОСЫ ОТОБРАЖЕНИЯ ПОНЯТИЯ АБЬЮЗ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ, СМИ И ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

Чаленко А.С., Бунтовский С.Ю., канд. экон. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина», г. Краснодар, РФ
Chalenko.02@bk.ru

Введение. Как показала практика, вопреки мнениям философов-идеалистов, построить бесконфликтное общество невозможно. Поэтому задачей современных теоретиков и практиков является создание механизмов, позволяющих минимизировать деструктивные последствия конфликтов или найти и использовать их положительные стороны. С этой точки зрения в отечественной практике менеджмента хорошо изучены социальные [1] и трудовые конфликты [2], а российские [3] и республиканские [4] авторы проводят исследования, призванные снизить уровень конфликтного взаимодействия в экономической сфере. Также стоит отметить, что психологами на сегодня наработан большой практический опыт преодоления межличностных или внутриличностных конфликтов. При этом в последнее время были артикулированы и признаны проблемами, требующими изучения и искоренения, целый ряд явлений, которым в отечественной практике ранее не уделялось достаточно внимания, так как они не рассматривались как проблема. Одним из таких явлений является абьюз, который в масс-медиа из психологического термина превратился в популярный штамп, который зачастую употребляется совершенно оторвано от его реального содержания.

Основная часть. Используемое в русскоязычном информационном пространстве слово «абьюз» является калькой с английского термина «abuse», который можно перевести как «оскорблять, плохо обращаться». Соответственно абьюз — это модель взаимоотношений, в которых действует конфигурация «агрессор-жертва». Жертва находится в ситуации подавления, в то время как агрессор применяет различные методы насилия. Например, такие как: угрозы причинить физический вред, контроль финансов, манипуляции, подавление воли, ограничение круга общения жертвы [1].

При изучении абьюза следует учесть, что он имеет корреляцию с гендерным аспектом, так как чаще всего абьюз совершается в отношении женщин, а в роли агрессора может выступать ее романтический партнер, сожитель или начальник. Согласно данным ВОЗ 27% женщин по всему миру сталкивались с насилием со стороны партнёра минимум один раз.

Естественно, такое массовое явление должно находить отражение в различных аспектах культуры и информационного взаимодействия социума. В качестве примера можем рассмотреть некоторые формы изображения абьюзных отношений в произведениях русской культуры, многие из которых подробно показывают физическое и ментальное насилие во всем его многообразии, включая и ту его составляющую, которая сегодня называется феноменом абьюза.

Например, с точки зрения современного либерального человека знаменитый памятник русской средневековой мысли «Домострой» является явным оправданием абьюза, поскольку, согласно этой книге, идеальная женщина — это послушная, безмолвная и покорная раба своего мужа. Такая модель взаимодействий в семье, оптимальная для средневековья, до сих пор является базовой для определенных социальных и этнических групп, хотя и является явным анахронизмом в XXI веке.

Времена меняются, вместе с этим меняются и источники общественного воздействия, сегодня медиа, СМИ и блогеры выполняют ту же функцию, которую ранее выполняли книги: раскрывают важные темы и задают моральные ориентиры для широкой аудитории.

Одним из средств влияния на массовое сознание является кинематограф, задающий тренды социального развития. К сожалению, зачастую киноиндустрия романтизирует абьюз. Это происходит для увеличения кассовых сборов. Негативным следствием становится неправильное восприятие взаимоотношений у целевой группы романтических фильмов, чей возраст зачастую имеет границы от 16 до 30 лет. Создавая тренд и культ абьюза, кинематографы показывают яркий спектр эмоций между парой, например, ревность, страсть. Молодые люди с жадностью смотрят на эксцентричные пары и отправляются на поиски партнера с чертами персонажа из фильма, по итогу получают расстройство, недопонимания и разочарование [2].

Популярными примерами романтизированных абьюзивных отношений в фильмах и сериалах являются пары Джона и Элизабет из фильма «9 ½ недель», а также Дейнерис и КхалаДрого из «Игры престолов». Общество находит такие романтические отношения поучительными, в этом определенно есть доля правды. Благодаря освещению таких взаимоотношений люди начинают интересоваться абьюзом.

В последние годы мир активно заговорил о созависимости, агрессорах и жертвах, газлайтинге, и в этом важнейшую роль сыграли СМИ. Благодаря отражению причин и следствий абьюза общество начинает осознавать болезненность такой модели взаимоотношений.

Появление и широкое применение интернета позволяет СМИ охватывать обширную часть аудитории, невербальная коммуникация людей, обмен опытом в интервью на разных интернет-платформах, а также статьи в журналах привели к просвещению людей в теме психологических

травм и проблем [3]. Общественность перестала порицать жертв, а выражение «Бьёт — значит любит» потеряло свою актуальность.

Истории людей распространяются, обсуждаются на различных телевизионных и интернет-каналах, а самое главное — имеют отклик. Ведь еще сорок лет назад поход к психологу скрывали, подобное не понимали, а некоторые даже высмеивали, сейчас же люди осознают роль ментального здоровья, прорабатывают проблемы, создают фонды и организации по борьбе с насилием.

Заключение. Благодаря освещению в СМИ и произведениях искусства, тема абьюза в отечественном обществе стала обсуждаемой и дискутируемой. Жертвы перестают бояться и готовы делиться переживаниями, хотят быть услышанными, а также помогать другим справиться с переживаниями. Распространение информации о подобных проблемах, а также разработка способов преодоления абьюза показывает прогресс общественного мышления.

Список литературы

1. Бунтовская, Л.Л. Современные подходы к обучению технологиям конструктивного управления трудовыми конфликтами / Л.Л. Бунтовская, С.Ю. Бунтовский // Вестник университета российской академии образования. — № 4/2018. — С. 66–71.
2. Бунтовская, Л. Л. Конфликтология : учеб. пособие для академического бакалавриата / Л. Л. Бунтовская, С. Ю. Бунтовский, Т. В. Петренко. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2017. — 144 с. — (Серия : университеты России). — ISBN 978-5-534-04502-4.
3. Бунтовская, Л.Л. Государственное регулирование социально-трудовых отношений в Российской Федерации / Л.Л. Бунтовская, С.Ю. Бунтовский, Д.И. Стрельченко // Вестник академии знаний Всероссийский журнал. — № 31(2), 2019. — С. 48–56.
4. Бунтовская, Л.Л. Концепция формирования комплексной системы управления трудовыми конфликтами : опыт Донецкой Народной Республики / Л.Л. Бунтовская, С.Ю. Бунтовский, З.Б. Хуажева // Вестник Академии знаний. Всероссийский журнал. — № 27 (4). — 2018. — С. 53–57.
5. Бэнкрофт, Ланди. Почему он делает это? Кто такой абьюзер и как ему противостоять / Переводчик : Ю. В. Рябина. — Москва : Эксмо-Пресс, 2020. — 400 с.
6. Зайцева, С.С. Абьюзивные отношения в молодёжной среде / С.С. Зайцева, С. А. Самохина, В.В. Зубков // Юный учёный. — 2021. — № 11(52). — С. 78–82.
7. Садовникова, А.Ф. Абьюзивные отношения как форма девиантного поведения / А.Ф. Садовникова // Тенденции развития науки и образования. — 2019. — № 49-3. — С. 96–98.

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ МАТЕРИ КАК ФАКТОРА ПСИХОСОМАТИЗАЦИИ РЕБЕНКА

Шпоренко Е.В., Ярмыш И.А., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
shporenko0804@mail.ru

Современная наука постулирует о главенствующей роли матери в жизни младшего дошкольника для его нормального физического, психологического и социального развития [1]. Ученые включают в эту роль кроме материнской заботы, удовлетворения основных потребностей и знакомства с окружающим миром, ещё и социализацию, воспитание и формирование здоровой личности. Одновременно, любая женщина после рождения ребёнка сталкивается с целым рядом сложностей, которые решает в основном самостоятельно. Это и проблемы с её здоровьем, и забота о малыше, и внимание к другим членам семьи, и поддержание быта. Одной из ошибок молодой мамы в отношении к своему ребёнку может быть излишнее или необоснованное внимание к его здоровью. Это состояние взрослого лишает ребенка покоя, чувства уверенности. Нарушается базовая потребность малыша в безопасном окружении [1].

Поэтому, когда дети дошкольного возраста оказываются в стенах больниц, и врачи вынуждено ставят им разнообразные диагнозы, то самое пристальное внимание в первую очередь должно уделяться психоэмоциональному состоянию матерей, как основному источнику возможных отклонений и заболевания маленьких детей. В различных психологических исследованиях значимыми для формирования психосоматической патологии у ребенка называют такие особенности матери, как: высокая личностная тревожность; ригидность; внутренняя конфликтность матери; склонность к доминированию, гиперопеке, сдерживанию негативных чувств, преобладание чувства вины; неустойчивость к стрессу, преобладание деструктивных стратегий разрешения проблемных ситуаций и конфликтов; собственный негативно окрашенный телесный опыт матери, связанный с особенностями прародительской семьи [1, с. 39; 4].

Здесь необходимо отметить, что среди многих психосоматических заболеваний традиционно выделяют наиболее отслеживаемую группу из семи заболеваний, к которой относятся: язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки; неспецифический язвенный колит; бронхиальная астма; тиреотоксикоз; артериальная гипертензия; ревматоидный артрит; нейродермит [2]. Указанные психосоматические заболевания редко диагностируются детям младшего дошкольного возраста.

Целью работы является выявление связи материнского эмоционального состояния и психосоматического состояния её ребёнка. Предполагаемая гипотеза: психоэмоциональное состояние матери является ведущим фактором для психосоматизации ребенка в возрасте до 3 лет. Объектом исследования является психоэмоциональное состояние матерей детей возрастом до 3 лет. Предметом исследования является взаимосвязь психоэмоционального состояния матери и психосоматического состояния ребенка возрастом до 3 лет.

На основании проведенной теоретической части исследования, была проведена эмпирическая часть, в которой изучались особенности эмоционального состояния матери как фактор психосоматизации у ребенка. Для исследования этих особенностей была составлена анкета, в которой матерям предлагалось ответить об их отношении к состоянию здоровья ребенка. Кроме того, были отобраны такие методики: «Опросник эмоциональных отношений в семье» Е. И. Захаровой; «Самооценка эмоциональных состояний» А. Уэссмана и Д. Рикса; «Торонтская алекситимическая шкала» Г. Тейлора с соавторами.

В исследовании приняли участие 43 мамы, у которых есть дети возрастом до 3 лет. По результатам анкетирования участницы были объединены в две группы: респонденток, которые считают состояние здоровья своего ребёнка «хорошим», и матерей, которые не считают его таковым. Выявлено, что большинство участниц ответили положительно на представленные в анкете вопросы, то есть они обеспокоены здоровьем своего ребёнка и подходят для задуманного эмпирического исследования. Примечательно, что 4 участницы ответили, что считают здоровье своего ребёнка «хорошим», но по другим ответам анкеты они показали такие результаты, которые позволяют их отнести к мамам, здоровье детей которых требует постоянного внимания. Кроме того, были получены сведения о посещении их детьми муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения. В том числе были проанализированы посещаемость и причины отсутствия детей в течение осени 2020 и всего 2021 года.

Для сравнения двух выборок — матерей с разным отношением к состоянию ребёнка — по частоте встречаемости показателя было использовано угловое преобразование Фишера и ϕ -критерий Фишера. Сравнение данных в двух группах позволило обнаружить следующие результаты. При сравнении двух групп обе группы одинаково часто не приводят своих малышей в детский сад. Однако, группа матерей, которые не считают состояние здоровья своего ребёнка хорошим, достоверно чаще оставляют под своим присмотром малыша без наличия какого-то реального медицинского диагноза и медицинского подтверждения заболевания ($\phi_{эмп.} = 1,213, p \leq 0,1$).

По результатам методики «Опросник эмоциональных отношений в семье» выявлено, что большинство участниц имеют низкие показатели по

блоку «Эмоциональное принятие», но при этом способны воспринимать его состояние, понимать его причины и ориентироваться на него при построении взаимодействия. Анализ отдельных показателей по каждой респондентке показывает значительный разбег значений, который позволяет сделать вывод о разнице эмоциональных отношений, что требует дополнительного анализа, например, в виде изучения личностных характеристик данных мам. Для оценки достоверности различий были проведены расчеты t-критерия Стьюдента для независимых измерений. Сравнение данных в двух вышеуказанных группах позволило обнаружить, что группа матерей, которые не считают состояние здоровья своего ребёнка хорошим, показывают достоверно меньшие значения по блоку чувствительности ($t_{\text{эмп.}} = 1,213$, $p \leq 0,05$). Такие значения можно интерпретировать следующим образом: те мамы, которые характеризуются низкой эмпатией, замечают проявления своих чувств или чувств ребёнка, но не могут их расшифровать, поэтому больше концентрируются на более понятном им состоянии здоровья малыша.

По результатам методики «Самооценка эмоциональных состояний» было обнаружено, что большинство участниц оценивали своё состояние, как хорошее. Однако, внешне наблюдалось достаточно высокое количество подавленных или уставших мам. Возможно, что на положительные результаты методики повлияло желание участниц быть социально приемлемыми, несмотря на своё эмоциональное состояние.

По результатам методики «Торонтская алекситимическая шкала» получено, что около 9,3% из опрошенных мам имеют «алекситимический» тип личности. Кроме того, ещё 11,6% респонденток имеют значения по данной методике, приближенные к границе «алекситимического» типа. Таким образом, можно говорить о том, что почти 21% опрошенных мам характеризуются сложностями с определением своего эмоционального состояния. Группа матерей, которые не считают состояние здоровья своего ребёнка хорошим, достоверно чаще характеризуются значениями по данной методике, приближенными к границе «алекситимического» типа ($F_{\text{эмп.}} = 1,342$, $p \leq 0,05$). Как и по методике «Опросник эмоциональных отношений в семье» можно говорить о том, что непонимание своего и чужого эмоционального состояния приводит молодых мам к излишнему и навязчивому вниманию к здоровью малыша.

Приведенные результаты эмпирического исследования могут использоваться психологами женских консультаций с целью разъяснения важности положительного эмоционального настроения для здоровья будущего ребенка, в центрах матери и ребёнка, на лекциях по семейной психологии или развитию личности ребёнка.

Список литературы

1. Баранов, А. А. Материнско-детское эмоциональное взаимодействие как фактор формирования психосоматических расстройств у детей раннего возраста /

- А. А. Баранов, Р. К. Махмутова, Т. В. Шрейбер // Вестник Марийского государственного университета. — 2018. — № 1 (29). — URL: // <https://cyberleninka.ru/article/n/materinsko-detskoe-emotsionalnoe-vzaimodeystvie-kak-faktor-formirovaniya-psihosomaticheskikh-rasstroystv-u-detey-rannego-vozrasta> (дата обращения: 17.09.2022).
2. Бекоева, Д. Д. Особенности психосоматического исследования / Д. Д. Бекоева // Педагогика и психология образования. — 2010. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-psihosomaticheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 01.10.2022).
3. Исаев, Д. Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей / Д.Н. Исаев. — Санкт-Петербург : Речь, 2005. — 400 с.
4. Смирнова, С. В. Психологические предикторы психосоматической патологии в детском возрасте (на примере бронхиальной астмы) / С. В. Смирнова // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 5. — URL: // <http://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-prediktory-psihosomaticheskoy-patologii-v-detskom-voznaste-na-primere-bronhialnoy-astmy> (дата обращения: 10.09.2022).

УДК 159.95

КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА БРИТАНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

Яновский М.И., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

m.i.yanovsky@mail.ru

Английская культура издавна славилась юмором. Среди классиков мирового юмора и сатиры — Шекспир, Свифт, Шоу, Диккенс, Джером и др. Известностью пользуются современные британские юмористические шоу — «Шоу Бенни Хилла», «Свинка Пеппа» и т.д. Юмор — важная часть британского менталитета, даже в т.ч. в политической сфере. Так, британский политический стиль допускает клоунаду и эпатаж (классический пример — бывший премьер-министр Борис Джонсон). Элемент юмора присутствует даже в структуре политических интриг, которыми издавна славилась Великобритания. Например, знаменитое «дело Скрипалей», если судить по его сюжетным поворотам и персонажам, очевидно могло быть придумано и срежиссировано только людьми с чисто английским чувством юмора.

На наш взгляд, склонность британцев к юмору не столько отражает их особые таланты, сколько проявляет английский образ мира и английский менталитет. Дело в том, что английский образ мира во многом совпадает с образом мира, создаваемым комедией.

Анализ и обобщение теорий юмора показывает, что феномен комического — это сложное явление, с рядом неотъемлемых характеристик. Соотнесем эти характеристики с английским менталитетом.

1. Замечено, что объект смеха — всегда только человек, или что-то очеловеченное. Природа сама по себе не бывает смешной. Поэтому и мир комедии — это всегда мир межсубъектных отношений ограниченной группы. Британский социум точно также — сложная, но имеющая границы, сеть отношений между личностями, классами, религиозными общинами, кастовыми группами. Неслучайно британская политическая «элита» и в наше время получает образование с гуманитарным уклоном: история, литература, языки.

2. В юморе всегда есть противопоставление субъекта и объекта, т.е. субъекта-наблюдателя и объекта, который осмеивается. При этом субъект отстранён от объекта, смотрит на него с позиции превосходства. Английский философ Т. Гоббс характеризовал «страсть» смеха как внезапное чувство тщеславия от превосходства над людьми, имеющими какие-либо недостатки. Поэтому мир комедии — это мир неравных отношений: есть «нормальный» субъект и «неполноценные» субъекты, т.е. «объекты» критического оценивания. Аналогично этому любой англичанин и Англия в целом всегда держатся отстранённо и смотрят на других с позиций превосходства. Это характернейшая английская черта. Как следствие британское общество в целом чрезвычайно иерархизировано: королевская семья, каста наследственных аристократов, «простые» люди. Те и другие никогда не смогут смешаться или поменяться местами.

3. Когда кто-то смеется над кем-то, то предполагается, что он чувствует себя знающим «как правильно», т.е. владельцем абсолютных мерок, которые позволяют оценить объект смеха. Так же и англичане, английская «элита» всегда считали себя знатоками эталонов, владельцами образцовой политической системы, образцовой науки, образцового образования и т.д. В Британии как государстве нет конституции, потому что каждый англичанин считает себя соавтором и совладельцем юридических мерок и стандартов, а не просто их исполнителем. Британия также старается держать в своих руках экономические стандарты (банковская система), научные стандарты (Скопус). Право на свои стандарты англичане удерживают даже в сфере физических измерений (дюймы, фунты и т.д.)

4. В юморе субъект оценивает объекта, и как бы вскрывает в нем безобразное (противоречия, ошибки, неполноценность, уродство, устремления, которые не соответствуют его положению, редукцию к автоматизмам). Возможен вариант, когда субъект заранее знает «подоплеку» объекта и происходящего с ним, в силу догадок или владения «секретной» информацией. Этому аналогично то, что английская система правления, политических интриг, игр «секретных служб» основана на вскрытии и использовании чужих недостатков, моральных слабостей, привычек и автоматизмов, на стравливании своих оппонентов, на создании и разжигании противоречий («конкуренции»).

5. В юморе происходят парадоксальные внезапные смены состояний, внезапные «сбросы» ожиданий. Так же и в британском стиле поведения, особенно в политике, поощряются неожиданные, парадоксальные и, казалось бы, невозможные — с моральной и др. точек зрения — повороты. Например, британская монархия — покровитель рок-музыки. Один из самых одиозных примеров — план «Немыслимое», разработанный англичанами в конце второй мировой войны (план войны с СССР сразу после совместной с ним победы над фашистской Германией).

6. Юмор — это потенциально, в возможности, форма агрессии против объекта. Соответственно, не секрет, что Британия сыграла ключевую роль в возникновении огромного количества конфликтов и войн в мире.)

Попробуем выявить когнитивную основу мира межсубъектных отношений в комедии. Применим концепцию Ж. Пиаже трех типов спонтанного структурирования пространства сознанием человека [1], поскольку мир межсубъектных отношений имеет структурированность, как своего рода пространство. Возможны три типа структурирования пространства: 1) пространством мест, 2) проекционное пространство и 3) эвклидово пространство [там же]. С миром комического совпадает *проекционное пространство*: мир как система проекций-форм, воспринимаемых наблюдателем, фиксированным в определенной позиции. Объект здесь — лишь форма, наблюдаемая из определенного положения. Проекционное пространство создается «вмешательством <...> «точки зрения», по отношению к которой проецируются фигуры» [1, с. 554-555]. Генетически исходную когнитивную операцию, генерирующую такого рода пространство, Пиаже называет «*прицеливанием*», подразумевая виденье субъектом объекта из определенной позиции, при этом в качестве средства для оценки («прицела») используется другой предмет [там же]. Здесь субъект имеет дело всегда не с самим объектом, а с его проекцией (= формой). Характерная особенность пространства проекций — нерелексированность позиции наблюдателя, что обуславливает фиксированность его системы отсчета и коррелирует с эгоцентризмом.

Все это действительно есть в описанных выше особенностях британского образа мира. Британский менталитет во многом основывается на «работе» с проекциями. Классическое воплощение мира проекций — театр. Британское общество театрализовано: монархия, королевский двор, традиции и церемонии высшей аристократии. Особо следует отметить образ «всевидящего ока», неслучайно возникший именно в английской литературе (Дж. Толкиен). Образ этот — проекция самого британского сознания, с характерным ему «прицеливанием» как базовой когнитивной операцией. (Одним из воплощений «ока» оказалась британская МИ-6.)

Но «прицеливание» — это и основа эффекта комичности: разоблачение неполноценности другого субъекта. Реализация «прицеливания» предполагает возможность ролевых позиций: прицеливающийся, объект прицеливания. Поэтому в комедии всегда есть

«Разоблачитель» (прицеливающийся), «Шулер» (неразоблаченный объект прицеливания), «Глупец» (разоблаченный объект прицеливания), «Добряк-спасатель» (субъект, поддерживающий равновесие отношений, нарушаемое разоблачениями).

Центральный образ, воплощающий британскую идентичность, является британский монарх. Но он и есть все эти ролевые позиции *ab ovo*: поддерживающий равновесие «Добряк-спасатель», много знающее «Всевидящее Око — Разоблачитель», закулисный «Шулер», а иногда «Шут-Глупец». В этом смысле британская монархия — своего рода квинтэссенция британского общества.

Список литературы

1. Piaget, J. La représentation de l'espace chez l'enfant / J. Piaget, B. Inhelder. — Paris : Presses universitaires de France, 1948. — 581 p.

УДК 159.9

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФЕНОМЕНА ПРОКРАСТИНАЦИИ У МОЛОДЕЖИ

Ярмыш И.А., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
yarmyshia@mail.ru

Введение. В настоящее время темп жизни увеличивается. Современный мир требует от человека успешности, организованности, упорядоченности. Желания расти и развиваться, быть успешным, активным вступают в конфликт с недостатком времени. Временной дефицит ощущается постоянно, продуктивность падает из-за несовпадения направления и темпа реальных действий человека с желаемыми действиями. Некоторые важные действия, решения, дела откладываются снова и снова. При этом одновременно могут решаться проблемы малозначимые, незначительные. Это явление получило название «прокрастинация».

Основная часть. Прокрастинация — поведенческий паттерн в виде иррационального откладывания человеком запланированных действий, сопровождаемого негативными эмоциональными переживаниями. Это явление сложное и многогранное. Факторов, запускающих процесс прокрастинации действий или факторов, останавливающих действие, тормозящих удовлетворение определенной потребности, может быть много. Главной задачей большинства отечественных и зарубежных исследований остается установление психологических характеристик, которые способствуют проявлению прокрастинации.

Сегодня феномен прокрастинации изучается чаще всего в контексте ее взаимосвязи с личностными особенностями. Данная проблема освещается во многих исследованиях, и ее изучение становится все шире и многограннее. Так, Н. Н. Карловская и Р. А. Баранова выявили ряд компонентов, которые коррелируют с проявлением прокрастинирующего поведения (это тревожность, чувство вины в эмоциональной сфере; локус контроля, несформированность навыков саморегуляции в поведенческой сфере) [1]. Е. П. Ильин провел параллель между прокрастинацией и ленью [2]. Л. И. Дементий рассмотрел прокрастинацию в контексте несформированности регулятивного потенциала личности [3]. Дж. Бурка, Л. Юэн увидели в этом явлении защитную стратегию при низкой самооценке [4]. И. Л. Янис отождествил прокрастинацию с деструктивной копинг-стратегией при выполнении сложной деятельности. П. Стил выделил четыре проблемы, детерминирующие прокрастинирующее поведение: слабая вера в успех; нежелание выполнять задания, действия, работу; импульсивность и склонность часто отвлекаться; отсроченное достижение целей [5].

Целью данной работы является выявление личностных факторов, детерминирующих феномен прокрастинации.

Объект исследования: прокрастинация как психологический феномен.

Предмет исследования: личностные детерминанты феномена прокрастинации.

Методики исследования: «Шкала общей прокрастинации» К. Лей (в адаптации О. С. Виндекер, М. В. Останиной); «Многомерная шкала перфекционизма» Хьюитта-Флетта (в адаптации И. И. Грачевой); «Тест фрустрационных реакций» С. Розенцвейга (в адаптации Н. В. Тарабриной); «16-факторный личностный опросник (16-ФЛО)» Р. Б. Кеттелла [6, 7]. Обработка эмпирических данных осуществлялась соответствующими математико-статистическими методами: U-критерий Манна-Уитни; коэффициент ранговой корреляции Спирмена; регрессионный анализ.

Исследование проводилось на базе лаборатории кафедры психологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Испытуемыми эмпирического исследования выступили 32 человека. Основными требованиями для включения в выборку стали: гетерогенность по полу; гетерогенность по возрасту; гетерогенность по профессиональной направленности; гетерогенность по уровню образования. В дальнейшем в ходе эмпирического исследования для сравнения психологических особенностей выборка была разделена на две подгруппы: первая — со значением уровня прокрастинации ниже 43 баллов (ниже среднего) и вторая — с уровнем прокрастинации выше 67 баллов (прокрастинация выше среднего).

Результаты и обсуждение. Высокая степень выраженности прокрастинации выявлена у 38% выборки, низкая — у 28%, средняя — у 34%. Примерно третья часть выборки (28%) своевременно выполняет

запланированные дела, решает проблемы, осуществляет выбор, не чувствует дискомфорт от того способа планирования и выполнения дел, который был выбран. У 38% отмечается внутренний конфликт, они переживают отрицательные эмоции и напряжение из-за несвоевременности выполнения или сдачи дел.

Между показателями прокрастинации и перфекционизма существует сильная значимая связь на 1%-м уровне значимости ($r_s = 0.602$, критические значения для $N = 32$: $r_s = 0,45$ $p \leq 0.01$). При повышении уровня одного из показателей повышается и уровень другого.

В группе с высокими показателями прокрастинации уровень перфекционизма выше, чем в группе с низкими показателями прокрастинации. Различия значимы на 1%-м уровне: $U_{Эмп} = 9$, критические значения для $N = 32$: $U = 21$ $p \leq 0.01$). Отмечаются также значимые различия на 5%-м уровне между группами по направленности перфекционизма по шкалам ПОС (перфекционизм, ориентированный на себя), ПОД (перфекционизм, ориентированный на других), СПП (перфекционизм социально предписанный): ПОС результат $U_{Эмп} = 19$; ПОД результат: $U_{Эмп} = 10$; СПП результат: $U_{Эмп} = 8$, критические значения для $N = 32$: $U = 21$ $p \leq 0.01$, $U = 30$ $p \leq 0.05$. В группе с высокими показателями прокрастинации уровень ПОС, ПОД, СПП выше, чем в группе с низкими показателями прокрастинации.

Различия в показателях фрустрационных реакций экстрапунитивной и интропунитивной направленности между группами с низкими и высокими показателями прокрастинации — значимы. В группе с высокими показателями прокрастинации выше проявление экстрапунитивной направленности поведения и ниже — интропунитивной (экстрапунитивная направленность — $U_{Эмп} = 13$, критические значения: $U = 21$ $p \leq 0.01$, $U = 30$ $p \leq 0.05$).

Установлено, что уровень прокрастинации детерминируют показатели направления агрессии (фактор I — $r_s = -0,48$, обратная, средняя; фактор А — $r_s = -0,78$, связь обратная, сильная; фактор Е — $r_s = 0,47$, связь прямая, средняя). При низких проявлениях агрессии вовне она будет подавляться, следовательно, не будет и энергии для разрешения важных дел, проблем, задач. Когда ситуация рассматривается как неважная, малозначимая, запускается процесс долгого обдумывания. Когда преграда, препятствие воспринимаются как благо, как нечто, не имеющее серьезного значения, тогда больше обесценивается реальный мешающий фактор, не соизмеряются возможности личности со степенью угрозы препятствия, и прокрастинация будет высокой.

Слабая эмоциональная насыщенность (фактор С — $r_s = -0,84$, связь обратная сильная) может спровоцировать прокрастинацию. Подавление энергии эмоций блокирует деятельность. Чем ниже проявление чувств, тем чаще и больше проявляется прокрастинация. Степень враждебности мира, уровень недоверия влияют на «пробуксовку» в делах. Страх оценки мешает

процессу деятельности, завершению дел. Воображение и мечтательность порождают откладывание сложных дел (фактор О — $r_s = 0,43$, прямая, средняя).

Способность к саморегуляции детерминирует прокрастинирующее поведение (фактор G — $r_s = -0,49$, связь обратная, фактор F — $r_s = -0,60$, связь обратная, средняя). Чем ниже показатели, тем больше проявление прокрастинации. Понижение импульсивности может вызывать повышение прокрастинации из-за нехватки энергии для начала действия.

Заключение. В отечественной психологии актуальным остается целостное осмысление личностных характеристик, ответственных за проявление прокрастинации. Проявления прокрастинации могут затрагивать все три уровня жизнедеятельности человека: эмоциональный, когнитивный, поведенческий. Согласно проведенному исследованию, на прокрастинацию влияют такие факторы, как способность к саморегуляции, конформность, эмоциональная сензитивность, уровень тревожности, уровень перфекционизма, экстрапунитивная направленность поведения. Эти факторы влияют с отрицательным коэффициентом. Прокрастинирующий человек может избегать чего-то из-за отсутствия ресурсов, а может, наоборот, делать это для генерации напряжения и более полной разрядки потом, то есть прокрастинирующее поведение само по себе может стать ресурсом. Откладывание чего-либо может быть способом удовлетворения актуальной потребности. Осознав потребность, можно менять способ, если замечается его деструктивность. Полученные данные возможно использовать при разработке программ с целью профилактики деструктивного влияния прокрастинации.

Список литературы

1. Карловская, Н.Н. Взаимосвязь общей и академической прокрастинации и тревожности у студентов с разной академической успеваемостью / Н.Н. Карловская, Р.А. Баранова // Психология в вузе. — 2008. — №3. — С. 38–49.
2. Ильин, Е.П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень / Е.П. Ильин. — Санкт-Петербург : Питер, 2011. — 224 с.
3. Дементий, Л.И. Особенности ответственности и временной перспективы у студентов с разным уровнем прокрастинации / Л.И. Дементий, Н.Н. Карловская // Психология обучения. — 2013. — №7. — С. 4–19.
4. Бурка, Дж. Прокрастинация : почему мы все откладываем на потом и как с этим бороться прямо сейчас / Дж. Бурка. — Минск : Попурри, 2020. — 432 с.
5. Ковылин, В.С. Теоретические основы изучения феномена прокрастинации / В.С. Ковылин // Личность в меняющемся мире : здоровье, реакции, развитие. — 2013. — №2. — С. 22–41.
6. Грачева, И.И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта / И.И. Грачева // Психологический журнал. — 2006. — №6. — С. 73–81.
7. Львова, Е.Н. Применение теста рисуночной фрустрации С. Розенцвейга в исследовании особенностей совладания в ситуации неопределённости / Е.Н. Львова, Е.И. Шлягина, А.Н. Гусев // Национальный психологический журнал. — 2016. — № 1(21). — С. 19–27.

Кризисная психология: опыт решения проблем и перспективы исследований

УДК 159.9

РЕСУРСНООРИЕНТИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА «BASIC Ph»

Барьяхтар О.Ф.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
oksana-neverland@mail.ru

В жизни каждого человека могут случиться стрессогенные ситуации, которые трудно спрогнозировать: насилие, несправедливость, природные катаклизмы, экономические и политические кризисы, пандемии, разрушение жизненных планов и тому подобное. В таких ситуациях человек испытывает чувство беспомощности, когда наши архаичные способы преодоления опасных ситуаций, бегство или нападение, невозможны. В периоды сильного стресса возникают совершенно разные, но, тем не менее, типичные реакции: трудности с концентрацией внимания, рассеянность, трудности с запоминанием, отсутствие движения, проблемы со сном, головная боль, потеря аппетита или даже приступы переедания, чувство разочарования или чувство агрессии, сильные страхи с плачем или даже роботизированное функционирование с ощущением, что все кажется нереальным, и многое другое. Израильский психолог, травматерапевт Мули Лахад длительное время исследовал способы поведения людей в стрессогенных ситуациях. Он установил, что у каждого человека есть своя собственная уникальная комбинация ресурсов борьбы с неблагоприятными обстоятельствами. Такие выводы стали основой модели «BASIC Ph», разработанной в 2004 году [1]. Эта модель основывается на признании способности личности противостоять катастрофам, сохранять свое психическое здоровье в любых экстремальных ситуациях. Модель содержит шесть основных параметров, составляющих ядро индивидуального стиля поведения во время пребывания в неблагоприятных обстоятельствах (каждая буква в названии модели «BASIC Ph» означает какой-то ресурс):

1. *Belief* (Вера): философия жизни, убеждения и моральные ценности. Этот способ преодоления кризиса основана на вере (в Бога, в людей, в чудо или в самого/саму себя, в свою миссию). Это система убеждений, ценностей и смыслов, потребность в самореализации и самовыражении.

2. *Affect* (аффект): чувства, эмоции. Аффективная стратегия проявляется через эмоции: плач, смех, разговор с кем-то о своих переживаниях. Этот способ преодоления кризиса требует, прежде всего, выявления различных чувств и их идентификацию. Далее следует попытка выразить, распознать чувства приемлемыми для человека способами: словесно, письменно (в рассказе или в письме); без слов — в танце, в рисунке, в музыке, в драме. Можно записывать в дневник свои чувства или рисовать их.

3. *Social* (социум): принадлежность, семья, друзья. Данному способу преодоления кризиса свойственно стремление к общению. Можно обращаться за поддержкой к семье, друзьям или психологам. Можно помогать другим пострадавшим, погружаться в волонтерскую работу. То есть, важна социальная включенность: стремление быть среди людей, чувствовать себя частью системы, организации и т.п. получить от других людей подтверждение, что ты жив/жива, чем-то полезен/полезна, можешь на что-то влиять.

4. *Imagination* (воображение): творчество, игра воображения, интуиция. Этот способ преодоления кризиса базируется на творческих способностях. Благодаря воображению можно мечтать, импровизировать, представлять себе будущее, развивать интуицию, меняться, искать утешение в мире игры и фантазии. Практиковать рукоделие, гончарство и тому подобное. Фантазия помогает отвлечься от жестокой реальности, проявить чувство юмора; найти креативное решение актуальных проблем.

5. *Cognition* (когниция): знание, логика, реальность, мысли. Способ преодоления кризиса через актуализацию ментальных способностей, умения логически и критически мыслить, оценивать ситуацию, познавать новые идеи, планировать, учиться, собирать информацию, анализировать проблемы и рационально решать их. Когнитивная стратегия предполагает аналитическую работу, составление списков или планов.

6. *Physiology* (физиология): физическая, чувственная модальность и деятельность. Способ преодоления кризиса через концентрацию на физической деятельности тела. Этот способ связан со способностью чувствовать себя благодаря органам чувств. Предполагает физическую активность: спорт, физический труд, медитация, прогулки на природе, походы в горы и т.д. Также, получение удовольствия (релакса) через пищу.

Во время процесса валидации данной концепции было обнаружено, что люди в кризисных ситуациях используют больше, чем одну стратегию одновременно. Стрессовые ситуации являются вызовом для каждого человека. Если стресс очень сильный (личная оценка) или длительный, то ресурсы иссякают. Если в условиях кризиса индивид использует лишь одну стратегию, она, в конце концов, становится неэффективной. Психологу в работе с такими клиентами стоит сосредоточиться на активации их ресурсов. При кризисном вмешательстве

терапевт будет использовать стратегии, которые он признал активными на основе модели «BASIC Ph». В краткосрочной психотерапии терапевт должен сосредоточить внимание на менее привычных стратегиях, поощрить клиента расширить репертуар стратегий. Существует три способа работы с моделью «BASIC Ph». Во-первых, это клинический психолингвистический анализ рассказов клиента. Второй способ — создание истории в шести частях [1]. Третий — метрическая оценка «BASIC Ph» с помощью Q-сортировки утверждений по 5-балльной шкале Ликерта. Следовательно, потенциал для преодоления стрессогенных ситуаций есть у всех. Комбинация шести параметров модели «BASIC Ph» составляет индивидуальный стиль борьбы с неблагоприятными обстоятельствами. Потенциально каждый человек владеет каждой из упомянутых выше стратегий с раннего детства и на протяжении всей своей жизни. У каждого/каждой есть свои «привычные» методы преодоления кризиса, поэтому преобладает обычно один из них или комбинация нескольких. Модель «BASIC Ph» помогает быстро оценить существующие стратегии преодоления кризиса и текущее эмоциональное состояние клиента. Помогает определить, достаточно ли кризисного вмешательства, необходима ли краткосрочная терапия. Модель «BASIC Ph» дает возможность понять, что стресс можно преодолевать разными способами. Также демонстрирует, что все люди преодолевают стресс по-разному. Именно поэтому нет универсальных способов преодоления стресса, не может быть и универсальных рекомендаций по поведению в стрессовых ситуациях.

Список литературы

1. Lahad M., Shacham M., Ayalon O. The «BASIC Ph» model of coping and resiliency : Theory, research and cross-cultural application. London, England : Jessica Kingsley. — 2013. — 288 p.

УДК 159.96

СТРЕСС И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ КАК ФАКТОРЫ ПРОЯВЛЕНИЯ СТРАХА У ЛЮДЕЙ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Жарикова А.М., Устинова Н.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
azharikova31@mail.ru

Введение. В последние годы одной из наиболее серьезных и масштабных мировых проблем стала пандемия COVID-19. Карантинные ограничения, повышенный уровень беспокойства, информационный поток не только негативно сказываются на всех сферах человеческой жизни, но и

способствуют возникновению психических расстройств у населения [1]. При этом реакция на болезнь или вероятность возникновения данного заболевания будет зависеть как от внешних, так и от внутриличностных факторов. Одним из таких факторов является копинг-поведение, которое позволяет определять степень адаптированности человека к стрессовой ситуации. Копинг-стратегии позволяют уменьшить стрессовое воздействие на психику человека и обеспечивают поддержание благополучного как физического, так и психического состояния [2].

Сегодня в психологии введен новый термин «COVID-стресс синдром». По мнению канадского психолога Стивена Тейлора, данное состояние проявляется в постоянном страхе заразиться коронавирусной инфекцией, беспокойстве о возможных социально-экономических последствиях, страхе за здоровье и жизнь близких и т.д. [3].

Основная часть. *Целью* данной работы выступило изучение психологических особенностей стресса и копинг-поведения в период пандемии COVID-19 у людей, которые испытывают страх перед коронавирусной инфекцией. В ходе исследования была выдвинута гипотеза о том, что люди, у которых присутствует страх перед COVID-19, будут иметь более высокие показатели уровней стресса и чаще использовать непродуктивные копинг-стратегии, чем люди, которые не испытывают страх перед болезнью.

Теоретико-методологической базой исследования выступили работы по проблемам копинг-поведения (Анцыферовой Л.И., Балабановой Е.С. и др.), влияния соматических болезней на психическое состояние личности (Зейгарник Б.В., Калмыковой Б.С., Ковалева В.В. и др.), а также о влиянии коронавирусной инфекции на личность (Быховец Ю.В., Константинова В.В. и др.) [4].

Для осуществления цели данного исследования были использованы следующие методики: методика «Шкала психологического стресса PSM-25» Лемура Тесье-Филлиона; методика «Диагностики стресс-совладающего поведения (копинг-поведение в стрессовых ситуациях)» Д. Амирхана; методика «Шкала страха COVID-19» в адаптации Гриценко В. В., Резник А. Д., Константинов В. В. и других.

С целью статистической проверки достоверности полученных результатов использовался t-критерий Стьюдента, корреляционный анализ.

Выборку исследования составили 64 человека в возрасте 18-32 лет. Согласно результатам методики «Шкала страха COVID-19» в адаптации Гриценко В.В., Резник А.Д., Константинов В.В. и др. испытуемые были поделены на две выборки:

- 1) люди с явным страхом перед COVID-19 (28 человек).
- 2) люди, у которых отсутствует страх перед COVID-19 (36 человек).

Результаты исследования отношения к COVID-19 показали, что респонденты, которые испытывают страх перед заболеванием (44%),

ощущают дискомфорт от вероятности подхватить коронавирусную инфекцию, в связи с чем они испытывают беспокойство, волнение и тревогу, сталкиваясь с новостями о коронавирусе или новыми вспышками болезни. Для респондентов, у которых отсутствует страх перед COVID-19 (56%), характерно более адаптивное отношение к болезни, при котором отсутствует тревога и явное негативное влияние на эмоциональное состояние.

Согласно результатам по методике «Шкала психологического стресса PSM-25» Лемура Тесье-Филлиона, люди, у которых присутствует страх перед COVID-19, имеют более высокие показатели уровня стресса, позволяющие говорить о том, что они испытывают постоянное напряжение, волнение, тревогу. Респонденты, у которых отсутствует страх перед коронавирусом, чувствуют себя более комфортно, они уверены в своих силах, фактически не отмечают наличия неприятных физических или психических ощущений, у них наблюдается более высокий уровень продуктивности ($t=27,82$; $p\leq 0,001$).

Согласно методике Д. Амирхана, у респондентов, у которых присутствует страх перед COVID-19, доминирует стратегия избегания ($t=22,53$; $p\leq 0,001$), в то время как респонденты, которым не характерен страх перед коронавирусом, чаще используют стратегию решения проблемы ($t=25,03$; $p\leq 0,001$). Поиск социальной поддержки практически в одинаковой мере используется респондентами двух выборок.

Подобные результаты указывают на то, что люди, у которых присутствует страх перед коронавирусной инфекцией, чаще всего в стрессовых ситуациях могут проявлять агрессивное поведение, пытаться отделиться от возникшей ситуации, избегать проблемы или стремиться решить ее за счет помощи и поддержки других людей.

Согласно корреляционному анализу, у респондентов, испытывающих страх перед коронавирусом, импульсивно агрессивное реагирование на проблему приводит к снижению общего психического тонуса, продуктивности деятельности, апатии, нарушениям в эмоциональной сфере, дискомфорту как психического, так и физического характера ($r=0,44$; $p\leq 0,05$).

В выборке испытуемых, которые не испытывают страх перед коронавирусной инфекцией, была выявлена одна корреляционная связь между «Уровнем психологического стресса» и копингом «Дистанцирование» ($r=0,39$; $p\leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что чем выше уровень психологического стресса, тем чаще респонденты, которым не присущ страх перед коронавирусом, преодолевают негативные переживания, связанные с заболеванием, за счет снижения его значимости и степени эмоциональной вовлеченности через рационализацию, переключение внимания, юмор или обесценивание.

Заключение. Проведенный анализ показал, что существуют различия в особенностях проявления стресса и выборе копинг-стратегий у людей,

испытывающих и не испытывающих страх перед COVID-19, что подтверждает гипотезу исследования.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы при составлении психолого-коррекционных программ по работе с населением, испытывающим тревогу и страх в период пандемии COVID-19.

Список литературы

1. Бодров, В. А. Психологический стресс : развитие учения и современное состояние проблемы / В. А. Бодров. — Москва : ПЕР-СЭ, 2005. — 511 с. — ISBN 5-9292-0146-3.
2. Акчурина, Е. В. Копинг-поведение при стрессе / Е.В. Акчурина // Практика управления ДОУ. — 2015. — №6. — С. 8–10.
3. Быховец, Ю. В. Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая ситуация / Ю. В. Быховец, Л. Б. Коган-Лернер // Социальная и экономическая психология. — 2020. — Т. 5, № 2 (18). — С. 291–308.
4. Кайтукова, З.Х. Личностные особенности респондентов с различным отношением к эпидемии COVID-19 / З. Х. Кайтукова // Вестник ГУУ. — 2021. — №6. — С. 162–165.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Ковальчишина С.В., канд. психол. наук

ГБУ ВО «Академия МВД ДНР имени Ф.Э. Держинского», г. Донецк, РФ
lanessa88@mail.ru

Введение. На протяжении восьми лет: с 2014 по настоящее время население Донецкой области осуществляет свою жизнедеятельность в условиях столкновения двух цивилизаций (С. Хантингтон «Столкновение цивилизаций»), которое дестабилизирует все сферы человеческой жизни и оптимального психического развития. Непрерывающиеся длительное время боевые действия, постоянно нависающая угроза жизни и здоровью, изменяющиеся и прекращающиеся социальные связи, постоянно переживаемое чувство утраты (дома, близких, привычного круга знакомых, профессиональной деятельности) откладывают свой отпечаток на личностном развитии жителей Юго-Восточного региона Украины [2].

Основная часть. Всемирные геополитические трансформационные процессы вызывают повышенное внимание к изучению социально-психологических особенностей личностного развития в условиях вооруженных конфликтов. Активно изучаются психологические последствия стресса, вызванного участием в боевых действиях (М.Е. Зеленов, Е.О. Лазебная, А.В. Тимченко), особенности реакции

личности на воздействие различных экстремальных факторов (Ю.А. Александровский, Н.В. Тарабрина, Ю.В. Щербатых, Е.Н.Рядинская и др.) [1].

Анализ публикаций по данной проблеме указывает на то, что в первую очередь жизнедеятельность в зоне боевых конфликтов отражается на индивидуально-личностном потенциале. Личность находится в состоянии постоянной адаптации к меняющимся условиям жизни. В условиях хронической нестабильности, кардинальных перемен в образе жизни, угрозы жизни психические механизмы работают над поддержанием целостности и оптимального уровня функционирования, однако для личностного развития, раскрытия творческого потенциала, повышения продуктивности жизнедеятельности психических ресурсов не хватает. Личность пребывает в состоянии «ценностного и смыслового брожения». Это может приводить к отсутствию целей, перспективных планов, утрате возможности контролировать собственную жизнь, что находит проявление в неустойчивой жизненной позиции и непременно сказывается на ощущении целостности, возможности управлять собственной жизнью [1].

В результате жизнедеятельности в условиях боевых действий в структуре личности происходят изменения в ее основе — ценностно-мотивационной сфере. Положительный опыт преодоления кризисной ситуации человеком сохраняет и укрепляет те смыслы, ценности и жизненные стратегии, которые способствовали адаптации, и отбрасывает те личностные образования, которые были неэффективны.

Анализ психологических исследований личности в условиях вооруженного конфликта, особенности трансформаций смысложизненных стратегий и их компонентов указывают на то, что психическая адаптация может идти по двум векторам: прогрессивному и регрессивному. Исследования 2016 года свидетельствуют, что к условиям вооруженного конфликта может адаптироваться 24 % населения. Среди факторов, которые способствуют адаптации авторы указывают: поддержку близких и семьи, финансовый ресурс, сохранение значительной части социальных контактов, социальную востребованность.

На основании вышеизложенного можно сказать, что личностное развитие в условиях гибридной войны имеет дихотомичный характер. С одной стороны, личность теряет привычные условия личностного развития, переживает сильнейший экзистенциальный кризис, результатом которого может быть физическая смерть, психические расстройства, психические и физические заболевания. С другой стороны, жизнь в условиях гибридной войны и переживание подобного рода экзистенциального кризиса создает условия для экспресс-переоценки и «ревизии» неэффективных жизненных стратегий, ложных ценностей и смыслов и предоставляет возможность личности выйти на новый виток более конструктивного личностного развития и духовного роста.

С февраля 2022 года ситуация вооруженного конфликта в нашем регионе обострилась и перешла из латентной стадии в активную. Это вызывает повторную травматизацию той части населения, которое уже проходило через активную фазу боевых действий в 2014-2015 году и травмирует ту часть населения, которое переживает боевые действия впервые. Каждая из групп населения в той или иной мере старается выжить и справиться с тяжелыми переживаниями утраты, страха, безысходности, гнева, апатии, беспомощности и другими тяжелыми чувствами. К сожалению, получаемый травматический опыт безусловно оставляет отпечаток в личности человека в виде изменения жизненных смыслов, ценностей, межличностных отношений, мировоззрения и посттравматического стрессового синдрома. Последний является особо тревожным аспектом жизни в условиях активных боевых действий, так как в будущем может проявиться в личности такими новообразованиями как склонность к агрессивным и делинквентным формам поведения, депрессивным и фобическим расстройствам, пассивной агрессии, тревожности, снижения трудоспособности и творческого потенциала, а также многим другим негативным личностным изменениям.

Логично возникает вопрос, возможно ли минимизировать или нейтрализовать негативное последствие травмы войны, как выйти в конструктивный вектор развития и каковы предпосылки деструктивного вектора. Над этими вопросами трудились ученые психологи и практики целый век. В настоящее время, к счастью психологическая наука имеет значительный багаж знаний в этом вопросе (В. Франкл, Д. Бюдженьаль, Р. Мэй, Э. Фромм, З. Фрейд, Ф. Перлз, И. Ялом и др.). Представители психоаналитической школы говорят о том, что в условиях кризиса ключевую роль в обеспечении психической целостности и адаптации играют психические механизмы защиты. Зрелые механизмы психической защиты, такие как альтруизм, юмор, сублимация, запрещение, предвосхищение приводят к конструктивному вектору личностного развития. Они позволяют человеку влиять на ситуацию и контролировать ее в той или иной мере. Незрелые, проектные или невротические механизмы психической защиты, такие как регрессия, диссоциация, отрицание, интеллектуализация, подавление, ипохондрия, изоляция, отказ от деятельности приводят к дезадаптивным формам совладания с кризисом и регрессу личности [3]. Также большую роль играет степень осознанности (ответственности) личности, осмысленности ее деятельности (что в свою очередь также сопряжено с действием психических механизмов защиты). Таким образом, преобладание в арсенале личности зрелых механизмов позволяют личности конструктивно справиться с травмирующими обстоятельствами жизни в условиях гибридной войны.

Заключение. Опыт жизни в условиях военного конфликта позволяет глубже понять народную мудрость «то, что не убивает, делает нас

сильнее». Человек в условиях войны, либо погибает (физически или психологически), либо делает скачек в личностном развитии, как это было с поколением наших дедов и прадедов. Однако, современная гибридная война оставляет нам больше шансов конструктивно справиться с травмой войны. Благодаря богатому психологическому наследию и арсеналу психотехник, позволяющих работать с психической травмой, личностное развитие оказывается возможным при соответствующей психологической помощи. Данная реальность может закалить, сделать психически крепкими и духовно обогатить наше поколение. Однако путь развития в данных обстоятельствах невозможен в изоляции и одиночестве. Без поддержки близких, без человеческого тепла и квалифицированного психологического сопровождения выйти в полнос развития практически невозможно.

Список литературы

1. Абакумова, И.В. Специфика индивидуально-психологических реакций личности, проживающей в зоне вооруженного конфликта / И.В. Абакумова, Е.Н. Рядинская // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2017. — №7 (256). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-individualno-psihologicheskikh-reaktsiy-lichnosti-prozhivayuschey-v-zone-vooruzhennogo-konflikta> (дата обращения: 02.10.2022).
2. Копичев, О.А. Современные войны : анализ тенденций развития межгосударственного противоборства, классификация форм и способов борьбы, формирование признаков и критериев военного конфликта / О.А. Копичев, А.Е. Николаев // Системы управления, связи и безопасности. — 2021. — № 1. — С. 1–32. — DOI: 10.24411/2410-9916-2021-10101.
3. Налчаджян, А.А. Психологическая адаптация : механизмы и стратегии / А.А. Налчаджян. — Москва : Эксмо, 2010. — 368 с.

УДК 159.922

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ АСПЕКТОВ ЗДОРОВЬЯ И ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В ЦЕЛОМ

Латынова Е.К.

ГБПОУ СОМК «Свердловский областной медицинский колледж»,
г. Екатеринбург, РФ
Foxy231@mail.ru

Введение. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), примерно 20 % детей и подростков в мире имеют психические расстройства. В том числе в 2019 — 2020 гг. каждый восьмой человек на планете, т.е. в общей сложности 970 миллионов человек, страдал психическим расстройством, причем наиболее распространенными были

тревожные и депрессивные расстройства. В 2021 — 2022 г. на фоне пандемии COVID-19 и «спецоперации» число людей, страдающих тревожными и депрессивными расстройствами, значительно возросло. По предварительным оценкам только за один год распространенность тревожных и серьезных депрессивных расстройств увеличилась на 26% и 28% соответственно. Несмотря на наличие эффективных методов профилактики и лечения, большинство людей с психическими расстройствами не имеют доступа к эффективной медицинской помощи, только часть этих людей получает лечение. Без лечения психические расстройства могут достичь кризисной точки [4].

Основная часть. Некоторые примеры кризисов психического здоровья включают депрессию, травмы, расстройства пищевого поведения, злоупотребление алкоголем или психоактивными веществами, самоповреждение и суицидальные мысли, приводящие к смерти физически здорового человека. В современном обществе отсутствует направление по обучению граждан грамотному личностному поведению в сложных кризисных ситуациях. Коллега, друг или член семьи в чьем окружении другой человек переживает эмоциональный кризис, не имея знаний, не обладая опытом не может правильно оценить сложность сложившейся ситуации.

Номера телефонов психологической помощи, указанные на флаерах и листовках, размещенных на трамвайных остановках, единичная неуместная реклама поддерживающих фондов при просмотре развлекательных передач, вызывает отторжение со стороны социума, воспринимается как что-то навязчивое, так как считается, что обращение в указанные организации является признанием наличия проблемы в семье, в том время как член этой семьи категорически отказывается верить в то что проблема реальна. Или обращение необходимо только в крайне запущенном случае, которые сами же люди не умеют правильно определять и оценивать, так как не обладают должной компетенцией в данном вопросе [1].

Одним из наиболее распространенных признаков эмоционального кризиса является явное и резкое изменение поведения. Каждый член общества должен обладать минимальным количеством знаний, для определения знаков, которые говорят о проблеме, основные из них:

Гигиена: человек постепенно перестает заботиться о себе и ухаживать за собой. Перестает следовать ежедневным утренним ритуалам, перестает заботиться о своём внешнем виде.

Сон: человек перестает спать совсем или наоборот спит намного больше обычного.

Вес: резкое снижение веса (потеря веса может происходить даже при полноценном питании), резкое увеличение массы тела («сбой в организме» из-за психологического состояния или тайного переедания на фоне стресса).

Работоспособность: потеря стремлений, мотивации, цели, желания что-то делать даже для себя.

Выраженные изменения настроения, такие как раздражительность, гнев, беспокойство или печаль.

Отказ от обычной деятельности и отношений.

Иногда эти изменения происходят внезапно и очевидно. Такие события, как стихийное бедствие или потеря работы, могут привести к кризису в течение короткого периода времени. Изменения в поведении могут происходить и постепенно, что притупляет восприятие данных признаков, окружающих его людей [2].

Если данная ситуация произошла, лучше вмешаться рано, прежде чем эмоциональное расстройство вашего близкого станет чрезвычайной ситуацией.

Если вы подозреваете, что ваш любимый человек переживает кризис психического здоровья, личный контакт — общение, является первым шагом к оказанию помощи, в которой он нуждается, чтобы поправиться. Сохраняйте спокойствие и больше слушайте, чем говорите.

Общение может помочь вашему другу или члену семьи справиться с эмоциональным кризисом. Но профессиональная помощь — лучший способ полностью решить проблему психического здоровья и взять эту проблему под контроль. Вы можете объяснить, что психологи имеют специализированную подготовку, которая делает их экспертами в понимании и лечении сложных эмоциональных и поведенческих проблем. Это обучение особенно важно, когда эмоциональное расстройство достигло уровня кризиса [3].

Заключение. Главная и самая трудная задача в борьбе с психическими расстройствами это интеграция в сознание людей информации о том, что такие профессии как: психолог, психотерапевт, психиатрическое отделение больницы и т.д., направлены на решение проблемы наиболее верным и профессиональным путём.

Профессиональные лицензированные психологи и психотерапевты медицинской области используют научно проверенные методики, выходящие за рамки разговоров и прослушивания. Они могут обучать своих клиентов инструментам и навыкам решения проблем, управления стрессом и работы по достижению целей.

Список литературы

1. American Psychological Association. (2013, November 10). How to help in an emotional crisis. — URL: <https://www.apa.org/topics/mental-health/help-emotional-crisis> (дата обращения: 02.09.2022).
2. American Psychological Association. (2022, June 2). Reexamine health insurance policies with a focus on employee mental health. — URL: <https://www.apa.org/topics/workplace/mental-health/reexamine-health-insurance> (дата обращения: 02.09.2022).

3. Institute of Health Metrics and Evaluation. Global Health Data Exchange (GHDx). — URL: <https://vizhub.healthdata.org/gbd-results/> (по состоянию на 14 мая 2022 г.).
4. Mental Health and COVID-19: Early evidence of the pandemic's impact. Geneva: World Health Organization; 2022. — URL: https://www.who.int/publications/i/item/WHO-2019-nCoV-Sci_Brief-Mental_health-2022.1 (дата обращения: 02.09.2022).

УДК 159.964

ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПСИХОЛОГОВ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ: ПСИХОЭДУКАЦИЯ, ТРАВМАТЕРАПИЯ

Максименко Е.Г., д-р психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
e.maksimenko@donnu.ru

Введение. Экстремальная психология в Российской Федерации возникла в службах силовых структур с основной задачей психологического обеспечения личного состава. Развитие службы начиналось с психологического отбора сотрудников, работающих в чрезвычайных условиях [2].

На данный момент в задачи экстремальной психологии входит: 1) работа с сотрудниками силовых структур; 2) психологическая помощь людям, попавшим в сложные непривычные условия, пострадавшим от каких-либо чрезвычайных ситуаций.

Чрезвычайная ситуация — это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Экстремальная ситуация — это внезапно возникшая ситуация, угрожающая или субъективно воспринимаемая человеком как угрожающая жизни и здоровью, имуществу как самого человека, так и значимых для него окружающих.

Основная часть. В мировой практике для оказания первой психологической помощи привлекаются добровольцы, не имеющие психологического образования. Первая психологическая помощь является выражением человеческой реакции поддержки другого человека, испытывающего страдания и, возможно, нуждающегося в помощи. По нашему мнению, в работе с людьми в экстремальных ситуациях должны быть задействованы только профессиональные психологи, социальные работники и врачи [1].

Экстремальная ситуация нарушает привычный образ жизни человека коренным образом, она разрушает естественную адаптацию человека не только в физическом, но и эмоциональном, когнитивном, социальном аспектах.

В литературе описаны этапы оказания психологической помощи в экстремальной ситуации. Первым из которых является установление контакта и первичная диагностика [1, 3].

В нашей практике эффективно зарекомендовала себя методика «Карта жизненного пространства». Немного выше центра листа бумаги психологом рисуется небольшой овал, внутрь которого вписывается имя и возраст клиента. Далее предлагается представить, что этот лист символизирует жизненное пространство клиента и внести в него значимых для клиента лиц или интересов.

Очень важно для стабилизации эмоционального состояния, а это первая наша задача, показать клиенту, что он не одинок, есть люди, возможно другие родственники, друзья, коллеги, на которых он может опереться и для которых он важен, как личность, как человек. Особенности расположения объектов на рисунке дают дополнительную психологическую информацию как терапевту, так и клиенту: расстояние между нарисованными овалами, характер соединительных линий (прямая, пунктир или отсутствие линии); наличие среди значимых людей своих близких родственников (родителей, супруга, детей); привнесение в пространство людей, с которыми клиент не связан значимыми объектными отношениями (друзья, коллеги, знакомые, домашние животные) или которых уже нет в живых, но обладающих особым эмоциональным статусом для клиента. Визуализация жизненного пространства и семейных отношений человека позволяет за достаточно короткое время определить как ресурсы, так и источник напряжения, выделить зону конфликта.

Работа над картой проводится от 15-20 мин до часа. За это время отношения клиент-терапевт становятся достаточно близкими и доверительными для перехода на следующие этапы психологической помощи.

Вторым важным моментом в работе с пострадавшим человеком является прояснение для него особенностей функционирования психических процессов. Хочется отметить, что значимость психоэдукации недостаточно понимается в профессиональном сообществе. С этой целью в нашей работе применяется метафорическое описание психики в виде «горшочка». Данная метафора позволяет не только представить механизм психической травмы и ее последствия для функционирования психики субъекта, но и определить способы травматерапии, которые в первую очередь, должны быть направлены на предупреждение вытеснения и «замораживания» аффектов.

Наиболее популярными темами психоэдукации являются особенности развития детей, детско-родительские отношения,

супружеские конфликты. В завершающих этапах работы появляется запрос на темы саморазвития. Естественная потребность человека в познании должна быть удовлетворена. Обучая своего клиента, мы создаем ему точку опоры — знания, которые будут ему первыми помощниками в дальнейшей жизни. Собственно, психоэдукация позволяет активировать ресурсы человека, которые были истощены травматическим переживанием [2].

Этап проработки. Задача — привести человека в адаптивное состояние за максимально короткий срок. Примером глубинно-аналитической работы в экстремальной ситуации является Методика Т. Яценко «Комплекс тематических психорисунков» [3]. Для взрослых состоит из 35-40 тем, для детей — из 15-20 тем. Тематика комплекса объективирует разнообразные сферы жизни человека: семья, отношения к другим людям, к самому себе, к пережитым событиям, к образованию, профессиональному росту, к своему будущему. При анализе рисунка художественный уровень его выполнения не принимается во внимание. Анализ фокусируется на представлении в тематических рисунках сложной проблематики и эмоциональных переживаний при помощи «художественных» средств — цвета, формы, образа, символа, выполняющих функцию свободного ассоциирования с последующей тщательной проработкой выделенных взаимосвязей, противоречий, отдельных элементов, воссоздающих историю и последовательность событий.

Заключение. Экстремальная ситуация характеризуется внезапностью. Люди попадают в сложные непривычные условия, их жизнь резко меняется, адаптивные возможности человека не всегда способны адекватно реагировать на событие. Психологическая помощь должна быть оказана пострадавшим, как можно раньше, что способствует стабилизации эмоционального состояния. Понимание пострадавшим свою нужность и значимость для окружающих будет способствовать психологическому восстановлению. Важным фактором в процессе психологической помощи остается психоэдукация. Объяснение пострадавшему его психологического состояния, что стресс, который он переживает — это нормальная реакция на ненормальные обстоятельства. Психологическая проработка первичных травм пострадавшего позволит снизить риск развития посттравматического стрессового расстройства.

Список литературы

1. Максименко, Е.Г. Психологическая поддержка семьи и молодежи в условиях военного конфликта / Е.Г. Максименко // Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции «Социокультурные и психологические проблемы современной семьи : актуальные вопросы сопровождения и поддержки». — Чебоксары : Издательство : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда» (Чебоксары), 2021. — С. 27–36.

2. Малкина-Пых, И. Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях / И.Г. Малкина-Пых. — Москва : Изд-во Эксмо, 2005. — 960 с.
3. Яценко, Т. С. Психоаналитическая интерпретация комплекса тематических психорисунков: глубинный аспект / Т. С. Яценко, Я. М. Кмит, Л. В. Мошенская. — Москва : СИП РИА, 2000. — 192 с.

УДК 159.96

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА СТРЕССА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Новикова Е.В., канд. психол. наук,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
e.novikova@internal.donnu-support.ru

Введение. Военные события являются однозначно стрессовыми событиями в жизни человека.

Согласно Г. Селье, стресс (stress (англ.) — давление, нажим, напряжение) есть неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование [5]. Факторы, вызывающие стресс, называют стрессорами. Стрессоры различны (развод, увольнение, война и т.п.), но они пускают в ход одинаковую, в сущности, психологическую реакцию организма — стресс.

Основные факторы, вызывающие стресс в условиях военного времени следующие: необходимость ускоренной обработки информации, принятие решения; осознаваемая угроза жизни и вредные стимулы окружающей среды (Дж. Вейтц); отсутствие контроля над событиями (М. Франкенхейзер). Основные стрессогенные факторы войны видимы (убийства, взрывы, разрушения и т.д.), и, следовательно, воспринимаются, оцениваются, осознаются достаточно ярко и сильно [1, 3, 5].

И. Г. Малкина-Пых отмечает, что стрессоры обычно делятся на физиологические (боль, голод, жажда, чрезмерная физическая нагрузка, высокая и низкая температура и т.п.) и психологические (опасность, угроза, утрата, обман, обида, информационная перегрузка и т.п.). Последние, в свою очередь, подразделяются на эмоциональные и информационные [2].

Особо важное место среди стрессогенных факторов занимает «информационный» фактор. Происходит взаимное заражение отрицательными переживаниями, создающее вторичную травматизацию. Источником вторичной травматизации являются средства массовой информации — например, просмотр телепередач с места трагедии. Уровень осознанности воздействия повышается под влиянием вторичного, информационного, фактора.

«Эмоциональный стресс» представляет собой аффективные переживания, сопровождающие стресс и ведущие к неблагоприятным изменениям в организме человека [1, 2, 3, 5].

Основная часть. Можно выделить основные признаки стресса: физиологические, познавательные, эмоционально-волевые, поведенческие.

Физиологические особенности: боли в различных частях тела неопределенного характера, головные боли (психосоматические боли); повышение или понижение артериального давления. Учащенный и неритмичный пульс; нарушение процессов пищеварения (запор, диарея, повышенное газообразование; потеря аппетита или переедание); быстрое увеличение или потеря веса тела; нарушение свободы дыхания; появление аллергии или других кожных высыпаний; повышенная потливость; мышечные зажимы (ощущение напряжения в мышцах); повышенная утомляемость; расстройство половой функции.

Особенности познавательных процессов (интеллектуальная сфера): трудность сосредоточения; повышенная отвлекаемость; сужение поля зрения, кажущееся уменьшение возможных вариантов действия; ухудшение показателей памяти; преобладание негативных мыслей; нарушение логики, спутанность мышления; импульсивность мышления, поспешные и необоснованные решения; постоянное и бесплодное вращение мыслей вокруг одной проблемы; трудности принятия решений, длительные колебания при выборе; частые ошибки, сбои в вычислениях.

Особенности эмоционально-волевых процессов: повышенный уровень тревожности и беспокойства; пониженный эмоциональный фон (преобладание негативных эмоций; мрачное настроение); ощущение постоянной тоски, депрессии; чувство отчужденности, одиночества; раздражительность, приступы гнева; подозрительность, придирчивость; эмоциональная нечувствительность, равнодушие; уменьшение общей удовлетворенности жизнью; потеря интереса к жизни; пассивность, желание переложить ответственность на кого-то другого; общее недовольство собой и своей работой.

Поведенческие особенности: ощущение потери контроля над собой; низкая продуктивность деятельности; возрастание ошибок при выполнении привычных действий; более быстрая или, наоборот, замедленная речь; дрожание голоса; увеличение конфликтных ситуаций на работе или в семье; уменьшение времени, которое уделяется на общение с близкими и друзьями; потеря внимания к своему внешнему виду, неухоженность; нарушение сна (долгое засыпание, раннее пробуждение) или бессонница; более интенсивное курение и употребление алкоголя; антисоциальное поведение [1, 2, 3, 4, 5].

Профилактику стрессового состояния личности важно проводить с учетом этих 4-х сфер.

На физиологическом уровне важно обеспечить:

- полноценный сон (желательно спать с 22.00-23.00 до 6.00-7.00; именно в это время происходит интенсивная выработка мелатонина, который является естественным антистрессором и антидепрессантом);
- здоровое питание (хорошо добавить в свой рацион больше фруктов и овощей; рекомендовано не есть после 18.00, т.к. в это время прекращает свою работу поджелудочная железа, и пища не усваивается, а просто «блуждает» по ЖКТ, происходят процессы брожения и гниения, и, как следствие, интоксикация организма);
- достаточное количество употребляемой воды (рекомендовано 1 литр на 30 кг веса; однако важно помнить, что норма у каждого человека своя);
- физическую активность (зарядка, активный отдых, пешие прогулки на свежем воздухе, плавание, танцы, йога и пр.);
- дыхательные практики;
- массаж/самомассаж;
- ароматерапия [2, 3].

На физиологическом уровне с целью снятия стресса может быть использовано упражнение с кинезиологии «Поза Уэйна Кука».

Работа с познавательной сферой осуществляется преимущественно через проработку мышления личности, развитие позитивного мышления. Психологи подчеркивают, что мир зеркалит наши мысли и формирует события нашей жизни сообразно им. Внешний мир и окружающие люди зеркальным образом отражают нас самих. То, что мы чувствуем и думаем — то и получаем в ответ.

Находясь в состоянии стресса, важно подумать о чем-то приятном. Можно посмотреть на небо, солнце, цветы, налить чай в любимую кружку. Можно вспомнить что-то хорошее (вкусный кофе, приятная открытка, хорошо выполненное задание и т.д.). Когда мы фокусируемся на чем-то приятном, мозг отправляет телу сигнал расслабиться. Умение видеть хорошее — навык, который вырабатывается [3].

В эмоциональном плане работа со стрессом осуществляется в направлении снятия тревоги и страхов, успокоения, повышения общего позитивного эмоционального фона. Универсальным средством поднятия эмоционального фона является юмор. Здесь эффективно работает чтение анекдотов, просмотр комедий и пр.

Н.В. Самоукина подчеркивает, что мы часто относимся к своему настроению как к чему-то, от нас независящему. «Что-то у меня сегодня настроение неважное», — говорим мы. Или, наоборот, радуемся, что «сегодня — хорошее настроение». Н.В. Самоукина предлагает способы внутренней «настройки» на позитивное настроение:

– Представьте, что Вы — тонкий, чутко улавливающий все внешние воздействия, «психологический радиоприемник». Каждое утро Вам необходимо «поворачивать» ручку» такого «радиоприемника» с тем, чтобы «настроить его на нужную Вам волну». Такая настройка заключается в том,

что сразу же после сна, пока Вы еще не встали и чувствуете приятную дремоту, выбрать для себя «формулу настройки» и проговаривать ее. Например, Вы говорите себе (про себя и с закрытыми глазами): «Я сегодня в хорошем настроении. Все будет хорошо». Эту формулу нужно проговорить раза три-четыре, с чувством, вникая в каждое слово;

– внутренняя «настройка» будет эффективной, если утром Вы вспомните, какие приятные дела Вас ждут: улыбка и «доброе утро» любимого человека, утренний чай/кофе и т.п.;

– обращайтесь по утрам свое внимание на свежесть утреннего воздуха, солнце, если оно светит или дождик, если он моросит. Каждое проявление природы встречайте с удовольствием и радостью [4];

Эффективными методами гармонизации эмоционального фона являются медитация и молитва.

В поведенческом плане в работе со стрессом рекомендуется:

– увеличить время общения с приятными людьми (родными, близкими, друзьями, коллегами, контакт с животными и пр.);

– заняться своим внешним видом (принять душ, расслабляющую ванну, посетить косметолога, парикмахерскую и пр., по возможностям и желанию) [2, 3, 4].

Заключение. Перспективу дальнейшего исследования мы видим в разработке программы профилактики и коррекции стрессового состояния личности.

Список литературы

1. Китаев-Смык, Л.А. Стресс войны. Фронтовые записки врача-психолога / Л.А. Китаев-Смык. — Москва : Российский институт культурологии, 2001. — 80 с.
2. Малкина-Пых, И. Г. Психологическая помощь в кризисных ситуациях / И.Г. Малкина-Пых. — Москва : Эксмо, 2005. — 960 с.
3. Психология стресса : учеб.пособие / Б.Р. Мандель.— Москва : Флинта, 2014. — URL: <https://qps.ru/VsH8m> (дата обращения: 17.07.2021).
4. Самоукина, Н.В. Экстремальная психология / Н.В. Самоукина. — Москва : Ассоциация авторов и издателей «ТАНДЕМ». Издательство ЭКМОС, 2000. — 288 с.
5. Селье, Г. Стресс без дистресса / Г. Селье. — Москва : Прогресс, 1982. — 53 с.

Психика и информационное поле общества

УДК 316.6

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Александрова Е.В., канд. ист. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,

г. Москва, РФ

galinaguravleva@rambler.ru

Введение. Что такое патриотизм — это любовь к Родине, преданность своему Отечеству стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите. «Патриотизм выступает как важнейшая, устойчивая характеристика человека, выражающаяся в его мировоззрении, нравственных идеалах, нормах поведения». [1]

В последнее время, ввиду быстрого развития цифровой экономики и цифровизации различных сфер жизни, в том числе и сферы образования, стала как никогда актуальна проблема патриотизма среди молодого поколения. Эта проблема не придается большой огласке, ведь зачастую проблематика отсутствия должного патриотизма среди населения рассматривается лишь среди взрослых людей. Многие не обращают внимания на проблему отсутствия патриотизма среди детей и молодежи, не придавая ей должного значения, т.к. считают, что молодежь — категория населения, у которой окончательно не сформировались взгляды на жизнь; по их мнению, пройдет время и мировоззрение каждого молодого человека станет опираться на нравственные нормы, принцип альтруизма широко распространится среди современного поколения, а любовь к Родине сама собой окажется в душе у каждого. Такое отношение к данной проблеме нельзя назвать правильным, потому что представители старшего поколения и люди, являющиеся специалистами в области образования, истории и культуры, должны распространять идеи патриотизма для сплочения нации [2].

Об актуальности данной проблемы в условиях цифровой экономики свидетельствует большое количество публикаций современных исследователей этой темы [Ю.П. Кожаева, Ш.М. Мунчаева, Г.П. Журавлева, Е.А. Самохина, Ю.И. Смирнова и др.].

Основная часть. Обучающиеся школ и студенты высших учебных заведений зачастую не обладают верными ценностными ориентациями и не придают должного значения как культурной составляющей своей страны, подвигам дедов и прадедов, истории своей малой Родины, так и

патриотизму в целом. Такое положение дел можно объяснить ограниченным опытом молодого поколения, большим количеством фальсификаций информации, особенно по вопросам истории, формализмом в патриотическом воспитании. Завистники и недруги нашей страны на протяжении долгого времени пытались исказить историю, представить молодежи сведения, порочащие нашу Родину. Наша задача понимать это, потому что в противном случае эти процессы зайдут настолько далеко, что мы уже ничего не сможем исправить.

В молодежной среде обнаруживается тенденция к негативным отзывам о своем государстве, все чаще и чаще молодежь дискутирует на темы переезда за границу. Безусловно, на пустом месте такие суждения не могли появиться [3].

Молодежь сегодня разная — есть патриотично настроенная, есть безразличная и непатриотичная, не заинтересованная в работе на благо государства, которая хочет видеть пользу, которую приносит страна для начинающих свой жизненный путь представителей социума [4].

Все это предопределило цель научно-исследовательской работы, которой является изучение отношения 17-19-летних студентов к патриотизму и предложение новых путей формирования патриотического сознания молодежи в цифровой экономике.

В качестве задач, способствующих достижению поставленной цели, представляется:

1) выявить отношение к патриотизму молодежи в современных реалиях на основе научной литературы, вторичного анализа социологических данных, собственного зондажного исследования;

2) проанализировать влияние цифровой экономики на патриотические настроения студентов;

3) рассмотреть патриотизм в системе традиционных национальных ценностей и в контексте ожиданий от цифровой экономики;

4) предложить возможные пути популяризации патриотизма среди молодежи в цифровую эпоху;

5) формировать расовую, религиозную терпимость,

6) развивать и поддерживать дружеские отношения между народами [2].

Необходимо сказать о значимости данной работы, которая заключается в выявлении мнений современного студенчества о патриотизме в настоящем и цифровом будущем, в осмыслении патриотических настроений современной студенческой молодежи 17-19 лет в контексте традиционных национальных ценностей, а также в предложении новых практик сохранения национальной идентичности и формирования патриотизма в цифровую эпоху. Вернемся к хорошо забытому Песталоцци, который призывал «все стороны воспитания (физическое, духовное, нравственное, умственное) осуществлять во взаимодействии, чтоб обеспечить гармоническое развитие человека».

Заключение. Данный доклад демонстрирует связь между развитием цифровой экономики и патриотизмом, доказывая необходимость понимания внятного образа будущего страны и общей цели, которые могли бы сплотить и нацию, и молодежь. В качестве основы для исследования, помимо онлайн-опроса респондентов, были использованы различные научные публикации по теме патриотического воспитания, патриотизма, цифровизации и цифровой экономики, а также 5-я книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...».

В завершение хотелось бы напомнить древнюю библейскую мудрость: «Чтобы покорить народ, не надо прибегать к оружию, достаточно получить возможность воспитывать его детей».

Список литературы

1. Кожаев, Ю. П. История продолжительностью 1150 лет (Внешний фактор в истории российского государства) / Ю. П. Кожаев, Рос. экон. акад. им. Г.В. Плеханова. Каф. истории. — Тула : Гриф и К, 2012. — ISBN 978-5-8125-1803-5.
2. Макаренко, А.С. Педагогическая поэма [Текст] / Антон Макаренко. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2016. — 557с. — ISBN 978-5-00100-197-3.
3. Самохина, Е.А. Социально-экономический потенциал и его состав (с.423-425) / Е.А. Самохина // XXXII Международные Плехановские чтения. Сборник статей. — Москва, 2019. — 444 с.
4. Скрипникова, М.И. Профсоюз и работодатель / М.И. Скрипникова, Ю.И. Смирнов, Александрова Е.В. // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. — 2018. — №1(97). — С. 204–209.
5. Ушинский, К.Д. Родное слово : Кн. для детей и родителей / К. Д. Ушинский. — Новосибирск : Мангазея : Дет. лит. Сиб. отд-ние, 1999. — 447. — ISBN 5-86-27-2-034.

УДК 159.9

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭПОХА И ИНОЯЗЫЧНАЯ СРЕДА: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Бабенко А.И.¹, Мерхелевич Г.В.², канд. пед. наук,

Муханова И.Ф.¹, канд. психол. наук,

Александровская В.Н.¹, д-р филос. наук, д-р психол. наук, проф.

¹ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет
им. М. Горького», г. Донецк, РФ

²ОО ВПО «Донецкая академия транспорта», г. Донецк, РФ
a_nessy@mail.ru

Введение. Всеобщим методологическим требованием общественных наук всегда была необходимость их имманентной связи с текущей эпохой, с ее конкретно-историческим характером и социальными последствиями. Современная эпоха в истории человечества — особая: мировая ситуация

характеризуется широким форматом своих аспектов — от механизмов социально-психологического их освоения и адаптации к ним индивидов и наций до глобальных мировых процессов. Особенность развития современного мира придает один из его специфических векторов — информационный. Это не простой путь развития, он имеет свои тенденции, опасности и риски.

Современный мир на научно-технической основе развивается, глобализируется, интегрируется, осуществляет социокультурную трансформацию на новый уровень своей цивилизационной эволюции. Мощным двигателем этой мировой динамики и его визитной карточкой выступает информационно-компьютерная революция — тотальная информация и компьютеризация всех сфер человеческого существования. Это абсолютно новое условие жизни в человеческой истории. Развитие остановить невозможно, его надо понять, освоить и возглавить. Отставание от общемировых процессов недопустимо и чревато тяжелыми последствиями [1, с. 282].

Описанные выше процессы с необходимостью требуют знания иностранного языка, который вводит его носителя в глобальное информационное пространство. Мировая интеграция и Интернет, глобальные коммуникации и доступ к иноязычной литературе актуализируют проблему владения иностранными языками. В связи с этим *цель* нашего исследования — показать объективное значение и культурно-историческую необходимость владения иностранными языками в нашу эпоху. Задача работы — в общих чертах отметить некоторые психологические аспекты процесса вхождения в иноязычное пространство.

Историко-научная справка. Западные социологи, инженеры и кибернетики первыми в мировой науке заговорили о границах индустриальной национализации и наступлении новой — информационной. Американцы Д. Бэлл (Bell, D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*, 1976) и В. Дайзард (Dizard, W.P. *The Coming Information Age. Overview of Technology, Economics and Politics*, 1982) в своих работах определили объем и содержание, параметры и критерии грядущей информационной эпохи, в которой знания станут центром инноваций и «делания политики», а информационные технологии — «ключом в будущее».

В Торонто, Нью-Йорке, Кембридже, ЮАР, Москве, Санкт-Петербурге, в ряде стран Латинской Америки прошел ряд международных форумов по проблеме будущего всего человечества. В 2000 году странами «большой восьмерки» была принята «Окинавская хартия» с изложением общей программы вступления человечества в информационную эпоху и построения информационного общества. Данная цивилизационная трансформация человечества ставит всеобщий вопрос: какие ставки оно делает в этом процессе? Как благополучно выйти на этот уровень?

Прежде всего скажем о том, что западные социологи именуют информационное общество «научным обществом», «обществом знания»,

«творческим обществом», «обществом возможностей» и т.п. В любом случае это указывает на образовательный потенциал, параметры знаний, открывающееся иноязычное пространство. Именно научно-технический прогресс, новейшие знания и умения могут вывести государства вперед.

В свое время К.С. Станиславский заметил: «Приходится мириться с тем, что гений рождается веками, большой талант — годами, посредственность — днями, бездарность — часами» [1, с. 283]. В отличие от времен К.С. Станиславского, современная информационно-компьютерная революция — это своеобразное цунами, характеризующееся мощным интеллектом, грамотностью и образованностью, способное в своем безостановочном и набирающем силу движении смыть и отправить в небытие целые государства. Окинавская хартия (2000 г.) предупреждала: если государства современного мира не успевают встроиться в современный научно-технический прогресс, они навсегда утратят способность к развитию и, в лучшем случае, станут сырьевым придатком более развитых стран, а в худшем — утратят свой суверенитет.

Однако в основе научно-технического прогресса лежит серьезное образование — самый эффективный путь формирования менталитета нации, ее социокультурного развития и выхода на уровни мирового диалога, что и способно исторически сохранить преемственность жизни в цивилизационном прогрессе человечества. Именно в образовательных практиках и в глобальном диалоге формируются модели прогрессивного научного отражения современного транзитивного общечеловеческого информационного пространства, ставшего мировой экзистенциальной реальностью.

Основное содержание. Глобальное информационное пространство — это, прежде всего, развивающаяся иноязычная среда, интеграция международного общения, образование новых понятий и терминов и др. Это требует познания изменяющегося мира, представленного иноязычной средой. Информационное общество актуализирует знание иностранного языка, которое становится в этих условиях экзистенциальным фактором существования. Однако владение языковой средой, в том числе иноязычной, — это процесс психического отражения действительности и отношение человека к ней. Поэтому психологическое сопровождение вхождения в иноязычную среду — это деятельность ряда психических процессов, состояний и свойств — потребностей, установок, мотиваций, адаптации, ценностей, ориентации, социальной активности и др.

В социальной психологии личности имеются эксперименты с языковой средой. Они носят общий характер и, возможно, в определенной степени могут быть использованы для изучения общих процессов при изучении любых языков. Так, было установлено, что сложность иноязычной среды преодолевается потребностью, «благодаря которой индивид сохраняет связь с предметной действительностью», при этом «потребность переживается человеком как недостаток в определенном предмете»,

которого у него нет в собственном языковом банке данных в «конкретный момент и с которым он в будущем должен установить контакт. Таким путем индивид ориентируется на пригодные в будущем предметы» [2, с. 167]. Находясь в языковой среде, на основе психофизиологической «активации какой-либо потребности и получения от предмета чувственных образов, индивид приступает к осуществлению активности, в результате которой устанавливается контакт с нужным объектом и в конечном итоге удовлетворяется потребность» [2, с. 167].

Дело в том, что в методологии диалектического материализма, любая человеческая активность, в том числе и изучение иностранного языка, в социальной психологии включена в целостный процесс общественного развития, она формируется и осуществляется в социуме, а потому социально детерминирована. Человек рождается, формируется и развивается в определенной языковой среде, являющейся ему родной. Между ним и этой языковой средой устанавливаются имманентные отношения. Иная ситуация с иноязычной средой. Здесь сложнее установить имманентные связи, целостность (единство) человека с иноязычной средой, психическое равновесие. В процессе адаптации к иноязычной среде психика ассимилирует те объекты окружающей среды, которые позволяют индивиду установить понимание предметов и вещей и пробивают путь к адаптации. В противном случае начнет формироваться дезадаптация человека в иноязычной среде.

В целом понимание иноязычной среды — это специфическое взаимодействие между окружающими предметами, процессами, явлениями и их осознание. Преодоление этой среды связано с чувственными данными, установками и мотивациями и т.п. Установка на овладение иностранным языком — это психический процесс, целенаправленное действие, связанное с потребностями человека.

Выводы. Изучение данной проблемы и знакомство со специальной литературой позволяет нам сделать ряд выводов. Во-первых, грядущая информационная эпоха — это механизм трансформации человечества на новый уровень его существования, создания новой среды его существования. Во-вторых, глобальное информационное общество создает иноязычную среду, требующую знания иностранных языков. В-третьих, овладение иноязычной средой — это сложный психологический процесс, требующий глубокого психологического сопровождения. В-четвертых, актуальность данной проблемы не вызывает сомнения и требует своего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Александровская, В.Н. Идеальный образ : концептуально психологические векторы исследования : монография / В.Н. Александровская. — Сумы : Университетская книга, 2015. — 338 с.
2. Бобнева, М.И. Социальная психология личности / М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. — Москва : Наука, 1979. — 344 с.

ЛИЧНОСТНЫЕ И СИТУАЦИОННЫЕ ДЕРМИНАНТЫ ВИРТУАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Кононенко И.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» г. Донецк, РФ
inna.kononenko.1996@mail.ru

Дискуссия о взаимосвязи роли ситуационных и личностных факторов в определении человеческого поведения, вряд ли будет рассмотрена в ближайшем будущем. Исток рассмотрения данного аспекта мы находим в вопросе соотношения внешней и внутренней детерминации психической реальности или, как ее обычно именуют, дискуссия соотношения внешнего и внутреннего, которая возникла в середине XX в. Однако, эта проблема не утратила своей актуальности и находится в центре внимания многочисленных психологических школ и направлений. В отечественной психологической науке сложились три точки зрения на понимание соотношения внешнего и внутреннего.

1. Внешнее через внутреннее.
2. Внутреннее через внешнее.
3. Внешнее и внутреннее действуют одновременно.

Исследователи, формулируя свои точки зрения, руководствуются уже накопленным весомым фактическим материалом, тем самым подчеркивая объективность и необходимость своего понимания взаимосвязи соотношения внешнего и внутреннего. Так, С.Л. Рубинштейн отмечал, что психологический эффект каждого внешнего воздействия на человека, его личность определяется историей его развития, сложившимися установками, установками, мотивами поведения и т.д. В работах К.А. Абульхановой активность внутреннего рассматривается в контексте изучения стратегии жизни.

Полученные экспериментальные данные указывают на то, что поведение человека не может быть истолковано как идентичное впечатление от внешнего воздействия. Таким образом, в школе С.Л. Рубинштейна убедительно показано, что «подсказка» (вспомогательная мысленная задача) работает только тогда, когда субъект значительно погружен в решение основной задачи, т.е. когда внутренние условия достаточно активизированы. В.С. Мерлин подчеркивал, что «общее направление деятельности, зона ее неопределенности детерминируется не «внешним» через «внутреннее» и не «внутренним» через «внешнее», а симультанной системой внешних и внутренних условий изменяющейся в разных фазах, и на разных ступенях деятельности» [2 с. 162–163].

Реан А.А. предлагает исходить из принципа дополнительности действия ситуативных (обеспечивающих вариативность) и транситуативных (обеспечивающих постоянство поведения) факторов, утверждая, что в большинстве случаев детерминирующими факторами являются личностные факторы, тогда как ситуативные играют роль модулятора (определяя вариативность проявления личностных факторов). В некоторых, гораздо более редких, на наш взгляд, случаях иерархия может меняться [5].

В настоящее время многие психологи склонны придерживаться модели личностно-ситуационного взаимодействия. В наиболее общем виде эта позиция представлена Н. Эндлером и Д. Магнуссоном, Л.Ф. Бурлачуком и Е.Ю. Коржовой в следующей интерпретации:

1. Поведение является функцией непрерывного процесса взаимодействия (interaction) личности и ситуации.

2. Личность в этом интерактивном процессе выступает в качестве активного, целенаправленно действующего субъекта.

3. Существенными личностными детерминантами поведения являются когнитивные и мотивационные особенности.

4. Существенными ситуационными детерминантами поведения являются психологические значения ситуации [4].

Одним из основателей ситуационистского подхода в социальной психологии считается К. Левин, его идеи были поддержаны и нашли свое продолжение в работах Л. Росса, Р. Нисбетта, Д. Майерса. Авторы формулируют три основных аспекта данного подхода. Первая — положение о сильном детерминирующем влиянии непосредственной социальной ситуации, в которой оказывается человек, причём влиянию, которое часто идёт со стороны неочевидных или незначительных на первый взгляд особенностей ситуации. Вторая идея касается субъективной интерпретации и её влияния на поведение человека. Речь о том, что люди не осознают субъективности своего и чужого восприятия и когда объясняют чужое поведение, они не в состоянии внести коррективы в межиндивидуальные различия в интерпретациях. Третья идея касается конфигурации сил, действующих в психологических системах субъекта, а также в тех социальных системах, в которые он входит [3,6].

В нашем исследовании личностными детерминантами виртуального общения являются личностные характеристики человека. В свою очередь, ситуационные детерминанты — это условия, налагаемые ситуацией цифрового пространства, в котором человек действует, общается, сосуществует. В данном случае факторы личности и ситуации не противопоставляются одни другим, а применяются для изучения значимых взаимодействий различных факторов личности и компонентов киберкоммуникации.

На первом этапе своей работы мы провели ассоциативный опрос, и проанализировали его с помощью контент-анализа. В процессе были

выделены следующие компоненты виртуального общения: «аффективный» с разделением на подкомпоненты «положительные» и «отрицательные» эмоции, «мотивационный», «когнитивный», «объектность», «субъектность», «альтернатива реальности», «личность», «пространство и время», «перцепция». Ориентируясь на представленные компоненты, можем обозначить и описать ситуацию киберкоммуникации, в которой находятся пользователи. Можем заключить, что она характеризуется высоким уровнем динамичности, в контексте изменения форм, деятельностей, функций, операций и т.д. Также ситуация виртуального общения трактуется, как достаточно контролируемая структура, где можно дозировать свои эмоциональные и чувственные проявления, обеспечивая индивидуально допустимый уровень собственной открытости. Стоит отметить, что ощущение времени растянуто в цифровом формате, и с одной стороны характеризуется гибкостью беседы, с другой — фрагментарностью, за счет существующей асинхронии интеракций [1].

Если говорить о личностной детерминации, то её мы исследовали с помощью 16-факторного личностного опросника Р.Б. Кеттелла (форма А), дополнительно провели сравнительный анализ с учетом пола и возраста. В контексте рассмотрения данного вопроса, конкретизировали какие пользователи, в виду своих личностных особенностей, будут с большим приоритетом, ориентированы на определенные компоненты виртуального общения. Такая взаимосвязь может, в дальнейшем помочь нивелировать какие-либо барьеры, проблемы в данном процессе и определять пути повышения эффективности виртуального взаимодействия в онлайн среде.

Список литературы

1. Кононенко, И.А. Взаимосвязь компонентов виртуального общения с личностными особенностями молодых людей / И.А. Кононенко // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека [Текст]: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Донецк, 16.12.2021). Под общ. ред. А.В. Гордеевой, Э.А. Ангелиной. — Донецк : ДонНУ, 2021. — С. 113–117.
2. Мерлин, В.С. Очерк интегральной индивидуальности / под ред. и с предисл. Е. А. Климова. — Москва : Педагогика, 1986. — 254 с.
3. Психология активности и поведения : учеб.-метод. Комплекс / авт.-сост. И.А. Коверзнева. — Минск : изд-во МИУ, 2010. — 316 с.
4. Психология жизненных ситуаций : Учебное пособие. — Москва : Российское педагогическое агентство, 1998. — 263 с.
5. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология / А.А. Реан, Я.Л. Коломинский. — Санкт-Петербург : Питр Ком, 1999. — 416 с.
6. Росс Л. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Л. Росс, Р. Нисбетт / Пер. с англ. В. В. Румынского под ред. Е.Н. Емельянова, В.С. Магуна. — Москва : Аспект Пресс, 1999. — 429 с.

ОБРАЗ ГЕРОЯ В СОЗНАНИИ ПОДРОСТКОВ И ВЗРОСЛЫХ: КРОСС–КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Кыштымова И.М., д-р психол. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, РФ
info@creativity.ru

Введение. Категория героического не является непосредственным предметом психологических исследований и не отражена в психологических словарях. При этом готовность личности к подвигу, преодолению уровня обыденного, обычного человеческого действия, являясь уделом немногих, наделена во всех культурах особым ценностным статусом, закрепленных в понятии «герой». Значимость ценности героизма становится острой в переломные, насыщенные критическими событиями времена. Психологическое осмысление детерминант и механизмов героического поступка, как и неготовности к нему, понимание условий становления героической личности обретает сегодня научную актуальность, становясь ответом на запрос общества.

Героическое осмысливал К.Г. Юнг в категориях коллективного бессознательного, рассматривая архетип героя как выражение потенциальной готовности к преодолению непреодолимого [5; 6]. Архетип героя актуализируется, определяя вектор поведения человека, направленность его действия в критической ситуации, когда «сознательный разум нуждается в помощи при решении какой-то задачи, не решаемой без помощи или без нахождения источников силы, которой располагает бессознательный разум» [4, с.141]. При этом актуализация архетипа может происходить по одной из двух траекторий: «культурного героя» или «трикстера». Культурный герой совершает подвиг, спасает народ, вносит в жизнь «справедливость, меру, законы, вопреки древней стихийности и дисгармоничности» [2, с.295]. Образ трикстера, с другой стороны, символизирует раздор, разрушение, хаос. Архетип героя, таким образом, выражает готовность к действию преодоления, а характер этого действия определяется в процессе инкультурации — присвоении личностью значимых в культуре ценностей. О героях слагают мифы, эпические сказания и песни, увековечивают их образы в памятниках, фильмах, топонимах: «каждый живой народ имеет и чтит, как умеет, своих святых и своих героев. ...в них осуществляется миссия народа» [1, с.337]. Героические нарративы становятся основой для формирования в индивидуальном сознании образа «культурного героя», «магической защитной стены против жуткой жизненности, таящейся в глубине души» [5, с.104].

Процессы дегероизации, активно происходящие последние десятилетия в российском медийном пространстве, не безотносительны

поэтому к формированию личности, ее готовности в критических ситуациях реализовывать модель их преодоления, характерную для «культурного героя». Умаление значимости чтимого культурной традицией подвига чревато размыванием культурной идентичности человека, неспособностью к преодолению критических ситуаций, актуализацией модели трикстера.

Целью представляемого исследования было определение особенностей образа героя в сознании россиян, македонцев и израильтян. Мы предполагали, что различия в государственно регулируемых процессах трансляции героических нарративов окажут влияние на формирование представлений подростков и взрослых о героическом.

Основная часть. Участниками исследования стали 293 человека: 188 подростков (103 россиянина: 52 мальчика и 51 девочка; 45 македонцев: 25 мальчиков и 20 девочек; 40 израильтян: 18 мальчиков и 22 девочки) и 105 взрослых: 54 россиянина, 25 македонцев и 26 израильтян, всего 39 мужчин и 66 женщин. Испытуемым было предложено вспомнить известных им героев и записать ответ. Именование является важным маркером представления о герое, персонифицируя его и позволяя понять особенности архетипического образа в индивидуальном сознании.

Анализ полученных данных показал, что все испытуемые из Македонии назвали имена реальных исторических личностей — это А. Македонский, Г. Делчев, П. Гули, Д. Груев, Н. Карев, Я. Санданский и Т. Николов. При этом значительная часть героев была идентична в ответах подростков и взрослых.

В выборке израильтян получены иные результаты. В большей части ответов подростков (58%) названы имена национальных героев: И. Трумпельдора, Э. Бен-Йехуды, Р. Зеэви. Среди взрослых таких ответов меньше — 43%. При этом для части израильских подростков (20% ответов) герой ассоциируется с персонажами американских блокбастеров: Железный Человек, Человек-Паук, Флэш. Интересно, что в ответах взрослых израильтян таких ответов больше (35%). Влияние медийных персонажей на образ героя у подростков оказалось менее значительным, чем для их родителей. В роли героя для израильтян выступают также «мама» и «папа» — они обозначены в 18% ответов подростков и 14% ответов взрослых испытуемых. В 4% протоколов подростков и 8% взрослых именование героя заменено его безличным названием — «герои войны».

Данные, полученные в выборке россиян, резко контрастируют с предыдущими. Только в 17% ответов российских подростков и 40% взрослых указаны имена исторических личностей, реальных национальных героев: Петра I, А. Суворова, Г. Жукова, З. Космодемьянской и Ю. Гагарина. Значительная часть россиян: подростков (24%) и взрослых (45%) не смогли назвать имя героя и ограничились неперсонифицированным обозначением «герои Великой Отечественной войны». Эпический герой И. Муромец

обнаружен в 8% ответов подростков, «мама, папа» — в 7%. Большею частью российских подростков названы персонажи американских фильмов (44%): Бэтмен, Дэдпул, Человек-Паук, Железный человек, Супермен. Имена «суперменов» обозначены и в ответах взрослых россиян (11%).

Эти данные обозначили проблему трансформации ценностей. Известно, что фильмы о супергероях не безотносительны к идеологии, они транслируют «американскую идеологию», борьбу американского «образа мира» с «мировым злом» [7]. Супергерой является «сильно упрощенным вариантом сверхчеловека», борющимся за «обжитой и удобный мир» обывателя [3, с.129], реализуя архетипическую модель трикстера. Ее присвоение зрителем неизбежно в условиях безальтернативности — отсутствия сильных художественных воплощений образа культурного героя.

Заключение. Медиапространство доминирует в процессах трансляции, производства и деформации ценностей; предлагает дополнительные варианты развития личности и, активно разрушая камертонные, ядерные культурные ценности, заполняет лакуны иными образами. Следствием этого, как показали результаты исследования, является трансформация образа культурного героя, актуализация модели трикстера. При этом в Македонии, где сильны процессы укрепления молодой государственности, как и в традиционно отстаивающем ее Израиле, происходит активное медиаопосредствованное формирование образа национального героя. Редукция в российском медиапространстве образа культурного героя, его заполнение образом трикстера чревата необратимыми трансформациями индивидуального сознания. Понимание этого важно для медийного моделирования героических медианарративов.

Список литературы

1. Булгаков, С.Н. Два града. Исследование о природе нравственных идеалов / С.Н. Булгаков. — Санкт-Петербург : Изд-во РХГИ, 1997. — 589 с. — ISBN 5-88812-042-1.
2. Тахо-Годи А.А. Герой / А.А. Тахо-Годи // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2-х т./ гл.ред. С.А. Токарев.- Москва : Советская энциклопедия, 1991. — Т.1. — С.294-297. — ISBN 5-85270-016-9.
3. Фетисова, Т.А. Супермен — герой нашего времени / Т.А. Фетисова // Вестник культурологии. — 2020. — № 2 (93). — С.123–134. — DOI: 10.31249/hoc/2020.02.07.
4. Хендерсен, Дж. Герои и их создатели / Дж. Хендерсон // Человек и его символы / под ред. К.Г. Юнга. — Санкт-Петербург : Б.С.К., 1996. — С. 126–148. — ISBN 5-88925-002-7.
5. Юнг, К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. — Москва : Ренессанс, 1991. — 299с. — ISBN 5-7664-0452-X.
6. Юнг, К.Г. Роль символов / К.Г. Юнг // Человек и его символы / под ред. К.Г. Юнга. — Санкт-Петербург : Б.С.К., 1996. — С. 105–117.— ISBN 5-88925-002-7.
7. Malloy, D. P. World's Finest ... Friends? Batman, Superman and the Nature of Friendship // Batman and Philosophy: the Dark Knight of the Soul. — Hoboken : John Wiley & Sons, 2008. — P. 239–253.

ВЛИЯНИЕ СМИ НА ПСИХИКУ ЧЕЛОВЕКА: МАНИПУЛЯЦИИ И «ПРОТИВОЯДИЕ»

Ланцевская Н.Ю., канд. культурологии, доц.
ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет»,
г. Шадринск, РФ
detkovani@yandex.ru

Бесспорно, актуальной проблемой наших дней является влияние средств массовой информации на психику человека, особенно если речь идет о молодежи, поскольку она выступает самым активным пользователем незащищенных цензурой информационных материалов в глобальном пространстве. СМИ через визуальный контент, устную и звуковую информацию формирует у человека ценностные ориентации, нравственные критерии, определяет границы дозволенного (а если быть точнее — расширяет или ломает их), потребности, интересы, мнение, паттерны поведения. Многоголосие СМИ подкрепляется предлагаемым в XXI веке сверхвыбором: будь, кем и каким хочешь, тебе можно все. В данных условиях становится чрезвычайно актуальным вопрос об информационной защите сознания человека, о методах противоядия некачественной, фейковой, а подчас даже опасной информации.

Средства массовой информации зачастую используют манипулятивные техники, преследующие целью неосознанного для адресата воздействия для получения необходимой адресанту реакции. Манипуляции в данном случае строятся на основе знакомого для целевой аудитории материала (образов предметов, людей, компаний, идеи и пр.), социальных стереотипов.

Все техники манипуляции эксплуатируют эмоции человека. По словам известного социолога С. Кара-Мурзы, «природа манипуляции имеет двойное действие, и вместе с открытым сообщением манипулятор направляет адресату некий закодированный сигнал, который направлен на то, чтобы «разбудить» в сознании получателя сигнала именно те образы, которые нужны манипулятору. Данное скрытое действие направлено на неявное знание, которое имеется у получателей сигнала и на способность массовой аудитории создавать в собственном сознании образы, которые могут влиять на их чувства, мысли и поведение» [2].

Мышление плотно связано с эмоциями. Сильные эмоции (не имеет значения положительные или отрицательные) затормаживают интеллектуальную деятельность [3], но становятся мотивационной основой поведения человека. Любопытен факт, что человек в затруднительной для него ситуации, когда нужно решать важные задачи, автоматически переадресует это дело эмоциям, а эмоции «дают указания» для действий

человека в энергосберегающем режиме, то есть с опорой на стереотипное поведение.

Наиболее распространенными манипулятивными способами воздействия на эмоции человека являются следующие: констатация фактов, использование информации «от очевидцев», использование штампов и ярлыков, использование стереотипных образов (которые мозг воспринимает как само собой разумеющиеся), ссылка на авторитеты (причем, малоизвестные, подчас анонимные), оперирование фразами «всемирно известно», «большинство считает» и пр., демократизация в подаче материала (от лица простого человека, такого же, как и большинство воспринимающих информацию), информационный шок и пр. [1].

Если говорить о способах противостояния негативному информационному влиянию, то следует прибегать к таким рекомендациям: проверять источник транслируемой информации; проверять информацию на наличие альтернативных точек зрения; проверять поданные в СМИ факты на жизнеспособность (достоверность); прибегать к паузам в получении информации (это позволит эмоциям гармонизироваться, и человек не будет уже столь вовлечен в переживания, а значит, будет более критичен в дальнейшей оценке информации).

Несомненно, важно вовремя обучить человека медийной грамотности и приемам психологической защиты в условиях информационной вседозволенности. Профилактические меры необходимо начинать как можно раньше, как только человек начинает сталкиваться с миром глобальной сети информации. И также важно помнить, что главное оружие против информационной манипуляции — осознанность.

Список литературы

1. Зырянова, М. О. Способы противодействия распространению фейковой информации / М.О. Зырянова // Общество : социология, психология, педагогика. — 2020. — №6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-protivodeystviya-rasprostraneniyu-feykovoy-informatsii> (дата обращения: 20.09.2022).
2. Манукян, А. М. Социально-психологические механизмы гипнотического манипулирования сознанием масс в медийном пространстве на примере социальных сетей / А.М. Манукян // АНИ : педагогика и психология. — 2019. — №3 (28). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-mehanizmy-gipnoticheskogo-manipulirovaniya-soznaniem-mass-v-mediynom-prostranstve-na-primere-sotsialnyh> (дата обращения: 20.09.2022).
3. Пырьев, Е. А. Эмоции в системе психического отражения и мотивации поведения человека \ Е.А. Пырьев // Вестник ОГУ. — 2012. — №2 (138). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsii-v-sisteme-psihicheskogo-otrazheniya-i-motivatsii-povedeniya-cheloveka> (дата обращения: 20.09.2022).

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ И ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ

Яковенко М.А., Гордеева А.В., канд. психол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
maria_yakovenko27@mail.ru; a.valer@mail.ru

Введение. Интернет-зависимость с каждым годом становится все более актуальной темой для исследователей. Особенно отмечается данная тенденция в современных реалиях, связанных с чрезмерным проводимым временем в сети в связи с дистанционными форматами обучения и работы.

Наиболее уязвимыми перед интернет-зависимостью выступают подростки за счет подверженности разнообразным влияниям со стороны, что, как следствие, влечет за собой проявление девиантного поведения.

Термин «интернет-зависимость» по А. Голдбергу представляет собой патологическую, непреодолимую тягу к интернету, которая ведет к дезадаптации личности и нарушению её нормативного, целостного развития [2]. Одним из наиболее важных факторов формирования интернет-зависимого поведения выступает «увязание» в сети, то есть большая интернет-активность, что дает основание рассматривать интернет-активность, как основополагающий критерий проявления интернет-зависимого поведения [4].

В свою очередь, девиантное поведение в наиболее распространенном его значении, рассматривается как поведение, несоответствующее установленным социальным нормам и ожиданиям общества [1].

Стоит отметить, что взаимоотношение интернет-зависимости и девиантного поведения до сих пор является предметом споров. С одной стороны, интернет-зависимость является формой девиантного поведения, с другой же стороны, её рассматривают как следствие девиаций, а иногда и как причину проявления несоответствующего нормам поведения [3].

Основная часть. Целью данной работы выступало изучение особенностей интернет-зависимости подростков как причины формирования девиантного поведения.

В исследовании приняли участие 88 подростков с разной степенью интернет-активности. С помощью анкетирования было выделено две группы: с интернет-активностью менее 6 часов (38 человек) и с интернет-активностью более 6 часов (50 человек).

Выраженность интернет-зависимости определялась с помощью двух методик: К. Янг в адаптации В.А. Буровой и С. Чена в адаптации В.Л. Малыгина и К.А. Феклисова. Для проверки достоверности различий показателей интернет-зависимости двух групп использовался t - критерий

Стьюдента. Обе методики дали значимые на 0,1% уровне различия: методика К. Янг ($t_{эмп} = 5,42$) и методика С. Чена ($t_{эмп} = 6,34$). Таким образом, подростки с интернет-активностью менее 6 часов в день имеют только склонность к интернет-зависимому поведению, а испытуемые с большей интернет-активностью являются интернет-зависимыми. Подтвердилось то, что интернет-активность является ключевым показателем интернет-зависимости.

В психодиагностический блок методик для выявления признаков девиантного поведения вошли две методики: «Склонность к девиантному поведению» («СДП») Э. В. Леуса и «Склонность к отклоняющемуся поведению» («СОП») А. Н. Орла.

При сопоставлении данных, полученных с помощью методики «СДП» (рис.1), были выявлены значимые на 5% уровне различия по шкалам «Аддиктивное поведение» ($t_{эмп} = 2,07$) и «Аутоагрессивное поведение» ($t_{эмп} = 2,22$) и значимые на 1% уровне — «Делинквентное поведение» ($t_{эмп} = 3,16$) и «Агрессивное поведение» ($t_{эмп} = 3,31$).

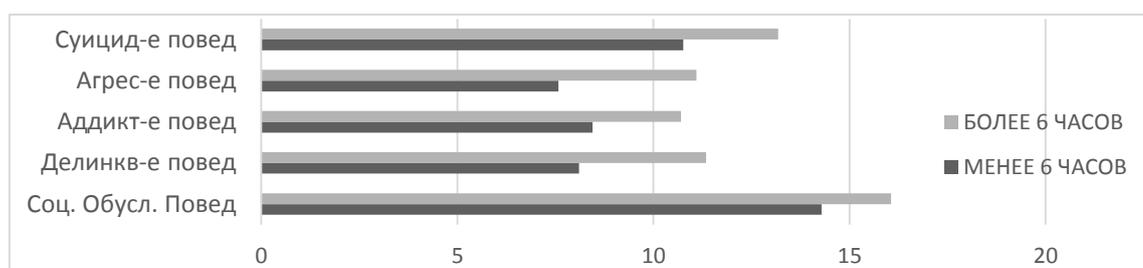

Рис. 1. Сравнение результатов по методике «СДП»

Подростки с интернет-активностью более 6 часов ориентированы на нормы значимой группы, подвержены влиянию окружающих; отмечают склонности к антисоциальному, аддиктивному поведению; ситуативно проявляется агрессивное и аутоагрессивное поведение.

Испытуемые с интернет-активностью менее 6 часов характеризуются: ведомостью сторонним влияниям без последующего антисоциального поведения; отсутствием склонности к аддиктивному поведению; низкой выраженностью агрессивного поведения.

Результаты методики «СОП» показали превышение показателей по всем факторам у группы подростков с интернет-активностью более 6 часов, по сравнению с менее интернет-активными подростками (рис.2).

Были выявлены значимые на 0,1% уровне различия в следующих шкалах: «Социально желательные ответы» ($t_{эмп} = 6,29$), «Склонность к преодолению норм» ($t_{эмп} = 5,00$), «Склонность к АП» ($t_{эмп} = 5,79$), «Склонность к агрессии» ($t_{эмп} = 5,60$), «Волевой контроль эмоциональных реакций» ($t_{эмп} = 3,96$) и «Склонность к делинквентному поведению» ($t_{эмп} = 6,40$), а также значимые на 1% уровне различия в шкале «Склонность к суициду» ($t_{эмп} = 2,85$).

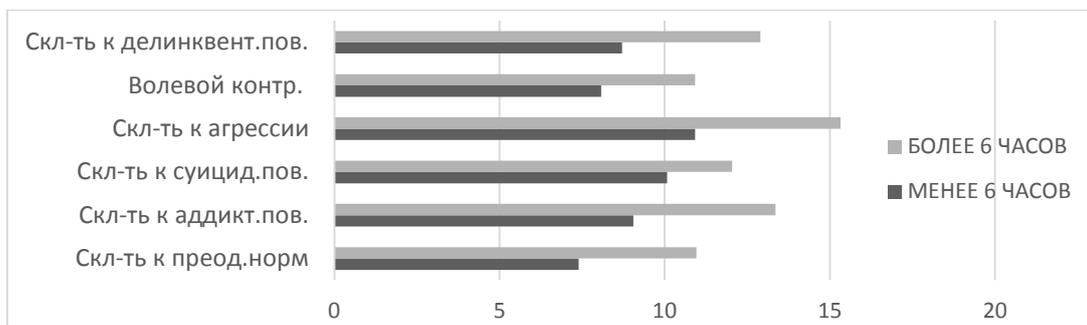

Рис. 2. Сравнение результатов по методике «СОП»

У группы с интернет-активностью более 6 часов отмечается: склонность к отрицанию, преодолению норм и правил; низкая ценность собственной жизни, склонность к риску, садомазохистские тенденции; слабость волевого контроля эмоциональной сферы; низкий уровень социального контроля.

Испытуемые с интернет-активностью менее 6 часов характеризуются: строгим соблюдением социальных норм, склонностью следовать общепринятым нормам поведения; хорошим социальным контролем поведенческих реакций, отсутствием готовности к реализации саморазрушающего поведения, отсутствием склонности к реализации комплексов вины в поведенческих реакциях, не типичностью агрессии как способа выхода из фрустрирующей ситуации.

Заключение. Большая интернет-активность подростков выступает показательным признаком интернет-зависимого поведения; подростки с интернет-зависимостью имеют больше склонностей к формированию и развитию девиантного поведения в различных его проявлениях.

Список литературы

1. Гишинский, Я. Девиантология : социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гишинский. — Санкт-Петербург : Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. — С. 244–256.
2. Гребенщикова, В.Л. Интернет-зависимость / В. Л. Гребенщикова // Психология и педагогика : методика и проблемы практического применения. — 2010. — С.15–18.
3. Короленко, Ц. П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития / Ц. П. Короленко // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. — 1991. — № 1. — С. 8–15.
4. Яковенко, М. А. Влияние интернет-активности на социализацию личности в подростковом возрасте / М.А. Яковенко // Актуальные проблемы психологической теории и практики [Текст] : Материалы VIII Республиканской научно-практической конференции молодых учёных, аспирантов, студентов и специалистов-практиков (г. Донецк, 22 апреля 2021 г.). — Донецк : ДонНУ, 2021. — С. 350–354.

АМЕРИКАНСКОЕ КИНО И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МОРАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Яновский М.И., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
m.i.yanovsky@mail.ru

Наше время характеризуется повышением важности проблематики информационно-психологической безопасности общества. В этом контексте значение имеет понимание характера влияния на зрителя кино, в частности американской кинопродукции.

Анализ голливудского кино, предпринятый петербургским исследователем С.А. Полотовским в своей диссертации («Влияние современного голливудского кино на духовную ситуацию в России»), выявил, что американские фильмы в качестве ведущей сюжетной коллизии используют, чаще всего, борьбу «одиночки с системой». Это, очевидно, не случайная творческая находка авторов американских кинопроизведений, а проекция либеральной идеологии, что отдельный индивид («одиночка») — «хорошо», а государство («система») — «плохо». Функционально в роли «одиночек» — борцов с системой — в сюжетах фильмов могут выступать субъекты с разным содержанием: ребенок, женщина, робот, преступник, и даже государство (естественно, США). Сопереживание «борцу с системой» (или — если это свести к упрощенной когнитивной схеме — сопереживание «маленьким», борющимся с «большими») — «секрет» популярности американского кино и специфики его морального воздействия.

Четкое деление на «хороших» и «плохих» — черта значительной части мировой кинопродукции массового потребления. Специфика Голливуда — в эксплуатации коллизии «одиночка против системы» в качестве эквивалента коллизии «добро против зла». Это эффективно, поскольку обычно легко внушить, что «система» — это заведомо нечто более опасное, чем «одиночка», это то, чего боятся; а «одиночка» — наоборот, слабее «системы», поэтому это то, что жалеют. Жалость и страх играют роль эмоциональных, а по сути «бихевиоральных», маркеров добра-зла: добро — это стимулы, на которые мы реагируем жалостью, зло — то, на что реагируем страхом (или агрессией) (здесь, как в теории Джемса-Ланге, реакция опережает сознание и определяет его содержание). Поэтому стандартный голливудский сюжет для такой системы персонажей — победа «одиночек» над «системой» и их самоутверждение, что и представляется как победа добра над злом.

Сознанию зрителя навязывается такой упрощенный формат морального сознания, в котором понятия о добре и зле заменены

эмоционально окрашенными реакциями на образы-стимулы, а значит — сами эти наглядные образы-стимулы становятся критериями добра и зла (например, злое и коварное выражение лица — обязательный признак злодея; красивое лицо, с благородным выражением — признак «хорошего»).

Следует иметь в виду, что эта особенность американского кино релевантна американскому менталитету, в котором важную роль сыграла основополагающая для британского и американского либерализма психолого-педагогическая концепция Дж. Локка (о роли философии Локка в создании основ американской идеологии см.: [2]). Одной из центральных идей Локка о человеке был постулат, что душа при рождении является «чистой доской». Идея «чистой доски» как исходного естественного состояния человека — это, в значительной мере, подоплека американского менталитета: из ничего можно сделать все, любой социальный феномен рукотворный, технологиями можно добиться любой цели, любой человек может выбрать любой пол и т.д. [4]. Однако локковская «чистая доска» означает неукорененность человека в бытии, его внутреннюю бессодержательность. Об этом говорил Ф.М. Достоевский, позиция которого, по мнению российского литературоведа Б.Н. Тарасова, была такова: «Онтологическая и нравственная необеспеченность социальных целей при ослаблении основополагающих идеалов создает <...> условия, препятствующие самоуважению человека в собственном его положении и развивающие завистливую «роковую заботу» отыскивать везде и всегда как можно больше людей хуже себя. Отсюда повсеместная гонка и непрерывное соревнование неутоленных честолюбий и обойденных самолюбий» [1.]. Вот почему «базовая американская ценность — *уверенность в себе*» [3]. Очевидно, что она обязательна и необходима при «соревновании честолюбий», и именно утверждением *уверенности в себе* наполнена большая часть голливудской продукции, с ее культом «одинокости», который грезит о том, чтобы стать «сверхчеловеком».

По существу, это реализует регресс к квазиморальным формам сознания человека.

Список литературы

1. Тарасов, Б.Н. «Отчет о виденном, слышанном и прочитанном» / Б.Н. Тарасов // Достоевский Ф.М. Дневник писателя : Книга очерков. — Москва : Эксмо, 2006. — С. 5–47.
2. Трепакова, А.В. Ценности американского кино. Жанры, образы, идеи / А.В. Трепакова. — Москва : КДУ, 2007. — 112 с.
3. Хсю, Ф. Базовые американские ценности и национальный характер / Ф. Хсю // Личность, культура, этнос : современная психологическая антропология / Под общей ред. А.А. Белика. — Москва : Смысл, 2001. — С. 204–228.
4. Яновский, М.И. Философско-психологические идеи Дж. Локка как ключ к пониманию американских ценностей / М.И. Яновский, В.Н. Ягодкин // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. — 2019. — Том 3. — № 1 (6). — С. 65–76.

Психология в образовании: проблемы, возможности и перспективы

УДК159.923.2: 378

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САМОАНАЛИЗА ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Алексеева Т.В., канд. психолог. наук, доц.
Филиал «Аграрный техникум» ГБОУ ВО «ДОНАГРА», г. Макеевка (ДНР), РФ
agrcollege_dir@mail.ru

Введение. Трансформация высшего образования в условиях общечеловеческого кризиса современности предполагает изменение личностных и профессиональных качеств студентов как субъектов будущей профессиональной деятельности. Проблему личностно-профессионального развития личности исследовали такие ученые, как Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова, Л.С. Выготский, Б.Ф. Ломов, А.Н. Леонтьев, С.Д. Максименко, Г. Олпорт, К. Платонов, К. Роджерс, М.В. Савчин и др.

В периоды зрелой юности и ранней взрослости студент как будущий специалист формирует субъективную целостную картину мира и себя в нём, профессионально и личностно самоопределяется, выстраивает жизненный план, осуществляет выбор путей его реализации, меняет собственную жизненную перспективу и определяет жизненную программу и т.п. [4].

Формирование самостоятельности и ответственности за свои поступки, закрепление ценностных ориентаций, определение перспектив и целей жизни, построение устойчивого образа окружающего мира составляет осознание студентом способности к самореализации в профессиональной сфере жизнедеятельности. Формирование ответственности будущего специалиста также связано с предоставлением студенту свободы в принятии решений на протяжении обучения в вузе.

Для проведения исследования нами выбрана программа самоанализа своей ответственности и методика выявления общей удовлетворенности своей ответственностью (Т.В. Алексеева).

В исследовании приняли участие 143 студента ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия» и Института педагогики Донецкого национального университета в возрасте от 18 до 35 лет. Выборка респондентов состояла из студентов (52 юноши и 91 девушка) выпускных курсов.

При обработке результатов выявлено, что все респонденты допускают, *что любую работу, которая не проверяется, следует выполнять хорошо, независимо от вероятности ее контроля.* 63% респондентов считают себя как *ответственными, так и*

безответственными людьми в зависимости от обстоятельств. 50% студентов полагают, что не опаздывают на занятия, собрания и встречи с друзьями благодаря чувству долга.

69% респондентов считают, что при возникновении потребности в выполнении общего ответственного дела, ответственность должна быть только коллективной. При этом они убеждены, что их личным обещаниям можно верить, так как они всегда являются требовательными к себе, а не находятся под влиянием окружающих. 82% обследуемых рассуждают, что окружение оценивает их как ответственных лиц.

При возникновении конфликтов среди однокурсников 67% респондентов не будут на него реагировать, если конфликт не касается их непосредственно. 76% студентов считают, что их будущая профессиональная деятельность формируется на основе собственного сознательного и обоснованного выбора. 54% респондентов после получения высшего образования планируют работать по специальности.

Полученные данные свидетельствуют о наличии профессиональных целей, планов и направленности поведения на их реализацию в будущем, что способствует развитию ответственности и требовательности к себе.

Установлено, что только 9% респондентов склонны брать на себя ответственность при возникновении конфликтов, при этом они также считают, что их однокурсники выполняют свои обязанности добросовестно только из-за страха наказания. 17% студентов считают, что при выполнении ответственного общего дела наиболее целесообразной является личная ответственность любого его участника.

Среди респондентов отсутствуют мнение, что окружающие оценивают их как безответственных лиц. Также отсутствуют респонденты, которые считают, что результатом их учебной деятельности являются формализованные критерии — каждый из них в той или иной степени ответственно относится к процессу приобретения знаний.

18% студентов считают, что их будущая профессия даст им возможность быть независимыми и свободными в отношении своего образа жизни. Ни один респондент не рассматривает влияние результатов своего профессионального обучения на глобальное благополучие общества. 12% студентов стремятся организовать свою жизнь после получения высшего образования в научном направлении.

Результаты исследований по методике самооценки уровня собственной ответственности Т. В. Алексеевой выявили следующее: 7,7% респондентов всегда довольны уровнем своей ответственности, 53,8% студентов — скорее довольны, иногда довольны — 23,1%, скорее недовольны — 2,6%, полностью недовольны — 12,8%. При этом респонденты не характеризуются низким уровнем удовлетворенности собственной ответственностью. 74,8% респондентов свойственен средний уровень удовлетворенности. Высокий уровень удовлетворенности ответственностью имеют 25,2% респондентов, которые рассматривают

эмоционально-позитивные события своей жизни (успехи, достижения и т.п.) как закономерный результат собственных действий, компетентности, воли и целеустремленности.

Итак, большинство студентов выпускных курсов высших учебных заведений считают себя достаточно ответственными людьми и характеризуются ответственным отношением к своему обучению и перспективам профессионального роста.

Таким образом, изучение психологических аспектов самоанализа ответственности студентов вуза позволяет утверждать, что:

- студенты оценивают ответственность как важную составляющую смысла жизни человека, так как неопределенность жизненных целей обуславливает неопределенность ответственности за жизнь, придает ей поверхностный, ситуативный характер;

- эмпирическими исследованиями доказана положительная корреляция между временной перспективой, интернальным локусом-контроля, профессиональной идентичностью и ответственностью;

- для студента время жизни измеряется не физическими величинами, а количеством и значимостью событий: чем насыщеннее жизнь значимыми событиями, тем больше объем времени жизни, тем длиннее она представляется;

- темпоральность ответственности по содержанию и интенсивности зависит от социальных преобразований;

- студенты выпускных курсов больше ориентированы на настоящее, чем студенты-первокурсники, они также более позитивно относятся к собственному прошлому опыту.

Учитывая профессиональные и жизненные перспективы будущих специалистов, считаем необходимым привитие студентам вузов максимальной заинтересованности в высоком уровне личной и социальной ответственности. Ответственность должна стать профессиональным качеством каждого выпускника вуза.

Полученные результаты намечают перспективы дальнейших исследований особенностей и закономерностей развития ответственности как составляющей временной перспективы студентов вуза и разработки на этой основе описания системной структуры представлений личности о будущей профессиональной жизни.

Список литературы

1. Алексеева, Т. В. Психология ответственности будущего специалиста : учебное пособие / Т. В. Алексеева. — Донецк, 2014. — 285с.
2. Муздыбаев, К. Психология ответственности / К. Муздыбаев. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2017. — 248 с. — ISBN 978-5-397-05836-0.
3. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен. — Москва : Смысл, 2004. — 597 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Ангел О.Ю., канд. соц. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», г. Ростов-на-Дону, РФ
rf@rpa-mjust.ru

Студенчество — это новый этап в жизни, который требует определённый промежуток времени на адаптацию и принятие новой социальной роли, привыкнуть к новым условиям учебного процесса, а возможно и абсолютно другой и не знакомой среде, а также это период серьезной период личностной работы над самим собой, который требует определенной ответственности. Именно в этот временной отрезок у современной молодежи возникает желание узнать и развить в себе новые качества, усвоить новые знания и отработать новые навыки и модели поведения.

Кем же является современный студент? Современный студент — это человек, относящийся к социально-демографической группе молодежь, и имеющий большое количество возможностей для того, чтобы развивать свой интеллектуальный потенциал. Таким образом, студенчество — это социальная группа, куда относится молодежь в возрасте от 17 до 25 лет, которая обладает важнейшим для государственного развития умственным потенциалом. Опираясь на позицию Г.А. Мелекесовой, отметим, что: «Студенческий возраст — это начало становления подлинного авторства в определении и реализации собственного взгляда на жизнь и индивидуального способа жизни» [1].

В обозначенный возрастной период у молодых людей часто можно наблюдать кризисные периоды, которые связаны с тем, что они приспособляются к новым социальным ролям, которые в свою очередь требуют непосредственной работы над собой, выработку ответственности и адаптации к новой для них социальной реальности. Выработав стратегии адаптации к новым условиям и приняв на себя социальные роли студенческого сообщества, студенты начинают усваивать профессиональные требования, которые являются необходимым компонентом как для учебного процесса (в связи с тем, что этот процесс обладает отличиями от школьного периода), так и для дальнейшего жизненного пути.

В период студенчества у многих молодых людей раскрывается творческий потенциал. Связано это с тем, что именно в данный возрастной период молодые люди весьма активны и могут генерировать огромное

количество интересных идей. В связи с активностью молодежи именно данную категорию граждан относят к драйверам экономического развития страны.

Помимо этого, огромное внимание стоит обратить на идеологию и мировоззрение молодых людей. В настоящее время мировоззрение молодежи оказывает серьезное влияние на происходящие в стране социальные, культурные, политические процессы. Отметим, что до второй половины XX века такое влияние не отмечалось. Переворот же произошел в 60-70-х годах XX века, когда начались студенческие революции, что повлияло на изменение в самосознании молодых людей, а также привело к трансформации мировоззрения старшего поколения. К концу 70-го года XX века мы можем наблюдать следующую картину — поток страстей успокоился и приобрел формы молодежной моды.

Если мы обратимся к современному студенчеству, то сможем найти огромное количество отличительных черт со студенчеством прошлого столетия и даже десятилетия. Нынешние представители студенческой молодежи проходили этап своего взросления в период трансформации общественной системы, когда происходил переход индустриального общества к обществу информационному. Это позволяет современным молодым людям очень активно адаптироваться к различным изменениям, но несмотря на это, именно молодежь особо остро реагирует на внешние факторы социальной среды.

Описывая современное студенчество, мы можем отметить, что сюда подходят такие качества, как предприимчивость, молниеносность, инициативность, креативность, а вот такие качества, как трудолюбие, патриотизм, милосердие, пунктуальность, уважение к старшему поколению не являются для студенческой молодежи первоочередными и уходят на второй план.

Также стоит отметить, что современное студенчество всегда стремится строить планы на будущее, поэтому планирование и прогнозирование будущих жизненных сценариев — это одна из ярких особенностей студенческого возраста.

Как отмечает доктор педагогических наук А.В. Кирьякова, ценностное самоопределение студента на этапе получения образования происходит в рамках трех этапов. На первом этапе у студента формируется собственное мировоззрение. В рамках второго этапа формируется образ «Я», который происходит на основе преобразования ценностей социума. Третий этап ознаменован тем, что в рамках данного этапа протекает завещающая фаза формирования ценностных ориентаций студента, в результате которой у студенческой молодежи появляется «Образ будущего».

Таким образом, исходя из особенностей данной социальной группы, мы отмечаем, что студенческая молодежь обладает существенным

влиянием на развитие общества в целом. Данный период возраста очень важен для становления личности поскольку именно в этом возрасте молодые люди формируют ценностные ориентации и специфические профессиональные способности.

Современная студенческая молодежь иногда обладает недостаточной внутренней трудовой мотивацией, но может иметь большое желание реализоваться в карьерном плане, что делает тему рассмотрения педагогических методов формирования готовности студентов к профессиональной деятельности наиболее актуальной в настоящее время. Связано это с тем, что именно совместные усилия со стороны студенческого сообщества и образовательного процесса могут дать положительный результат в формировании студенческой молодежи как группы, которая обладает социально-профессиональной ответственностью и развитым самосознанием.

Список литературы

1. Пенькова, М.С. Психологические особенности современного студенчества / М.С. Пенькова, Ю.С. Панфилова. — URL:// <https://scienceforum.ru/2019/article/2018016645>(дата обращения: 09.09.2022).
2. Божович, Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе. Психология подростка. Хрестоматия / Л.И. Божович; сост. Ю.И. Фролов. — Москва, 1997.
3. Реан, А. А. Психология и педагогика : [Общ. психология и педагогика. Педагогика и психология личности. Личность учащегося в пед. процессе. Методы психол.-пед. диагностики] : Учеб. для вузов / А. А. Реан, Н. В. Бордовская, С. И. Розум. — Санкт-Петербург : Питер, 2000. — 432 с. — ISBN 5-272-00266-0.

УДК 37.042.2

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕШНОСТИ СТУДЕНТОВ

Глотова Г.А., д-р психол. наук, проф., *Дорофеева О.В.*
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ
adm.psy@mail.ru

Введение. Академическая успешность студентов в период обучения в вузе находится под влиянием большого числа факторов, таких как общий интеллект студента, его специальные способности, предварительные знания и компетенции, педагогические технологии, используемые в учебном процессе, отношения с однокурсниками и преподавателями. Наряду с этим важную роль играет студенческая вовлеченность в учение.

Цель данного исследования — изучение психологических компонентов студенческой вовлеченности в учение как коррелятов академической успешности студентов.

Основная часть. Начало исследованиям вовлеченности в учение было положено американскими психологами в 70-х годах XX века в связи с изучением причин отчислений студентов из вузов [4, 5]. За последние пять десятилетий в мире было проведено значительное число исследований студенческой вовлеченности, выделены различные её виды («академическая», «социальная», «эмоциональная», «когнитивная» и др.). Разработаны опросники для оценки вовлеченности внешними наблюдателями (преподавателями, администрацией) и самооценки студентами своей вовлеченности в учебные занятия («академическая вовлеченность») или во взаимоотношения со студентами и преподавателями во внеучебное время («социальная вовлеченность»). Одним из проявлений вовлеченности студентов в учение является их успеваемость.

В нашей стране проблеме успеваемости/неуспеваемости школьников и студентов всегда уделялось много внимания, как и изучению профессионально важных качеств, которые должны сформироваться у студентов в период обучения в вузе. Однако только в конце 2000-х годов XXI века термин «стudenческая вовлеченность» стал использоваться отечественными учеными, прежде всего, в социологии образования [4].

В данном исследовании в качестве психологических компонентов вовлеченности в учение были выделены «мотивы учения» [1, с. 153-155], «отношение к учению» [2, с. 81-82], «эмоционально-личностное благополучие» студентов [3, с. 72]. Также выделен компонент «включенность в аудиторские занятия» и разработан пилотный опросник, в котором студенты выражали в процентах степень своей включенности в учение на лекциях и на семинарско-практических занятиях (по десяти градациям от 0% до 100%). Исследование проводилось методом онлайн-опроса 83 студентов разных специальностей и курсов обучения. При обработке данных использовались корреляционный анализ (по Спирмену) и факторный анализ.

Результаты исследования показали, что успеваемость студентов достоверно коррелирует с отношением к учению ($r=-0,301$, $p<0,01$). Данная связь интерпретируется как положительная, поскольку у показателя «отношение к учению» обратный порядок баллов (1 балл — положительное отношение, 7 баллов — отрицательное отношение).

Успеваемость студентов достоверно коррелирует и с включенностью в учение на семинарских и практических занятиях ($r=0,425$, $p<0,001$), тогда как нет достоверной корреляции с включенностью в учение на лекциях.

Получен ряд достоверных корреляций успеваемости со шкалами «профессиональные мотивы» ($r=0,449$, $p<0,001$), «учебно-познавательные

мотивы» ($r=0,438$, $p<0,001$) и «мотивы престижа» ($r=0,262$, $p<0,05$). Кроме этого, отмечены достоверные корреляции успеваемости с отдельными пунктами-утверждениями из шкал «коммуникативные мотивы», «социальные мотивы» и «мотивы избегания»: «Потому что знания придают мне уверенность в себе» ($r=0,247$, $p<0,05$); «Потому что полученные знания позволяют мне добиться всего необходимого» ($r=0,235$, $p<0,05$); «Попад в институт, вынужден учиться, чтобы окончить его», ($r=-0,268$, $p<0,05$), соответственно. Как можно видеть, с пунктом-утверждением из шкалы «мотивов избегания» связь у успеваемости студентов отрицательная, то есть для хорошо успевающих студентов такой мотив не характерен.

В то же время успеваемость студентов не показала достоверных корреляций с суммарными шкалами «эмоциональный компонент благополучия (А)», «личностный компонент благополучия (В)», «компонент неблагополучия (С)». Однако отмечены достоверные корреляции успеваемости с отдельными пунктами «счастливый» ($r=0,246$, $p<0,05$) и «компетентный» ($r=0,212$, $p<0,1$). Кроме этого, отмечена тенденция к положительной связи с успеваемостью у пункта «успешный» ($r_{\text{эмп.}}=0,184 < r_{\text{крит.}}=0,185$, $p>0,1$). Можно сказать, что студенты с более высокой успеваемостью чувствуют себя более счастливыми и компетентными (а в тенденции, и более успешными).

Факторный анализ (с вращением Varimax) показателей академической вовлеченности студентов дал четырехфакторное решение.

В первый фактор (ДОД=22,13%) - фактор мотивов учения — вошли «мотивы престижа» (0,833), «мотивы избегания» (0,808), «социальные мотивы» (0,769), «учебно-познавательные мотивы» (0,609). «коммуникативные мотивы» (0,578) и «включенность в учение на лекциях» (0,430). Во второй фактор (ДОД=19,61%) — фактор включенности студентов в учение — вошли «включенность в учение на семинарских и практических занятиях» (0,802), «профессиональные мотивы» (0,687), «успеваемость» (0,606), «включенность в учение на лекциях» (0,524), «учебно-познавательные мотивы» (0,499), «отношение к учению» (-0,685, что соответствует положительной связи с данным фактором). Третий фактор (ДОД=16,33%) — фактор эмоционально-личностного благополучия - включает «эмоциональный компонент благополучия (А)» (0,863), «личностный компонент благополучия (В)» (0,700), «компонент неблагополучия (С)» (-0,820). Четвертый фактор (ДОД=8,99%) образован «мотивами творческой самореализации» (0,796).

Заключение. На основе полученных данных для усиления вовлеченности студентов в учение и повышения успеваемости, можно указать следующие направления работы. Прежде всего, включение студентов в деятельность, связанную с профессиональным самоопределением (для усиления профессиональных мотивов учения и

улучшения отношения к учению), а также использование в учебном процессе различных инновационных технологий (для активизации учебно-познавательных мотивов, повышения уровня включенности студентов в аудиторские занятия и их эмоционально-личностного благополучия).

Список литературы

1. Бадмаева, Н.Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей / Н.Ц. Бадмаева. — Текст: электронный. — Улан-Удэ : ВСГТУ, 2004. — 280 с. — URL: <http://window.edu.ru/resource/940/18940/files/Mtdusc10.pdf> (дата обращения: 16.07.22).
2. Гижицкий, В.В. Внутренние и внешние мотивы учебной деятельности как факторы академической успешности старшеклассников: специальность 19.00.07 «Педагогическая психология» : кандидата психологических наук / Гижицкий Виктор Владимирович. — Москва, 2016. — 200 с. — Текст : непосредственный.
3. Карапетян, Л.В. Внутреннее благополучие человека : моногр. / Л.В. Карапетян, Г.А. Глотова. — Екатеринбург: Уральский институт ГПС МЧС России, 2020 — 199 с. — ISBN 978-5-89516-308-5. — Текст: непосредственный.
4. Малошенок, Н.Г. Студенческая вовлеченность: почему важно изучать процесс обучения, а не только его результат? // Мониторинг университета. — 2011. — № 6. — С. 11-21. Текст: электронный. — URL: https://cim.hse.ru/data/2011/05/27/1212557253/11_2011_6.pdf (дата обращения: 25.07.2022).
5. Astin, A.W. (1999). Student involvement: a Developmental Theory for Higher Education // Journal of College Student Development. Vol. 40 (No 5). — P. 518–529. Текст : электронный. URL:https://www.researchgate.net/publication/220017441_Student_Involvement_A_Developmental_Theory_for_Higher_Education (дата обращения: 26.07.2022).

УДК 37.015.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ СТУДЕНТАМИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Гнutowa A.O.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
nastya-gnutova@mail.ru

Сфера образования нашего региона в условиях обостренного военного конфликта вынуждена на всех уровнях оперативно адаптироваться к новым условиям, моделировать различные сценарии развития ситуации и разрабатывать модели обеспечения эффективного, непрерывного учебного процесса в условиях имеющихся ограничений.

Дистанционное обучение (ДО) — это практика, которая связывает преподавателя, обучающегося, а также источники учебной информации, расположенные в различных географических регионах, посредством

набора специальных технологий, позволяющих осуществлять взаимодействие [1].

В последние десятилетия Альтбах Ф. Дж., Ханс де Вит., Гафуров И.Р., Ибрагимов Г.И., Калимуллин А.М., Алишев Т.Б. активно исследуют проблемы трансформации вузов под влиянием цифровизации общества. Исследователи отмечают, что, хотя различные формы онлайн образования развивались с конца 20-го века, именно острые эпидемиологическая, а в дальнейшем и военно-политическая ситуации стали катализатором процессов их массового внедрения в нашем регионе [3]. Изменения в организации учебного процесса вуза оказали огромное влияние на все аспекты жизни и деятельности студентов, которые несмотря на достаточно высокий уровень навыков в сфере ИК технологий, также не имели практического опыта обучения исключительно в онлайн формате [2].

В настоящее время недостаточно изучены особенности восприятия онлайн обучения студентами в чрезвычайных условиях, что обусловило актуальность данного исследования.

Целью настоящей статьи является попытка анализа особенностей восприятия, проблем и вызовов дистанционного формата обучения с позиции студентов.

Для решения поставленных задач, было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 50 студентов 2-4 курсов филологического факультета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Опрос проводился добровольно, анонимно, с применением Google форм.

Анализ проведенного опроса продемонстрировал, что «скорее не удовлетворены» процессом ДО порядка 36% студентов, «полностью не удовлетворены» — 12%, а значит, данные студенты оказались в дискомфортных для них условиях, среди которых могут быть как недостаточное техническое оснащение дома, так и психологическое напряжение. «Скорее удовлетворены» — 28%, «полностью удовлетворены» — 15%, и затруднились с ответом 9% опрошенных. Вместе с тем, как показал опрос, даже при наличии необходимых условий для ДО, существует ряд факторов, препятствующих полноценной работе в режиме онлайн. Большинство респондентов (52%) ежедневно сталкиваются с техническими неполадками, среди которых нарушение бесперебойной работы сети, зависание онлайн лекций и т.д. Около 30% респондентов отметили, что домашняя обстановка не располагает к обучению, поскольку студенты больше отвлекаются на выполнение домашней работы, тяжело сосредотачиваются перед экраном компьютера, а значит, учебный материал, получаемый в ходе онлайн-обучения, воспринимается хуже.

Среди трудностей, с которыми столкнулись в процессе ДО, наиболее часто был указан большой объем задаваемых материалов (82%), при этом больше половины студентов (69%) отметили, что учебная нагрузка в

период дистанционного обучения заметно увеличилась. Также были отмечены «Сложность выполнения практических заданий без объяснений преподавателя» (41%). Кроме того, возможность социализироваться для большинства студентов является основой их продуктивного обучения. Поэтому отсутствие живого общения с преподавателями и одногруппниками, свойственное ДО, может создавать у студентов психологический дискомфорт.

Студентами было замечено, что при переходе на ДО, они испытали растерянность и неуверенность в своей включенности в учебный процесс (27%), а также волнение за свое образование, прохождение аттестации и сдачу сессии (35%).

Эффективность собственной учебной работы в текущем семестре в формате дистанционного обучения студентами по большей степени оценивается как сниженная (51%), повышенная отмечается в 9% ответов, не заменили существенных изменений 25%, затруднились с ответом 12% студентов.

Одной из причин снижения эффективности студентов в процессе обучения является проблема мотивации, так как практически весь учебный материал студент на ДО должен осваивать самостоятельно, что возможно только при развитой силе воли, наличии ответственности и самоконтроля. Более половины опрошенных студентов указали снижение мотивации к обучению в рамках ДО (55%), что может быть следствием отсутствия постоянного контроля со стороны преподавателя, отсутствия настроя на систематизированное самостоятельное обучение или неумения грамотно организовать учебный процесс.

Можно констатировать и изменение в восприятии студентами педагогов, как участников образовательного процесса. Значительная часть студентов считает, что трудозатраты преподавателей вуза с переходом на дистанционную форму работы снизились (48%), что трудозатраты возросли считают 26%, что остались неизменными, в сравнение с очным обучением — 26%.

В целом 63% студентов отметили, что качество образования в связи с переходом в дистанционный формат изменилось в худшую сторону. При этом больше половины респондентов (61%) указали, что значительная часть преподавателей факультета владеет современными технологиями на уровне, достаточном для эффективного преподавания. Среди дистанционных инструментов в процессе обучения чаще применяются Online-лекции, презентации, Zoom-сессии со студентами, публикация учебных материалов в облачных хранилищах, а также коммуникация со студентами посредством мессенджеров (Viber, WhatsApp, телеграмм) и социальных сетей.

На вопрос «Повлияло ли резкое изменение формата обучения на ваши представления об образовании?», 24% опрошенных указало, что

изменений не заметили, для 29% присутствуют незначительные изменения, 36% указали, что их представления существенно изменились, стала очевидной эффективность/неэффективность отдельных техник, приемов и методов. 17% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос.

В целом можно отметить, что собирательный образ студента на ДО изменился. Были отмечены такие показатели, как понижение работоспособности, мотивации и заинтересованности в обучении при достаточно высоком уровне креативности.

Несмотря на наличие трудностей в обучении в дистанционном формате, студенты осознают его необходимость, и среди преимуществ ДО, практически вся выборка указывает в первую очередь безопасность для жизни (93%), в сравнении с очным обучением в современных условиях.

Таким образом, проведенное исследование показало изменение в восприятии учебного процесса студентами в рамках ДО, выявило ряд имеющихся трудностей, что является ценным материалом для реализации дальнейших мероприятий по обеспечению качества учебного процесса в дистанционном режиме.

Список литературы

1. Бекетова, О. Н. Дистанционное образование в России : проблемы и перспективы развития / О. Н. Бекетова, С. А. Демина // Социально-гуманитарные знания. — 2018. — № 1. — С. 69–78.
2. Воробьева, Т. А. Психологические особенности электронного обучения / Т. А. Воробьева // Сибирский педагогический журнал. — 2015. — № 2. — С. 100–104.
3. Клименских, М.В. Особенности восприятия дистанционного обучения студентами и преподавателями вуза / М.В. Клименских // Современные проблемы науки и образования. — 2018. — № 1. — URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=27421> (дата обращения: 10.09.2022).

УДК 378

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПЕРВОКУРСНИКОВ В ПЕРИОД АДАПТАЦИИ

Исмаилова Д.В., Царегородцева Е.А., канд. пед.наук, доц.
ФБГОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»,
г. Екатеринбург, РФ
elena-carik@rambler.ru

Введение. Начало обучения в педагогическом университете — это период изменения образа жизнедеятельности у начинающих студентов, который существенно отличается от обучения в школе. Переход в

пространство педагогического университета связан с обучением у незнакомых педагогов, разнообразием новых требований в обучении, учебными занятиями в разных кабинетах и необходимостью вступать в контакты с студентами не только в учении, но и во внеучебное время.

Основная часть. В адаптационный период у первокурсников в первую очередь происходит утверждение среди незнакомых людей, осваивается социально-психологический статус в образовательной среде университета, а также возможность реализовать себя в научной, спортивной, культурно-массовой, волонтерской, гражданско-патриотической и других деятельности. В этот период у них увеличивается динамичность жизнедеятельности и насыщенность коммуникаций в сопоставлении с привычными условиями школы, что определяет особую актуальность соответствующей поддержки, т.е. психолого-педагогического сопровождения со стороны кураторов и преподавателей психологии и педагогики. Актуальность психолого-педагогического сопровождения в период адаптации первокурсников обусловлена тем, что от их благополучного «вхождения» в социальную жизнь педагогического университета в значительной мере зависит их стиль взаимодействия, поведения и социальная успешность среди педагогов и однокурсников.

Теоретический анализ исследований показал, что большинство авторов объясняют психолого-педагогическое сопровождение как «деятельность педагогов и психологов, обеспечивающую создание условий для успешной адаптации обучающихся к условиям его жизнедеятельности» [1, с. 22]. В данном исследовании психолого-педагогическое сопровождение рассматриваем как процесс личностного и социокультурного взаимодействия обучающихся-студентов и куратора, преподавателей, основанный на поддержке и помощи, удовлетворении социальных потребностей обучающихся.

На основании анализа исследований и проблем адаптации первокурсников в среде педагогического университета наметим основные линии психолого-педагогического сопровождения:

- диагностика степени психологической устойчивости в трудных жизненных ситуациях;
- оказание помощи в адаптации к условиям обучения в педагогическом университете и привыкание к новой социальной ситуации взаимодействия с преподавателями и однокурсниками; достижение признания и одобрения среди них;
- мотивация к освоению учебно-профессиональной деятельности, к новым формам познания, интеллектуальному творчеству, а также активному досугу с другими студентами в пространстве университета;
- диагностика универсальных управленческих компетенций;
- оказание адресной помощи и поддержка начинающих первокурсников в удовлетворении образовательных потребностей.

Опишем основное содержание психолого-педагогического сопровождения начинающих студентов с точки зрения удовлетворения базовых физиологических и социальных потребностей. Все потребности человека, согласно теории А. Маслоу, организованы в иерархической системе: физиологические потребности; потребности безопасности и защиты; в принадлежности и уважении; потребности самоуважения; потребности самоактуализации, или потребности личного самосовершенствования [2, с. 123].

Исходя из специфики удовлетворения потребностей по теории А. Маслоу, обозначим основное содержание психолого-педагогического сопровождения первокурсников. В первые недели обучения «ранние» студенты, оказавшись вне привычных условий общеобразовательной школы, в первую очередь осваивают новые способы удовлетворения потребности в безопасности и защите. Им необходимо приспособиться к другим социально контролируемым условиям обучения и организации быта в общежитии, быстро освоиться в интенсивном режиме жизни педагогического университета; удерживать правила и нормы совместных действий с незнакомыми педагогами и другими обучающимися.

От конструктивного взаимодействия во многом зависит ощущение физического благополучия и ощущение психологической безопасности первокурсников в первые месяцы обучения. Содержание сопровождения должно быть ориентировано на знакомство с нормами и правилами университетской жизни, а также формирование благоприятного социально-психологического климата в студенческой группе.

Потребность в принадлежности, уважении и самоуважении задают направленность поведения первокурсников их активность среди других ровесников и преподавателей. Субъект учения, по мнению А. Маслоу, «будет нуждаться в эмоциональных отношениях с людьми, в занятии достойного места в своей группе, и он будет интенсивно добиваться достижения этой цели» [2]. Поэтому первокурсники будут готовы делать всё, чтобы новые преподаватели и референтные — «значимые» микрогруппы признали их «своими».

Воспитательная деятельность в педагогическом университете предоставляет прекрасную возможность первокурсникам реализовать потребности принадлежности, принятия и уважения, позволяет почувствовать свою значимость среди ровесников и педагогов. Основным содержанием сопровождения в реализации социальных потребностей студентов в период адаптации будет: организация общения и разных видов совместной активностей для установления позитивных межличностных отношений у первокурсников, налаживания конструктивных взаимоотношений с ними; развитие студенческой группы через оформление системы групповых норм (образ «хорошего» поведения в университете); воспитание чувства принадлежности, взаимопомощи,

развитие групповой организованности и сплоченности; формирование и поддержка позитивного эмоционального климата в новой студенческой группе.

В интерактивных формах взаимодействия, тренинге, групповых сборах и ресурсном круге первокурсники познают себя как на основании оценки со стороны, так и самооценки. Они оценивают свое положение среди новых знакомых по учению, отношение к себе окружающих первокурсников, обращают внимание на качества, которые чаще всего оценивают окружающие и от которых в большей степени зависит его положение в студенческой группе. Не случайно Р.С. Немов отмечает, что стремление воспитанников к признанию и одобрению со стороны окружающих людей порождает «потребность в достижении успехов, целеустремленность, чувство уверенности в себе, самостоятельность и многое другое» [3].

Таким образом, в период адаптации разнообразие форм и приемов психолого-педагогического сопровождения помогает начинающим первокурсникам получать новый социальный опыт студенческой жизни, присваивать наиболее успешные модели поведения, ощущать себя уверенно, чувствовать себя значимым для окружающих, получать симпатию и признание от других членов студенческой группы.

Список литературы

1. Битянова, М.Р. Организация психологической работы в школе / М.Р. Битянова. — Москва : Совершенство, 1998. — 298 с.
2. Маслоу, А.Г. Мотивация и Личность / А. Маслоу // пер. с англ. Т. Гутман. — Санкт-Петербург : Питер, 2003. — 352 с.
3. Немов, Р.С. Психология : учеб. для студентов вузов : в 3 кн. / Р.С. Немов. — Москва : Просвещение : ВЛАДОС, 1995. — Кн. 2. — 607 с.

УДК 159.9

ОБРАЗ ПСИХОЛОГИИ КАК НАУКИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ-ГУМАНИТАРИЕВ

Киселёва И.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
i.kiseleva@donnu.ru

В процессе вовлечения студентов в изучение психологических дисциплин на непрофильных специальностях определенный интерес представляют собой начальные знания и образы психологии как науки, сформировавшиеся у обучающихся.

Образ психологической науки, уже имеющийся у студентов, будет опосредовать весь процесс восприятия научных данных о ней, запоминание отдельных понятий, законов, факторов, отношение к данной дисциплине.

В отечественной психологии принято выделять три уровня психического отражения: сенсорно-перцептивный, уровень представлений и речемыслительный уровень. Уровень представлений имеет многообразные формы образности. Главная особенность данного уровня заключается в сочетании и тесной взаимосвязи чувственного (наглядности, внутренней картины) и понятийного (слово).

Психические образы, по мнению А.А. Гостева, включают образы предметов или явлений, которые существуют в субъективном мире человека при отсутствии непосредственного воздействия на них стимула-прообраза [1].

Целостный образ всегда характеризуется осмысленностью, которая вносится в него значением. Так, структура образа включает, согласно Ф. Е. Василюку, личностный смысл, значение, слово и предметное содержание, которые связаны воедино т.н. чувственной тканью сознания, включающей эмоцию [2].

Современные исследования представлений о психологии как науке и психологической помощи среди студентов и лиц юношеского возраста представлены работами М. А. Есипова, О.В. Кожевниковой, Н.В. Лукьянченко, В. А. Пошехоновой, И. А. Егоровой и других. Но большая часть указанных исследований имели акцент на образе самого психолога-профессионала. Так, например, по данным О. В. Кожевниковой, Н. С. Шадринной, студенты непсихологических специальностей в образ психолога включают практическую направленность и личностные качества психолога, важные в процессе его взаимодействия с клиентами [3].

Также часть современных работ посвящена проблеме доверия — недоверия психологии и психологам-профессионалам. Согласно О.О. Елисеевой, особенности внешности (форма лица, мимика, жесты, одежда) и пол играют в восприятии психологи и доверии к нему ключевую роль [4].

В нашем же исследовании основная цель заключалась в фиксации типичных образов самой психологической науки, сформированных у студентов гуманитарных специальностей, до изучения соответствующих дисциплин. Мы принимали во внимание детали данного образа, ключевые слова образа, личностный смысл для испытуемых и эмоции.

В исследовании приняли участие 138 студентов филологических специальностей в возрасте 18-21 года, которые писали сочинения о том, что они знают о психологии.

Исследуя личностный смысл, который студенты-гуманитарии вкладывают в понятие психологии, мы можем разделить их на две

большие группы. В первую входят студенты, для которых личностный смысл данного понятия не был определен. Их рассуждения о психологии имели абстрактный, отвлеченный, даже философский характер. Фразы отмечались подчеркнутым формализмом. Часто повторялись типичные, похожие высказывания («полезная наука», «играет важную роль», «помогает разобраться в людях и себе», «развитие современного общества невозможно без психологии»).

Во вторую группу входят студенты, у которых возможно проследить и зафиксировать личностный смысл. В своих текстах они обращаются к личному опыту, воспоминаниям, которые были связаны с прошлым общением с психологами-профессионалами, чаще всего — школьными. Из воспоминаний в их рассуждениях вытекает определенный вывод, «мораль» истории, что показывает внутреннее значение данного опыта в их внутреннем мире. Например, «я очень трепетно и нежно отношусь к людям, которые делятся своими переживаниями», «в подростковой жизни я, наконец-то, начал вглядываться в самого себя», «мне настолько стала интересна тема эмоций, что я пыталась анализировать каждую эмоцию», «добрая полная женщина задавала мне разные вопросы, и я решила для себя, что психология — явление вполне приятное», «его книги стоят на видном месте в моей библиотеке, именно их читает папа и иногда пересказывает всей семье <...> именно отсюда я и узнала о психологии», «больше всего в этой теме мне нравилось наблюдать за людьми», «и лишь становясь старше, я начинала понимать, что к чему, хотя в детстве мне это казалось чем-то забавным», «наверное, у каждого в жизни должно появиться событие, которое все равно направит к пониманию того, что нам просто необходимо быть психологически подготовленными» и многие другие.

Говоря об определении понятия психологии, мы можем выделить следующие наиболее распространенные варианты: «наука» (71% студентов), «знание» (11% респондентов), «помощь» (10% студентов), «тренд, мода» (10% студентов), «познание себя, самопознание» (3%), «ключ» (3% испытуемых), «исцеление» (3%), «лекарство для души», язык, путь к себе, тайны сознания, плоть и кровь людей (по 1 % соответственно).

Высказываясь о предмете психологии, студенты высказали следующие предположения. Психология — это наука о психике (65% студентов), человеке (14% респондентов), душе, душевной деятельности, душевной жизни (10% выборки), внутреннем мире (10% студентов), поведении (4%), общении (4%), здоровье (3%), переживаниях (3%), взаимоотношениях людей (3%).

Наиболее распространенными словами, встречавшимися в текстах студентов о психологии, были: человек, жизнь, наука, помогать, знание, проблема, мир, поведение, изучать, отношение, ситуация, вопрос, личность, время, друг, эмоция, внутренний, общество, понимание, книга, работа.

Часто упоминаемыми фразами, связанными с психологической наукой и имеющими собственное значение, стали «видеть насквозь», «призвание помогать людям», «кабинет психолога», «жизненный опыт», «разобраться в себе», «справляться с проблемами», «психологический разбор», «люди-абыюзеры», «работать над собой», «закрывать гештальты».

Чаще студенты-гуманитарии сталкивались с психологией в виде профессиональной (например, работы З. Фрейда) и популярной психологической литературы, материалов в интернете и развлекательных тестов, видеозаписей интернет-блоггеров. Таких респондентов было около 75%. Реже — посещали школьного или частного психолога (20% студентов). Не интересовались и не сталкивались близко с психологией — 5% респондентов.

Анализируя эмоциональный компонент образа психологии, стоит отметить, что он нейтральный (70% выборки), положительный (97% студентов), отрицательный — 3% опрошенных.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о росте интереса к психологической науке и уровня психологической просвещенности студенческой молодежи.

Список литературы

1. Гостев, А. А. Психология вторичного образа / А. А. Гостев. — Москва : Изд-во ИП РАН, 2007. — 512 с.
2. Василюк, Ф. Е. Структура образа / Ф.Е. Василюк // Вопросы психологии. — 1993. — № 5. — С. 5–19.
3. Кожевникова, О. В. Образ профессионального психолога у студентов различных направлений подготовки / О. В. Кожевникова, Н.С. Шадрин // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». — 2015. — №4. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-professionalnogo-psihologa-u-studentov-razlichnyh-napravleniy-podgotovki> (дата обращения: 12.09.2022).
4. Елисеева, О. О. Образ психолога в современной России / О. О. Елисеева // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. — 2011. — №21.— URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-psihologa-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 12.09.2022).

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ ЗАИКАНИЯ У ДЕТЕЙ

Киселева Т.Г., канд. психол. наук, доц.,
Шабалина С.А., канд. пед. наук, *Дождева Д.А.*
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского» г. Ярославль, РФ
kisseleva2108@mail.ru

Введение. Речь выполняет важные функции в жизни человека, основной из которых является коммуникативная. Нарушение этой функции приводит к серьезным проблемам в социализации ребенка. Одной из наиболее частых форм речевых нарушений является заикание. Тормозя общение, оно выступает не столько речевым нарушением, сколько личностно-психологическим. По мнению Г.А. Волковой, заикание — это обратимое нарушение, поддающееся коррекции игровыми методами [2], оптимальными из которых являются нейропсихологические методы. Несмотря на то, что заикание считается одним из самых древних нарушений, проблема изучения заикания на сегодняшний день остается нерешенной. Изучение заикания основывалось на трудах П.К. Анохина, В.М. Бехтерева, Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, Н.И. Жинкина и др.

Проблема исследования состояла в поиске ответа на вопрос об эффективных условиях коррекционной работы по преодолению заикания у дошкольников. *Целью* исследования стала проверка эффективности работы по коррекции заикания у детей с применением нейропсихологического подхода.

Основная часть. В литературе встречается различные классификации видов и причин заикания. Чаще всего среди причин заикания называют психотравмы, последствия инфекционных заболеваний, физические травмы, испуг, леворукость при переучивании. В настоящее время условно выделяются две группы симптомов, находящихся в тесной взаимосвязи: биологические (физиологические) и социальные (психологические).

Первыми попытками определить систему лечебно-педагогического воздействия на заикающихся можно считать рекомендации И.А. Сикорского [5]. Весь лечебно-педагогический комплекс по характеру воздействия на заикающихся можно условно разделить на две составные части: лечебно-оздоровительную и коррекционно-педагогическую. Н.А. Власова коррекцию заикания предложила распределить по степени нарастающей сложности на три этапа [1]. Нейропсихологические приемы представляют собой совокупность педагогических и нейропсихологических приёмов, направленных на компенсацию поврежденных функций головного мозга, согласно теории А.Р. Лурия [4].

Работа по коррекции темпо-ритмической стороны речи проводится в определенной последовательности. На первом этапе важно научить ребенка сначала восприятию затем воспроизведению различных ритмических структур. Сначала отрабатывается ритм повтора, а далее ритм чередования. Нейропсихологические упражнения можно применять уже с 3-4-летнего возраста, когда ребенок научился слушать и выполнять команды, этот факт отмечают Л.Б. Гавришева и Н.А. Нищева. У этих упражнений нет ограничений по времени, потому что идет активация механизмов работы мозга с помощью физических упражнений, объединение движения и мысли [3].

Экспериментальная часть исследования проводилась в городе Рыбинске Ярославской области. Были обследованы 72 ребенка в возрасте 5-7 лет. Основываясь на общении с детьми, наблюдении за их поведением, на изучении медицинской документации, а также после проведения обследования мы выявили нарушения темпа и ритма речи судорожного характера у 5 детей. Эти дети имеют ярко выраженное заикание невротической и неврозоподобной форм. Заикание появилось в возрасте четырех лет у двоих детей, в возрасте пяти лет также у двоих детей и у одного ребенка значительно раньше, в возрасте трех лет. Заикание у детей в речи присутствует постоянно, но имеются улучшения дома, в спокойной и тихой обстановке при отсутствии внешних раздражителей. Психолого-педагогическая характеристика показала: общее развитие всех детей соответствует норме, имеют достаточное представление о себе, окружающем мире, родственниках и так далее. Всем детям было выставлено заключение: невротическое или неврозоподобное заикание.

В ходе данной работы проведено исследование темпо-ритмической стороны речи заикающихся. Для этого использовалась диагностика, которая включает 3 раздела: 1) исследование воспроизведения ритма, 2) исследование темпа устных высказываний, 3) изучение состояния музыкального ритма.

Далее нами была разработана программа, которую может использовать не только учитель-логопед и педагог-психолог, но и родитель. Содержание программы учитывает индивидуальные возможности и особенности детей. Программа включала 33 задания, подобранные с учетом принципов сезонности и социальной значимости. Основными разделами программы являются: «Движение», «Слово и речь». В разделе «Движение» выделяется 2 направления: движения тела и специальные упражнения, такие как пение песен с движениями; артикуляционная и дыхательная гимнастики; упражнения на развитие мелкой моторики. Раздел «Слово и речь» включал развитие речи и словаря; игры и упражнения на развитие силы и высоты голоса. Большое место отводилось упражнениям, на концентрацию и устойчивость внимания, точность восприятия, способность к переключению с одного

движения на другое, способность к запоминанию и удержанию в памяти определенного количества движений.

Контрольный этап экспериментального исследования позволил оценить эффективность проделанной нами работы. Анализ результатов исследования позволил сделать следующие обобщающие выводы. Нейропсихологические игры позволили достоверно повысить уровень слухового восприятия, научить детей воспроизведению по подражанию изолированных ударов, серии простых ударов, акцентированных ударов. Коррекция ритмической стороны речи позволяет существенно снизить риск рецидивов заикания. Положительная динамика отмечена в коррекции темпа устных высказываний, но добиться устойчивых результатов за истекший период удалось у половины группы, хотя при снижении темпа и скорости речи отмечается снижение уровня заикания у всех детей, принимавших участие в эксперименте.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что разработанная нами программа работы по коррекции заикания у детей дошкольного возраста с применением нейропсихологических методов, показала свою эффективность и может быть рекомендована родителям для закрепления навыков уже дома.

Нейроигры — эффективный инструмент в работе психолога и логопеда, т.к. активно формируют нейронные связи в разных зонах мозга, улучшают межполушарное взаимодействие.

Список литературы

1. Власова, Н.А. Логопедическая работа с заикающимися дошкольниками / Н.А. Власова. — Москва : Академия, 2017. — 82 с.
2. Волкова, Г.А. Игровая деятельность в устранении заикания у дошкольников / Г.А. Волкова. — Москва : Детство-Пресс, 2003. — 53 с.
3. Гавришева, Л.Б. Логопедические распевки, музыкальная пальчиковая гимнастика и подвижные игры / Л.Б. Гавришева, Н.В. Нишева. — Санкт-Петербург : «Детство-Пресс», 2009. — 32 с.
4. Лурия, А.Р. Основы нейропсихологии / А.Р. Лурия. — Москва : Издательский центр «Академия», 2003. — 384 с.
5. Сикорский, И.А. О заикании : Учебное пособие для студентов высших и средних учебных заведений / И.А. Сикорский. — Москва : ВЛАДОС, 2014. — С. 83–85.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРОБЛЕМНЫХ МЕТОДОВ И САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Кокорева О. И., канд. пед. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого», г. Тула, РФ
oxiko@list.ru

Введение. Обучение студентов — это воздействие на их психику и деятельность с целью вооружения определенной суммой теоретических знаний, профессиональных умений и навыков. Владеть знаниями — это значит не только достигнуть достаточного уровня теоретического мышления, но и быть готовым к профессиональной деятельности в условиях непрерывно меняющейся среды [2]. Поэтому так важно использовать в учебном процессе проблемных методов обучения и рационально выстроить систему самостоятельной работы по психологической дисциплине. Обучение и развитие, осуществляемое через практическую деятельность, а также затруднения, фиксируемые через проблемные ситуации и последующую их рефлексивную проекцию, проектирование новых действий и самостоятельное их выполнение развивают способность творчески решать разнообразные по характеру психологические задачи [1].

Основная часть. В качестве приемов организации и стимулирования творческого мышления студентов при изучении психологических дисциплин могут быть использованы: рефлексивная деятельность, направленная на выработку общей закономерности решения серии однотипных задач; творческие задания на выявление противоречий и способность их разрешения путем выдвижения конструктивной идеи; задания, связанные с интуитивным решением психологических задач и последующим их логическим обоснованием; выявление причин неудач и затруднений в организации психологического консультирования и психологической помощи детям и взрослым; выполнение творческих заданий на основе предложенного алгоритма; анализ продуктов деятельности с целью определения их новизны и оригинальности; поиск аналогий и противоположных решений реализации одной и той же психологической задачи.

Необходимыми психологическими условиями реализации стратегии проблематизации и рефлексии в обучении выступают: поощрение интуиции и проверка её логикой; опора на положительные эмоции и переживания; стимулирование самостоятельного поиска решения проблемных ситуаций и задач; преодоление конформизма и поощрение

оригинального решения проблемы; формирование чувствительности к противоречиям, умения их выявлять и конструктивно разрешать.

Одним из важных условий подготовки будущих психологов выступает ориентирование на исследовательское решение проблемной ситуации, при реализации которого решения учебных проблемных ситуаций обретают черты, характеризующие реальную практическую деятельность.

Современное профессиональное образование ориентировано на подготовку специалистов, обладающих опытом творческой и научно-исследовательской деятельности в решении новых проблем, а также опытом социально-оценочной деятельности и психолого-педагогической рефлексии. Поэтому важным условием эффективности самостоятельной работы является обеспечение студентов таким методическим материалом, который позволит системно осуществлять самостоятельное изучение учебного материала и выполнять задания различного уровня сложности.

Задания аналитического характера требуют работы с теоретическим материалом и предполагают выявление психологических и педагогических проблем, внесение конкретных предложений по их разрешению. Назначение такого рода самостоятельной работы — закрепление знаний, формирование аналитических умений и навыков, стимулирование мотиваций и интереса в области предмета изучения и в продолжение изучения темы.

Исследовательские задания предполагают участие студентов в различных микроисследованиях психологических и педагогических ситуаций, анализ и обработку полученных данных по исследуемой теме, осмысление и раскрытие механизмов развития психических процессов, формирования личности, а также профессиональной компетентности психологов.

Методические задания предполагают развитие у будущих специалистов способности творческого моделирования своей деятельности при решении различных психолого-педагогических задач. На основе имеющихся теоретических и методических знаний изучаемого курса, представлений о возрастных и индивидуальных особенностях развития в разные возрастные периоды студенты конструируют элементы психологической деятельности или педагогического процесса, самостоятельно подбирая методы, приемы, средства психолого-педагогической деятельности.

Оптимизирует самостоятельную работу детализация заданий, их четкий алгоритмический характер, наличие контрольных вопросов к каждому из заданий, разработка заданий, предполагающих нестандартные решения, а также комплексный подход к организации самостоятельной работы (использование заданий разной степени сложности, требующих репродуктивного, поискового, творческого уровня самостоятельной

деятельности). Успешность выполнения самостоятельной работы студентами обеспечивается методической разработанностью учебных заданий, четкой постановкой познавательных задач, наличием алгоритма действий и определением разнообразных форм отчетности.

При реализации принципа дифференцированного подхода в определении заданий, студенты продвигаются от воспроизводящей, частично- поисковой к творческой самостоятельной деятельности.

Особое место принадлежит опережающей самостоятельной работе как методу формирования творческой и познавательной активности студентов. При изучении психологических дисциплин можно выделить следующие формы работы студентов на опережающей основе: опережающая работа теоретического характера (самостоятельное изучение основной и дополнительной литературы, предваряющее рассмотрение вопросов на лекции, анализ документальных источников по теме, подготовка презентаций об отечественных и зарубежных концепциях, практическом опыте в области психологии в нашей стране и за рубежом, изучение методических разработок и рекомендаций, знакомящих студентов с различными аспектами психолого-педагогической деятельности) и опережающие задания практической направленности (наблюдение работы психолога и педагогического процесса в образовательном учреждении, проведение тестирования, диагностика развития различных сфер психики ребенка или взрослого человека, изучение разных аспектов межличностной коммуникации и др.).

Заключение. Следует отметить, что эти виды самостоятельной работы и использование проблемных методов в образовательном процессе позволяют значительно повысить уровень психологического мышления студентов, раскрыть их творческий потенциал, развить рефлексивное отношение к собственной учебной и профессиональной деятельности. Широкий доступ к электронным библиотекам и справочным системам сети Интернет открывает новые возможности для успешного внедрения в учебный процесс различных видов самостоятельной работы.

Список литературы

1. Кокорева, О.И. Роль активных методов обучения в процессе организации самостоятельной работы студентов в соответствии с ФГОС ВО 3++ / О.И. Кокорева, Ю.М. Васина // Разработка учебно-методического обеспечения для внедрения инновационных методов обучения при реализации ФГОС ВО 3++: матер. XLVI науч.-мет. конф. (Тула, 10 декабря 2019 г.). — Тула : Изд-во Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, 2019. — С. 180–181. — ISBN 978-5-6043745-8-0.
2. Психология и педагогика высшей школы : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / И. В. Охременко [и др.]; под редакцией И. В. Охременко. — Москва : Издательство Юрайт, 2018. — 189 с. — ISBN 978-5-534-08594-5.

РОЛЬ ИНТЕРНЕТА В ТРАНСФОРМАЦИИ ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Красулина В.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
vkrasulina@inbox.ru

Введение. Информационные технологии в наши дни стремительно внедрились в жизнедеятельность общества. На данный момент сложно представить современного человека, без смартфона и компьютера со стабильным доступом к высокоскоростному интернету и становится невозможным игнорировать его очевидную социальную значимость.

Степень адекватного соотношения виртуализации с реальной действительностью не установлена, поэтому становится актуальным вопрос о влиянии интернета на восприятие личностью предметов, объектов, самого себя, а также восприятие образования.

Основная часть. Бесспорно, интернет сильно упростил людям жизнь, но объем получаемой информации теперь слишком велик, практически не ограничен, а вот способность человека ее обрабатывать и извлекать из нее пользу всегда ограничена.

А. Горных и А. Усмадова подчеркивают, что интернет в качестве соблазнительной возможности дает шанс узнать о миллиардах отдельных вещей за счёт утраты познаваемости самого мира [4]. Другими словами, киберпространство постепенно нивелирует познавательную активность в реальной жизни. Учитывая, что среднестатистический житель России проводит в интернете примерно 7 часов 50 минут в сутки и 46,7% этого времени — на мобильных устройствах, то это затрагивает буквально всех [1].

Действия, которые не требуют больших волевых и умственных усилий, значительного напряжения сознания, экономящие ресурсы психики человека, становятся многократно использованы и выбраны как наиболее удобный вариант поведения. В мозге создаётся структура нервных связей, именуемая динамическим стереотипом, являющаяся основой для поведения человека в различных ситуациях (Павлов И.П.).

Рубинштейн С.Л. отмечал, что образование привычки означает появление нового мотива, или тенденции к автоматическим действиям, и выполнение такого действия становится потребностью. Решающее значение приобретает продукт автоматизации — повышение эмоционального фона.

К одной из привычек, прививаемых интернетом, можно отнести привычку «Гуглить». Осуществлять поиск решения самостоятельно, для современного человека становится слишком энергозатратно. Если говорить о зрелых личностях, то ситуация не так выражена. Это обусловлено тем, что индивид успел пожить без всемирной сети и привык

использовать ресурсы своего мышления. «Google» для них выступает средством проверки своих базовых знаний, а также для получения и дальнейшего использования новых. Поколение 90-х — это последнее поколение, которое будет помнить преобладание работы руками, походы в магазин, библиотеку и многое другое, а также это последнее поколение, которое активно использует свою долговременную память, концентрацию и объем внимания [2].

В то же время, молодые люди, имея с ранних лет дело с машинами, проживая в автоматизированной среде, естественно привыкают к повсеместному упрощению. Любую задачу решает нажатие ряда кнопок, а предпринимать волевое усилие и вообще, какое-либо усилие не требуется. В поиске информации, молодой человек так же предпочтет воспользоваться кнопкой. Это «люди экрана» обладающие очень быстрой реакцией, что само по себе неплохо, но мешает взаимодействию с другими людьми. Во время разговора такие люди постоянно хотят сменить тему и двигаться дальше. Они привыкли к тому, что на экране происходит несколько вещей одновременно. И им хочется, чтобы реальная жизнь точно так же немедленно реагировала на их запросы. Уже сейчас у молодого человека диапазон внимания гораздо ниже, чем у этого же возраста 10 лет назад [4].

Для подтверждения данной теории, рассмотрим то, как молодёжь предпочитает проводить время в интернете. Современный молодой человек предпочитает расслабляться, под легкий, не «грузящий» контент. Это подтверждает высокая популярность приложения TikTok.

Особенность TikTok заключаются в подаче контента — это видео длительностью 15-60 секунд, которые любой пользователь может с легкостью загрузить буквально в два клика. Пользовательская база активных аккаунтов TikTok в России, по данным ByteDance на февраль 2022 года, насчитывает 54,94 млн пользователей в возрасте от 18 лет и старше, а это больше, чем в любом другой социальном пространстве [1].

Что же сделало приложение с простыми, 15-ти секундными роликами, таким популярным? Для пользователя имеется умная лента, где всё, что он смотрит дольше 2-х секунд будет усвоено программой как приоритетное и далее в ленте, будет отображаться подобный контент. На видео происходит что-то яркое, музыкальное, необычное призванное понравиться максимально быстро. Если этого не происходит, непонравившийся контент можно смахнуть и переключать так ролики до бесконечности. Такая подача информации даёт быстрые положительные эмоции и вырабатывает у личности так называемое «клиповое мышление», — фрагментированное восприятие информации.

Обладатель клипового мышления затрудняется анализировать какую-либо ситуацию, ведь её образ не задерживается в мыслях надолго, а практически сразу исчезает и его место тут же занимает новый. Предпосылки, породившие феномен «клиповое мышление» в 2010 году

подробно рассмотрел философ и культуролог, кандидат культурологии, Фрумкин К.Г. Обобщая его наблюдения можно сказать, что появление клипового мышления — это ответ на возросшее количество информации.

Рассматривая вопрос с другой стороны — это просто развитие одних когнитивных навыков за счет других. Американский психолог Лари Розен, отмечает, что сильная сторона «поколения I» (Internet Generation), воспитанного в эпоху бума компьютерных технологий, — их возросшая способность к многозадачности. Дети «поколения I» одновременно могут выполнять задания, слушать музыку, серфить по интернету, общаться в социальной сети и многое другое. Но, к сожалению, платой за многозадачность становятся рассеянность и предпочтение визуальных символов логике и углублению в текст [3].

Заключение. Ввиду специфики потребляемой в интернете информации, а также на популярных социальных платформах, молодежь привыкает к постоянной смене информации, её фрагментарности и как итог, теряет способность сохранять длительную концентрацию внимания, например, в течение 90-минутного занятия. Многие молодые люди предпочитают «Гуглить» информацию, особенно образовательную, прежде чем осмыслить её самостоятельно, а потом не запоминают её, ведь смартфон всегда под рукой и можно найти информацию снова. Полученные данные как правило уходят в оперативную память. В таких условиях классическая система образования открывается с неэффективной, узконаправленной стороны. Молодежь просто не способна уже демонстрировать тот тип мышления, под который настроены образовательные программы, ведь трансформация мышления — это не прихоть, а выработанный годами автоматизм. Таким образом в сфере образования молодые люди сталкиваются с высокой степенью культурного консерватизма, в то время как в их постоянной действительности преобладают новшества.

Актуальным остаётся вопрос: заставлять молодое поколение подстраиваться под классическую систему образования, или менять её? Это огромный пласт неизученного пространства, требующий значительного теоретического и эмпирического исследования.

Список литературы

1. Интернет в России в 2022 году : самые важные цифры и статистика. — URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samyie-vazhnye-cifry-i-statistika/> (дата обращения: 10.09 2022).
2. Стивенс-Давидовиц, С. Все лгут : Поисковики, Big Data и Интернет знают о вас все / С. Стивенс-Давидович // пер. с англ. Л.И. Степановой. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.
3. Фрумкин, К.Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры / К.Г. Фрумкин // Ineternum. — 2010. — Том 1. — С. 26–36.
4. Control + Shift : Публичное и личное в русском интернете : Сб. статей / под ред. Н. Конрадовой, Э. Шмидт и К. Тойбинер. — Москва : Новое литературное обозрение, 2009. — 336 с.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Кузнецова О.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ
oksana_kuz2006@mail.ru

Введение. Современный этап развития науки можно охарактеризовать применением междисциплинарного подхода к изучению самого разнообразного спектра процессов и явлений в различных областях знаний. Однако мы не имеем права считать данный способ научного познания заслугой исключительно нашего времени. Если придерживаться теории спиралевидного развития, выдвинутой ещё древнегреческим историком и писателем Ксенофонтом, а впоследствии поддержанной многими мыслителями, суть которой заключается в том, что исторический процесс движется по спирали, истоки междисциплинарного подхода следует искать в натурфилософии. Именно натурфилософия в античные времена стремилась постичь целостность окружающего мира, осмыслить природу как общее понятие, задающее принципиальную схему объяснения отдельных феноменов.

С течением времени единый научный массив, коим была натурфилософия, раскололся. Чтобы понять, как именно, достаточно взглянуть на само слово «натурфилософия». Из его первой, а именно «натуральной» части появились биология, физика, химия и прочие естественные науки, а философия стала колыбелью для гуманитарных дисциплин, таких как психология, лингвистика, культурология, социология, политология и другие.

Что касается современного этапа развития науки, происходит постепенное размывание границ отдельных дисциплин. Стирается даже грань между физико-математическими и гуманитарными науками, появляется шанс прекратить вечный спор физиков и лириков. И здесь хочется процитировать выдающегося учёного, директора Курчатовского института М.В. Ковальчука: «Мы являемся свидетелями великого слияния наук» [1].

Основная часть. Говоря о психолингвистике, необходимо упомянуть, что сам термин состоит из двух частей: *психо* — общая часть со словом *психология* (*psyche* по-гречески *душа*) и *лингвистика* (слово образовано от латинского *lingua* — *язык*). Таким образом, исходя только из этимологии, мы можем постулировать, что психолингвистика — это современное научное направление, возникшее на стыке психологии и лингвистики, что уже свидетельствует о его междисциплинарности. А.А. Леонтьев в своём труде «Основы психолингвистики», говорит о «разделении труда между лингвистом и психологом в исследовании

речевой деятельности» [2]. При этом предметом изучения лингвиста является то, что усваивается. А психолога и, в частности, психолингвиста интересует, как именно говорящие образуют и понимают предложения, какие процессы происходят в человеческом сознании при восприятии, усвоении и воспроизведении определённой лингвистической модели.

Сегодня психолингвистика проникла практически во все области традиционного языкознания, а именно в морфологию и синтаксис, фонетику и фонологию, семантику и прагматику. Например, прагматика представляет интерес для психолингвистики с точки зрения частотности использования определённых слов, а также фраз и предложений в тех или иных контекстах. От данного фактора может зависеть в том числе и скорость восприятия и производства речи. А использование семантики, среди прочего, способствует пониманию психолингвистами процесса овладения семантическим строем языка на этапе формирования речи.

Знание основ психолингвистики является очень важным для преподавателей иностранных языков, так как именно этот раздел психологии занимается исследованием проблем соотношения мышления и речи, процессов кодирования и декодирования, изучает особенности билингвизма, закономерности овладения как родным, так и иностранными языками, а также, например, трудности, возникающие у людей в процессе коммуникации.

Как отмечает И.А. Зимняя, «специфика иностранного языка как учебной дисциплины определяется тем, что он, характеризуясь чертами, присущими вообще языку как знаковой системе, в то же время определяется целым рядом отличительных от родного языка особенностей овладения и владения им» [3]. Каждый язык отражает культуру народа, говорящего на нём, его историю, традиции. И здесь мы неизбежно сталкиваемся с таким понятием, как языковая картина мира, истоки которого следует искать в трудах Вильгельма фон Гумбольдта. Под внутренней формой языка немецкий философ и филолог понимал мировоззрение, в нём заключённое. Гумбольдт полагал, что «всякий язык в любом из своих состояний образует целое некоего мировидения, содержа в себе выражение всех представлений, которые нация составляет себе о мире, и для всех ощущений, которые мир вызывает в ней» [4]. Овладение иностранным языком невозможно без проникновения в языковую картину мира его носителей.

В настоящее время явно прослеживается тенденция к индивидуализации преподавания иностранного языка, основной целью которой является постановка именно ученика в центр образовательного процесса. Становится всё более необходимым понимание преподавателем познавательных механизмов учащегося, которое позволяет разрабатывать и применять на практике новые методики, учитывающие индивидуальные нейропсихологические особенности каждого. При обучении иностранному языку сегодня важное значение приобретает и такое понятие, как темперамент человека.

Тип высшей нервной деятельности или, другими словами, темперамент — это «совокупность душевных и психических свойств человеческой личности, характеризующих степень возбудимости и его отношение к окружающей действительности» [5]. Именно от темперамента зависят темп и ритм человеческой деятельности, а также скорость возникновения психических процессов и их устойчивость. В психологических науках, согласно традиции, выделяют четыре основных типа темперамента, а именно сангвинический, холерический, флегматический и меланхолический. Каждый из них обладает определённым набором характеристик, которые и следует учитывать при планировании занятия по иностранному языку. Например, сангвиники открыты миру, легко идут на контакт, с удовольствием общаются. Следовательно, для них можно предусмотреть больше заданий на говорение. Они будут делать это с удовольствием. А вот флегматику общение на иностранном языке будет даваться отнюдь не легко. Он с гораздо большей радостью выполнит письменное задание. Основной характеристикой нервной системы холерика является преобладание процессов возбуждения над процессами торможения. Для учеников с данным типом высшей нервной деятельности необходима частая смена деятельности. Они не способны выполнять долгую монотонную работу. Что касается меланхоликов, люди с данным видом темперамента обладают слабой нервной системой, боятся совершить ошибку, поэтому говорение на иностранном языке им даётся с большим трудом. Таким ученикам требуется время на обдумывание своего ответа, они взвешивают каждое слово. При этом нельзя не отметить, что в типы темперамента в чистом виде встречаются довольно редко. Чаще мы можем наблюдать их комбинацию.

Заключение. Вклад психолингвистики в преподавание иностранных языков трудно переоценить, так как именно она подводит под данный процесс теоретические основы, занимаясь изучением основных психических и нейробиологических процессов, которые влияют на усвоение языка.

Список литературы

1. Ковальчук, М.В. Мы являемся свидетелями великого слияния наук. Интервью газете «Известия» от 15.03.2017 / Цитируется по сайту Российской Академии Наук / М.В. Ковальчук. — URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=8bfbcc24-080e-4703-bbf0-407343f816ec> (дата обращения: 20.09.2022).
2. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики : Учебник для студентов высших учебных заведений. — 4-ое изд., испр. — Москва : Смысл; Издательский центр «Академия», 1999 — 288 с. — ISBN 5-89357-191-6 (Смысл); ISBN 5-7695-2066-3 (Издательский центр «Академия»).
3. Зимняя, И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе / И.А. Зимняя. — Москва : Просвещение, 1991. — 25 с. — ISBN 5-09-001716-6.
4. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. — Москва : Прогресс, 2000. — 38 с. — ISBN 5-01-004661-X.
5. Столяренко, Л.Д. Основы психологии / Л.Д. Столяренко. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1997 — 156 с. — ISBN 5-222-00483-X.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧЕТА ОСОБЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ И УСЛОВИЙ ИХ ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ РАЗЛИЧНЫХ ПРОФИЛЕЙ ПОДГОТОВКИ

Логвинов С.И., д-р техн. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого» г. Тула, РФ
info@tsput.ru

Введение. Повышение требований к результатам обучения студентов по различным профилям подготовки определяет необходимость поиска путей прогноза этих результатов, определение факторов, влияющих на них, и возможных путей их реализации. Среди существенных факторов можно выделить индивидуальные особенности обучаемых и условия, в которых проходит данное обучение. Количественная оценка результатов и условий обучения позволяет использовать их для последующего моделирования и исследования полученных моделей.

Основная часть. Для получения исходных данных для статистического анализа и моделирования рассмотрены результаты обучения студентов дисциплин в соответствии с учебным планом по профилям «Технология» и «Экономика» за весь период обучения [1]. В состав дисциплин технологического цикла вошли 15 дисциплин, а в экономический цикл 9. Особенности прохождения обучения по названным циклам является то, что экономический блок в основном реализуется при обучении на пятом курсе.

В качестве факторов, определяющих индивидуальные различия студентов, были оценены особенности типологических свойств, внимания, памяти, воображения. Общее количество составило 9 характеристик [2,3]. Для получения математической модели процесса обучения применены искусственные нейронные сети (ИНС) на основе многослойного перцептрона [4]. Формировались сети отдельно для дисциплин технологического и экономического блока. Для ИНС технологического блока статистические оценки полученной сети составили: стандартное отклонение ошибки - 0,10919, среднее абсолютной ошибки - 0,06604, отношение стандартного отклонения - 0,02160, корреляция результатов моделирования и эксперимента - 0,99977. Для ИНС экономического блока эти оценки составили: 0,30064, 0,10235, 0,09628, 0,99535 соответственно. В целом результаты моделирования показывают высокую степень совпадения результатов с экспериментом, что представлено также на рисунке 1 и 2.

Рис. 1. Результаты моделирования и эксперимента для технологического блока дисциплин

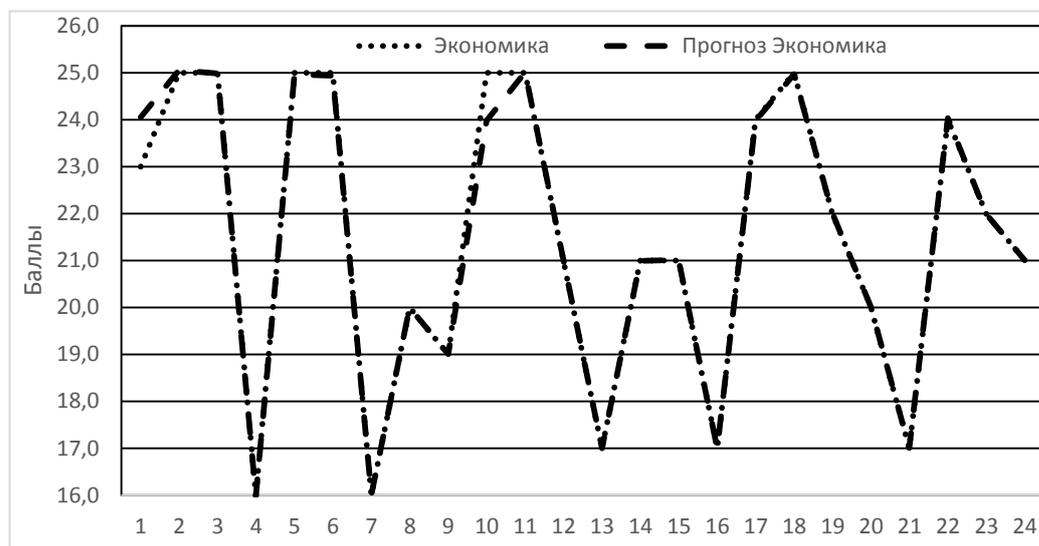

Рис. 2. Результаты моделирования и эксперимента для экономического блока дисциплин

По результатам пофакторного исследования ИНС было выявлено различное влияние индивидуальных особенностей студентов на результат обучения. Для экономических дисциплин на первые пять мест занимают показатели подвижности нервных процессов, затем по значимости идут эмоциональная уравновешенность, сила нервной системы со стороны торможения, возбуждения, показатели внимания. Для технологических — уровень нервозности, сила нервной системы со стороны возбуждения, характеристики внимание, восприятия, сила нервной системы со стороны торможения. Причем, как показали исследования входных факторов ИНС, одни и те же показатели различны по силе и характеру влияния на результат обучения по техническим и экономическим дисциплинам.

Кроме того, в качестве входных категориальных (качественных) факторов ИНС введены такие характеристики как место проживания студента (общежитие, съемная квартира, проживание дома), самооценка материального состояния и преимущественного настроения, трудовая занятость вне учебного времени [5]. Для экономических блоков существенное влияние проявили трудовая занятость и преимущественное настроение, для технологических - место проживания и преимущественное настроение. Причем ввод в некоторых случаях в сеть изменений для анализируемой выборки, например, места проживания или трудовой занятости, также для отдельных студентов влияет разнонаправленно.

Заключение. Проведенный анализ результативности обучения для разных профилей показал возможность совместного моделирования процессов приобретения знаний с помощью ИНС и на этой основе прогнозирования их результатов, пофакторного исследования различных показателей особенностей студентов и выработке на этой основе отдельных рекомендаций по ее повышению.

Список литературы

1. Логвинов, С.И. Оценка особенностей формирования новых компетенций человеческого капитала : Модельный подход / С.И. Логвинов. — Научные исследования и разработки. Экономика. — 2020. — Т. 8, № 4. — С. 33–39.
2. Логвинов, С.И. О некоторых подходах к формированию модели качества обучения в вузе / С.И. Логвинов, П.С. Ермоленко, И.В. Кулеш // «Символ науки». — 2016. — №5-2. — С. 178–181.
3. Логвинов, С.И. Классификация признаков, обеспечивающих успешность обучения студентов по профилю «Экономика» / С.И. Логвинов, И.В. Гусельникова // Технологическое образование : Достижения, инновации, перспективы: Материалы XVIII Всерос. науч.-практ. конф.с междунар. участием (г. Тула, 12–14 февр. 2019 г.). — Тула : Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2019. — С 244–247.
4. Логвинов, С.И. Моделирование в принятии управленческих решений при обучении студентов экономическим дисциплинам / С.И. Логвинов // В сборнике : ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ материалы X Международной научно-практической конференции. Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова; Российский фонд фундаментальных исследований, 2017. — С. 173–176.
5. Логвинов, С.И. Методические подходы при анализе формирования компетенций выпускника по направлению «Педагогическое образование» (профиль «Экономика») / С.И. Логвинов // Технологическое образование : Достижения, инновации, перспективы : Материалы XVIII Всерос. науч.-практ. конф.с междунар. участием (г. Тула, 12-14 февр. 2019 г.). — Тула : Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2019. — С. 241–244 .

РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ САМООЦЕНКИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Островская С.И., Глухова Е.А., канд. экон. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» г. Донецк, РФ
rahnic96@mail.ru

Введение. В условиях модернизации современной системы образования важным является возросший интерес к личности школьника. Одна из центральных задач общеобразовательной школы — подготовка учащихся к самостоятельному совершенствованию себя — делает особо значимой проблему формирования активной позиции школьника в учебно-воспитательном процессе.

Основная часть. Самооценка — это сложная психологическая система, иерархическая, организованная, функционирующая на разных уровнях. По мнению Р. Бернса [1], самооценка связана абсолютно со всеми проявлениями психической жизни человека. Поэтому в младшем школьном возрасте, когда ученик выступает для самого себя как особый объект познания, самооценка приобретает особое значение. Ведь познание младшим школьником самого себя включено в еще более широкую систему познания внешнего мира и осуществления непрерывного воздействия человека с миром.

Современная практика школьного обучения в начальных классах часто ограничивается лишь формированием у человека знаний, навыков и умений, не придавая большого значения более глубоким личностным образованиям, тем аспектам личности человека, с которыми связано развитие его когнитивных способностей, к числу которых относится и самооценка. Между тем, позитивная самооценка, основы которой только начали закладываться в дошкольном возрасте, оказывает непосредственное влияние на успешность обучения ребенка в школе. С другой же стороны, сам учебный процесс воздействует на школьника, играя тем самым заметную роль в формировании личности в целом и самооценки в частности [4].

Основными средствами самооценки являются:

- самонаблюдение;
- самоанализ;
- самоотчет;
- сравнение.

На этой основе личность сама оценивает себя, свои возможности, качества, место среди других людей, достигнутые результаты в различных сферах жизни деятельности, взаимоотношения с людьми.

Самооценка зависит и от развитости у человека рефлексии, критичности, требовательности к себе и окружающим.

По мнению Н.В. Бордовской «структура самооценки представлена двумя компонентами: когнитивным и эмоциональным». Первый отражает знания ребенка о себе, второй — его отношение к себе [3].

В процессе оценивания себя эти компоненты функционируют в неразрывном единстве: ни тот, ни другой не может быть представлен в чистом виде. Знания о себе человек приобретает в социальных контактах, и они неизбежно обрастают эмоциями, сила, и напряженность которых зависит от значимости для личности оцениваемого содержания. Качественное своеобразие когнитивного и эмоционального компонентов придает их единству внутренне дифференцированный характер, определяющий особенности развития каждого из них. Исследования Липкиной А.И. показали, что у младших школьников обнаруживаются все виды самооценок:

- адекватная устойчивая;
- завышенная устойчивая;
- неустойчивая в сторону неадекватного завышения или занижения [5].

В течение обучения в начальных классах у детей происходит формирование их самооценки под руководством учителя и развитие адекватной самооценки у каждого школьника.

Правильно определить самооценку младшего школьника очень важно педагогу для установления отношений с ним, для нормального общения, в которое люди, как социальные существа неизбежно включаются.

Как отмечала Л.И. Божович, самооценка играет очень важную роль в организации результативного управления своим поведением. Она является субъективным уровнем определения притязаний, т.е. тех задач, которые личность ставит перед собой в жизни и к реализации которых она считает себя способной [2]. Поэтому, учитель начальных классов внимательно изучает поведение младших школьников, особенно то, как они проявляют свой уровень притязаний.

Несмотря на то, что индивидуальная психика, как правило, достигает относительной самостоятельности лишь к окончанию периода половой зрелости, развитие самооценки личности, когда у ребенка начинает развиваться Я сознание, примерно с трех лет. Поэтому трудно переоценить роль самооценки для формирования младших школьников.

Заключение. Исходя из этого, младший школьник должен научиться осознавать самого себя как субъекта учебной деятельности, уметь давать адекватную разностороннюю самооценку себе. Ведь неадекватное представление о себе является нередко источником неуспешности, выбора ложных путей к самоутверждению, непомерных претензий и, в конечном счете, серьезных срывов, невротических болезней

и дезадаптации. Учитель начальных классов должен объяснить детям, что адекватная самооценка дает человеку нравственное удовлетворение и поддерживает его человеческое достоинство. А это положительно повлияет на формирование мотивации успеха.

Список литературы

1. Бернс, Р. Самооценка и её формирование: учебное пособие / Р. Бернс. — Москва : Лань, 2011. — Т.2. — 148 с.
2. Божович, Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте: учебно-методическое пособие / Л. И. Божович. — 3-е изд., стер. — Санкт-Петербург г: Юрайт, 2014. — 231 с. — ISBN 978-5-91180-846-4.
3. Бордовская, Н. В. Психология и педагогика : учебное пособие / Н. В. Бордовская., С. С. Розум, А. А. Реан. — Санкт-Петербург, 2010. — 422 с. — ISBN 978-5-272-00266-2.
4. Гамезо М. В. Возрастная и периодическая психология : Учебное пособие / М. В. Гамезо, Е.А. Петрова, Л.М. Орлова. — Москва : Педагогическое общество России, 2013. — 512 с. — ISBN 5-93134-195-1.
5. Липкина, А. И. Педагогическая оценка и её влияние на формирование личности неуспевающего школьника / А. И. Липкина. — Москва : Лань, 2012. — 240 с.

УДК 159.99

ЗАПРОСЫ РОДИТЕЛЕЙ ОДАРЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Перова Д.Ю.

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»,
г. Барнаул, РФ
di.perova@yandex.ru

Создание условий для развития одаренности детей важно для преумножения и сохранения интеллектуального потенциала страны, реализации каждой личности [2]. Приоритетность задачи развития и поддержки детской одаренности зафиксирована в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», а важность создания благоприятных условий развития детей с учетом их индивидуальных особенностей и склонностей, развитие их способностей и творческого потенциала подчеркивается в ФГОС. В свою очередь, развитие одаренности ребенка зависит от условий, созданных родителями в семье.

Проект «Семья — планета детства» направлен на оказание услуг психолого-педагогической, методической и консультационной помощи родителям и законным представителям детей в рамках федерального проекта «Современная школа» национального проекта «Образование». Данный проект реализуется специалистами УКЦ «Мир детства» на базе

Института психологии и педагогики Алтайского государственного педагогического университета. Специалисты-консультанты работают во всех городах и многих районных центрах Алтайского края. На протяжении трех лет я также являюсь психологом-консультантом проекта «Семья — планета детства», работая педагогом-психологом в МОУ «Егорьевская СОШ». Опыт консультирования родителей интеллектуально одаренных сельских школьников в рамках проекта «Семья — планета детства» мне хотелось бы представить в данном докладе. Среди задач эффективного сопровождения детей с признаками одаренности в образовательной организации особая роль в рамках данного проекта отводится осуществлению деятельности по психологическому просвещению родителей одаренных детей [1, с. 37].

Обозначим наиболее типичные группы запросов, которые отражают насущные потребности родителей и детей, соответствуют возрастным особенностям. Обратимся к первой группе запросов: «Готовность к школе». Первой она названа не случайно, потому что от готовности к обучению в школе зависит успешность школьного старта детей. С готовности к школе начинаются все успехи и трудности будущего школьника. Родители это отчетливо понимают, поэтому и заинтересованы в том, чтобы все компоненты школьной готовности ребенка были гармонично развиты. Работа в данном направлении начинается с диагностики предшкольной готовности ребенка. Родители присутствуют на диагностике для того, чтобы составить представление о сильных и слабых сторонах ребенка. После этого, собственно, и начинается консультационная работа по результатам диагностики. Рисунок консультирования в каждом случае индивидуальный, и зависит от степени заинтересованности родителя: зачастую встречи бывают неоднократными. Вместе мы прорабатываем определенные упражнения на развитие мелкой моторики, мышления, памяти и внимания. Бывает и так, что всплывают другие проблемы, например, межличностных взаимоотношений в семье. Типичные темы консультаций: «Физическая готовность ребенка к школе — фундамент успешного обучения»; «Компоненты интеллектуальной готовности к обучению в школе и их роль в успешности учебной деятельности»; «Социально-психологическая готовность к школе: специфика и составляющие»; «Личностная готовность одаренного ребенка к обучению в школе и способность к принятию ответственности за свои поступки».

Вторая группа запросов связана с эмоциональным благополучием ребенка и эмоциональной атмосферой в семье. Нередко родители озадачены вопросом создания и сохранения благоприятной атмосферы в семье, а порой и тем, что потерял контакт с собственным ребенком. В консультировании по данной группе запросов добрую службу сослужили опросники родительского отношения (опросник ОРО А.Я. Варги,

В.В. Столина), проективные методики (методика «Рисунок семьи») и метафорические ассоциативные карты. Обсуждая результаты диагностики, родители открывают много нового для себя, с другого ракурса смотрят на привычные вещи. Это меняет мировосприятие и поведение родителей, помогает создавать им запас внутренних ресурсов и уверенность в своей воспитательной компетентности. Типичные темы консультаций: «Эмоциональный контакт ребенка с родителями — основа счастливого детства»; «Проективная методика «Рисунок семьи» как зеркало семейных отношений»; «Формируем жизнестойкость ребенка с помощью упражнения «Серебряное время ребёнка»; «Развитый эмоциональный интеллект — условие коммуникативной успешности ребенка».

Третья группа запросов: возможности развития внутреннего потенциала ребенка. Эта группа запросов наиболее характерна для родителей одаренных детей, большинство из которых заинтересованы в гармоничном развитии своих детей и готовы уделять этому свое время. Типичные темы консультаций: «Комплекс интеллектуальных игр для развития мышления одаренного школьника»; «Развитие творческого мышления»; «Использование геометрических конструкторов для развития пространственного мышления».

Четвертая группа запросов — сложности подросткового возраста, которые могут охватывать: трудности общения со сверстниками, трудности общения и взаимопонимания в семье, трудности мотивации и обучения. Общение для подростка — ведущая деятельность, поэтому развитие навыков общения и эмоционального интеллекта становится насущной потребностью одаренного подростка, и родителей, которые хотят помочь своим детям. Хотя мнение сверстников для подростка становится более значимым, чем мнение родителей, подростки нуждаются в теплом общении и взаимопонимании внутри семьи. Типичные темы консультаций: «Волшебные приемы обретения взаимопонимания с собственным ребенком»; «Как может помочь трекер привычек в повышении учебной мотивации подростка?»; «Формируем жизнестойкость ребенка. Семейные истории и традиции.», «Использование приемов тайм-менеджмента». Учебная мотивация обычно резко снижается в средних классах, зато у одаренных подростков просыпается интерес к самопознанию. На пути самопознания подростка можно заинтересовать формированием полезных для его жизни привычек и навыков, а для этого нужно поставить правильные цели, заняться целеполаганием. Роль родителя — контролировать, поддерживать и помогать своему ребенку в этом. Роль психолога — запускать и координировать эти процессы, направлять их в нужное русло.

Пятая группа запросов — профессиональная ориентация. Данное направление консультирования пользуется особой популярностью у родителей подростков 14-18 лет. Типичные темы консультаций:

«Варианты построения ЛПП»; «Интернет-ресурсы в помощь поступающему: обзор возможностей»; «Наиболее востребованные профессии на рынке труда»; «Секреты выбора профессии. Выявление склонностей к типам профессиональной деятельности»; «Роль интересов в выборе профессии: результаты диагностики».

Для семей Алтайского края значим и ценен как сам проект, так и процесс его реализации, и результаты. Поэтому все, кто имеет причастность к данному проекту, искренне рады, что проект продолжает свою жизнь и принесет ещё много пользы родителям и детям нашего края.

Список литературы

1. Парфенова, Г.Л. Развитие исследовательского поведения одаренных детей : учеб. Пособие / Г.Л. Парфенова, О.Г. Холодкова. — Барнаул : АлтГПУ, 2019. — 112 с. — ISBN 978-5-88210-954-6.
2. Система управления работой с одаренными сельскими школьниками: коллективная монография / Г.Л. Парфенова, О.Г. Холодкова, О.А. Бокова, Ю.А. Мельникова; под ред. О.Г. Холодковой. — Барнаул : АлтГПУ, 2021. — 272 с. — DOI 10.37386/978-5-907587-01-7. — ISBN 978-5-907487-01-7.

УДК 378.14

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ В ОБЛАСТИ ОЦЕНКИ И ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Самсоненко Л.С., канд. психол. наук., доц.

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет»,
г. Оренбург, РФ
lsamsonenko@yandex.ru

Введение. Актуальность проблемы формирования в образовательном пространстве психологически безопасной и развивающей среды связана с несколькими условиями. Окружающий мир характеризуется изменчивостью, непредсказуемостью и возрастанием угроз разного характера (техногенных, экологических, политических и других), которые создают атмосферу напряженности и потери уверенности в будущем как у взрослых, так и у детей. В этих условиях создание в образовательном пространстве атмосферы защищенности и уверенности играет особую роль для развития мотивации к учению, интеллектуальных и коммуникативных способностей у обучающихся.

Однако, процесс профессионального обучения и подготовки педагогов в настоящее время недостаточно ориентирован на формирование

умений конструктивно давать оценку и создавать психологически комфортную и развивающую образовательную среду, выстраивать систему психологической поддержки субъектам образовательного пространства с учетом рисков индивидуального развития и опасностей социальной среды.

Вместе с тем, необходимость создания психологической безопасности в образовательной среде закрепляется в нормативных требованиях. Так, в профессиональном стандарте педагога (педагогическая деятельность в дошкольном, начальном общем, основном общем, среднем общем образовании (воспитатель, учитель)) в рамках трудовой функции «Развивающая деятельность» среди трудовых действий представлены такие действия как «оценка параметров и проектирование психологически безопасной и комфортной образовательной среды, разработка программ профилактики различных форм насилия в школе», «оказание адресной помощи обучающимся»; среди необходимых умений — «владеть профессиональной установкой на оказание помощи любому ребенку вне зависимости от его реальных учебных возможностей, особенностей в поведении, состояния психического и физического здоровья», «разрабатывать и реализовывать индивидуальные образовательные маршруты, индивидуальные программы развития и индивидуально-ориентированные образовательные программы с учетом личностных и возрастных особенностей обучающихся» [4].

Основная часть. В психолого-педагогических исследованиях достаточно активно изучается проблема проектирования психологически безопасной образовательной среды, изучаются факторы, влияющие на формирование среды, где все субъекты чувствовали бы себя уверенно и защищено. Ряд авторов обосновывают эффективность процесса обучения и воспитания именно при условии создания психологической безопасности в образовательной среде (И.А. Баева [1], С.Л. Братченко [2], С.Г. Вершловский [3]).

Итак, в связи со значимостью развития у специалистов педагогической сферы умений оценивать и проектировать психологически безопасное образовательное пространство преподавателями кафедры возрастной и педагогической психологии Оренбургского государственного педагогического университета разработана и реализуется программа повышения квалификации «Оценка и проектирование психологически безопасной и развивающей образовательной среды».

Целью освоения программы является совершенствование профессиональных компетенций слушателей в области оценки и проектирования психологически безопасной и развивающей образовательной среды.

Задачами в процессе обучения выступает развитие представлений о методах оценки и диагностики психологической безопасности, способах организации деятельности обучающихся, направлениях работы педагогов

по профилактике и преодолению различных форм насилия; развитие практических умений и способностей распознавать риски и угрозы развитию ребенка, осуществлять оценку психологической безопасности образовательной среды, подбирать и реализовывать методы работы для создания психологически безопасной и развивающей образовательной среды.

Реализация программы может осуществляться как в очной, так и в заочной формах с применением цифровых технологий.

Содержание программы включает три модуля «Теоретические основы психологически безопасной и развивающей среды», «Методы оценки психологической безопасности образовательной среды», «Проектирование психологически безопасной образовательной среды» и раскрывает такие темы как:

- риски, угрозы в образовательной среде. Насилие и буллинг в образовательной среде;

- наблюдение как метод для оценки психологической безопасности образовательной среды. Методики психолого-педагогической диагностики при оценке психологической безопасности образовательной среды;

- развитие мотивации как условие создания психологической безопасности образовательной среды. Педагогическое общение как условие создания психологической безопасности образовательной среды. Способы предупреждения и разрешения конфликтов в образовательной среде.

На занятиях в основном используются методы активного обучения, в частности тренинговые упражнения, решение кейсов, типовых задач, дискуссии, разработка проектов, анализ программ профилактики насилия в образовательных учреждениях. Примером задач для работы со слушателями является разработка каталога методик, схем наблюдения, необходимых для проведения мониторинга психологической безопасности образовательной среды; разработка занятий для обучающихся с позиций создания психологической безопасности; анализ нормативных документов и результатов деятельности школьных служб примирения.

Формой итоговой аттестации является разработка и защита проекта программы психологической акции «Школа — территория комфорта и безопасности» на основе деятельностного подхода, где необходимо представить задачи для всех субъектов образовательного процесса.

Заключение. Таким образом, представленная программа повышения квалификации направлена на развитие профессиональных умений у педагогов для предупреждения рисков и угроз в образовательном пространстве. Данная программа вошла в реестр программ дополнительного профессионального образования на Едином федеральном портале дополнительного профессионального педагогического образования Академии Минпросвещения России.

Список литературы

1. Баева, И. А. Мониторинг психологической безопасности образовательной среды и качества образования в условиях модернизации / И. А. Баева, И. С. Якиманская // Психологическая наука и образование. — 2013. — №1. — С. 1–9.
2. Братченко, С. Л. Диагностика личностно-развивающего потенциала : методическое пособие для школьных психологов / С. Л. Братченко. — Псков : Образование и школа Северо-Запада России, 1997. — 68 с.
3. Вершловский, С. Г. Эффективная школа / С. Г. Вершловский, Н. В. Зубрицкая. — С.-Пб. : ЦПИ, 1995. — 107 с.
4. Приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» — URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.001.pdf> (дата обращения: 11.09.2022).

УДК 159.9.072

СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ ВУЗА

Сидорова О.Г., Мороз А.С.

ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
г. Тирасполь, ПМР
opsipr.pgu@yandex.ru

Студенты, особенно первокурсники нуждаются в психолого-педагогическом сопровождении со стороны педагогов и психологов в преодолении трудностей адаптации [2].

Процесс адаптации у каждого человека происходит с учетом индивидуальных особенностей. Исследования показывают, что особенно сложно приходится студентам первого курса [3].

Успешность адаптации предполагает актуализацию резервных возможностей обучающихся и их готовность к преодолению различного рода трудностей, возникающих в процессе обучения. В психологической адаптации студентов в вузе принято различать следующее: адаптацию к группе; адаптацию к условиям учебной деятельности; психические состояния студентов [1].

Поэтому именно в первом семестре первого курса максимально необходимо психолого-педагогическое сопровождение первокурснику.

Студенты первокурсники испытывают психическую напряженность, вызванную новизной условий обучения, и надеются на помощь преподавателей. Учитывая необходимость индивидуального подхода, преподаватели должны определить свой круг задач: выявление

психологического состояния студентов; установление причин, не позволяющих успешно адаптироваться к новой среде; планирование, наблюдение и коррекция траектории адаптации. Значительную помощь в решении этих задач оказывают психологи ОПС и ПР ПГУ им. Т.Г. Шевченко.

С целью успешного психолого-педагогического сопровождения студентов и оказания помощи в адаптации, психологами ОПСиПР изучались адаптированность к учебной группе (усвоение его норм, традиций, включение в коллектив сокурсников) и адаптированность к учебной деятельности (принятие новых форм преподавания, усвоения знаний и контроля, к самостоятельному образу жизни, новому распорядку труда и отдыха, и т.п.); психические состояния на момент тестирования студентов (тревожность, агрессивность, фрустрация, ригидность). В статье представлены данные исследования, проведенного в 1 семестре 2021-22 уч.года, в котором приняло участие 647 студента-первокурсника вуза ПГУ им. Т. Г. Шевченко.

Развитию группы и повышению морально-психологического климата коллектива способствуют благоприятные внутригрупповые отношения. В группе бывают конфликты межличностных отношений, которые могут негативно влиять на личность, а также снижать уровень развития группы. С целью выявления *адаптированности студентов к учебной группе и к учебной деятельности* была использована «Методика исследования адаптированности студентов в вузе» Т.Д. Дубовицкой.

При изучении адаптированности к учебной группе было выявлено, что у студентов ПГУ им. Т. Г. Шевченко преобладает *средний уровень — 11,9 баллов* (при максимальном количестве в 16 баллов). Это говорит о том, что в общем студенты чувствуют себя комфортно, легко находят общий язык с однокурсниками, принимают и поддерживают взгляды и интересы друг друга, следуют принятым в группе нормам и правилам. Но могут сталкиваться с непониманием в группе, что в свою очередь может приводить к трудностям в общении внутри группы, а также к трудностям в общении с однокурсниками.

Уровень адаптированности к учебной деятельности на находится на среднем уровне — 11 баллов (при максимальном количестве в 16 баллов), стремящийся к среднему. Это свидетельствует о том, что студенты в срок выполняют учебные задания и успешно осваивают учебные предметы; при необходимости могут обратиться за помощью к преподавателю. Однако могут возникать трудности по изучаемым предметам, а также в проявлении своей индивидуальности на учебных занятиях.

Для успешного психолого-педагогического сопровождения студентов, является значимым изучение психических состояний студентов-первокурсников, которые необходимы для учета характерологических особенностей в процессе взаимодействия в студенческих группах.

С целью изучения психических состояний студентов-первокурсников была использована «Методика диагностики самооценки психических состояний» Г. Айзенка, которая направлена на выявление таких психологических характеристик личности как тревожность, фрустрация, агрессивность, ригидность. Высокие показатели по таким личностным особенностям как тревожность, фрустрация, агрессивность и ригидность могут также быть причиной дезадаптации к обучению в вузе.

Анализ результатов исследования выявил у 61,6% респондентов низкий *уровень тревожности*. К низкому уровню относят людей не тревожных, уверенных в себе. Тревожностью среднего уровня обладают 36,4% опрошенных студентов. Студентов с высоким уровнем — 2,3% первокурсников. Человек с высоким уровнем тревожности может испытывать состояние повышенного беспокойства, переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагоприятного исхода.

Изучая *уровень фрустрации* у студентов-первокурсников, было выявлено, что у 71,6% низкий уровень. Низкий уровень фрустрации, характеризуется высокой самооценкой, устойчивостью к неудачам и отсутствием страха перед трудностями. Средний уровень — у 26,6% опрошенных первокурсников. Студенты с высоким уровнем фрустрации — 1,8%. Такие студенты находятся в состоянии беспокойства, напряжения, вызываемое неудовлетворенностью личностных потребностей, объективно непреодолимыми трудностями, препятствиями на пути к достижению цели.

Результаты исследования *агрессивности* показали следующее. Низкий уровень агрессивности у 55,9% студентов ПГУ им. Т. Г. Шевченко, т.е. данные студенты не враждебны к окружающим, более выдержаны в общении, спокойны. Средний уровень был выявлен у 40,5% респондентов. Высокий уровень агрессивности свидетельствует о том, что человек не выдержан, у него есть трудности в общении и совместной деятельности с людьми. Они могут оскорблять других, часто недружелюбны. К данной категории относятся 4,5% опрошенных первокурсников вуза.

Изучая, *состояние ригидности* у студентов было выявлено, что у 40,7% опрошенных респондентов низкий уровень ригидности. Студенты с низким уровнем ригидности способны к быстрому и легкому поиску новых стратегий решения. Это касается как бытовых привычек, так и целей, и привычных моделей поведения. Средний уровень у 53,6% опрошенных первокурсников. Студентов с высоким уровнем — 5,7%. Человеку с высоким уровнем ригидности сложно приспособиться к новым и непредвиденным ситуациям. Это может пугать их, и они стараются избегать непредвиденные ситуации до последнего, им сложно попробовать новый способ поведения.

Одной из задач психологической службы вуза является отслеживать студентов с высокими и средними показателями психических состояний, а

также низким уровнем адаптированности к учебной группе и адаптированности к учебной деятельности. К такой категории студентов необходимо проявлять индивидуальный подход.

Все вышеизложенное свидетельствует о значимости психолого-педагогического сопровождения студентов в сложный для них период адаптации к обучению в вузе. Данный период жизни для студентов крайне важен, т.к. в будущем от него зависит успешность их адаптации.

Список литературы

1. Бодалев, А.А. Акмеология как научная дисциплина / А.А. Бодалев. — Москва : Российская академия управления, 1993. — 263 с.
2. Психологические и психофизиологические особенности студентов / Под ред. Н.М. Пейсахова. — Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 1977. — 261 с.
3. Слостенин, В.А. Интегративные тенденции в системе психолого-педагогической подготовки учителя / В.А. Слостенин // Приобщение к педагогической профессии : Практика, концепции, новые структуры. — Воронеж, 1992. — 460 с.

УДК 159.964.22 (08)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ И ИХ РАЗВИТИЕ У СТУДЕНТОВ СТРОИТЕЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Тарханова Н.А., канд. экон. наук, доц., *Тимошко А.А.*

ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»,
г. Макеевка (ДНР), РФ
a.a.tymoshko@donnasa.ru

Введение. Проблема общих и специальных способностей человека и их развития на данный момент остается актуальной, современная наука уже очень близко подходит к её решению. Большой вклад в её исследование внесли выдающиеся российские ученые Л.С. Выготский, Б.М. Теплов, С.Л. Рубинштейн, Э.А. Голубева, Я.А. Пономарев, Д.Б. Богоявленская, В.Н. Дружинин, В.Д. Шадриков и другие авторы. Малоизученными на сегодня остаются содержание и способы развития экономических способностей. Им посвятили свои работы А.П. Вяткин, А.Д. Карнышев, А.Н. Неверов, А.Ю. Маркелов и другие авторы. *Цель работы* — рассмотреть один из подходов к пониманию экономических способностей и условия развития экономических и других способностей студентов применительно к процессу обучения в вузе.

Основная часть. А.П. Вяткин подходит к анализу понятия экономических способностей исходя из общепсихологического понимания способностей [1] как особенностей человека, которые являются условиями

успешности деятельности и не сводятся к знаниям, умениям и навыкам человека. Он определяет экономические способности как индивидуально-психологические особенности, связанные с успешностью экономического поведения, несводимые к имеющемуся опыту и обладающие определенной вариативностью. Так как экономическое поведение и экономическая деятельность имеют широкий спектр профессий и специализаций, возникает вопрос о соотношении общего и особенного в экономических способностях. Автор в своем исследовании приходит к выводу, что в качестве общих экономических способностей чаще всего выступают рациональность, определенная структура мотивов и креативность. Из конкретных особенностей к категории общих экономических способностей также могут быть отнесены рефлексия и адаптивность. Таким образом, по результатам анализа им выделены пять общих экономических способностей: рациональность, структура мотивов, креативность, рефлексия и адаптивность.

Специальные экономические способности, по исследованиям А.Д. Карнышева, могут быть представлены в связи с экономическими ролями — производитель, предприниматель, продавец, управленец, плательщик налогов и другие. Среди них наиболее изученными являются управленческие (организаторские) и предпринимательские способности [2].

Экономические способности развиваются с детства [3]. Важнейшим условием развития общих и специальных способностей является благоприятная среда. Например, в детстве ребенок другим игрушкам предпочел постройки из кубиков, конструкторы. На работе у отца с удовольствием наблюдал строительство, потом вместе с ним мастерил домики для пчел, в школе пошел в кружок технического творчества. В техническом творчестве развиваются технические способности, художественные — в художественном, экономические способности — в экономической активности, организаторские — в управленческой и т.д. Особенности компетенций современных специалистов таковы, что в рамках одного направления подготовки одновременно развивается ряд специальных способностей. Это характеризует, например, специальность «Информационно-стоимостной инжиниринг» (ИСИ). Поэтому вузовскую среду, в которой студент общается с компетентными специалистами, проходит все виды практики, осваивает новейшие технологии будущей деятельности, можно считать благоприятной средой для развития их общих и специальных экономических и технических способностей.

Не менее важное условие развития способностей — погружение в деятельность. При этом человек погружается в деятельность, связанную непосредственно с этими способностями. Как уже было сказано выше, овладение конкретной специальностью — ИСИ — дает возможность развить разнообразные способности — математические, технические, общие и специальные экономические и другие, так как студенты погружаются в

учебную, научно-исследовательскую, организаторскую деятельности, соответствующие этим способностям. Разнообразие видов деятельности, которыми занимается студент, способствует наиболее разностороннему и вместе с тем системному развитию его способностей и компетентности.

Творческий подход зависит от определенных качеств мышления: сообразительности, гибкости, дивергентности, — и в то же время в процессе творчества эти качества развиваются. Кроме того, этот подход позволит добиться полного захвата внимания, полного погружения в благоприятную среду, в активность. Ведь творчество невозможно без мотивации, им нельзя «заставить» заниматься. Для студента это творчество в учебной, научной среде. Во второй половине дня, во время организации и проведения интересных студенческих проектов, хорошо развиваются такие составляющие экономических способностей как рациональность, структура мотивов, креативность, рефлексия, адаптивность и организаторские способности.

При учете индивидуально-типологических особенностей человека: его когнитивного стиля, интересов, особенностей высшей нервной деятельности и т.д. — подбирается и оптимальная трудность деятельности. Это особенно важно учитывать в учебной и научной работе студентов. Наличие комплектов разноуровневых заданий для студентов по дисциплине на практических занятиях и для самостоятельной работы, сочетанных с возможностью проявить при их выполнении творческий подход, познавательный интерес, поисковую активность, с возможностью выбора, — поможет студентам подобрать для себя оптимальный уровень трудности. Совет преподавателя тоже поможет.

Позитивное мышление, оптимизм помогают повышению активности, росту эффективности деятельности. Формирование правильного отношения к неудаче — как к обретению опыта ошибок — тоже обогащает наш опыт и дает возможность не совершать таких же ошибок в следующий раз. Тем более, что, по мнению большинства студентов 1 курса, нужно учиться и на собственных ошибках, и на чужих. При этом очень поможет командная работа, она снижает страх неудачи и помогает раскрыть еще непроявившиеся склонности и способности студентов.

Стимулирующая мотивация поддерживает деятельность на определенном энергетическом уровне и целенаправленности. Стимулировать свою мотивацию студент может сам, используя систему Ю.М. Орлова — награждая себя за продвижение в учебе, успехи в науке, в спорте, решение трудных задач или задач сегодняшнего дня. В то же время существенную роль в стимулировании студентов к развивающей учебной, научно-исследовательской и внеучебной деятельности играют кафедры и каждый преподаватель.

Заключение. Если в коллективе царит атмосфера сотворчества, преподаватели увлечены наукой, привлекают к ней студентов, если

преподаватели любят, в целом, свой труд, свою профессию, то заражают этим и студентов. Изучение мнения студентов старших курсов показало, что их ожидания такие же — в преподавателе они хотят видеть профессионала, у которого есть чему поучиться.

Список литературы

1. Вяткин, А. П. Психологические механизмы экономической социализации в условиях трансформации общества / А.П. Вяткин. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2013. – 414 с.
2. Карнышев, А. Д. Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества : этнопсихологические аспекты : монография / А.Д. Карнышев, Е.А. Иванова, О.А. Карнышева. – Москва : Институт психологии РАН, 2017. – 480 с. – ISBN 978-5-9270-0361-7. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/1061007> (дата обращения: 08.08.2022).
3. Антоненко, И.В. Способности к предпринимательской деятельности / И.В. Антоненко // Психология способностей и одаренности : материалы всероссийской научно-практической конференции, 21-22 ноября 2019 г. / под ред. проф. В.А. Мазилова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. – ISBN 978-5-00089-377-7. – С. 255-257.

УДК 159.9

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ

Тылец В.Г.¹, д-р психол. наук, проф.,
Краснянская Т.М.², д-р психол. наук, проф.

¹ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»,
г. Москва, РФ

²АНО ВО «Московский гуманитарный университет», г. Москва, РФ
tyletsvalery@yandex.ru; ktm8@yandex.ru

Нестабильность и неопределенность, глобализация и рискогенность, повышенная информационная зашумленность и принудительная публичность, все более утверждающиеся в качестве характеристик многих сторон реальности, делают востребованным знание, предлагающее подходы, пути и средства повышения благополучия человека и различных социальных образований.

Психология безопасности, получившая в начале этого тысячелетия комплексный стимул для оформления своей проблематики, активно разрабатывает психологические аспекты сохранения защищенности и поддержания способности человека, единолично или в сообществах, решать задачи своего развития в различных сферах жизнедеятельности. В настоящее время разрабатываются психологические проблемы безопасности в правовом, социальном, экологическом, экономическом,

саногенном, профессиональном и других значимых для него разрезах жизнедеятельности. Одним из наиболее разработанных направлений развития психологии безопасности является образование.

Санкт-Петербургская школа психологической безопасности образовательной среды под руководством И.А. Баевой, старейшая по проблематике в отечественном научном пространстве, раскрыла содержание психологической безопасности образовательного учреждения в ее неразрывной связи с психологическим здоровьем субъектов учебно-воспитательного процесса и предложила подходы, ориентированные на создание психологической безопасности образовательной среды [1]. Разработанные на базе ее исследований модели и технологии психологической безопасности в средних и высших учебных заведениях способствовали не только утверждению практических подходов к решению базовых задач безопасности в образовании, но и закреплению значимости проблематики в научном пространстве современной психологической науки, прежде всего, педагогической психологии и психологии безопасности.

Вместе с тем, последнее десятилетие обозначило перед сферой образования ряд новых вызовов, способных определить перспективы дальнейшего развития психологии безопасности.

Одним из важнейших вызовов современности в образовании обозначим интеграцию в него достижений информатизации и цифровизации, обостряющую проблемы из арсенала психологии безопасности. Так, цифровые образовательные технологии, стремительно внедряющиеся в школьную и вузовскую практику, существенно изменяют ландшафт учебно-воспитательного процесса, требуют пересмотра с позиции психологической безопасности не только методов обучения и используемых педагогами учебных средств и материалов, но и базовых подходов к организации учебно-воспитательного взаимодействия субъектов всех ступеней образования. Отдельные проблемы обозначенных изменений уже получили рассмотрение в теоретических и эмпирических работах психологической направленности [3, 4]. Вместе с тем, до сих пор отсутствует убедительное обоснование допустимого с позиции психологической безопасности порога внедрения в учебный процесс технологических достижений нашего времени, погружения его субъектов в виртуальную реальность, трансформации ряда учебных действий в информационные. Кроме того, остается непроработанной психологическая сторона безопасности актуальной для текущей эпидемиологической ситуации практики использования в средней и высшей школе нетрадиционных форм обучения, прежде всего, формата дистанционного обучения.

Обнаруживаются также более частные проблемы образования, актуализирующие вопросы психологической безопасности на разных ступенях образовательной системы. Так, остается недостаточно изученным

с точки зрения психологической безопасности его субъектов чуждое для отечественной ментальности разделение бакалаврского и магистерского уровней высшего образования. Несмотря на смежные наработки [2], практически не изученной и перспективной для развития психологии безопасности в образовании представляется проблематика влияния на познавательную, эмоциональную сферу, личностную направленность и индивидуальные способности субъектов практики репетиторских подготовок к сдаче ЕГЭ, участия в международных программах академических обменов.

Обозначенные проблемы образуют перспективы развития психологии безопасности, непосредственно связанные с учебно-методическими и организационными вопросами образования и находятся, соответственно, на стыке с педагогической психологией. Вместе с тем, проблемы психологии безопасности в образовании имеют перспективы взаимодействия и с другими отраслями психологической науки, имеющими опыт рассмотрения ряда интересных для образовательной сферы вопросов.

Так, перспективная проблематика психологии безопасности в образовании формируется на ее пересечении с наработками, сделанными в предметном пространстве юридической психологии. В частности, психологические аспекты коррупционной активности, вызывающие значительный интерес в связи с построением правового государства, применительно к сфере образования лишь обозначены [5], хотя, очевидно, сохраняют свою актуальность в силу разрушительного влияния на находящуюся в процессе интенсивного развития ценностно-смысловую сферу личности учащихся. Столь же интересным для психологии безопасности в проблемном пространстве образования может оказаться изучение особенностей формирования у его субъектов правового сознания в условиях подверженности дезориентирующим влияниям всеобъемлющей медиатизации жизненного пространства.

На стыке с проблематикой социальной психологии может быть обозначена еще одна область притяжения для развития психологии безопасности в образовании. Ее интересы способны аккумулироваться, в частности, вокруг изучения психологических проблем безопасности построения взаимодействия субъектов образовательного пространства, активно изменяющихся в условиях утраты педагогом статуса основного источника информации и усиления его тьюторских функций.

Наряду с обозначенными проблемами и, соответственно, перспективами развития психологии безопасности в образовании, они могут обнаружиться и при обращении к предметным областям других разделов психологической науки — психологии труда, организационной и пр. Очевидно, что психологические проблемы образования способны обеспечить существенную «подпитку» для дальнейшего развития психологии безопасности.

Список литературы

1. Баева, И.А. Психологическая безопасность образовательной среды (теоретические основы и технологии создания): Дисс. ... докт. психол. наук / И.А. Баева. — Санкт-Петербург : РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. — 386 с.
2. Иванов, М.С. Динамика показателей отношения к личной безопасности в контексте формирования идентичности у студентов вуза в период обучения / М.С. Иванов // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2022. — Т. 24. № 1 (89). — С. 83-91. — DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-1-83-91.
3. Краснянская, Т.М. Психологическая безопасность субъектов цифровых образовательных технологий / Т.М. Краснянская, В.Г. Тылец // Высшее образование для XXI века : Цифровая трансформация общества : новые возможности и новые вызовы : XVI Международная научная конференция (Москва, МосГУ, 18-19 ноября 2020 г.) : доклады и материалы : в 2 ч. Ч. 1. / под общ. ред. И.М. Ильинского. — Москва : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2020. — С. 263-269. — ISBN 978-5-907410-10-7 (т. 1).
4. Краснянская, Т.М. Технологические составляющие обеспечения информационно-психологической безопасности личности в условиях дистанционного обучения / Т.М. Краснянская, В.Г. Тылец // Информационные технологии и средства обучения. — 2019. — Т.73. — №5. — С. 249–263. — DOI: <https://doi.org/10.33407/itlt.v73i5>.
5. Тылец, В.Г. Система психологической безопасности высшего учебного заведения : подходы и концептуализация / В.Г. Тылец, Т.М. Краснянская // Педагогика и просвещение. — 2016. — №1. — С. 50–59. — DOI: 10.7256/2306-434X.2016.1.17762.

УДК 159.9

РОЛЬ СИНТЕЗА В ТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Яновская Л.В., канд. психол. наук, доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
yanovlar1@mail.ru

В последнее время популярность занятий творческими видами деятельности заметно выросла не столько среди детей и подростков, но и среди взрослых людей. Можно было говорить, что эти дополнительные занятия в ряде случаев не несут в себе создание истинно творческого продукта (танцы, вышивка, пение), но по определению творческой задачи, как той, для решения которой неизвестен алгоритм, для субъекта новая дополнительная деятельность, требующая совершенно иных способностей, становится творческой.

Многие взрослые отмечают благоприятное влияние творческими занятиями на самочувствие, общий жизненный тонус. Мы полагаем, что это связано с тем, что процесс творческой деятельности по сути своей характеризуется преобладанием синтеза.

Синтез можно рассматривать как объединение всех аспектов и процессов психической активности, деятельности и саморегуляции, — от

ощущений до ценностно-смысловой сферы. Я.А. Пономарев [4] в описании «кванта творчества» рассматривает переходы от одного этапа творческого процесса к другому как смену уровней мыслительного процесса. Таким образом, творчество объединяет и конкретное, и понятийное, и образное, и абстрактное мышление. Иначе рассмотрен синтез у В.В. Клименко. Описывая механизмы творчества, такие как Энергопотенциал, Психомоторику, Чувства, Мышление и Воображение, он подчеркивает, что все они только в единстве способны порождать творческий продукт [3].

Роль синтеза состоит и в объединении условий задачи с требуемым решением, значит, синтез ориентирован на будущее. Многие открытия в творческой деятельности приходят к исследователям во сне, — именно во сне активизируется синтез, актуализируя незаметные дневному сознанию образы, ключи к открытию. Значит, синтез имеет отношение к бессознательной части психики. Левое полушарие мозга отвечает за логику и за анализ, в целом, за вторичную, знаковую сигнальную систему, правое в большей части связано с эмоциональными переживаниями, с пространственной ориентацией, с первичной сигнальной системой, и с синтезом.

Процессы синтеза интегрируют различные аспекты личности, тем самым повышают качество жизни человека. Развитие активности представляет собой выявление личностью все более высоких уровней жизни, благодаря чему раскрываются духовные начала. Духовное бытие человека рассматривается как «сила, энергия порыва в самоопределении к лучшему и высшему. Дух есть любовь к качеству и воля к совершенству во всех областях жизни. И потому само духовное бытие определимо и описуемо лишь в его значении для нас и в действии на нас» [5, с.383].

Влияние творчества на личность так описывает Н.А. Бердяев: «Человек творит свою личность и в творчестве выражает свою личность. В самосозидании «я», личности человеческий дух совершает творческий акт синтеза. Нужно творческое усилие духа, чтобы не допустить разложения «я», раздвоения и распада на части личности. Человек не только призван к творчеству как действию в мире и на мир, но он сам есть творчество и без творчества не имеет лица. Человек есть микрокосм и микрокосмос. И он личность лишь тогда, когда не соглашается быть частью чего-либо или состоять из частей. Образ человека есть творческое единство» [1, с. 120].

В исследовании психологических аспектов творчества мало внимания уделяется эмоциональным и энергетическим процессам. Косвенно о роли эмоций и чувств пишут и Я.А. Пономарев, и Д.Б. Богоявленская, и В.В. Клименко. Так, Я.А. Пономарев указывает на значимость мотивации (заинтересованности в решении задачи) для перехода от этапа логического поиска к этапу интуитивного решения, отмечает такое явление как «чувство близости решения». Д.Б. Богоявленская для обоснования «интеллектуальной активности»

анализирует категорию «энергии», отмечает связь нравственности и высокого уровня интеллектуальной активности. В.В. Клименко вводит категорию «чувства» в общий механизм творчества. Но нам видится, что эмоционально-чувственное отражение, а, точнее, эмоциональные процессы в творчестве имеют более важное значение.

Творческий процесс начинается с очарования, любви, восхищения, предчувствия чудесного, или проще, — удивления, интереса. Этот поток чувств несет в себе нечто, просящееся к выражению, воплощению. С.Т. Вайман [2] отмечает, что творческое произведение начинается с предчувствия некоего «целого», которое не дифференцировано, не выявлено, но как бы уже присутствует целиком. Это целое может только чувствоваться, схватываться интуитивно, но не имеет логической структуры, порядка или последовательности. Это «целое» является, по сути, синтезом, который и предшествует творческой деятельности, который может отражаться только на эмоционально-чувственном уровне. Это «целое раньше частей» не исчезает в процессе создания произведения, но сопровождает его, направляя творческие усилия.

Соответственно и эмоциональные переживания не просто сопровождают творческий процесс, не просто являются индикатором и компасом, но служат двигателем этого процесса. Эмоциональные переживания являются первой ступенькой синтеза, поскольку они отражают, «схватывают» явление целостно, направляя сознание к определению смысла.

Такое движение эмоций можно наблюдать не только в «малом» (решение задачи), но и в «большом» (создание произведения, или научно-исследовательской работы) творчестве. Без этапа погружения «во мрак», этапа хаоса, разочарования, никакая работа не станет настоящей, хотя само наличие этих переживаний не приводит к творческому продукту.

Творчество рассматривается многими исследователями как выход за пределы заданной ситуации. Способность рассмотреть «контекст» через призму задачи, направленной деятельности, погрузиться в этот «контекст» и из него увидеть задачу — эта творческая способность описана у Я.А. Пономарева как погружение в «логику объекта». Постижение логики иного измерения возможно благодаря способности к эмпатии и идентификации, «самотрансценденции» (В. Франкл). Мы можем не понимать, но в со-переживании чувствовать закономерность иного пространства. Эта способность раскрывается, если у человека есть доверие к своим чувствам, открытость по отношению к ним (К Роджерс). Пройдя через мрак и хаос неспособности выразить и понять объект из своей логики, мы как творцы переходим в свет логики иного мира, и освещаем тем самым и самих себя.

Творчество по своей эмоционально-энергетически-чувственной сути является не просто повторением, но приобщением к Миру, к Дыханию

Вселенной. Сущность творчества — это поиск «утраченного рая», поиск корней бытия (как это прекрасно проиллюстрировано в романе С. Моэма «Луна и грош»). Поэтому, творчество — это, прежде всего, задача нравственного характера. Отсюда и становится понятной ведущая роль синтеза в творческом процессе.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Творчество и объективация / Н.А. Бердяев. — Москва : Изд-во : Экономпресс, 2000. — 304 с.
2. Вайман, С. Т. Диалектика творческого процесса / С.Т. Вайман // Художественное творчество и психология. Сборник / Отв. ред. А. Я. Зись, М. Г. Ярошевский. — Москва : Наука, 1991. — С. 3–31.
3. Клименко, В.В. Психологія творчості : Навчальний посібник. — Киев : Центр навчальної літератури, 2006. — 480 с.
4. Пономарев, Я.А. Психология творения. Избранные психологические труды / Я.А. Пономарев. — Москва : Воронеж : Московский Социально-психологический институт, 1999. — 289 с.
5. Слободчиков, В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. — Москва : Школа-Пресс, 1995. — 384 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Философское осмысление социальной реальности

<i>Александровская В.Н., Бабенко А.И., Куликова Н.В.</i> Концепция противоречия в живой материи (онто-гносеологический аспект)	5
<i>Алов А.А., Привалова И.Ю.</i> Философский паром: опыт современного осмысления	8
<i>Армен А.С.</i> Нравственный релятивизм как характеристика современной цивилизации	11
<i>Виндилович Е.А.</i> Правовое сознание и проблемы семьи в современной социальной реальности	14
<i>Волошин В.В.</i> Объектность, объективное знание, принцип объективности: содержательные уточнения	17
<i>Гальченко Г.И.</i> Мираж «демократических ценностей»	20
<i>Глушко Е.С.</i> Неофашизм и массовое сознание	22
<i>Горюнова Т.Н.</i> Космоцентричность проблемы происхождения человеческого языка как ведущая концепция его сохранения	25
<i>Девятова С.В.</i> Проблема гуманизма в информационном обществе потребления ...	29
<i>Дикой А.Ю.</i> «Всеединство» в философии С.Л. Франка и В.С. Соловьева	32
<i>Емельянова М.Н.</i> С туденческая жизнь глазами абитуриента: ожидания и реальность	35
<i>Емельянова Н.Н.</i> Преодоление зла на мировой окружности	39
<i>Еникеев А.А.</i> Философский «предел» политического: событие и текст Хайдеггера	42
<i>Казакова О.Н.</i> Дискурс телесности в постклассической философии	45
<i>Камарали А.В.</i> Сознание в экзистенциях духовного бытия	47
<i>Киреев М.Н., Сапунова С.Г., Ксенофонтова Л.С.</i> Философско-исторические корни критического мышления	51
<i>Китайка А.В.</i> Повседневность в жизненном пространстве человека	55
<i>Клименко А.Б.</i> Философия популизма как вариант современной философии	58
<i>Коллин К.К.</i> Новые задачи и приоритеты исследований в области философии науки и техники в условиях новой научно-технологической революции	61
<i>Комисова Е.И.</i> Религиозные символы в сказке А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино»	64
<i>Коновалов А.Г., Коновалова И.В.</i> Война Запада с Россией. Роль Донбасса в формирующемся новом миропорядке. Фронт «Украина»	67
<i>Корнюхов Д.В.</i> Лидерство и руководство в социальном бытии	71
<i>Костина А.В.</i> Многополярный мир как геополитическая реальность	74
<i>Красова И.Е.</i> Влияние сказкотерапии на формирование личности: социально-философский аспект	77
<i>Кухтин М.М., Терсимонов А.С.</i> Проблема рецепции марксизма в русской религиозной философии: случай С. Н. Булгакова	79

<i>Лустин Ю.М.</i> Понимание студентом социальной реальности: философия образовательной креативности	82
<i>Макаревич Э.Ф.</i> Концепции западных интеллектуалов для глобальной демократии по-американски применительно к Украине	85
<i>Михайлов А.Е., Михайлова М.В.</i> Становление прогностики в трактатах Цицерона.	88
<i>Романова А.С.</i> Саморазвитие личности как культурно обусловленный процесс ...	91
<i>Севастьянов А.Н.</i> Этнодемографический баланс – решающий фактор в истории мира	94
<i>Севостьянов Д.А.</i> Неомальтузианство в современном мире	97
<i>Тимофеенко В.А., Сердюкова Ю.А.</i> Философско-этическая основа формирования правосознания в современной системе образования	100
<i>Тишанинова А.О.</i> Искусственный интеллект в социальной сфере: философский аспект	103
<i>Туарменский В.В., Печерский Д.В.</i> Дихотомический анализ философских основ древнекитайской и древнегреческой цивилизаций	106
<i>Целик Т.В.</i> Полилинейность как модель развития современного мира: теория, теоретики, факты	109
<i>Чернов А.А.</i> Религиозно-философские истоки «Белой Индии» Николая Клюева....	112
<i>Шатохина Н.П.</i> Проблема преодоления страха смерти через созидание в экзистенциальной концепции	115
<i>Шульга Д.П.</i> Цивилизационизм или марксизм: применимость методологий для анализа современных событий	118
<i>Ярошевская А.В.</i> Ф.М. Достоевский и экзистенциализм	121

Философия на линии фронта

<i>Банадыков Я.Д., Ионов Б.В.</i> Осмысление войны у советских философов	124
<i>Бугаев В.И.</i> Эстетический аспект гибридной войны Запада	126
<i>Давыденко М.В.</i> И.А. Ильин о духовном значении военного времени как экзистенциального переживания человека	129
<i>Даренская В.Н.</i> Русский социальный идеал в концепции И.Л. Солоневича	132
<i>Даренский В.Ю.</i> Август 1941 года: начало войны народной	135
<i>Жукова О.Г.</i> Донбасс. Движение Победы	138
<i>Ищенко Н.С.</i> Война: инициация или бессмысленная смерть? Два взгляда на войну в современном российском обществе	141
<i>Комесаренко С.И.</i> Образ русских военных глазами врага	144
<i>Лось В.Ю.</i> Духовно-нравственная атмосфера общества, пандемии и войны	147
<i>Муза Д.Е.</i> Стратегическое планирование и менеджмент военных операций: некоторые вопросы методологии	150
<i>Мушинский Н.И.</i> Понятие справедливости на линии фронта современной этико-философской мысли	153
<i>Никишин С.В.</i> Экзистенциальные характеристики военного сознания	156
<i>Паркин Д.А., Карсекин Р.А.</i> Память о Великой войне в воспоминаниях советских философов	160

<i>Селиванов А.С.</i> Недостатки политики формирования исторической памяти в странах русского мира	163
<i>Ситнова И.В.</i> Резонансная коммуникативная технология управления общественным мнением в ситуации информационной войны	166
<i>Хубежов Т.М., Корнев Д.И.</i> Война как экзистенциал для русских философов первой половины XIX века	169
<i>Шульга Д.П.</i> Актуальность марксистских оценок генезиса ультраправых движений	172

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Личность в жизненных ситуациях: развитие и становление

<i>Ангелина Э.А.</i> Взаимосвязь жизнестойкости со стратегиями совладания в период зрелости у женщин и мужчин	176
<i>Андрюшкова Н.П.</i> Событийная наполненность жизненного пути как индикатор личностного развития	179
<i>Васёха А.А., Алешкевич Д.В., Свиридова А.А.</i> Личность в жизненных ситуациях: развитие и становление	182
<i>Вильдгрубе С.А.</i> Стрессоустойчивость и особенности саморегуляции у студентов	184
<i>Вилюжанина Т.А.</i> Психологическая прекарность научно-педагогических работников ДНР	187
<i>Горина А.В.</i> Исследование стрессоустойчивости студентов экономических специальностей	190
<i>Грыбиник О.А., Безродный В.И.</i> Психологическая готовность к безопасному поведению в старшем школьном возрасте	193
<i>Могилевская В.Ю.</i> Представления будущих педагогов о личностных дезорганизаторах времени	196
<i>Муханова И.Ф., Мерхелевич Г.В., Александровская В.Н.</i> Проблема жизненного успеха и перспектив в социально-психологическом развитии личности	199
<i>Набатова С.В.</i> Гендерные стереотипы в восприятии рисунков картины мира современных подростков	202
<i>Некрасова И.Н.</i> Личностные особенности подростков с выраженным чувством субъективного ощущения бедности	205
<i>Новикова Н.В.</i> Исследование жизнестойкости личности в ситуации военного конфликта	209
<i>Покотилов Е.Г., Вильдгрубе С.А.</i> Психологические особенности когнитивных процессов личности, склонной к невротическим диспозициям	212
<i>Ревуцкая И.В.</i> Анализ классификаций психических состояний личности в отечественной психологической науке	215
<i>Репенко М.С., Устинов Д.В.</i> Особенности принятия решения в условиях неопределенности	218
<i>Рогозина М.Ю.</i> Возрастные особенности переживания тревоги личностью в период пандемии COVID-19	221

<i>Руденко С.В.</i> К проблеме изучения структуры социальной идентичности	224
<i>Серебрякова П.И., Пожарская Е.Л.</i> Различия уровня жизненной удовлетворенности студентов России и Турции	228
<i>Созаева А.С., Медведева М.С.</i> Синдром эмоционального сгорания (синдром несуществующей болезни) как механизм психологической защиты	231
<i>Тимошко Г.В.</i> К вопросу о самоорганизации специалиста	234
<i>Типунова В.А., Ломян Д.С., Хомякова В.П., Казарова Д.С.</i> Влияние межнациональной культуры в семье на становление личности несовершеннолетнего	237
<i>Устинова Н.В.</i> Защитные механизмы и особенности совладающего поведения у ВИЧ-инфицированных и онкологических больных	239
<i>Худокормова Д.Р., Гордеева А.В.</i> Военный конфликт как фактор, влияющий на городскую идентичность жителей	242
<i>Чуканов Е.В.</i> Переживание жизненных событий: сочетание объективного и субъективного	246
<i>Эйфир М.М., Пожарская Е.Л.</i> Взаимосвязь мотивации одобрения и перфекционизма у студентов	249
<i>Яковлева И.П., Борисенко Д.С., Поварухина Р.О.</i> Настольные игры в системе досуга и развития современной учащейся молодежи	252

Человек в системе социальных отношений

<i>Андриенко Е.В.</i> Карты Таро как инструмент психологической работы и социокультурный феномен	255
<i>Безродный В.И.</i> Особенности мотивации и конфликтоустойчивости младшего медицинского персонала	258
<i>Васина Ю.М.</i> Оптимизация эмоционального благополучия детей в процессе межличностного общения	260
<i>Волошина А.А., Устинова Н.В.</i> Особенности ролевой системы в бездетных семьях	262
<i>Зирин В.А., Овсяник О.А.</i> Причины завершения совместной спортивной деятельности пар высокой квалификации в танцевальном спорте	265
<i>Исраилова Ш.Р., Бабаджанова Н.Р.</i> Субъективная удовлетворённость браком и переживание одиночества у молодых женщин (на примере первых этапов семейной жизни)	268
<i>Когай И.А., Шукшина Л.В.</i> Выявление наличия буллинга в студенческой среде	271
<i>Костюренко А.А., Гордеева А.В.</i> Влияние социальной рекламы на эмоциональное реагирование молодежи	274
<i>Кулемзина Т.В., Папков В.Е., Красножон С.В.</i> Способ выявления семей групп риска детей с расстройствами аутистического спектра	277
<i>Ленский В.О.</i> Коммуникация в поликультурной среде	279
<i>Масейкина А.Р., Васёха А.А., Тур А.В.</i> Влияние социальной среды на мотивированность к обучению у молодёжи	282
<i>Мораренко Е.В.</i> Человек в системе социальных отношений	285
<i>Сачкова М.Е.</i> Последователи лидера — кто они? К вопросу психологического портрета.....	288

<i>Устинов Д.В.</i> Мотив мести как побудительный фактор противоправного имущественного поведения несовершеннолетних правонарушителей	291
<i>Фархутдинова Ю.Н.</i> Проблема страхов в младшем школьном возрасте	294
<i>Чаленко А.С., Бунтовский С.Ю.</i> Вопросы отображения понятия абьюз в современной культуре, СМИ и общественном мнении	297
<i>Шпоренко Е.В., Ярмыш И.А.</i> Особенности эмоционального состояния матери как фактора психосоматизации ребенка	300
<i>Яновский М.И.</i> Когнитивная основа британского менталитета	303
<i>Ярмыш И.А.</i> Личностные детерминанты феномена прокрастинации у молодежи	306

Кризисная психология: опыт решения проблем и перспективы исследований

<i>Барьяхтар О.Ф.</i> Ресурсноориентированная модель преодоления кризиса «BASIC Ph»	310
<i>Жарикова А.М., Устинова Н.В.</i> Стресс и копинг-стратегии как факторы проявления страха у людей в период пандемии COVID-19	312
<i>Ковальчишина С.В.</i> Психологические особенности личностного развития в условиях гибридной войны	315
<i>Латыпова Е.К.</i> Психическое здоровье как один из важнейших аспектов здоровья и жизни человека в целом	318
<i>Максименко Е.Г.</i> Практическая деятельность психологов в экстремальной ситуации: психоздукация, травматерапия	321
<i>Новикова Е.В.</i> Психологическая профилактика стресса в условиях военного времени	324

Психика и информационное поле общества

<i>Александрова Е.В.</i> Воспитательные аспекты молодежи в условиях цифровизации ...	328
<i>Бабенко А.И., Мерхелевич Г.В., Муханова И.Ф., Александровская В.Н.</i> Информационная эпоха и иноязычная среда: психологическое сопровождение проблемы	330
<i>Кононенко И.А.</i> Личностные и ситуационные дерминанты виртуального общения	334
<i>Кыштымова И.М.</i> Образ героя в сознании подростков и взрослых: кросс–культурное исследование	337
<i>Ланцевская Н.Ю.</i> Влияние СМИ на психику человека: манипуляции и «противоядие»	341
<i>Яковенко М. А., Гордеева А.В.</i> Интернет-зависимость и девиантное поведение подростков	342
<i>Яновский М.И.</i> Американское кино и его влияние на моральное сознание	345

Психология в образовании: проблемы, возможности и перспективы

<i>Алексеева Т.В.</i> Психологические особенности самоанализа ответственности студентов вуза	347
--	-----

<i>Ангел О.Ю.</i> Психологические особенности современного студенчества	350
<i>Глотова Г.А., Дорофеева О.В.</i> Психологические корреляты академической успешности студентов	352
<i>Гнущина А.О.</i> Трансформация восприятия студентами учебного процесса в условиях дистанционного обучения	355
<i>Исмагилова Д.В., Царегородцева Е.А.</i> Психолого-педагогическое сопровождение первокурсников в период адаптации	358
<i>Киселёва И.В.</i> Образ психологии как науки в представлениях современных студентов-гуманитариев	361
<i>Киселева Т.Г., Шабалина С.А., Дождева Д.А.</i> Нейропсихологическая коррекция заикания у детей	365
<i>Кокорева О.И.</i> Психологическое образование: возможности проблемных методов и самостоятельной работы студентов	368
<i>Красулина В.А.</i> Роль интернета в трансформации восприятия образования	371
<i>Кузнецова О.В.</i> Междисциплинарный психолингвистический подход к преподаванию иностранных языков	374
<i>Логвинов С.И.</i> Некоторые аспекты учета особенностей студентов и условий их обучения для различных профилей подготовки	377
<i>Островская С.И., Глухова Е.А.</i> Развитие и становление самооценки младших школьников в образовательном процессе	380
<i>Перова Д.Ю.</i> Запросы родителей одаренных школьников на психологическое консультирование	382
<i>Самсоненко Л.С.</i> Развитие профессиональной компетентности педагогов в области оценки и проектирования психологически безопасной образовательной среды	385
<i>Сидорова О. Г., Мороз А.С.</i> Специфика психолого-педагогического сопровождения студентов-первокурсников вуза	388
<i>Тарханова Н.А., Тимошко А.А.</i> Экономические способности и их развитие у студентов строительных специальностей	391
<i>Тылец В.Г., Краснянская Т.М.</i> Проблемы и перспективы развития психологии безопасности в образовании	394
<i>Яновская Л.В.</i> Роль синтеза в творческом процессе	397

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2022:
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
VII Международной научной конференции,
посвящённой 85-летию
Донецкого национального университета,
27–28 октября 2022 г.,
г. Донецк

ТОМ 9
Философские и психологические науки

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Дизайн обложки	<i>Е.Г. Гурина</i>
Технический редактор	<i>М.В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>А.В. Камарали, Э.А. Ангелина</i>

Адрес оргкомитета:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
ул. Университетская, 24, г. Донецк, ДНР, РФ.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 13.10.2022 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 23,7.
Тираж 100 экз. Заказ № 22окт17/9.
Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.